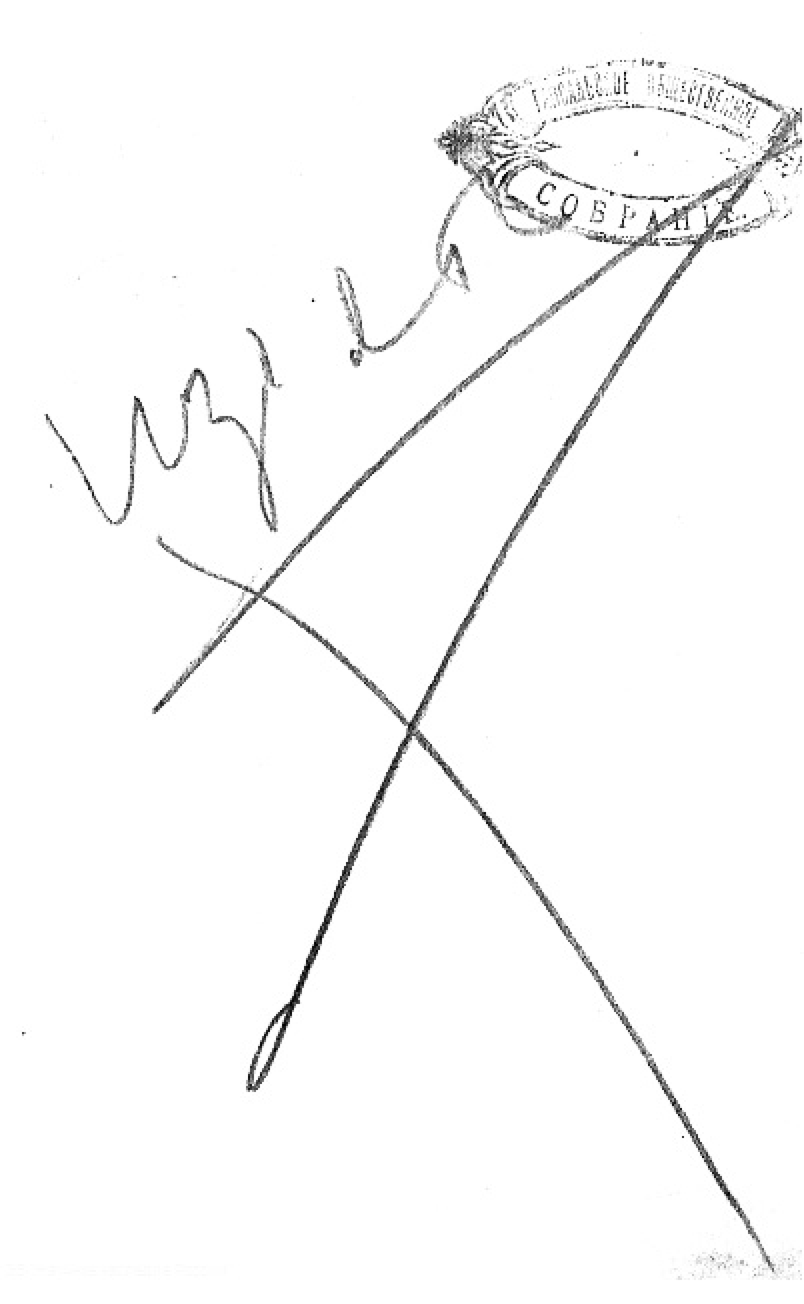
В. Б. Станкевичъ

ВОСПОМИНАНІЯ

1914—1919

Берлинъ 1920

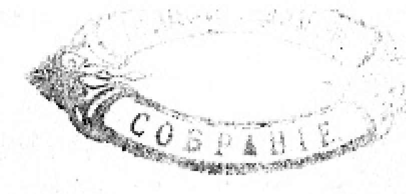
В. Б. Станкевичъ

ВОСПОМИНАНІЯ

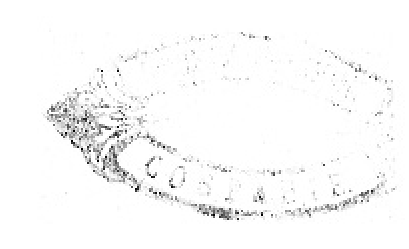
1914—1919 г.

Берлинъ 1920
Издательство И. П. Ладыжникова

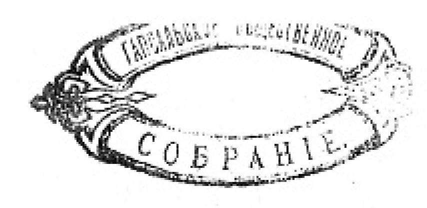

ОГЛАВЛЕНІЕ

Часть первая

Война

Глава первая.

ПРІЯТІЕ ВОЙНЫ.

---

1. Передъ войной.

Осенью 1913 года я прочелъ пробныя лекціи въ петербургскомъ университетѣ и ожидалъ утвержденія приватъ-доцентомъ уголовнаго права и командировки за границу. Въ особенности меня манила заграничная поѣздка возможностью работы надъ моей книгой, содержаніе которой уже вырисовывалось передо мной въ существенныхъ чертахъ: выводы ея я уже напечаталъ въ сборникѣ статей по уголовному праву и, кромѣ того, прочелъ докладъ на съѣздѣ криминалистовъ въ Петербургѣ. Работа эта меня увлекала. Я выбралъ весьма обширную и «модную» тему объ «опасномъ состояніи преступника» и, разрабатывая ее, приходилъ въ изумленіе отъ громадныхъ сдвиговъ въ практикѣ и теоріи за послѣднее время. Вѣдь на съѣздѣ русскихъ криминалистовъ я считалъ себя въ правѣ выставить парадоксальные тезисы, что задачей современнаго, создающагося уголовнаго права является помощь преступнику и борьба съ наказаніемъ, при чемъ подкрѣплялъ эти тезисы десятками фактовъ изъ области законодательства и цитатами изъ безспорныхъ авторитетовъ уголовнаго права . . . Вѣдь новое законодательство цѣлымъ рядомъ институтовъ, выработанныхъ практикой англо-са-

ксонскихъ странъ, все время оттѣсняло наказаніе на задній планъ, стараясь воздѣйствовать на преступника другими мѣрами: леченіемъ, воспитаніемъ, опекой, словомъ — помощью. Вмѣстѣ съ тѣмъ я наглядно ощущалъ тѣснѣйшую связь уголовнаго права со всѣми другими областями общественной жизни и связь между видоизмѣненіями карательной дѣятельности и всего механизма человѣческихъ взаимоотношеній. Всякое право, въ конечномъ счетѣ, покоилось до сихъ поръ на наказаніи, на принудительно-устрашающемъ началѣ. И я задавалъ себѣ вопросъ, что это будетъ за общество, гдѣ къ лицу, нарушившему законъ, вмѣсто наказанія примѣняютъ ласку и опеку. Вѣдь это болѣе похоже на большую и добрую семью, чѣмъ на прежнее государство. Именно, на семью... И не случайно дѣти-преступники въ англо-саксонскомъ правѣ называются «дѣтьми государства», которое, въ самомъ дѣлѣ, со всей серьезностью материнскихъ заботъ начинало выполнять свои родительскія обязанности. Да и въ Россіи въ послѣднее время мы были свидѣтелями, какъ проступки дѣтей являлись для нихъ началомъ новой, болѣе счастливой эры въ жизни, когда они впервые знакомились съ серьезной заботой, опекой, воспитательнымъ воздѣйствіемъ и даже лаской, втягивая подчасъ всю семью въ сферу попечительнаго вниманія общества.

Мои выводы, конечно, не были общепризнанными. Но я уже имѣлъ возможность высказывать ихъ въ докладахъ, въ статьяхъ, какъ въ научныхъ изданіяхъ, такъ и въ газетахъ и общихъ журналахъ. И мнѣ хотѣлось подвести подъ нихъ солидный фундаментъ въ видѣ большой систематической работы, опирающейся на всю доступную литературу и систематизирую-

щей весь соотвѣтствующій законодательный матеріалъ. Но для этого нужно было поѣхать за границу.

За мною числились, однако, нѣкоторые политическіе грѣхи — три мѣсяца въ «Крестахъ» за устройство митинга по случаю роспуска первой Государственной Думы и секретарство въ трудовой фракціи 3-ей Думы. Эти обстоятельства явились солиднымъ препятствіемъ, и дѣло о моей командировкѣ и приватъ-доцентурѣ тянулось очень медленно и по большимъ ухабамъ, то проваливаясь, то вновь выползая наверхъ. Приходилось покамѣстъ заниматься публицистикой, формально числясь оставленнымъ при университетѣ. Къ веснѣ 1914 года я, совмѣстно съ Сухановымъ и Богучарскимъ, редактировалъ журналъ «Современникъ». Но какъ разъ начинало чувствоваться значительное расхожденіе взглядовъ Суханова и моихъ. Сухановъ стоялъ на строго соціалистической точкѣ зрѣнія и даже эволюціонировалъ въ то время отъ народничества къ марксизму. Мнѣ же казалось, что новое общество создается совсѣмъ иными путями, чѣмъ предвидѣли основоположники соціалистической догмы, что каждый день приноситъ колоссальныя завоеванія общечеловѣческой солидарности, что классовая борьба значительно смягчается, что мелкими измѣненіями и повседневной будничной работой создается новый строй, безъ сравненія болѣе волшебный и чудесный, чѣмъ строй, о которомъ говорили и Фурье и Бебель. Мнѣ казалось, что само противоположеніе соціализма и либерализма въ значительной степени потеряло свой смыслъ. И, во всякомъ случаѣ, въ Россіи, гдѣ политическія условія нуждались еще въ самыхъ примитивныхъ усовершенствованіяхъ, не стоило спорить изъ-за такихъ вопро-

совъ, которые практически могли встать на очередь еще въ очень далекомъ будущемъ.

Военные вопросы занимали насъ тогда менѣе всего. Но весною 1914 года, въ связи со статьей въ одномъ изъ германскихъ офиціозовъ, прокатилась волна тревоги, и тѣнь войны на нѣсколько дней надвинулась на всю Европу. Мы въ нашемъ журналѣ, согласно нашимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, отписались отъ этого моей статьей, гдѣ я вышучивалъ милитаризмъ и утверждалъ, что интересы народовъ настолько переплелись между собой, что война стала физическимъ самоубійствомъ для всякой націи. Цитируя обращеніе нашихъ соціалъ-демократовъ къ соціалъ-демократіи Австріи и Германіи, я высказывалъ надежду, что новыя международныя отношенія сложатся подъ знакомъ братской солидарности народовъ, а не звѣриныхъ выкриковъ шовинистовъ и милитаристовъ.

Но, несомнѣнно, это была только отписка. Мы не могли не видѣть, что фактическое распоряженіе всѣми рессурсами европейскихъ государствъ находилось въ рукахъ людей, совершенно иначе глядѣвшихъ на войну. Какъ-то разъ, при перелистываніи журналовъ, мнѣ попался на глаза отрывокъ изъ воспоминаній германскаго кронпринца, гдѣ, между прочимъ, онъ пишетъ, что во время маневровъ, когда ему приходилось во главѣ кавалерійскаго полка летѣть въ атаку съ обнаженной шашкой, ему невольно думалось: какимъ счастіемъ было бы опустить шпагу на голову настоящаго, реальнаго противника. Но развѣ русскіе «принцы» и вообще правящія сферы были чужды такимъ чувствамъ? Болѣе того, развѣ не были они въ насъ самихъ?

Вѣдь военные вопросы въ Россіи переставали уже быть вопросами бюрократическихъ канцелярій и при посредствѣ Государственной Думы входили въ обиходъ общественности, которая уже давно втянулась въ фарватеръ военныхъ идей. Уже чувствовалось, что правое крыло русской общественности подчеркивало, что оно лучше справится съ военной задачей, чѣмъ бюрократія. Дѣлалось моднымъ говорить о вооруженіяхъ и со всѣми техническими подробностями и деталями оцѣнивать стратегическіе планы. Помню, весною, въ моментъ военной шумихи, я былъ на засѣданіи у лидера одной изъ оппозиціонныхъ партій Думы. Присутствовало много парламентаріевъ, во главѣ съ предсѣдателемъ одной изъ важнѣйшихъ постоянныхъ комиссій. За ужиномъ и послѣ ужина въ непринужденной бесѣдѣ мы обмѣнивались впечатлѣніями на злобы дня, и предсѣдатель комиссіи заявилъ, что, дѣйствительно, пахнетъ войной, но для Россіи война не страшна, такъ какъ армія уже приведена въ порядокъ, финансы въ блестящемъ положеніи — всегда имѣется большой запасъ свободной наличности, а на послѣднихъ маневрахъ неопровержимо сказалось, что французскія пушки Крево во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ нѣмецкія пушки Круппа... Хотя перспектива войны воспринималась крайне абстрактно, какъ ариѳметическая задача, какъ техническая проблема, но все же оптимистическія цифры и факты невольно будили какія-то гордыя ощущенія силы коллектива, невольно рождали мысль: «А что, если бы эту силу опустить на голову зазнавшемуся пруссачеству»... И когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ связи съ обсужденіемъ въ Госуд. Думѣ, такъ называемой, «великой» военной программы, Керенскій пытался возбудить въ обществѣ тре-

вогу, что принятіе этой программы влечетъ за собой войну, то онъ не встрѣтилъ серьезной поддержки даже въ кругахъ ближайшихъ сторонниковъ. — Даже въ «Современникѣ» мы, на ряду съ антимилитаристическими статьями, которыя мало кѣмъ читались, печатали статьи о новѣйшей военной техникѣ, которыя читались съ большимъ интересомъ и вызывали большое одобреніе издателя. И остается фактомъ: я теперь припоминаю сравнительно очень мало статей, гдѣ бы по существу разбирался конфликтъ или противорѣчіе интересовъ Россіи и Германіи. Но я прекрасно помню много военныхъ соображеній и заключительный аккордъ предвоенной газетной тревоги: заявленіе Сухомлинова въ одной изъ газетъ, что Россія хочетъ мира, «но она готова къ войнѣ», при чемъ все удареніе заявленія было именно на готовности воевать.

2. Первые дни войны.

Въ день полученія текста австрійскаго ультиматума Сербіи я выѣхалъ изъ Петербурга и свѣдѣнія о войнѣ получилъ уже у себя дома, въ литовской глуши. Въ первый моментъ, исходя изъ принципіальнаго пассифизма, я говорилъ о необходимости соблюдать духовный нейтралитетъ въ борьбѣ, тѣмъ болѣе что германская опасность послѣ выступленія Англіи представлялась крайне незначительной, и можно было ожидать, что въ пару недѣль война закончится. Такому отношенію способствовала и среда, которая, хотя и привыкла къ русскому господству и была проникнута русской культурой, тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, именно поэтому всегда была склонна поиздѣваться надъ

неудачами русской государственности. Даже обращеніе къ полякамъ вызвало больше ироническихъ усмѣшекъ, чѣмъ серьезныхъ надеждъ. «Что̀ стоило», шутили провинціальные политики: «издать это обращеніе нѣсколькими мѣсяцами передъ войной... А теперь — не будетъ ли это только военной хитростью?»

Но изъ столицы приходили совсѣмъ иныя вѣсти. Засѣданіе Думы, съ торжественнымъ объединеніемъ большинства партій, съ рѣчами, рѣшительно заглушившими сдержанныя и уравновѣшенные голоса трудовиковъ и соціалъ-демократовъ... Рѣчи представителей національностей, которые, казалось, были искренне захвачены всеобщимъ подъемомъ... Все это создавало бурные потоки новыхъ воинственныхъ настроеній, разливавшіеся широко по всей странѣ, которымъ трудно было противостоять.

Кромѣ того, война разгоралась совершенно по-иному, чѣмъ предполагали. Бельгія пройдена, французская армія на границѣ разбита, французское правительство переѣхало въ Бордо. Серьезные разговоры о невозможности удерживать Парижъ, въ виду котораго уже появились германскіе разъѣзды. Все это создавало впечатлѣніе страшной германской опасности. Это впечатлѣніе усиливалось сообщеніями о чудовищныхъ изобрѣтеніяхъ германской военной техники, о 42-хъ-сантиметровыхъ пушкахъ, о непреодолимости военной организаціи.

Пока дѣло шло еще о бояхъ на французскомъ фронтѣ, дѣло казалось болѣе отвлеченнымъ. Но вотъ, послѣ ряда нашихъ успѣховъ на всѣхъ фронтахъ, пришло извѣстіе о пораженіи подъ Сольдау. Необычный тонъ военнаго сообщенія, гдѣ надежды на успѣшность новыхъ мѣръ для парализованія удара возлагались на

Господа Бога, цѣлый рядъ тревожныхъ слуховъ, отступленіе нашихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи, бои на Нѣманѣ, — все это дало ощутить громадное преимущество германской военной техники и создало неясную тревогу за успѣшный исходъ войны и опасенія, что она продлится не недѣли, а, во всякомъ случаѣ, долгіе мѣсяцы.

И вотъ чуть ли не къ концу перваго мѣсяца мои настроенія рѣзко измѣнились. Помню двѣ свои статьи, напечатанныя въ то время — обѣ очень патріотическія... Одну изъ нихъ нѣкоторые называли «исторической», а другіе «истерической» — никто изъ представителей лѣвыхъ партій не высказывался въ пользу духовнаго пріятія войны съ такой безоглядностью. — Нѣмцы, писалъ я, воинственная нація, использовавшая всѣ завоеванія науки для военныхъ цѣлей, напала на мирные народы, не умѣющіе воевать. Для того, чтобы предотвратить искаженіе всего культурнаго развитія, необходимо и мирнымъ народамъ научиться воевать. Какъ Петръ Великій въ минуту опасности, послѣ Нарвскаго пораженія, перелилъ въ пушки церковные колокола, такъ и мы должны всѣ наши духовныя цѣнности и способности бросить на алтарь войны, отдавая не только матерію и живую силу, но принося наиболѣе тяжкую жертву — свой духъ. И въ качествѣ примѣра я предлагалъ приступить къ организаціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ курсовъ по военнымъ предметамъ для того, чтобы заинтересовать молодежь въ войнѣ, въ военной техникѣ и вызвать къ жизни тѣхъ талантливыхъ военачальниковъ, которыхъ у насъ не хватало.

Въ другой статьѣ я, отвѣчая на свои собственныя сомнѣнія о томъ, что возможныя побѣды пойдутъ на пользу русской реакціи, писалъ,

что теперь нечего еще спорить изъ-за чести и славы, и что плоды побѣды будутъ принадлежать тому, кто болѣе всего обусловитъ ее.

Переходъ къ новымъ настроеніямъ совершился настолько незамѣтно, что теперь я помню только два момента: начальный — только отрицаніе войны и ужасъ передъ ней и стремленіе остаться самому въ сторонѣ, и конечный моментъ — проповѣдь участія въ войнѣ, и участія не только тѣлеснаго, но всѣми силами духа.

Но я не замѣчалъ тогда противоположности между этими двумя воззрѣніями. Я попрежнему крайне остро воспринималъ несчастіе, причиняемое войной, и приводилъ сравненіе, которое не разъ припоминалъ и впослѣдствіи: нынѣшняя война, совершенно небывалая по своему размаху — это міровая катастрофа, аналогіи которой мы находимъ лишь въ преданіяхъ древнѣйшихъ временъ, во всемірномъ потопѣ или вавилонскомъ столпотвореніи. И, согласно послѣднему сравненію, я комментировалъ всѣ извѣстія о новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ, примѣняемыхъ на войнѣ. Всѣ чудеса нашей величавой техники изъ-за смѣшенія языковъ валятся теперь на наши бѣдныя головы, словно наказывая насъ за нашу смѣлость въ дерзкомъ устремленіи вверхъ, къ сверхчеловѣческому могуществу.

Но мнѣ казалось, что мой военный пылъ легко примирятъся даже съ такими пассифистскими настроеніями. Ходъ разсужденій былъ таковъ:

Война ужасна, и результаты могутъ быть ужасны, въ особенности, если одна сторона побѣдитъ. И такъ какъ мнѣ казалось, что Германія имѣла всѣ шансы побѣды, то необходимо было сражаться съ нею, чтобы окончить въ ничью. Опасность надъ Парижемъ, опасность

надъ Варшавой, поэтому надо защищать Парижъ и Варшаву... Но, говорилъ я, если дойдетъ очередь до Берлина, и если это дѣйствительно будетъ угрозой не только германскому правительству, но германскому народу — тогда необходимо будетъ защищать нѣмцевъ. Нужно, чтобы война окончилась въ ничью, тогда долго никто не рѣшится болѣе воевать, но если одна сторона побѣдитъ — тогда военная психологія только укрѣпится. Надо воевать противъ Германіи для того, чтобы предотвратить возможность, что война окончится побѣдой на чьей-либо сторонѣ.

Страннымъ образомъ, даже соображенія международной солидарности способствовали созданію военной психологіи. Для меня имѣло большое значеніе, что я чувствовалъ себя дѣйствующимъ въ унисонъ съ демократіей Англіи — надъ моимъ столомъ висѣли портреты Асквита и Ллойдъ-Джорджа... Правда, висѣлъ и портретъ Бебеля. Но Бебель былъ оппозиціей въ своей странѣ, и то, что его послѣдователи поддерживали войну и голосовали за военные кредиты, служило опять-таки доводомъ въ пользу участія въ войнѣ: смотрите, вотъ какъ истинные демократы, у которыхъ мы всегда учились политической мудрости, поступаютъ въ минуту войны — они, скрѣпя зубы, поддерживаютъ ненавистное правительство... Мы должны слѣдовать ихъ примѣру и также, скрѣпя зубы, поддерживать свое правительство.

Таковы были идейныя оправданія, сознательный ходъ мыслей. Но логика дѣйствовала на фонѣ самыхъ разнообразныхъ и неожиданно благопріятствующихъ настроеній. Оказалось, что война отозвалась въ душѣ тысячью разнообраз-

ныхъ переживаній, которыя мы познали только во время войны.

Они пришли къ намъ неожиданно, безъ подготовки, безъ возможности критическаго отношенія, безъ подготовленныхъ контръ-представленій, и потому стали почти монопольными въ нашей смущенной, сбитой съ толку душѣ.

Уже разговоры о бояхъ на Нѣманѣ, гдѣ назывались знакомыя мѣста, будили во мнѣ странный, неожиданный, но властный вопросъ: война въ предѣлахъ твоей родины, почему ты бездѣйственъ, почему ты не слышишь звука боевой трубы?...

Вотъ тянутся по улицамъ какіе-то военные обозы — невольное стремленіе итти съ ними, отправиться въ невѣдомую даль, переживать невзгоды, непогодь, неудобства и опасности, лишь бы не оставаться дома, когда идетъ борьба. Вѣдь это идетъ Россія, борющаяся за свое существованіе, та самая Россія, гдѣ все — свое, и съ которой связано столько надеждъ, и чаяній, и вѣры...

Словомъ, все, и тайные инстинкты, и идеологическіе выводы, и эстетическія представленія, и бытъ, и дѣтскія воспоминанія, и эпосъ любимыхъ героевъ, и воспоминанія о юношескихъ играхъ — все говорило въ пользу войны. И что можно было противопоставить этому, кромѣ сухихъ, абстрактныхъ, безцвѣтныхъ разсужденій? Разсказъ Фламмаріона, какъ онъ въ осажденномъ германцами Парижѣ работалъ надъ изобрѣтеніемъ свѣто-измѣрительнаго аппарата?

3. Общественныя настроенія.

Мнѣ кажется, что мой ходъ мысли и отношеніе къ войнѣ не представлялъ собою чего-

либо принципіально отличнаго отъ хода мыслей большинства русскаго общества, во всякомъ случаѣ — лѣвой части его.

Вначалѣ очень многіе восприняли войну, какъ катастрофу, несчастіе. Помню предсказанія В. В. Водовозова о томъ, что въ результатѣ войны на улицахъ Петербурга и Берлина будутъ ходить медвѣди... Помню впечатлѣніе, произведенное статьей Г. А. Ландау о сумеркахъ, сгущающихся надъ Европой, которая сама себя уничтожаетъ въ безсмысленной войнѣ. Помню растерянность «Русскаго Богатства», которое въ ужасѣ передъ войной старалось утѣшить себя только тѣмъ, что война расшатаетъ частную собственность и тѣмъ приблизитъ воцареніе новаго общественнаго строя. Даже въ такихъ правыхъ органахъ, какъ «Русская Мысль», гдѣ развивались имперіалистическія взгляды П. Б. Струве, и тамъ была растерянность, и авторъ одной изъ статей характерно отмѣчалъ, что послѣ перваго угара манифестацій и патріотическаго воодушевленія хотѣлось вернуться домой, разобраться въ душѣ, найти примиреніе для новыхъ фактовъ, такихъ необычныхъ для всегдашняго строя мыслей.

Эта растерянность надолго оставила слѣды. Многіе до конца войны такъ и оставались «у себя дома», разбираясь въ своихъ ощущеніяхъ или горюя надъ совершившейся катастрофой. И почти во всѣхъ чувствовалось, что война воспринимается, какъ нѣчто внѣшнее, чужеродное: масса русскаго общества никогда не почувствовала въ войнѣ своего собственнаго дѣла. Оно говорило: «мы сочувствуемъ войнѣ», «мы помогаемъ ей», но оно не сказало: «мы воюемъ». Но зато настроенія сочувствія и желанія помогать

явились немедленно и очень скоро стали всеобщими.

Правда, духовная мобилизація совершалась не стройно. Чуть ли не каждый имѣлъ свою собственную теорію воспріятія войны или даже нѣсколько теорій — послѣдовательно или одновременно. Во всякомъ случаѣ, не помню, чтобы одна какая-либо идеологическая концепція или хотя бы отчетливое чувство объединяло всѣхъ. Всѣ воспринимали войну, какъ фактъ, но каждый посильно старался создать себѣ духовную атмосферу для нея. Однако, въ большинствѣ случаевъ результатъ былъ одинъ и тотъ же: различіе теорій давало поводъ къ оживленнымъ спорамъ и страстнымъ преніямъ, но практическій выводъ былъ всегда — войну надо пріять. Правда, были значительные оттѣнки практическаго смысла воспріятія. Для однихъ, назовемъ ихъ «правыми», дѣло сводилось къ безусловной помощи правительству — въ поступленіи добровольцемъ въ армію (добровольцемъ если не въ формальномъ, то въ психологическомъ смыслѣ слова) или въ развертываніи военно-вспомогательной дѣятельности. Для другихъ — и къ нимъ принадлежало большинство моихъ политическихъ друзей — задача представлялась въ видѣ служенія войнѣ критикой правительства, предостереженіемъ его отъ ошибокъ, грозящихъ успѣху войны или ея принципіальной чистотѣ: преслѣдованія евреевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, свирѣпствованіе цензуры, политика Бобринскаго въ Галиціи — все это давало оправданіе этой идеологіи борьбы внутри какъ помощи войнѣ на фронтѣ. Керенскій, Кускова, Лутугинъ, Потресовъ, Пѣшехоновъ, Богучарскій, Мякотинъ и круги, группировавшіеся вокругъ Вольно-Экономическаго общества, особенно отчетливо форму-

лировали и практически проводили эту линію. Можно указать еще существенное различіе въ идеологіи въ томъ, что для однихъ первенствующую роль играли національные интересы Россіи, для другихъ же — соотношеніе міровыхъ силъ и интернаціональныя послѣдствія войны. Но все это было — различіе въ путяхъ служенія или использованія войны, не колебля общаго пріятія ея.

Но война не особенно и нуждалась въ теоретическомъ обоснованіи.

Что-то азартное, захватывающе-интересное, какъ въ совершенно новомъ спортивномъ развлеченіи, было въ войнѣ. Даже сидя въ своихъ кабинетахъ, всѣ дѣлались немного военными, имѣя свои гипотезы, свои теоріи, свои стратегическіе взгляды, оправданія которыхъ ждали отъ войны. Кромѣ того, бытовымъ образомъ война захватывала даже штатскихъ людей. Одинъ отличился при мобилизаціи удачной организаціей снабженія пищей сборныхъ пунктовъ. Другой увлекся помощью семьямъ запасныхъ. Третій обнаружилъ поразительные таланты при сборѣ пожертвованій на подарки солдатамъ. Четвертый съ восторгомъ дѣлится впечатлѣніями о поѣздкѣ во Львовъ. А кто слышалъ пушечный выстрѣлъ или свистъ ружейной пули — тотъ уже совсѣмъ увлеченъ войной, которая де будитъ въ насъ геройскіе инстинкты. Все это мелочи, но онѣ заволакивали смыслъ войны, ея истинный ликъ.

Даже женщины были втянуты въ войну. Стали служить въ лазаретахъ, сестрами милосердія, стали работать во всякихъ благотворительно-патріотическихъ учрежденіяхъ. И о войнѣ стали говорить съ такой же готовностью, какъ и мужчины. Это имѣло огромное значеніе. Ни-

какіе призывы и прокламаціи не дѣйствуютъ такъ, какъ одно только колебаніе со стороны женщины удерживать своего близкаго отъ войны:

— Если уже она колеблется, значитъ я долженъ итти!

Но я помню лишь одну женщину, которая, правда, не говорила противъ войны, но съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и своего права говорила, что не понимаетъ войны, не понимаетъ увлеченія ею, и своихъ близкихъ людей сама для этого непонятнаго и чуждаго дѣла не отдастъ. — Но въ большинствѣ было даже не колебаніе, а прямое сочувствіе, подчеркнутая готовность къ самопожертвованію, а подчасъ и требованіе. Какъ ничтожна область сознательной идеологіи въ этой войнѣ! Но, заразившая массы и питаемая скрытымъ расположеніемъ, война превращалась въ силу, побѣждающую величайшія душевныя переживанія.

Кромѣ того, война стала единственнымъ большимъ дѣломъ, дающимъ возможность работать и зарабатывать. И кто не поддавался ни теоріи, ни новымъ чувствамъ, того загоняла въ это дѣло житейская необходимость, даже если не было воинской повинности. Всѣ мирныя отрасли труда или отмирали или чахли, и лишь тѣ предпріятія и учрежденія, которыя хоть какимъ-либо краешкомъ связаны были съ войной, пышно расцвѣтали, поглощая все ищущее труда и заработка. Но, ставъ, въ силу необходимости, на военное дѣло, пріискивали теоретическое оправданіе своей слабости. И легче всего, конечно, было поддаться общему тону настроеній, пріемлющихъ войну.

И смежно, въ той же плоскости, стоятъ еще иныя соображенія. Помню одинъ разговоръ от-

носительно матеріальныхъ дѣлъ. Нѣсколько товарищей, жалуясь на теперешнее матеріальное положеніе, утѣшали себя, что послѣ войны все измѣнится, въ особенности если война окончится успѣшно. Тогда откроются самыя широчайшія перспективы для службы на всѣхъ поприщахъ — подумать только, нпр., о взятіи Константинополя. И среди представленій о самой войнѣ, о бояхъ, переходахъ, преслѣдованіяхъ и пр., не малую роль играло представленіе о возможности легкой наживы, добычи, чему не мало, въ концѣ концовъ, способствовали какъ разсказы о поведеніи нашихъ войскъ въ Восточной Пруссіи, такъ и не прекращающіяся свѣдѣнія о поведеніи войскъ противника въ оккупированныхъ областяхъ Россіи и Франціи. Несомнѣнно, война будила самые низкіе инстинкты во всѣхъ областяхъ. И многіе офицеры совершенно спокойно говорили, что не стоитъ дома покупать бинокль или револьверъ, такъ какъ гораздо лучшіе можно легко достать на фронтѣ во время боевъ, въ особенности если пообѣщать толковымъ солдатамъ вознагражденіе за это.

И что можно было противопоставить этому комплексу мыслей, чувствъ и интересовъ? Единственной слышной критикой войны была впослѣдствіи аргументація Суханова. Но вначалѣ и Сухановъ аргументировалъ совершенно иначе и былъ однимъ изъ первыхъ, кто очень активно воспринялъ войну, хотя по совершенно особымъ соображеніямъ. Онъ находилъ, что необходимо, чтобы война окончилась разгромомъ одной изъ реакціонныхъ странъ, революціей въ ней. Такъ какъ, по его мнѣнію, положеніе Германіи безнадежно, то необходимо разгромить ее до конца, взять Берлинъ и пр. Лишь позднѣе онъ измѣнилъ свое мнѣніе и въ рядѣ статей и книгъ

развивалъ анти-военную идеологію, доказывая, что Россія не имѣетъ никакихъ интересовъ въ войнѣ, что она «наймитъ» союзниковъ, которые, испуганные промышленнымъ развитіемъ Германіи, побѣжденные «рублемъ», взялись за «дубье»... Но такъ какъ самъ Сухановъ не дѣлалъ выводовъ относительно необходимости сепаратнаго мира, разъ война уже началась, то его выводы, встрѣтившіе больше брани, чѣмъ дѣловыхъ возраженій, имѣли, по существу, историческій характеръ. Подлинный же циммервальдизмъ и пораженчество ютились въ глубокомъ подпольѣ или въ эмигрантскихъ кругахъ и никакого даже отдаленнаго вліянія на настроенія имѣть не могли.

Глава вторая.

ВЪ ЮНКЕРСКОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Какъ-то на одномъ собраніи, послѣ моей горячей рѣчи о необходимости подчинить всѣ интересы войнѣ, Керенскій замѣтилъ, что, если я хочу быть послѣдовательнымъ, я самъ долженъ итти на войну.

— Не безпокойтесь, съ раздраженіемъ отвѣтилъ я ему, — вы меня вскорѣ увидите въ военномъ платьѣ.

И, дѣйствительно, съ перваго декабря я преобразился въ юнкера Павловскаго военнаго училища, въ «павлона», какъ насъ называли тогда. Трудно представить себѣ бóльшій контрастъ, чѣмъ это превращеніе представителя вольной профессіи въ предметъ цуканья и неустанной муштровки.

Уже первыя впечатлѣнія изумили меня. Мы, новички, стояли еще разношерстной толпой въ очереди къ докторскому осмотру, какъ все зданіе — а зданіе было выстроено на славу прочно, Николаевскими временами дышали стѣны двухаршинной толщины — стало дрожать отъ мѣрныхъ ударовъ наверху, при чемъ до насъ доносились какіе-то странные истерическіе крики, значенія которыхъ мы не могли разобрать. Въ тотъ же день я узналъ, въ чемъ дѣло: это воспитанники

шли ротами въ столовую, держа «ногу твердо», то-есть выбивая ногами изо всѣхъ силъ, при чемъ «старшіе» въ качествѣ погонщиковъ шли по сторонамъ, выкрикивая все время «лѣва-права» или «ать, два, три, четыре». Къ концу моего пребыванія въ училищѣ начальство вынуждено было само прекратить эти прогулки, такъ какъ зданіе не выдержало, и полы стали давать трещины. Но въ первое время, дивясь самъ себѣ и другимъ, я выбивалъ ногой, какъ другіе, при чемъ единодушное мнѣніе моего начальства было, что я феноменъ по неумѣнію ходить и въ особенности махать руками.

Вечеромъ новая неожиданность. Мы, юнкера, остались въ ротѣ одни, безъ офицеровъ — всѣ вчерашніе студенты, помощники присяжныхъ повѣренныхъ; словомъ, молодежь. Казалось бы, можно было на минуту позабыть о маханіи руками и поворотахъ головы... Но не тутъ-то было. Намъ, новичкамъ, или, какъ назывались по-юнкерски, «козерогамъ», надо было представляться «старшему учителю», тоже юнкеру старшаго выпуска, т. е. поступившему въ училище двумя мѣсяцами раньше. Процедура состояла въ томъ, что надо было пройти «вольно», т. е. махая руками шаговъ двадцать, потомъ, за четыре шага до старшаго учителя, поднять руку къ фуражкѣ, держа ногу твердо, а за два шага надо было остановиться и произнести стереотипную фразу: «Молодой человѣкъ со стороны, фамилія такая-то, представляется по случаю зачисленія въ Павловское военное училище». Потомъ — полуоборотъ направо, не отрывая глазъ отъ учителя, и съ первымъ шагомъ оторвать руку отъ фуражки, повернуть одновременно голову и отойти въ сторону. Мнѣ, какъ и другимъ товарищамъ, съ трудомъ давались эти пер-

вые шаги служенія войнѣ, и при общемъ смѣхѣ мнѣ пришлось продѣлать это разъ десять, пока прихотливый вкусъ «старшаго» былъ удовлетворенъ.

Каждый день приносилъ что-нибудь новое и неожиданное. Прежде всего и непріятнѣе всего поразило отсутствіе отпусковъ. Занятія были только до 5 часовъ, послѣ же вечеръ былъ совсѣмъ свободный, проводимый обычно самымъ нелѣпымъ образомъ, въ разсказываніи анекдотовъ и пр. Почему бы не имѣть права выйти и посѣтить семью или знакомыхъ? Но не тутъ-то было. Отпускъ полагался всего два раза въ недѣлю и при томъ не сразу послѣ поступленія въ училище, а лишь недѣли черезъ двѣ, послѣ того какъ воспитанникъ достаточно усвоитъ правила отданія чести. Увы, я былъ совершенно неспособенъ къ премудрости шагистики, одинаково плохо отдавалъ честь, «съ поворотомъ головы налѣво», какъ и «съ поворотомъ ея направо», и приводилъ учителей въ полное отчаяніе своимъ неуклюжимъ вставаніемъ во фронтъ. Съ большимъ трудомъ, послѣ цѣлаго ряда экзаменовъ и переэкзаменовокъ, удалось получить разрѣшеніе покинуть училище на нѣсколько часовъ, и то лишь послѣ того, какъ я сообщилъ, что моя квартира почти рядомъ съ училищемъ, при чемъ мнѣ были даны настоятельные совѣты — не ходить по улицамъ и немедленно итти домой и сидѣть тамъ безвыходно. Но и это еще не все... Сама процедура выхода была крайне тягостной и связанной со многими затрудненіями, рапортами, докладами, поворотами, топаніемъ, маханіемъ руками и отдаваніемъ чести.

Особенно были непріятны и много огорченій доставляли «старшіе». Воспитанники, пробывшіе

въ училищѣ два мѣсяца, переводились въ разрядъ старшихъ, пользовавшихся извѣстной дисциплинарной властью. Изъ нихъ же набиралось младшее начальство, при чемъ, конечно, выбирались наиболѣе подходящіе, т. е. грубые, формалисты, придиры и крикуны. Въ этомъ выборѣ начальство проявляло замѣчательную проницательность, и очень рѣдко случалось, чтобы выборъ былъ неудаченъ. И новое начальство изо всѣхъ силъ старалось оправдать оказанное ему довѣріе, доводя своей грубостью и придирчивостью до слезъ робкія и слабыя натуры среди подчиненныхъ.

Особенно большой просторъ для придирчивости давали правила укладки платья передъ сномъ. Платье должно было быть уложено въ строго опредѣленномъ порядкѣ такимъ образомъ, чтобы бѣлье, брюки, гимнастерка и поясъ вмѣстѣ составляли правильную фигуру, въ 8 дюймовъ ширины и длины и около 5 дюймовъ высоты. Несмотря на всѣ старанья, поношенное платье не хотѣло укладываться въ законныя формы. И ретивымъ «старшимъ» доставляло особое удовольствіе обходить столики по ночамъ и будить иногда по нѣскольку разъ неудачнаго геометра за торчащій кончикъ гимнастерки и недостаточно приглаженные носки.

Подобная придирчивость съ одной стороны создавала мелочность съ другой. И я помню великое торжество моихъ товарищей по выпуску, когда однажды мнѣ удалось «посадить въ лужу» одного изъ самыхъ непріятныхъ, глупыхъ и придирчивыхъ старшихъ. Дѣло было за столомъ во время обѣда. Старшій о чемъ-то спросилъ моего сосѣда. Тотъ по простотѣ душевной отвѣтилъ:

— Я не знаю, господинъ старшій.

— Надо отвѣчать «не могу знать», а не «не знаю», наставительно отмѣтилъ старшій.

— Позвольте доложить, вмѣшался я въ разговоръ.

— Ну, докладывайте, въ чемъ дѣло?

— Намъ батальонный командиръ запрещаетъ на урокахъ произносить «не могу знать» и всегда напоминаетъ поговорку Суворова, что «немогузнаекъ» надо бить по мягкимъ частямъ ниже спины.

Весь столъ окаменѣлъ отъ изумленія передъ моей дерзостью и ожидалъ, что будетъ дальше. Дѣло закончилось тѣмъ, что курсовой офицеръ вызвалъ меня передъ строй роты и сдѣлалъ сравнительно, впрочемъ, мягкое внушеніе за «тонъ» моего замѣчанія, но такое же внушеніе было сдѣлано и старшему за неумѣстный формализмъ.

Всѣ эти мелочи, забавныя издали, но весьма тягостныя во время переживанія, мѣшали и искажали занятія, которымъ я пытался отдаться со всѣмъ жаромъ. Вездѣ приходилось сталкиваться съ чрезвычайной формалистикой и очень много времени тратить на зубрежку такихъ уставовъ, которые могли пригодиться только въ мирное время. Но наши офицеры привыкли отождествлять военную жизнь съ исполненіемъ опредѣленнаго количества уставовъ и не могли примириться съ мыслью, что офицеръ военнаго времени можетъ не знать какихъ-нибудь мелочей распорядка въ казармахъ. Впрочемъ, и при желаніи они ничему иному не могли насъ научить, такъ какъ невѣжество рядовыхъ офицеровъ было поразительное. И волей-неволей приходилось зубрить правила о томъ, когда въ казармахъ могутъ быть выдаваемы дрова, или что долженъ сдѣлать подчиненный, если встрѣтитъ началь-

ника на узкомъ мѣстѣ, или обязанности барабанщика. При нѣкоторой способности въ короткое время и на короткое время удерживать въ головѣ громадное количество свѣдѣній, я скоро зналъ уставы лучше офицеровъ и нѣсколько разъ доставилъ себѣ удовольствіе «посадить въ лужу» офицера, особенно одного штабсъ-капитана, читавшаго намъ уставы и славившагося своимъ формализмомъ.

Все это было, конечно, страшно мелочно. Нпр. во время экзамена по винтовкѣ, гдѣ все казалось бы должно было быть направленнымъ на существо дѣла, штабсъ-капитанъ все время придирался къ чисто формальнымъ мелочамъ, требуя не только знанія дѣла, пониманія соотношенія частей и умѣнія разбирать винтовку, но и того, чтобы все это дѣлалось «по уставу». Такъ, при отвѣтѣ одного изъ товарищей, онъ прервалъ:

— Это не по уставу... Защелку магазинной коробки надо вынимать большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, а не большимъ и среднимъ... Ужъ коли отвѣчать уставы, такъ надо по уставу...

— Господинъ капитанъ, позвольте доложить, вмѣшиваюсь я съ мѣста...

— Въ чемъ дѣло?

— Въ Наставленіи сказано, что защелку надо вынимать именно большимъ и среднимъ пальцемъ.

Провѣрили по уставу — оказалось, я правъ. Юнкера торжествуютъ и ликуютъ. Но черезъ день — месть. Начало урока. Входитъ штабсъ-капитанъ — онъ былъ въ этотъ день дежурнымъ по батальону — грустный, озабоченный и унылый. Садится и произноситъ меланхолическимъ голосомъ:

— Юнкеръ Станкевичъ.

— Здѣсь, г. капитанъ.

— Видите ли, юнкеръ Станкевичъ, когда сегодня всѣ роты шли въ столовую, я стоялъ и внимательно смотрѣлъ, какъ юнкера идутъ. И знаете: кто шелъ хуже всѣхъ?

— Никакъ нѣтъ, г. капитанъ.

— Вы шли хуже всѣхъ. Садитесь, юнкеръ Станкевичъ.

Но мы жили не только въ атмосферѣ мелочей и формалистики, но и въ атмосферѣ вѣчнаго страха. Наказанія лишеніемъ отпуска, внѣочередными нарядами и карцеромъ сыпались, какъ изъ рога изобилія, особенно на новичковъ. Сыпались неожиданно, непредвидимо, неустранимо: сыпались за пустяки, за случайные промахи и даже совсѣмъ безъ промаховъ — при мнѣ былъ случай назначенія карцера за недостаточно веселый взглядъ. Мнѣ «всыпали» четыре наряда за то, что, будучи дежурнымъ, не вышелъ въ корридоръ роты на встрѣчу ротному командиру съ рапортомъ, хотя наканунѣ дежурный получилъ выговоръ отъ батальоннаго командира именно за то, что рапортовалъ ему въ корридорѣ — «внѣ помѣщенія роты»... Какъ-то уже подъ конецъ пребыванія въ училищѣ, въ разговорѣ съ моимъ товарищемъ, я жаловался на ту психологію вѣчнаго страха передъ какими-то бѣдствіями и напастями, которыя подкарауливаютъ на каждомъ шагу изъ-за каждаго угла. Мой товарищъ, уже отдѣленный командиръ, смѣялся и говорилъ, что теперь, сдѣлавшись «старшимъ», онъ началъ чувствовать себя вполнѣ увѣренно и не думаетъ, чтобы могъ попасться. По странной ироніи судьбы, черезъ полчаса, во время самаго мирнаго урока топографіи, мой бѣдный отдѣленный улыбнулся невпопадъ какъ разъ въ то

время, какъ преподаватель топографіи запутался въ объясненіяхъ существа горизонталей. Преподаватель рѣшилъ, очевидно, что улыбка относится къ нему, и засадилъ отдѣленнаго на пару сутокъ въ карцеръ. Но этимъ его бѣдствія не окончились: на слѣдующее утро онъ опять «заскочилъ». Одинъ изъ младшихъ юнкеровъ его отдѣленія отвѣтилъ что-то невпопадъ батальонному командиру. Батальонный командиръ рѣшилъ, что такое грубое незнаніе объясняется недостаточнымъ вниманіемъ отдѣленнаго, и засадилъ его уже на 8 сутокъ...

Въ этой жизни, съ утра до вечера полной напряженности, вниманія къ мелочамъ и опасеній, большія мысли естественно исчезали. Даже война была мало замѣтна въ училищѣ. Въ ротѣ очень удивились, когда я принесъ собственную карту военныхъ дѣйствій и просилъ разрѣшенія повѣсить ее въ помѣщеніи роты, да и тогда очень немногіе слѣдили по картѣ за моими флажками. Военный порывъ, который былъ несомнѣненъ во многихъ, невольно пріобрѣталъ какой-то пассивный, недѣятельный характеръ.

Сперва я былъ склоненъ объяснять всѣ эти особенности юнкерской жизни складомъ нашего училища, которое издавна славилось суровостью своего режима. Но впослѣдствіи, ознакомившись съ другими частями военнаго механизма, я понялъ, что это опредѣленная система.

Въ системѣ этой нѣтъ мѣста довѣрію къ чувству и мысли человѣка. Порывъ, воодушевленіе, настроеніе, убѣжденіе — все это ненадежно, непрочно. Война же требуетъ увѣренности, что всякій приказъ будетъ всегда выполненъ. Механизированіе человѣка, превращеніе его въ автоматъ, исполняющій приказъ безусловно просто потому, что это приказъ — вотъ

задача военнаго воспитанія. Поэтому — «голову выше и ногу тверже, здѣсь вамъ не университетъ», въ атмосферѣ страха и формализма. И быть можетъ, что для своихъ задачъ эта система была правильной и единственно цѣлесообразной. Помню яркіе моменты, когда непривычныя слова и вещи царапали душу почти физическимъ ощущеніемъ какого-то безпорядка, неправильности, противоестественности и бездушности. Нпр., при разборѣ винтовки намъ объясняли устройство штыка и задали вопросъ: зачѣмъ у штыка имѣются выемы или «долы», и кощунствомъ прозвучало объясненіе:

— Для того, чтобы легче стекать крови.

Хотѣлось въ первую минуту съ отвращеніемъ отбросить въ сторону штыкъ, хотѣлось, по крайней мѣрѣ, осмыслить эту фразу, найти примиреніе съ ней. Но некогда, офицеръ объясняетъ дальше, заставляетъ повторять, грозитъ взысканіями за невниманіе къ вопросу, какой стороной отвертки надо отвинчивать очередной винтъ при разборкѣ... Потомъ всего 5 минутъ перерыва, во время котораго надо переодѣться съ ногъ до головы для строевыхъ занятій. Потомъ усиленная муштра. Потомъ въ строю, выбивая ногой и махая руками, въ столовую на обѣдъ. Потомъ подготовка къ репетиціи. Молитва и еще упражненія въ отдачѣ чести, а то завтра не пустятъ въ отпускъ. Потомъ сонъ. А на другой день мы на этотъ же вопросъ уже всѣ радостно, что помнимъ объясненіе, хоромъ кричимъ: «Для того, чтобы стекать крови». А черезъ мѣсяцъ — сами объясняли другимъ.

Но были, несомнѣнно, и хорошія стороны въ этихъ первыхъ шагахъ военной жизни. По-

стоянныя физическія упражненія освѣжили всѣхъ насъ, слишкомъ много сидящихъ и неподвижныхъ горожанъ. Я постоянно раньше страдалъ простудой, и мнѣ казалось, что здѣсь я просто погибну отъ постоянныхъ сквозняковъ, на которые я долженъ былъ выходить разгоряченный послѣ строевыхъ ученій. Но докторъ только улыбнулся на мои жалобы, и я самъ, не замѣчая того, привыкъ къ новой жизни настолько, что сталъ даже бравировать, выбѣгая во время нашей «большой перемѣны» на дворъ въ самые лютые морозы въ одной гимнастеркѣ и безъ фуражки и катаясь съ горъ на салазкахъ, дыша всею грудью морознымъ воздухомъ.

Потомъ, къ началу весны, насъ отправили въ лагерь для практическихъ занятій на мѣстности. Пробыли тамъ двѣ недѣли какъ разъ перелома отъ зимы къ веснѣ: когда пріѣхали, все было еще покрыто снѣгомъ. Въ первые дни промокали насквозь отъ маршировки въ дырявыхъ сапогахъ по тающему снѣгу. Потомъ вязли на футъ въ размокшей глинистой почвѣ. Подъ конецъ — дни были теплые — бродя по окрестностямъ, наслаждались весеннимъ солнцемъ. Все время приходилось рѣшать разнообразныя тактическія задачи: на сторожевое охраненіе, на наступленіе, на укрѣпленіе позиціи; приходилось дѣлать съемки. Но это заставляло все время внимательно приглядываться къ мѣстности, ко всѣмъ холмикамъ, бугоркамъ и изгибамъ лощинъ, отмѣчая всякій кустарникъ, рощу. Это лишь усиливало близость къ природѣ. Такую весну мало кто изъ насъ имѣлъ въ теченіе всей жизни . . .

Ученіе подвигалось къ концу. Явились досуги. И тутъ военно-техническій интересъ могъ находить безпрепятственное удовлетвореніе. Въ

общемъ, преподаванiе въ училищѣ скорѣе душило интересъ, чѣмъ вызывало его. Но, быть можетъ, это участь всякаго средняго преподаванiя. Но мы имѣли и исключенiе — лекцiи по тактикѣ были полны подлиннаго интереса и примѣчательности. Ихъ читалъ полковникъ, уже успѣвшiй побывать на войнѣ, попасть въ плѣнъ съ тяжелой раной, освободиться (онъ. будучи парламентеромъ, по ошибкѣ былъ обстрѣлянъ) и вернуться преподавать въ училище. Онъ любилъ войну и разсказывалъ о ней съ восторженной страстью. Глаза горѣли, весь онъ воодушевлялся, каждое правило пояснялъ тысячью примѣровъ изъ жизни, изъ военныхъ воспоминанiй, изъ опыта маневровъ, изъ литературы... Онъ невольно заражалъ своей страстностью и другихъ. Онъ тоже былъ безпощаденъ и суровъ въ требованiяхъ и въ формализмѣ. Но подлинная страсть къ военному дѣлу наполняла этотъ формализмъ содержанiемъ. Онъ вѣрилъ въ военное дѣло и старался передать эту вѣру и намъ, посвятивъ нѣсколько лекцiй доказательствамъ, что война свойственна природѣ человѣка. И странно — даже самые отъявленные лѣнтяи, жестоко страдавшiе отъ его требовательности, гордились тѣмъ, что они проходятъ тактику подъ его руководствомъ. Но это было исключенiе въ унылой и сѣрой атмосферѣ казенныхъ стѣнъ.

Нашъ выпускъ, въ видѣ исключенiя, держали въ училищѣ не четыре, а цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Двѣ недѣли послѣдняго, дополнительнаго, мѣсяца мы провели въ лагерѣ, но послѣднiя двѣ недѣли мы ничего не дѣлали. Досугами этихъ дней я старательно воспользовался для

чтенія военныхъ книгъ. Особенно тщательно я ознакомился съ исторіей японской войны и зналъ чуть ли не наизусть всѣ перипетіи даже такихъ сложныхъ боевъ, какъ подъ Ляоляномъ и Мукденомъ. И у меня при чтеніи складывалось впечатлѣніе: войны не было. Съ русской стороны не было проявлено ничего, что можно было бы назвать хотя бы защитой. Всѣ этапы войны неопровержимо свидѣтельствовали, что армія не умѣла воевать: жалкія попытки маневровъ неизмѣнно оканчивались неудачей, защита сводилась къ отступленію. Войны не было не только духовно, но и технически.

Выходъ изъ училища — цѣлое событіе для юнкера. Вѣдь всѣ мы были «нижніе чины». И вся система училища была построена на подчеркиваніи принципа громадной разницы между офицеромъ и нижнимъ чиномъ. И всѣмъ намъ, уже пропитаннымъ военнымъ духомъ, казалось крайне заманчивымъ, чуть ли не переходомъ черезъ какую-то пропасть, надѣть погоны, хотя бы съ одной звѣздочкой. И нѣкоторые, въ особенности изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, забавляли насъ всѣхъ своими вдохновенными разсужденіями, какъ это будетъ «тонно» надѣть «галифе» и фуражку съ кокардой и всунуть пятерку первому солдату, отдавшему честь.

Глава третья.

НА ВОЕННОЙ РАБОТѢ.

1. На позиціонныхъ работахъ.

Наконецъ, послѣ долгой и утомительной, а въ значительной степени и безполезной подготовки, началась военная работа въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Первые шаги были такъ же неожиданны, какъ и въ юнкерскомъ училищѣ. Такъ какъ изъ училища дорога была одна — въ запасный батальонъ, то я избралъ 1-ый запасный на Охтѣ. Въ назначенный день мы, человѣкъ 20 молодыхъ прапорщиковъ, собрались въ батальонной канцеляріи. Насъ выстроили «по росту». Вошелъ батальонный командиръ, старенькій, но бойкій генералъ. Каждый изъ насъ по очереди рапортовалъ заученную формулу представленія начальству, генералъ жалъ руку и разспрашивалъ, при чемъ, въ сущности, интересовался только однимъ вопросомъ:

— Были ли вы портупей-юнкеромъ и которымъ по счету окончили училище?

Онъ высказалъ большое неудовольствіе, когда первые рапортовавшіе всѣ оказались даже не изъ первыхъ десятковъ. Немного утѣшился

на мнѣ, когда узналъ, что я окончилъ училище первымъ, но радость его была омрачена тѣмъ, что я не былъ фельдфебелемъ и несъ скромную должность ротнаго библіотекаря!

Мнѣ не хотѣлось на военной службѣ отдать себя въ полное распоряженіе начальства, а хотѣлось по-своему использовать себя. Поэтому въ первый же день моего пребыванія въ запасномъ пѣхотномъ батальонѣ на Охтѣ я отклонилъ предложеніе быть дѣлопроизводителемъ батальоннаго суда: какъ разъ это мѣсто освобождалось, и за меня, какъ за приватъ-доцента уголовнаго права, уцѣпились обѣими руками. Но я категорически отказался, настаивая, чтобы меня оставили въ строю, такъ какъ мнѣ казалось рѣшительно нелѣпымъ, получить офицерскую шпагу для того, чтобы сидѣть въ полковой канцеляріи. Офицеры отнеслись къ этому, какъ къ донкихотству, но мое желаніе было исполнено.

Въ обычныхъ ротахъ подготовка солдатъ продолжалась всего шесть недѣль, и за это время, конечно, едва успѣвали сообщить самыя примитивныя свѣдѣнія и только начать обученіе строю. Въ общемъ, какъ я шутилъ, солдаты разучивались ходить и говорить по-человѣчески и не научались дѣлать это по-военному. Такъ какъ, какъ разъ въ этомъ отношеніи я самъ былъ весьма слабъ и не чувствовалъ никакого желанія совершенствоваться, то вынужденъ былъ постоянно озираться на своихъ унтеръ-офицеровъ. Но вскорѣ мнѣ представился случай перейти въ команду развѣдчиковъ, гдѣ надо было дать гораздо бо́льшія свѣдѣнія, такъ какъ туда отбирались и оставались тамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ уже закончившіе шестинедѣльное обученіе. Начальникъ команды съ первыхъ же дней отдалъ мнѣ ее въ полное распоряженіе, руко-

водя лишь административной и хозяйственной частью, и я безпрепятственно могъ проводить всѣ дни съ моими солдатами въ полѣ, работая съ такимъ напряженіемъ, что мое рвеніе передалось и солдатамъ, и я съ изумленіемъ сталъ замѣчать громадные успѣхи съ ихъ стороны. Научились писать полуграмотныя, но толковыя донесенія, составлять планы мѣстности — не хуже, чѣмъ это дѣлали юнкера. У многихъ открылись таланты: одинъ оказался прирожденнымъ начальникомъ маленькихъ партій, получающихъ самостоятельныя порученія, другой обнаружилъ талантъ живописца для зарисовыванія перспективныхъ чертежиковъ, третій прекрасно и точно чертилъ планъ. Было пріятно чувствовать на себѣ ихъ довѣрчивые взгляды, такъ какъ, мнѣ казалось, они цѣнили мое неформальное отношеніе къ дѣлу и то, что я дѣлалъ все, что было въ силахъ, для использованія времени наиболѣе продуктивнымъ образомъ. И я никогда не забуду того искренняго прощанія, которое было у меня съ командой, когда мнѣ пришлось уйти. Успѣхи обученія были крайне пріятны, но иногда невольно являлись мысли о томъ, что было бы еще стократъ пріятнѣе обучать чему-нибудь иному, а не военному дѣлу, но серьезнаго впечатлѣнія эти мысли производить, конечно, не могли.

Оставаться рядовымъ пѣхотнымъ офицеромъ мнѣ, однако, не улыбалось, и проснувшійся военно-техническій интересъ тянулъ въ другую сторону, въ сторону инженерныхъ войскъ. Пришлось прибѣгнуть къ большимъ хлопотамъ, но, въ концѣ концовъ, мнѣ удалось добиться своего: я былъ переведенъ въ запасный саперный батальонъ.

Я былъ твердо увѣренъ, что въ саперномъ

батальонѣ мнѣ удастся побыть хоть одинъ мѣсяцъ для того, чтобы ознакомиться съ основами искусства укрѣпленія. Но уже въ первый день, при первомъ разговорѣ съ командиромъ батальона, судьба моя опредѣлилась иначе. Командиръ батальона очень обрадовался моему пріѣзду и сообщилъ, что онъ былъ въ великомъ затрудненіи — у него требовали офицеровъ для посылки на фронтъ, а ему некого было послать, такъ какъ всѣ офицеры были нужны.

— Вы вѣдь не знакомы съ Ригой, спросилъ онъ, вѣроятно, желая представить знакомство съ городомъ, какъ приманку для меня.

— Никакъ нѣтъ, я учился въ Ригѣ.

— Ну вотъ, тѣмъ лучше, вы поѣдете значитъ въ знакомый городъ.

И мнѣ было дано 18 часовъ на сборы. На другой день — это было въ концѣ іюня — съ двумя ротами якобы обученныхъ саперъ и въ обществѣ пяти офицеровъ я отправился въ Ригу.

Въ Ригѣ дѣло пошло еще быстрѣе, и я самъ не успѣлъ оглянуться, какъ очутился съ двумя взводами солдатъ на участкѣ позиціи за Ригой, на берегу озера, съ верстовкой въ рукахъ, на которой смѣлой карандашной чертой черезъ лѣса, поля, болота и озера была указана позиція, которую мнѣ должно было укрѣплять. Не успѣлъ я осмотрѣться на участкѣ, какъ были присланы рабочіе и матеріалъ. Пришлось сразу окунуться въ заботы о размѣщеніи рабочихъ, объ организаціи работъ и надзора. Приходилось самому не только выбирать мѣсто укрѣпленій, но входить во всѣ детали разбивки, такъ какъ мои саперы оказались совершенно неподготовленными къ этому: даже унтеръ-офицеры въ боль-

шинствѣ были другихъ спеціальностей — подрывники, водные минеры, телеграфисты и пр. Въ общемъ, работа была тяжелая, изнурительная. Съ ранняго утра до поздняго вечера на ногахъ въ полѣ, потомъ канцелярская работа, писаніе всякихъ донесеній и отчетовъ.

Были ошибки и недоразумѣнія, но, въ общемъ, работа сверхъ всякаго ожиданія оказалась очень успѣшной, и боевые офицеры отзывались, что мои окопы соотвѣтствуютъ опыту войны. Меня же самого работа не удовлетворяла. Я чувствовалъ всю невозможность придерживаться старыхъ уставныхъ предписаній. Искалъ новыхъ формъ и методовъ. Но не могъ не сознавать, что я все-таки иду ощупью. Быть можетъ, кое-что угадываю, но во многомъ только фантазирую. Кромѣ того, ясно было, что наши работы страдаютъ отсутствіемъ общаго плана и, быть можетъ, въ конечномъ счетѣ, являются вовсе ненужными. Это предположеніе покрѣплялось тѣмъ, что подъ Ригой намъ не дали ничего окончить: только начали строить одну позицію — какъ перевели на другую. Только что начали строить тамъ, какъ пришелъ приказъ оставить работы и ѣхать обратно въ Петроградъ... Такимъ образомъ, послѣ большихъ усилій, заботъ, осталось впечатлѣніе зря загубленнаго времени, силъ, матеріала, напрасно испорченныхъ полей и вырубленнаго лѣса. Особенно ясно помню горе одного конюха въ баронскомъ имѣніи, черезъ которое шла моя позиція. Линія моихъ окоповъ должна была пройти какъ разъ по грядѣ его огорода, гдѣ пышно росли всяческіе овощи. Но гряда шла какъ разъ около крутого берега, и окопъ нельзя было отодвинуть ни взадъ, ни впередъ. Насколько возможно было, я оттягивалъ распоряженіе объ отрывкѣ. На-

конецъ оттягиваніе стало невозможнымъ, и я далъ приказъ приступить къ работамъ. Но окопъ не удалось отрыть до конца: на другой день пришелъ приказъ сняться съ работъ, и, вмѣсто пышнаго огорода, осталась никому ненужная канава.

Словно нарочно для того, чтобы подтвердить наши сомнѣнія въ правильности работъ, черезъ нѣкоторое время послѣ нашего отъѣзда мы узнали, что вся позиція, на укрѣпленіе которой мы потратили столько времени и усилій, была признана безполезной и даже опасной, и новыя партіи саперъ и рабочихъ были присланы затѣмъ, чтобы разрушить все, созданное нами.

Тѣмъ временемъ насъ перевели подъ Псковъ. Но тамъ насъ ждала та же участь. Тотъ участокъ, куда послали меня, оказался болотомъ, расположеннымъ въ виду высотъ со стороны противника. Уже въ августѣ мѣсяцѣ нельзя было вести отрывку болѣе, чѣмъ на ¼ аршина, а осенью и весной, какъ утверждали крестьяне, вся мѣстность сплошь покрывалась водой. Но цѣлыхъ двѣ недѣли пришлось работать тамъ, зря переводя матеріалъ и затрачивая египетскій трудъ по насыпкѣ окоповъ, утѣшая себя подачей рапортовъ и докладныхъ записокъ. Наконецъ, къ сентябрю перевели насъ на новыя позиціи, гдѣ мы оставались дольше. Нѣкоторый опытъ, пріобрѣтенный подъ Ригой, мнѣ очень пригодился, и такъ какъ мѣстность по природнымъ особенностямъ была крайне благопріятна для укрѣпленія — холмы, передъ которыми располагались болота, то работа закипѣла и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что высшее начальство собиралось привезти государя, и даже спеціально построили дорогу для царскаго автомобиля на два моихъ участка. Въ результатѣ, не-

смотря на чинъ прапорщика и отсутствіе спеціальнаго образованія, я получилъ сравнительно очень высокое назначеніе начальника отдѣла работъ.

Къ веснѣ меня перевели на новыя тыловыя позиціи около Двинска, при чемъ опять-таки не было ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленныхъ задачъ, и чувствовалось, что само начальство не въ состояніи выйти изъ состоянія колебаній и нерѣшительности. По десяти часовъ въ день приходилось сидѣть на лошади, продѣлывать невѣроятное количество работы, такъ какъ мой отдѣлъ оказался чрезвычайно разбросаннымъ... И каждый день приходилось получать новыя, противорѣчащія прежнимъ директивы. Черезъ мѣсяцъ перевели опять на новый участокъ, уже за Двинскомъ около Креславки, гдѣ предстояло просто ремонтировать старые окопы, при чемъ для этой цѣли не было ни людей, ни лошадей, ни матеріала.

Работать все время приходилось съ небывалымъ и въ мирное время неизвѣстнымъ напряженіемъ. Задачи обыкновенно давались очень неопредѣленно, а, по существу, безпредѣльно. Но ограничиваться формальнымъ выполненіемъ дѣла не хотѣлось, поэтому приходилось буквально выбиваться изъ силъ. Вставали мы въ 6 часовъ утра, въ 7—8 часовъ уже въ полѣ и до 4—5 часовъ вечера, съ малымъ перерывомъ на обѣдъ. Потомъ приходилось часовъ до 10 сидѣть въ конторѣ, возясь съ табелями, нарядами и жалобами. Ночью — составленіе чертежей и схемокъ для руководства старшимъ и писаніе всяческихъ отчетовъ и отписокъ по командѣ. Къ лѣту я настолько выбился изъ силъ, что былъ способенъ заснуть въ любое время дня въ любомъ положеніи.

2. Обстановка и люди.

При такихъ условіяхъ для наблюденій не оставалось ни времени ни силъ. Обстановка и люди памятны только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Большое впечатлѣніе производили на меня рабочіе. Подъ Ригой это были эсты и латыши. Хотя съ ними трудно было сговориться, такъ какъ они очень плохо понимали по-русски, но они такъ скоро схватывали смыслъ работъ и такъ хорошо владѣли плотничьими инструментами, что мои саперы не могли нахвалиться ими. Подъ Псковомъ намъ дали тверскихъ и витебскихъ рабочихъ. Было также много псковичей, которые поражали меня своими странными уборами, своеобразнымъ говоромъ, своеобразнымъ способомъ мышленія. Какой-то сѣдой древностью вѣяло отъ этихъ обитателей Фанасовой и Башиной горъ, горы Веретья, Княжьяго бора, живущихъ въ сторонѣ не только отъ «машины», но и отъ «струнной дороги» (дороги съ телеграфными столбами). Псковъ былъ въ сорока верстахъ, но мой хозяинъ не рѣшался свести меня туда, такъ какъ его лошадь никогда не была еще въ городѣ, и я подозрѣваю, что онъ самъ былъ тамъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Когда они собирались массой для получки, нарядившись въ лучшія платья, то напоминали мнѣ болѣе статистовъ изъ «Аскольдовой Могилы», чѣмъ современниковъ, ведущихъ войну при помощи аэроплановъ и удушливыхъ газовъ. Что-то мягкое, душевное, примитивное было во всемъ складѣ жизни, что сглаживало даже мелкія плутни, безтолковость въ работѣ и падкость до денегъ. О войнѣ говорили крайне мало, никогда не разспрашивая, никогда не высказывая от-

ношенія. Только жаловались на работу, отвлекающую отъ домашнихъ дѣлъ, на «разореніе», причиняемое полямъ нашими окопами, буквально плакали надъ вырубленной рощей («расчистка обстрѣла» — объясняли мы имъ). Словомъ, воспринимали войну, какъ досадное безпокойство. И не только крестьяне. Окопы нашего отдѣла проходили черезъ имѣніе довольно извѣстнаго октябриста-богача Дерюгина. Случайно линіи окоповъ пришлось натолкнуться на какую-то историческую сосну, на которую, по утвержденію г. Дерюгина, молились его предки. Прапорщикъ, руководившій постройками, ничтоже сумняшеся приказалъ рубить сосну. Дерюгинъ не плакалъ, но устроилъ колоссальный скандалъ и не постѣснялся даже отправить телеграмму самому Главнокомандующему фронтомъ Рузскому съ воплями за обиженную сосну. Черезъ нѣсколько дней пришла телеграмма отъ строителя позицій со строгимъ наказомъ сосны не рубить, и она такъ и осталась надрубленной.

За время работъ мнѣ приходилось сталкиваться со многими десятками интеллигентныхъ лицъ. Съ нѣкоторыми мнѣ пришлось жить въ одной комнатѣ по нѣскольку мѣсяцевъ. Но, страннымъ образомъ, я не припоминаю ни одного разговора о войнѣ. Я знаю семейное положеніе, симпатіи, мелкія черточки характеровъ. Но я не знаю отношенія моихъ сотрудниковъ къ войнѣ. Какъ будто было неприлично, безтактно или, во всякомъ случаѣ, неинтересно говорить о войнѣ. Вѣдь все равно, война уже принималась, какъ неотвратимое, къ чему всякій по-своему старался примѣниться всѣми сторонами своего бытія.

Приспособленіе это было далеко не легкимъ дѣломъ. Особенно ясно чувствовалъ я это по

своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, инженерамъ М. и Л., начальникамъ двухъ техническихъ отрядовъ, работавшихъ на моемъ отдѣлѣ. М., какъ мнѣ казалось, по ошибкѣ сталъ инженеромъ-путейцемъ. Онъ былъ извѣстенъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ кругахъ въ качествѣ поэта, тонко чувствующаго слово. Теперь онъ усердно и честно старался увлечься размахомъ нашихъ работъ, организаторствомъ, приведеніемъ въ движеніе массы труда и матеріала. Но такъ какъ это никоимъ образомъ не укладывалось въ стройныя, красивыя рамки, и такъ какъ возня съ табелями имѣла свои шипы, то увлеченіе не всегда удавалось. И если слово «скучно» и сдерживалось, то лишь потому, что обстановка работъ въ этой дышущей стариной мѣстности и «древность» населенія сглаживали непріятности. М. не могъ насладиться вдосталь мѣстнымъ мягкимъ, уменьшительнымъ дѣтскимъ говоромъ, своеобразными выраженіями, простодушными словечками и самобытными нравами. Потомъ онъ перекочевалъ со своимъ отрядомъ въ Ригу, строить дороги подъ выстрѣлами противника. Потомъ — въ Трапезундъ. Потомъ еще куда-то... Говорилось: «Ищу дѣла». Но несомнѣнно было: «Ищу впечатлѣній»... На то и поэтъ.

Полной противоположностью тонко ощущающему и думающему поэту былъ другой инженеръ Л. Онъ весь — исполненіе долга. Прежде всего по отношенію къ работѣ. Это было не легко — вѣдь окопы онъ видѣлъ въ первый разъ. Онъ путалъ названія и самъ смѣялся и смѣшилъ другихъ поисками «блиндированныхъ подмышниковъ», какъ онъ въ шутку называлъ подбрустверные блиндажи. Но вскорѣ освоился съ задачами, систематизировалъ работу, подтянулъ контору и гордился тщательностью и

аккуратностью отдѣлки. Онъ даже иногда пытался негодовать на примитивность военныхъ методовъ работы... Но все свободное время онъ посвящалъ семьѣ. Ему пришлось съ ней бѣжать изъ-подъ Риги и бросить жену и дѣтей на произволъ судьбы въ Петроградѣ. Самъ же онъ, впервые разставшись съ семьей за всю свою жизнь, вынужденъ былъ поступить на работу въ военно-общественную организацію и очутиться въ псковской глуши... Но душа его оставалась съ семьей, и онъ почти ежедневно исписывалъ, какъ я шутилъ, «простыни» письмами къ женѣ со всѣми подробностями своей новой, такой нескладной жизни.

Я лично, несомнѣнно, глубже увязъ въ войнѣ, чѣмъ мои во всѣхъ отношеніяхъ штатскіе сотрудники. Но за то и чувства неудовлетворенности, мнѣ кажется, были ярче и отчетливѣе. Я вспоминаю весну 16-го года. Помню, во время моихъ переѣздовъ по полямъ и лугамъ я слушалъ пѣніе птицъ и съ удивленіемъ улавливалъ мотивы птичьяго голоса въ Вагнеровскомъ «Зигфридѣ». И, вмѣстѣ съ весной, послѣ года упорной работы, когда она стала пріобрѣтать естественно нѣсколько рутинный характеръ, оставляя мѣсто для мыслей на постороннія темы — впервые появились ярко окрашенныя сомнѣнія. Помню разговоры съ моимъ спутникомъ-техникомъ, которому я доказывалъ правильность антивоенной позиціи Либкнехта. Помню письма, въ которыхъ я жаловался на невыносимый гнетъ той лжи, которая преподносилась ежедневно въ газетахъ. Во время работы, во время увлеченія техническими деталями, во время попытокъ насадить трудъ и правильно, съ максимальной продуктивностью организовать работу — смыслъ войны забывался. Но стоило прочесть любую

патріотически-настроенную газету, чтобы отвращеніе властно охватывало всю душу. Отвращеніе и утомленіе.

И когда я вспомнилъ о тѣхъ громадныхъ усиліяхъ и жертвахъ, которыя всѣми народами приносились для войны, когда я думалъ о количествѣ матеріаловъ, зарытыхъ въ землю, взорванныхъ въ воздухъ, сожженныхъ, разрушенныхъ — я думалъ о томъ, чего человѣчество могло бы достигнуть этими массами духовной и матеріальной энергіи. Почему война имѣетъ силу рождать героевъ, побѣждать эгоизмъ, вызывать чрезвычайное напряженіе ума, и воли, и чувства? Неужели среди тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ намъ мирная жизнь, нѣтъ такихъ же или еще болѣе высокихъ цѣлей? Нѣтъ мотивовъ къ массовой жертвенности и подвигу? И я не разъ давалъ себѣ клятву послѣ войны работать самому и другихъ звать къ работѣ съ такимъ же бѣшенымъ напряженіемъ, какъ на войнѣ, для мирныхъ задачъ новаго мирнаго устройства человѣчества. Демобилизаціи не должно быть, только цѣль усилій должна быть иная.

Странно, но ни въ себѣ, ни въ другихъ штатскихъ людяхъ я не чувствовалъ контраста по сравненію съ военными. Такъ, командиромъ роты былъ поручикъ Б., кадровый офицеръ, поступившій наканунѣ войны въ военно-инженерную академію. Къ войнѣ онъ относился, какъ къ тяжкому и безспорному долгу, и дѣлалъ все, что въ силахъ, чтобы лучше использовать время, людей и матеріалъ. Сомнѣнія не допускались. Но они часто прорывались сами собой... Не разъ онъ говаривалъ, что послѣ войны непремѣнно поѣдетъ въ Австралію для того, чтобы тамъ разводить барановъ. Мы слушали его соображенія о привольѣ австралійскихъ степей и

лѣсовъ и невольно соглашались, что его планъ недуренъ.

Мой начальникъ, полковникъ Б., преподаватель инженернаго училища, былъ въ августѣ 1915 года буквально въ 24 часа поднятъ на ноги и направленъ на позиціи подъ Псковомъ, гдѣ съ чрезвычайной энергіей и неутомимостью работалъ въ совершенно непривычной для него обстановкѣ. Но онъ попрежнему числился преподавателемъ инженернаго училища. Война не ломала его жизнь, а только гнула. Но согнутая жизнь старалась выпрямиться, и, въ концѣ концовъ, само училище возбудило всяческія ходатайства о его возвращеніи, и онъ вернулся въ Петроградъ къ своему военно-мирному дѣлу. Такимъ образомъ, бытъ военныхъ иногда создавалъ бо̀льшую тягу отъ фронта, чѣмъ у штатскихъ людей.

Пришлось мнѣ имѣть дѣло и съ офицерствомъ пѣхоты, артиллеріи и даже кавалерійскимъ. Около Двинска я работалъ въ районѣ перваго гвардейскаго корпуса, который былъ расположенъ на отдыхѣ. Я постоянно сталкивался съ гвардейскими офицерами, постоянно бесѣдовалъ съ ними на разныя темы и нѣкоторое время даже жилъ съ ними въ одной комнатѣ. Особенно тѣсными стали отношенія съ тѣхъ поръ, какъ на моемъ отдѣлѣ стали работать ежедневно по одной или по двѣ роты отъ Измайловскаго, Егерскаго, Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Въ первый день работъ не обошлось безъ недоразумѣній. Такъ какъ мои работы были раскинуты по фронту на 25 верстъ, то я физически не могъ самъ поспѣть всюду и долженъ былъ во многомъ полагаться на моихъ

унтеръ-офицеровъ (помощниковъ у меня въ это время не было). Поэтому къ участку, гдѣ долженъ былъ работать Преображенскій полкъ, я поспѣлъ только послѣ окончанія работъ. Мои саперы сразу стали жаловаться па гвардейцевъ. Выяснилось, что офицеру, который пришелъ съ солдатами, показалось, что работы, которыя мы вели по своимъ новымъ методамъ, начаты были неправильно. Мой унтеръ-офицеръ не былъ въ состояніи дать объясненія, но наотрѣзъ отказался слѣдовать указаніямъ пѣхотнаго офицера, такъ какъ понималъ ихъ неправильность. Кончилось тѣмъ, что офицеръ разсердился, приказалъ моимъ саперамъ выстроиться въ строй и сталъ командовать разныя строевыя упражненія, разсыпной строй и пр. Потомъ собралъ своихъ людей, которые посмѣивались надъ неуклюжими саперами, и скоро оставилъ работы. Я немедленно отправился въ штабъ полка и выяснилъ, что офицеръ этотъ былъ — Родзянко, сынъ предсѣдателя Думы. Я составилъ подробный рапортъ о происшедшемъ и подалъ его по начальству. Рапорту ходъ не былъ данъ. Но изъ полка мнѣ присылали другихъ офицеровъ, которые хотя и часто бесѣдовали со мной на разныя темы о методахъ фортификаціи, но сами уже не вмѣшивались въ мои распоряженія.

Во время разговоровъ я уяснилъ, насколько далеко стояла психика стараго офицерства отъ новыхъ требованій войны. Очень часто, послѣ долгаго обсужденія тѣхъ или иныхъ техническихъ вопросовъ, они со вздохомъ начинали вспоминать прежніе дни, когда пѣхота не зарывалась въ окопы. Глядя на наши тыловыя сооруженія, они восторгались ихъ прочностью, солидностью и удобствомъ. Но почти неизмѣнно прибавляли:

— Но для нашей арміи это не годится. На-

шего земляка изъ такихъ окоповъ и убѣжищъ и не выманишь...

Нынѣшняя война казалась имъ только грубымъ нарушеніемъ всѣхъ священныхъ принциповъ военнаго дѣла, закапываніемъ духа въ землю. Даже дыханіе новой военной техники, долетѣвшее къ намъ впервые въ видѣ книги полковника Ермолаева о западномъ фронтѣ, захватило только молодежь, прапорщиковъ, которые зато выучивали ее чуть ли не наизусть.

Но мнѣ казалось, что въ каждомъ полку былъ одинъ или два прапорщика, которые олицетворяли душу военнаго дѣла и фактически руководили полкомъ. Это было вполнѣ естественно въ запасныхъ частяхъ. Но, повидимому, то же было и въ гвардейскихъ полкахъ, гдѣ, послѣ двухъ-трехъ визитовъ въ штабъ полка, я приходилъ къ заключенію, что мнѣ незачѣмъ безпокоить своими вопросами командира полка, а надо говорить или съ адъютантомъ, или съ его помощникомъ, или даже съ какой-либо третьестепенной по рангу фигурой, которая фактически составляла движущую пружину дѣла.

Разговорами съ офицерами всѣхъ родовъ оружія мнѣ удалось составить представленіе о нѣкоторыхъ существенныхъ эпизодахъ изъ прошлаго нашей войны. Около Пскова стояли артиллеристы изъ Ковно, ожидавшіе присылки новыхъ орудій, взамѣнъ оставленныхъ въ крѣпости. Во время неоднократныхъ вечернихъ бесѣдъ они разсказывали мнѣ всѣ детали боевъ подъ Ковно. При этомъ разсказы освѣщали дѣло съ разныхъ сторонъ, такъ какъ среди офицеровъ былъ племянникъ коменданта Ковно, генерала Григорьева. Въ общемъ, картина получалась

чрезвычайно поучительная, какъ двѣ капли воды, напоминающая описанія боевъ въ японской войнѣ. Не защита, а просто уходъ, въ данномъ случаѣ осложненный только тѣмъ, что комендантъ уѣхалъ первымъ, не предупредивъ даже никого о своемъ отъѣздѣ.

Другой эпизодъ разсказывали намъ участники боевъ подъ Иллукстомъ, недавно занятомъ нѣмцами. Я теперь не припоминаю деталей. Но помню, что послѣ разсказа я воскликнулъ:

— Но какъ же можно воевать при такомъ неумѣніи!

Общій смыслъ разсказа былъ тотъ, что мы отступили не подъ давленіемъ противника, а отъ путаницы и дезорганизаціи съ перваго момента боя.

Сравнительно полную картину боя намъ разсказывали о мартовскомъ наступленіи подъ Якобштадтомъ. Опять говорилось о безплодности, нелѣпости и неумѣлости атаки, стоившей многихъ жертвъ и не давшей никакихъ результатовъ.

Я не думаю, чтобы я случайно наталкивался на офицеровъ-пессимистовъ — подобный тонъ былъ общимъ во всѣхъ разсказахъ о нашей войнѣ, по крайней мѣрѣ, на сѣверномъ и западномъ фронтахъ, т. е. тамъ, гдѣ противникомъ былъ нѣмецъ. При этомъ неудачи были ярче и запечатлѣвались въ памяти крѣпче, чѣмъ удачи. Не было эпоса войны, была лишь иронія и терпѣливость.

Разсказы эти разжигали мое любопытство — посмотрѣть самому на жизнь на фронтѣ. До сихъ поръ я работалъ въ тылу и, кромѣ грохота пушекъ и полета аэроплановъ, не имѣлъ по-

нятія о жизни на фронтѣ (какъ, впрочемъ, всѣ тыловые инженеры, съ которыми мнѣ приходилось работать). Такая неполнота впечатлѣній имѣла и практическое значеніе: у меня были сомнѣнія относительно правильности многихъ методовъ укрѣпленія позицій, и хотѣлось провѣрить на своемъ опытѣ, личнымъ знакомствомъ съ боевой жизнью. Конечной же своей цѣлью я ставилъ занять мѣсто помощника корпуснаго инженера, который въ своей дѣятельности непосредственно сталкивается съ самыми основными боевыми проблемами. Въ концѣ концовъ мнѣ, дѣйствительно, удалось попасть на фронтъ, правда, на нѣсколько дней, въ цѣляхъ самообразованія... Всѣ эти дни я бродилъ по окопамъ одного изъ корпусовъ около Двинска, детально изучая всѣ особенности боевыхъ построекъ, методъ работъ, бытъ солдатской жизни на фронтѣ, словомъ, уясняя всѣ проблемы своего собственнаго образованія. Попалъ я случайно также на участокъ около имѣнія Меддумъ, прекраснаго культурнаго уголка Е. А. Ляцкаго, съ богатой историко-литературной библіотекой... Увы, только обгорѣлыя трубы да развалины печей указывали на то мѣсто, гдѣ находился домъ. Впечатлѣній было много... Яркой была полоса между нашими окопами и проволокой противника, поросшая дѣвственно-свѣжей травой, только въ иныхъ мѣстахъ разрытой воронками снарядовъ. Удивляли гулкіе выстрѣлы изъ окоповъ по зазѣвавшемуся противнику, гудѣніе снарядовъ и взрывы ихъ послѣ нѣсколькихъ мгновеній томительнаго ожиданія у стѣнки окопа... Разсужденія провожавшаго меня унтеръ-офицера о томъ, что послѣ 12 часовъ можно свободно ходить, такъ какъ «онъ» пьетъ кофе... Раздраженные разговоры офицеровъ... Недовѣрчивые

взгляды солдатъ, сидящихъ въ какихъ-то норахъ-землянкахъ... Чрезвычайная убогость и бездарность выдумки въ самой постройкѣ закрытій и жилищъ, неподвижность и неряшливость во всемъ окопномъ быту. Помню, я вошелъ въ землянку ротнаго командира и удивился, что стѣны землянки не «одѣты» ни досками ни жердями, что̀ было не только негигіенично, но и опасно, такъ какъ земля могла обвалиться не только при попаданіи снаряда, но и при взрывѣ его на далекомъ сравнительно разстояніи. Въ отвѣтъ я услышалъ:

— Нѣтъ матеріала.

Но какъ разъ при вход въ землянку лежала большая груда жердей, давно уже доставленныхъ, и какъ разъ для «одежды» этого убѣжища. И саперы мнѣ жаловались, что пѣхота ничего не хочетъ дѣлать безъ особаго приказа или нагоняя.

Впечатлѣніе отъ нашихъ построекъ я вскорѣ могъ подкрѣпить впечатлѣніемъ отъ окоповъ противника. Послѣ наступленія 16-го года у меня явилось непреодолимое стремленіе лично осмотрѣть окопы, отбитые нами у противника для того, чтобы выводы и опытъ нашего фронта свѣрить съ выводами противника. Но мои хлопоты о соотвѣтствующей командировкѣ стоили мнѣ очень грознаго разговора съ генераломъ, при чемъ въ продолженіе всего разговора я не зналъ, чѣмъ въ результатѣ окончится мой визитъ — командировкой или арестомъ. Однако, командировка была дана, но лишь на сѣверный фронтъ. Но и это было весьма пріятно, такъ какъ давало возможность познакомиться съ наиболѣе для меня интересными окопами нѣмцевъ. Помимо непосредственной цѣли моей поѣздки и осмотра небольшихъ участковъ позицій против-

ника, отнятыхъ во время послѣднихъ боевъ, мнѣ, по разсказамъ участниковъ, водившихъ меня по мѣсту боевъ, удалось составить ясную картину самаго боя. Картина была весьма безотрадной. Топтаніе громадныхъ отрядовъ на одномъ мѣстѣ и полная безпомощность въ выполненіи операціи. И неудивительно, что корпусный инженеръ того корпуса, который велъ наступленіе, съ полной откровенностью говорилъ, что воевать съ нѣмцами безнадежно, ибо мы ничего не въ состояніи сдѣлать. Даже новые пріемы борьбы превращаются въ причины нашихъ неудачъ. Такъ, заимствованная отъ французовъ идея подготовки для наступленія инженернаго плацдарма привела къ тому, что въ безчисленныхъ ходахъ сообщенія армія застряла, запуталась, смѣшалась и, потерпѣвъ значительный уронъ отъ огня противника, вынуждена была ограничиться занятіемъ нѣсколькихъ выдвинутыхъ впередъ заставъ противника, при чемъ и этотъ минимальный успѣхъ былъ достигнутъ нѣсколькими латышскими ротами при полномъ безучастіи остальной арміи, формально тоже якобы ведшей наступленіе. — Нѣмецкіе окопы, хотя я ихъ видѣлъ на небольшомъ участкѣ и непосредственно послѣ боя, во время котораго наша артиллерія засыпала ихъ снарядами, произвели все же большое впечатлѣніе тщательностью отдѣлки, выдумкой и удобствомъ. Это чувствовали и солдаты. Около одного изъ солидныхъ нѣмецкихъ убѣжищъ, построеннаго на болотѣ насыпнымъ способомъ, сидѣло нѣсколько солдатъ. При разговорѣ они замѣтили:

— Были бы у насъ такіе домины, такъ ли бы мы воевали...

Часто приходилось мнѣ сталкиваться съ, такъ называемыми, общественными организа-

ціями. Къ нимъ у меня не было особенно дружелюбнаго чувства. Правда, въ нихъ было часто нѣчто отъ американизма — широта, розмахъ. Но на нашей почвѣ это подчасъ казалось непростительной тратой средствъ и силъ. Было пріятно, когда Союзъ Городовъ пріѣхалъ къ намъ завѣдывать кулинарной стороной дѣла и сталъ, дѣйствительно, хорошо кормить рабочихъ. Но было досадно смотрѣть, что штатъ интеллигентныхъ служащихъ, завѣдывавшихъ кормежкой одного участка, превосходилъ число интеллигентныхъ руководителей работъ всего отдѣла. При чемъ завѣдывающій столовой получалъ жалованье бо̀льшее, чѣмъ начальникъ отдѣла. Кромѣ того, количество такихъ организацій казалось явно чрезмѣрнымъ. Мы сомнѣвались, стоило ли строить позиціи около Пскова, а тутъ почти ежедневно пріѣзжали какія-то партіи то для осушки мѣстности, то для наводненія, то для сооруженія колодцевъ, то для дезинфекціи. Такъ какъ въ этихъ организаціяхъ служили военнообязанные, то это создавало представленіе о бо̀льшей ловкости тѣхъ, кто устроился тамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, они воспринимались военной массой.

3. Въ Петроградѣ.

Во время поѣздокъ на фронтъ я убѣдился, что хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могъ считать себя уже мастеромъ, но цѣлый рядъ сторонъ военно-инженернаго дѣла, необходимыхъ на фронтѣ, мнѣ совсѣмъ не былъ знакомъ. Поэтому я воспользовался удобнымъ подвернувшимся случаемъ возвратиться на время въ Петроградъ. Я носился съ обширными планами. Мнѣ хотѣлось, во-первыхъ, самому нѣсколько подза-

ниться, чтобы сдѣлаться законченнымъ военнымъ инженеромъ, а, кромѣ того, хотѣлось разработать и использовать мои замѣтки, скопившіяся за время годовой работы, — мои наблюденія на фронтѣ укрѣпили меня въ мысли о необходимости или, во всякомъ случаѣ, о полезности изданія этихъ замѣтокъ.

Сперва дѣло подвигалось съ трудомъ. Въ батальонѣ на меня вначалѣ поглядывали косо, и мой безпокойный характеръ приводилъ въ негодованіе старшихъ начальниковъ. Приходилось бороться.

Вскорѣ однако мое положеніе значительно улучшилось. Въ видѣ исключенія, мнѣ предоставили должность преподавателя полевой фортификаціи въ инженерной школѣ прапорщиковъ. Въ батальонѣ мнѣ давали работу по моему желанію, при чемъ мои обязанности заключались въ организаціи офицерскихъ собесѣдованій на военно-техническія темы, руководствѣ повторительными курсами для унтеръ-офицеровъ и завѣдываніи библіотекой, которую мнѣ пришлось создавать, что открывало очень цѣнную для меня возможность покупать военныя книги и выписывать всевозможныя, въ томъ числѣ и секретныя, изданія нашихъ штабовъ. Но болѣе всего меня занимала работа, которую я выполнялъ въ сотрудничествѣ съ двумя профессорами Инженерной Академіи — составленіе совершенно новаго учебника полевой фортификаціи. Мнѣ приходилось составлять первоначальный текстъ, вносить въ него всѣ исправленія моихъ сотрудниковъ, составлять окончательный текстъ. Я же составлялъ первоначальные эскизы чертежей и велъ корректуру. Я склоненъ былъ «фантазировать». Мои сотрудники тянули къ академическому канону. Но, такъ или иначе, къ Ро-

ждеству учебникъ вышелъ и имѣлъ совершенно исключительный успѣхъ: въ двѣ недѣли всѣ экземпляры разошлись, не поступая даже въ публичную продажу, и мы были вынуждены немедленно приступить къ новому изданію. Учебникъ былъ принятъ въ нѣсколькихъ военныхъ училищахъ и даже — вѣнецъ всѣхъ успѣховъ — въ Военной Академіи... Приватъ-доцентъ полевой фортификаціи — такъ въ шутку сталъ я именовать себя.

Я весь съ головой ушелъ въ свои новыя работы. Кромѣ лекцій въ училищѣ и въ батальонѣ и работъ надъ учебникомъ, я гастролировалъ по приглашенію съ лекціями въ офицерскихъ школахъ, въ юнкерскомъ училищѣ — въ своемъ же, Павловскомъ. Составилъ еще книжку о пулеметныхъ закрытіяхъ со многими рисунками и чертежами, чтобы дѣлать ее доступной для каждаго офицера и солдата. Соорудилъ модель приспособленія, которое давало возможность, дергая за веревки изъ окопа, переносить мину подъ проволочное загражденіе противника — движеніе этой забавной модели по столу въ офицерскомъ собраніи приводило въ восторгъ всѣхъ офицеровъ. Все это давало удовлетвореніе даже матеріальное.

Но вмѣстѣ съ успѣхами росли и требованія. До сихъ поръ я работалъ надъ одной областью военнаго искусства — надъ укрѣпленіемъ позицій. Но у меня начинала складываться общая концепція военныхъ дѣйствій на фронтѣ. Въ качествѣ библіотекаря батальона, я выписывалъ всѣ изданія всѣхъ штабовъ. Черезъ ген. Яковлева и полк. Бартошевича я имѣлъ всѣ новости военно-техническаго управленія и инженерной академіи, которая готовилась къ открытію. Черезъ своихъ знакомыхъ въ пулеметной школѣ

въ Ораніенбаумѣ я имѣлъ всевозможныя пѣхотныя новости. Какъ организаторъ лекцій для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, я познакомился съ такими сторонами дѣла, какъ газовая атака, о которой самъ читалъ лекціи. Къ этому же времени пріобрѣтали законченный видъ и мои историческія свѣдѣнія. Я зналъ по разсказамъ и описаніямъ довольно подробно не только общую картину важнѣйшихъ фазисовъ русско-германской войны, но и рядъ деталей въ бояхъ подъ Сольдау, подъ Ковно, подъ Барановичами, подъ Ригой, подъ Ковелемъ. Кромѣ того, я имѣлъ кое-какой масштабъ для сравненія, такъ какъ въ моихъ рукахъ побывали описанія боевъ на французскомъ фронтѣ — и мнѣ не чуждъ былъ смыслъ и характеръ боевъ подъ Аррасомъ, въ Шампани, подъ Верденомъ, у Перрона.

Чтеніе литературы, разсказы очевидцевъ и личныя небольшія впечатлѣнія толкали мысль на то, что наши силы не использованы въ полномъ объемѣ. Изученіе нашего устава о сапныхъ работахъ, съ его совершенно архаическими предписаніями, навело меня на цѣлый циклъ мыслей о томъ, что позиція фронта не должна быть ни на минуту неподвижной и должна неустанно давить на фронтъ противника. Мнѣ казалось, что безконечное количество живой силы, имѣющееся въ нашемъ распоряженіи — при этомъ мнѣ живо представлялись сонныя фигуры нашихъ солдатъ, сидящихъ мѣсяцами въ своихъ землянкахъ, — не должно оставаться ни на минуту неиспользованнымъ, а, превращенное въ движущуюся груду камня, земли и лѣса, въ видѣ все время надвигающихся на противника сооруженій, должно неустанно давить и ломать его фронтъ. Около 3-хъ мѣсяцевъ я носился съ этими мыслями въ тайнѣ. Наконецъ, подкрѣ-

пивъ свои соображенія всей доступной русской и иностранной военной литературой, я въ началѣ 17-го года составилъ маленькій докладикъ, который далъ прочесть моимъ военнымъ друзьямъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Генералъ, начальникъ училища, послѣ прочтенія доклада просилъ немедленно составить нѣсколько экземпляровъ для посылки во всѣ штабы фронтовъ и въ Ставку. Доклады были посланы, стали получаться даже отвѣты — нѣкоторые благопріятные, нѣкоторые крайне враждебные. Изъ Ставки пришелъ формальный отвѣтъ съ указаніемъ, что докладъ посланъ «не по командѣ» и долженъ сперва быть отправленъ на заключеніе въ военно-техническое управленіе. Я прочелъ докладъ въ офицерскомъ собраніи, и пренія и отзывы убѣдили меня въ правильности моихъ соображеній. И я рѣшилъ упорно бороться за ихъ осуществленіе въ жизни. Между прочимъ, для этой цѣли я посѣтилъ нѣкоторыхъ моихъ политическихъ друзей.

Часть вторая

Революція

Глава первая.

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ.

Я былъ такъ занятъ и увлеченъ военными дѣлами, что не замѣтилъ, какъ подошла весна 1917 года. Въ политическихъ кружкахъ я почти не бывалъ, хотя всю зиму провелъ въ Петроградѣ. Отчасти потому, что былъ переобремененъ военной работой, отчасти же потому, что мои взгляды и устремленія совершенно расходились съ настроеніями политическихъ круговъ. Я искалъ разрѣшенія вопроса въ технической сторонѣ дѣла. Но это не встрѣчало ни малѣйшаго сочувствія или отклика. Для русской общественности это составляло уже пройденный этапъ отношенія къ войнѣ... Правда, настроенія самихъ политическихъ кружковъ были весьма пестры. Даже въ средѣ наиболѣе близкихъ мнѣ представителей общественности я наталкивался на самое различное отношеніе къ вопросамъ дня. Такъ, помню, Н. Н. Сухановъ далъ мнѣ при встрѣчѣ Кентальскія резолюціи, которыя я возвратилъ ему съ ироническими замѣчаніями относительно интернаціональныхъ чудаковъ. М. Е. Березинъ, б. т. предсѣдателя 2-ой Гос. Думы, встрѣтилъ мои пылкія техническія выкладки сухимъ замѣчаніемъ, что не о новомъ способѣ продолженія войны надо думать, а о томъ, какъ войну кончать. Мякотинъ удивился, когда я высказалъ пессимистическія соображенія о возможности намъ быстро добраться до Константинополя. — Но былъ одинъ вопросъ,

въ которомъ всѣ сходились: отношеніе къ правительству. Необходимость смѣны правительства считалась аксіомой политической тактики. Ощущеніе фронта, глухое недовольство полуразбитой арміи воплотилось въ тылу въ яркую оппозиціонность. Носившееся надъ всѣмъ фронтомъ настроеніе «войну нельзя продолжать» — въ интерпретаціи наиболѣе слышнаго въ тылу политическаго настроенія получало добавленіе — «пока существуетъ теперешнее правительство», основной лозунгъ, звучавшій ярко и ощутимо во всей дѣятельности прогрессивнаго блока. Рѣчи въ Государственной Думѣ и политическіе слухи, тысячами ходившіе по городу, несомнѣнно производили большое впечатлѣніе на армію. Офицерская среда съ полной увѣренностью присоединялась къ оптимистическимъ ожиданіямъ новаго правительства, которое сумѣетъ лучше вести войну, сумѣетъ возбудить народную энергію. И намъ казалось, что и солдатская масса воспринимаетъ такъ же политическія настроенія. Развѣ солдаты не просили меня дать имъ рѣчь Милюкова противъ Штюрмера или рѣчь Львова на Земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ?

Въ воздухѣ носились настолько отчетливыя ожиданія какихъ-то событій, что однажды, будучи дежурнымъ въ батальонѣ въ одинъ изъ тревожныхъ дней, когда, по всеобщему увѣренію, что-то должно было произойти, я звонилъ Керенскому изъ казармъ, чтобы онъ имѣлъ въ виду, что я дежурю въ войсковой части, ближайшей къ Таврическому Дворцу.

Какого-нибудь участія въ заговорщическихъ кружкахъ того времени я не принималъ. Лишь въ концѣ января мѣсяца мнѣ пришлось въ очень интимномъ кружкѣ встрѣтиться съ Керенскимъ. Рѣчь шла о возможностяхъ Дворцоваго пере-

ворота. Къ возможностямъ народнаго выступленія всѣ относились опредѣленно отрицательно, боясь, что, разъ вызванное, народное массовое движеніе можетъ попасть въ крайне-лѣвыя русла, и это создастъ чрезвычайныя трудности въ веденіи войны. Даже вопросъ о переходѣ къ конституціонному режиму вызывалъ серьезныя опасенія и убѣжденіе, что новой власти нельзя будетъ обойтись безъ суровыхъ мѣръ для поддержанія порядка и недопущенія пораженческой пропаганды. Но это не колебало общей рѣшимости покончить съ безобразіями придворныхъ круговъ и низвергнуть Николая. Въ качествѣ кандидатовъ на престолъ назывались различныя имена, но наибольшее единодушіе вызывало имя Михаила Александровича, какъ единственнаго кандидата, обезпечивающаго конституціонность правленія.

Я былъ настолько оторванъ отъ общественной жизни, что 26 февраля лишь вечеромъ узналъ, что въ городѣ происходили какія-то демонстраціи. М. Н. Петровъ прибѣжалъ ко мнѣ въ страшномъ волненіи, разсказалъ о событіяхъ, о стрѣльбѣ на улицахъ, сталъ говорить о необходимости военнаго выступленія противъ правительства и побудилъ меня къ тому, чтобы я отправился къ Березину и просилъ его связать меня съ президіумомъ Государственной Думы и выяснить вопросъ, что могло бы быть, если бы мнѣ удалось собрать офицеровъ и убѣдить ихъ подписать резолюцію о подчиненіи батальона Государственной Думѣ. Я хорошо зналъ весь офицерскій составъ нашего батальона и унтеръ-офицерскій. И мнѣ казалось, что послѣ тѣхъ предварительныхъ разговоровъ и нащупываній, которыя я имѣлъ, и которыя дали хорошій результатъ, можно было въ нѣсколько дней под-

готовить подобную демонстрацію. Березинъ обѣщалъ принести мнѣ отвѣтъ на слѣдующій день около 6 часовъ.

Но я не получилъ его отвѣта. На другой день рано утромъ я собирался, по обыкновенію, въ батальонъ. Вдругъ раздался звонокъ по телефону, и отъ имени Керенскаго мнѣ сообщили, что Дума распущена, Протопоповъ объявленъ диктаторомъ, что въ Волынскомъ полку произошло выступленіе, полкъ перебилъ офицеровъ, вышелъ съ винтовками на улицу и направился къ Преображенскимъ казармамъ (въ этихъ казармахъ былъ расположенъ мой батальонъ). Не тратя ни минуты времени, я схватилъ свое боевое снаряженіе и помчался въ батальонъ. На углу Литейнаго и Кирочной я увидѣлъ толпу людей, сосредоточенно глядѣвшихъ вдоль Кирочной улицы. Я подошелъ — въ концѣ Кирочной, какъ разъ противъ Преображенскихъ казармъ, клубилась сѣрая, безпорядочная толпа солдатъ, медленно подвигающаяся къ Литейному проспекту. Надъ ихъ головами видны были два или три темныхъ знамени изъ тряпокъ.

Я направился къ толпѣ, но меня остановилъ какой-то унтеръ-офицеръ, поспѣшно бѣжавшій отъ толпы:

«Ваше благородіе, не ходите, убьютъ! Командиръ батальона убитъ, поручикъ Уструговъ убитъ, и еще нѣсколько офицеровъ лежитъ у воротъ. Остальные разбѣжались.»

Я смутился и завернулъ въ школу прапорщиковъ въ началѣ Кирочной; пытался связаться по телефону съ батальономъ и Государственной Думой, но не получилъ ниоткуда отвѣта. Тѣмъ временемъ толпа надвинулась на училище, ворвалась въ помѣщеніе. Но былъ данъ только одинъ случайный выстрѣлъ въ корридорѣ. Сол-

даты разобрали винтовки и пошли дальше. Я вышелъ изъ училища и пробовалъ убѣждать солдатъ итти къ Таврическому Дворцу. Но мои слова были встрѣчены недовѣріемъ: «Не заманиваетъ ли въ западню»...

На улицѣ меня солдаты задержали, отняли оружіе. Пьяный солдатъ, припоминая обиды, нанесенныя ему какимъ-то офицеромъ, настаивалъ на томъ, чтобы меня прикончить. Но, въ общемъ, толпа была мирно настроена. Одинъ солдатъ изъ моего батальона завѣрилъ, что онъ меня знаетъ: «Это нашъ, хорошій», и меня отпустили съ миромъ.

Когда я пришелъ въ батальонъ, въ немъ уже не было ни души, — всѣ разбрелись по городу. Нѣсколько солдатъ въ учебной командѣ мирно пили чай. Я сталъ съ ними разговаривать. Неопредѣленные отвѣты, неопредѣленные вопросы. Было ясно, что солдаты не вѣрятъ мнѣ и знаютъ, что я также не вѣрю имъ.

Уже вечеромъ я отправился въ Таврическій Дворецъ. На дворѣ небольшія, нестройныя кучки солдатъ. У дверей напирала толпа штатскихъ, учащейся молодежи, общественныхъ дѣятелей, стараясь войти въ зданіе. Я быстро получилъ пропускъ и сталъ искать Керенскаго. Его я нашелъ въ просторной залѣ, гдѣ, кромѣ него, былъ только Чхеидзе, съ поднятымъ воротникомъ, оба въ волненіи. Чхеидзе все время бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Керенскаго вызвали въ сосѣднюю комнату, откуда онъ вышелъ съ сообщеніемъ, что заняты почта и телеграфъ, но что необходимо туда послать подкрѣпленіе. Я заявилъ, что никакое подкрѣпленіе нельзя послать, пока солдаты не приведены въ порядокъ. Чхеидзе торопливо подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что вѣрно, что прежде всего нуженъ порядокъ,

нужно строить полки или что-то въ родѣ этого. Я спросилъ кого-то изъ окружающихъ, гдѣ остальные члены Думы. Мнѣ отвѣтили, что разбѣжались, такъ какъ почувствовали, что дѣло плохо. Впослѣдствіи я убѣдился, что это была ошибка, такъ какъ, нпр., Родзянко былъ въ то время въ штабѣ и говорилъ по проводу съ фронтами. И дѣло было не «плохо», но только оно не сосредоточивалось въ Таврическомъ Дворцѣ, который только самъ считалъ себя руководителемъ возстанія. На самомъ же дѣлѣ возстаніе совершалось стихійно, на улицахъ. Окружной Судъ уже догоралъ. На Литейномъ и Невскомъ были баррикады, и, по существу, уже весь городъ былъ внѣ власти прежняго правительства. Но полный розмахъ возстанія сталъ ясенъ на слѣдующій день съ утра. На улицахъ немолчно, повсюду, повидимому безпричинно и безцѣльно, происходила стрѣльба изъ пулеметовъ, винтовокъ и револьверовъ. Казалось, винтовки стрѣляли сами собой. Казалось, громадные запасы взрывчатаго вещества, накапливаемые противъ противника, пріобрѣли свойство взрываться сами собой въ тылу, раня и убивая, кого попало. И запасы противочеловѣческой ненависти вдругъ раскрылись и мутнымъ потокомъ вылились на улицахъ Петрограда въ формахъ избіенія городовыхъ, ловлѣ подозрительныхъ лицъ, въ возбужденныхъ фигурахъ солдатъ, катающихся бѣшено на автомобилихъ.

Къ Думѣ трудно было уже протолкаться — солдаты, матросы, рабочіе массами шли туда. Несмотря на строгій контроль и пропускъ только съ разрѣшеніемъ, выдаваемымъ въ комендантской комнатѣ, толпа спорадически отталкивала часовыхъ и вливалась во Дворецъ. Всѣ коридоры, комнаты полны снѣшащими, требующими,

недовольными, усталыми отъ ожиданія, отъ неизвѣстности и неопредѣленности.

Все свое время я дѣлилъ между батальономъ и Думой, стараясь, и не совсѣмъ безуспѣшно, навести какой-нибудь порядокъ въ своей части. Были тренія изъ-за командира батальона — прежній былъ убитъ въ первый моментъ возстанія, когда онъ, во главѣ учебной команды, вышелъ на встрѣчу возставшимъ. Новый — старшій въ чинѣ, выбранный офицерами и представителями отъ ротъ, не понравился. Откуда-то взялись какіе-то агитаторы изъ солдатской же среды и стали сѣять смуту, призывая не вѣрить офицерамъ. Пришлось согласиться на другого кандата — почти безсловеснаго прапорщика: по моему предложенію, весь батальонъ — и солдаты и офицеры — вышли въ полномъ строевомъ порядкѣ на дворъ. Тамъ я, отъ имени Государственной Думы, представилъ батальону новаго командира, произнесъ примирительную рѣчь и предложилъ съ музыкой въ строю пройти къ Таврическому Дворцу. Картина нашего шествія была настолько внушительная, что произвела впечатлѣніе даже въ тѣ дни, когда Дворецъ осаждался со всѣхъ сторонъ солдатами. Чхеидзе, безконечно выступавшій съ привѣтствіями частямъ, былъ настолько пораженъ нашей, дѣйствительно внушительной и растянувшейся чуть ли не на версты манифестаціей — всѣ въ безукоризненномъ строю, съ офицерами на мѣстахъ, съ оркестромъ музыки, — что палъ на колѣни и, схвативъ красное знамя первой роты, сталъ въ восторгѣ цѣловать его, какъ символъ уже побѣдившей революціи.

Но я не обольщался и чувствовалъ, что подъ этимъ наскоро сколоченнымъ порядкомъ нѣтъ еще арміи, что разложеніе идетъ глубже, что

мы живемъ не уже новымъ порядкомъ, а только инерціей стараго. Но надолго ли хватитъ этой инерціи? Для характеристики моихъ настроеній, несомнѣнно еще сравнительно бодрыхъ — офицеры въ батальонѣ говорили мнѣ, что они чувствуютъ себя спокойными только при мнѣ, и, вѣроятно подъ ихъ вліяніемъ, представители ротъ избрали меня помощникомъ командира батальона — могу привести маленькій разговоръ съ Керенскимъ. Въ одинъ изъ первыхъ дней, когда еще велись переговоры относительно составленія правительства, Керенскій, увидя меня около кабинета Родзянки, подошелъ ко мнѣ и заявилъ: «Знаете ли, мнѣ предлагаютъ портфель министра юстиціи... Брать или не брать?» Вопросъ былъ въ той плоскости, что демократическія партіи вообще отказались отъ участія въ Правительствѣ, и Керенскому приходилось итти противъ настроеній своихъ друзей.

— Все равно, отвѣтилъ я, возьмете или нѣтъ — все пропало.

— Какъ все пропало? Вѣдь все идетъ превосходно.

— Армія разлагается... Но, быть можетъ, вы еще спасете. Конечно, брать...

И я поцѣловалъ его.

Я сталъ слишкомъ военнымъ, чтобы воспринимать что-либо помимо соображеній, какъ это отразится на судьбѣ военныхъ операцій. И для своего отношенія къ событіямъ въ первый же день я нашелъ формулу: «Черезъ десять лѣтъ будетъ хорошо, а теперь — черезъ недѣлю нѣмцы будутъ въ Петроградѣ.»

И я склоненъ утверждать, что такія настроенія были, въ сущности, главенствующими. И при томъ не только въ сравнительно правыхъ группахъ. Офиціально торжествовали, сли-

вословили революцію, кричали «ура» борцамъ за свободу, украшали себя красными бантами и ходили подъ красными знаменами... Дамы устраивали для солдатъ питательные пункты. Всѣ говорили «мы», «наша» революція, «наша» побѣда и «наша» свобода. Но въ душѣ, въ разговорахъ наединѣ — ужасались, содрагались и чувствовали себя плѣненными враждебной стихіей, идущей какимъ-то невѣдомымъ путемъ. Буржуазные круги Думы, въ сущности, создавшіе атмосферу, вызвавшую взрывъ, были совершенно неподготовлены къ «такому» взрыву. Никогда не забудется фигура Родзянко, этого грузнаго барина и знатной персоны, когда, сохраняя величавое достоинство, но съ застывшимъ на блѣдномъ лицѣ выраженіемъ глубокаго страданія и отчаянія, онъ проходилъ черезъ толпы распоясанныхъ солдатъ по корридорамъ Таврическаго Дворца. Офиціально значилось — «солдаты пришли поддержать Думу въ ея борьбѣ съ правтительствомъ», а фактически — Дума оказалась упраздненной съ первыхъ же дней. И то же выраженіе было на лицахъ всѣхъ членовъ Временнаго Комитета Думы и тѣхъ круговъ, которые стояли около нихъ. Говорятъ, представители прогрессивнаго блока плакали по домамъ въ истерикѣ отъ безсильнаго отчаянія... Даже заглядывая въ столовыя, гдѣ безплатно, съ полнымъ радушіемъ, круглыя сутки кормили солдатъ, я видѣлъ, что гостепріимныя хозяйки словно откупались отъ солдатчины, прикармливали ихъ, но чувствовали безнадежность этого, такъ какъ солдаты сосредоточенно сидѣли и жевали, не выпуская изъ рукъ винтовокъ, не разговаривая даже между собой, не дѣлясь впечатлѣніями, но какимъ-то стаднымъ чувствомъ сознавая что-то общее, думали по-своему, по-

иному, непонятному и не поддающемуся истолкованію.

Все это особенно рѣзко сказывалось на положеніи офицерства. Событія, навалившіяся на него, были такъ рѣзко и грубо ломающими всѣ установленные порядки механизированной арміи... И дѣло не въ приказѣ № 1—2-ой, не въ тѣхъ или иныхъ мѣрахъ, не въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ воззваній. Дѣло было въ томъ, что солдаты, нарушивъ дисциплину и выйдя изъ казармъ не только безъ офицеровъ, но и помимо офицеровъ, а во многихъ случаяхъ противъ офицеровъ, даже убивая ихъ, исполняющихъ свой долгъ, оказалось, по офиціальной, повсемѣстной и всенародной и обязательной для самихъ офицеровъ терминологіи, совершили великій подвигъ освобожденія. Если это подвигъ, и если офицерство теперь само утверждаетъ это, то почему же оно не вывело солдатъ на улицу — вѣдь ему это было легче и безопаснѣе сдѣлать. Теперь, послѣ факта побѣды, оно присоединилось къ подвигу. Но искренне и надолго ли? — Вѣдь въ первыя минуты оно растерялось, попряталось, попереодѣвалось... Пусть на другой день пришли всѣ офицеры... Пусть нѣкоторые изъ офицеровъ прибѣжали и присоединились черезъ пять минутъ послѣ выхода солдатъ. Все равно, тутъ солдаты вывели офицеровъ, а не офицеры солдатъ, и эти пять минутъ составили непереходимую пропасть, отдѣляющую отъ всѣхъ глубочайшихъ и основныхъ предпосылокъ старой арміи.

Но армія вышла не только изъ рукъ командного состава — даже новаго, даже избраннаго, даже признаннаго революціей. Она не была въ рукахъ и того средняго и руководящаго общественнаго мнѣнія, которое, волей или неволей, сан-

кціонировало переворотъ, какъ осуществленіе его требованій. Обычно исторію первыхъ дней революціи представляютъ въ видѣ разлада между Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Временнымъ Комитетомъ Думы. Дѣйствительно, противоположность между обѣими организаціями сказывалась съ каждымъ днемъ принципіальнѣе и глубже по существу и ощутительнѣе во внѣ. Въ сущности, только формальная связь личности Керенскаго соединяла оба института, оспаривавшіе другъ у друга руководство революціоннымъ движеніемъ. Но Временный Комитетъ Думы имѣлъ слишкомъ законченную и опредѣленную идеологію, стремился къ слишкомъ отчетливой и напоминающей старую организацію власти, чтобы вмѣстить въ себя бурный наплывъ революціонной стихіи, чтобы долго находиться на его гребнѣ. Напрасно онъ оказывалъ революціи громадныя услуги, покоривъ ей сразу весь фронтъ и все офицерство. Онъ самъ немедленно не сметался даже, а просто затапливался стихіей, забывался. Вѣдь даже въ Таврическомъ Дворцѣ онъ былъ, сравнительно, мало замѣтнымъ.

Образованіе Временнаго Правительства мало измѣнило положеніе дѣла. 3-го марта, узнавъ въ Таврическомъ Дворцѣ объ образованіи Правительства, я немедленно отправился въ свой батальонъ сообщить объ этомъ солдатамъ и офицерамъ. Я обходилъ роту за ротой, произносилъ коротенькія рѣчи о необходимости правительства и о личномъ составѣ Временнаго Правительства. Мнѣ припоминается, что слова о необходимости правительства воспринимались довольно сухо. Не особенно дружно привѣтствовали и отдѣльныхъ министровъ. Ни крупнѣйшій авторитетъ предсѣдателя совѣта министровъ

Г. Львова, ни прежнія заслуги передъ арміей новаго военнаго министра Гучкова, ни сокрушающіе удары, которые нанесъ старой власти Милюковъ, теперь министръ иностранныхъ дѣлъ, ни заслуги по организаціи Военно-Промышленнаго Комитета Коновалова, ставшаго министромъ торговли и промышленности, ни Некрасовъ, министръ путей сообщенія, ни Терещенко, министръ финансовъ, ни Шингаревъ, министръ земледѣлія — не вызывали энтузіазма, хотя я говорилъ о нихъ съ воодушевленіемъ, такъ какъ хорошо зналъ, что̀ значитъ въ Россіи переходъ власти въ ихъ руки. Но въ аудиторіи чувствовался холодокъ. Лишь когда я называлъ Керенскаго, тогда слушатели вдругъ вспыхивали истиннымъ удовлетвореніемъ: въ немъ они чувствовали «своего» министра. Но Керенскій былъ одинъ. Остальнымъ министрамъ толпа уже не довѣряла. Но и къ Керенскому было личное довѣріе, несмотря на то, что онъ сталъ министромъ, за то, что онъ общепризнанный герой революціи.

Поэтому, несмотря на образованіе Временнаго Правительства, Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, или, вѣрнѣе, его Исполнительный Комитетъ вскорѣ сталъ, безспорно, единственнымъ вождемъ революціи. Это было понятно для рабочей среды. Но почему Исполнительный Комитетъ завоевалъ армію? Вѣдь все офицерство было не на его сторонѣ? Но это и было какъ разъ причиной популярности Комитета. Солдатская масса, особенно послѣ приказа № 1, восприняла Комитетъ какъ анти-офицерскую организацію и именно поэтому встала около него. Солдатской же массѣ уже принадлежало руководящее положеніе въ арміи.

Естественно, что весь ужасъ передъ раз-

гулявшейся стихіей проектировался на Комитетѣ, и комната № 13 Таврическаго Дворца стала фокусомъ озлобленнаго и тревожнаго недовѣрія. Особенно ярки эти настроенія были около товарища предсѣдателя С. Р. и С. Д. — Керенскаго. Онъ былъ единственный человѣкъ, который съ энтузіазмомъ и съ полнымъ довѣріемъ отдался стихіи народнаго движенія, чувствуя гораздо болѣе и шире, чѣмъ другіе, и сознавъ съ перваго дня все историческое величіе совершающагося переворота. Единственно онъ со всей вѣрой въ правду говорилъ съ солдатами «мы»... И вѣрилъ, что масса хочетъ именно того, что исторически необходимо для момента. Но, понимая, что съ каждымъ днемъ масса уходитъ куда-то въ сторону, что около Временнаго Правительства образуется пустота, что пѣна гребня несется гдѣ-то въ сторонѣ, увлекаемая совершенно непредвидимыми водоворотами — онъ часто очень рѣзко отзывался о руководителяхъ Исполнительнаго Комитета.

Я сперва воспринималъ событія такъ же, какъ Керенскій, и для себя лично счелъ наиболѣе соотвѣтствующимъ вести борьбу съ анархіей въ самомъ гнѣздѣ ея. Поэтому я предложилъ офицерамъ нашего батальона послать своего представителя въ Совѣтъ. Офицеры согласились и единогласно выбрали меня. Преодолѣвая довольно жестокое сопротивленіе мандатной комиссіи, доказывающей, что представители отъ офицеровъ не допускаются въ Совѣтъ, я все же настоялъ на своемъ правѣ и проникъ въ это грозное собраніе. Но Совѣтъ оказался просто толпой солдатъ, довольно дружелюбно настроенныхъ. Я попробовалъ выступить — меня встрѣтили солдаты моего батальона апплодисментами. Попробовалъ говорить о необходимости револю-

ціонной дисциплины. То же одобреніе. Почему въ Совѣтѣ настроенія болѣе мягкія и пріятныя, чѣмъ въ батальонѣ?

И все яснѣе чувствовалось нѣчто иное, болѣе глубокое и безпокойное, чѣмъ вопросъ о распредѣленіи вліяній лѣвыхъ и правыхъ круговъ общественности. Чувствовалось, что масса ушла не только отъ средняго общественнаго мнѣнія, отъ круговъ, которые въ свою пользу оспаривали власть у стараго правительства, но что она вообще никѣмъ не руководится, что она живетъ своими законами и ощущеніями, которыя не укладываются ни въ одну идеологію, ни въ одну организацію, которыя вообще противъ всякой идеологіи и организаціи, такъ какъ это по природѣ своей анархическая стихія. Вѣдь не только офицеры прибѣжали черезъ пять минутъ послѣ того, какъ солдаты вышли на улицу, но лишь черезъ пять минутъ прибѣжали и дѣятели прогрессивнаго блока, и меньшевики, и большевики. Я часто чувствовалъ раскаяніе, почему я не презрѣлъ предостереженія унтеръ-офицера и не бросился со всѣхъ ногъ къ толпѣ, окружавшей мой батальонъ, и не повелъ ее къ Думѣ. Керенскій часто говаривалъ своимъ друзьямъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, что не отправился въ казармы Волынскаго полка, какъ только узналъ о безпорядкахъ тамъ. Но вѣдь это безразлично, все равно это было бы съ опозданіемъ на пять минутъ и не измѣнило бы того факта, что масса двинулась сама, повинуясь какому-то безотчетному внутреннему позыву. Кто вызвалъ солдатъ на улицу? Ни одна партія, при всемъ желаніи присвоить себѣ эту честь, не могла дать на это отвѣтъ. Кто могъ предвидѣть выступленіе? — Какъ разъ наканунѣ его было собраніе представителей лѣ-

выхъ партій, и большинству казалось, что движеніе идетъ на убыль, и что правительство побѣдило. Съ какимъ лозунгомъ вышли солдаты? Они шли, повинуясь какому-то тайному голосу, и съ видимымъ равнодушіемъ и холодностью позволили потомъ навѣшивать на себя всевозможные лозунги. Кто велъ ихъ, когда они завоевывали Петроградъ, когда жгли Окружной Судъ? Не политическая мысль, не революціонный лозунгъ, не заговоръ и не бунтъ. А стихійное движеніе, сразу испепелившее всю старую власть безъ остатка: и въ городахъ, и въ провинціи, и полицейскую, и военную, и власть самоуправленій. Неизвѣстное и таинственное и ирраціональное, коренящееся въ скованномъ видѣ въ народныхъ глубинахъ, вдругъ засверкало штыками, загремѣло выстрѣлами, загудѣло, заволновалось сѣрыми толпами на улицахъ. Къ этому неизвѣстному подошли и попробовали его взять въ руки. И, не умѣя формулировать возраженія, не зная, какъ оказать сопротивленіе, масса стала повторять чужіе лозунги и чужія слова, дала расписать себя по партіямъ и по организаціямъ. И, естественно, наименѣе организованное и наименѣе требующее организованности оказалось наиболѣе по душѣ. Совѣтъ, это собраніе полуграмотныхъ солдатъ, оказался руководителемъ потому, что онъ ничего не требовалъ, потому что онъ былъ только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначаліе. Но удержитъ ли Совѣтъ движеніе, когда онъ начнетъ требовать? Проченъ ли слой хотя бы совѣтской идеологіи на бушующемъ морѣ народной раскаленной лавы?

Мнѣ кажется, что яснѣе всего эту тревогу ощущалъ Н. Н. Сухановъ, который, пытаясь и будучи дѣйствительно наиболѣе способнымъ занять мѣсто идеолога революціи въ ея первомъ

развитіи, чувствовалъ, что движеніе не укладывается ни въ какія схемы. Онъ былъ увѣренъ, что Временное Правительство не удержится у власти. Но что будетъ дальше? Должно быть, движеніе налѣво. Но умѣренная демократія, во главѣ съ Керенскимъ, не хочетъ понять всей глубины народнаго бунтарства, не уясняетъ того, что если бы не Исполнительный Комитетъ, на который столько нападаютъ, весь фронтъ сгорѣлъ бы въ первые же дни революціи, такъ какъ только Комитетъ придаетъ кое-какую государственность и организованность массовому движенію. Что было бы безъ него? Хаосъ!...

Крайніе лѣвые чувствовали, что масса чужда имъ не менѣе, чѣмъ крайніе правые. И это сознаніе питало все время опасенія передъ контръреволюціей. Сегодня массы, повинуясь своему внутреннему ирраціональному позыву, идутъ за Комитетомъ. Но кто поручится, что завтра онѣ не пойдутъ за кѣмъ-нибудь инымъ, за какимъ-нибудь бравымъ генераломъ, который сумѣетъ имъ скомандовать или увлечь инымъ способомъ за собой! Вѣдь нѣтъ никакой организаціи, вѣдь все пестро не только въ настроеніяхъ толпы. Вѣдь даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ случай, что въ теченіе цѣлой недѣли рабочіе всего района Обуховскаго завода оказались въ рукахъ какого-то проѣзжаго, никому неизвѣстнаго казака, отказываясь повиноваться не только администраціи, не только своему выборному Совѣту, но даже представителямъ Исполнительнаго Комитета, которымъ лишь съ большими трудностями и личной опасностью удалось добиться удаленія таинственнаго проходимца. И это среди рабочихъ, наиболѣе организованныхъ и сознательныхъ. Что же говорить о солдатахъ! И со всѣхъ сторонъ постоянно слышались опасенія, что революція

не дойдетъ до Учредительнаго Собранія. Помню таинственную увѣренность, съ которой Березинъ не разъ говорилъ, что Учредительнаго Собранія не будетъ, и я съ трудомъ могу припомнить, съ какой стороны онъ опасался взрыва — справа или слѣва. Весь Исполнительный Комитетъ все время безпокоился, чтобы скорѣе двигались работы по созыву Учредительнаго Собранія. И я, исходя, въ сущности, изъ тѣхъ же ощущеній, но видя опасность съ другой стороны, въ солдатскомъ клубѣ, читая лекцію объ Учредительномъ Собраніи, очень подробно и предостерегающе останавливался на картинахъ французскаго Конвента, насилуемаго толпой. И большевики — клубъ былъ, какъ оказалось, организованъ большевиками — остались очень довольны этой стороной, выясняющей, что солдатская масса должна будетъ признать суверенность народной воли.

Въ конечномъ итогѣ ту же мысль, но въ иной формулировкѣ, высказывалъ П. Е. Щеголевъ, который часто бывалъ въ Таврическомъ Дворцѣ и безстрастнымъ окомъ историка взиралъ на величайшія историческія явленія. Какъ-то разъ я встрѣтилъ его въ Екатерининскомъ залѣ внимающимъ восторгу толпы при очередной демагогической выходкѣ Стеклова...

— Что будетъ? Монархія будетъ, вотъ что.. Не будетъ никакихъ «революціонныхъ порядковъ»... Глупости все это! Русскій крестьянинъ не мыслитъ правопорядка, не вѣнчаннаго короной...

Но Щ....., кажется, не задавалъ себѣ тогда вопроса, хочетъ ли крестьянинъ правопорядка вообще, и когда онъ захочетъ его.

Глава вторая.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ.

---

1. Внѣшній характеръ.

Въ началѣ марта я вошелъ въ составъ Исполнительнаго Комитета, къ полусерьезному, полушутливому негодованію Суханова, который находилъ, что здѣсь не мѣсто «геометрамъ и фортификаторамъ». Въ Комитетѣ я представлялъ наиболѣе правую изъ допускающихся тамъ группъ — группу трудовиковъ. Весь мартъ и апрѣль я былъ однимъ изъ усидчивыхъ и постоянныхъ посѣтителей засѣданій, распростившись, хотя не безъ колебаній, со своей фортификаціей. Фактически я ограничивался ролью только наблюдателя, такъ какъ послѣ трехъ лѣтъ перерыва политическая работа была для меня слишкомъ чужда и необычна.

Въ это время Исполнительный Комитетъ имѣлъ чрезвычайный вѣсъ и значеніе. Формально онъ представлялъ собой только Петроградъ, но фактически это было революціонное представительство для всей Россіи, высшій авторитетный органъ, къ которому прислушивались отовсюду съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ къ руководителю и вождю возставшаго народа. Но это было полнѣйшимъ заблужденіемъ. Никакого руководительства не было, да и быть не могло.

Прежде всего, Комитетъ былъ учрежденіемъ, созданнымъ наспѣхъ и уже въ формахъ своей дѣятельности имѣвшимъ множество чрезвычайныхъ недостатковъ.

Засѣданія происходили каждый день съ часу дня, а иногда и раньше, и продолжались до поздней ночи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда происходили засѣданія Совѣта, и Комитетъ, обычно въ полномъ составѣ, отправлялся туда. Порядокъ дня устанавливался обычно «міромъ», но очень рѣдки были случаи, чтобы удалось разрѣшить не только всѣ, но хотя бы одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ, такъ какъ постоянно во время засѣданій возникали экстренные вопросы, которые приходилось разрѣшать не въ очередь. Между прочимъ, вопросъ объ организаціи работъ Комитета ставился на очередь систематически ежедневно, но онъ получилъ свое разрѣшеніе лишь къ концу апрѣля, т. е. ко времени, когда само вліяніе Комитета стало замѣтно падать. Вопросы приходилось разрѣшать подъ напоромъ чрезвычайной массы делегатовъ и ходоковъ какъ изъ петроградскаго гарнизона, такъ и съ фронтовъ и изъ глубины Россіи, при чемъ всѣ делегаты добивались во что бы то ни стало быть выслушанными въ пленарномъ засѣданіи Комитета, не довольствуясь ни отдѣльными членами его ни комиссіями. Въ дни засѣданій Совѣта или солдатской секціи дѣла приходили въ катастрофическое разстройство.

Пробовали было провести раздѣленіе труда устройствомъ разныхъ комиссій. Но это мало помогло дѣлу, такъ какъ центръ тяжести попрежнему лежалъ на пленумѣ хотя бы потому, что комиссіямъ некогда было засѣдать, въ виду перманентности засѣданій Комитета. Важнѣй-

шія рѣшенія принимались часто совершенно случайнымъ большинствомъ голосовъ. Обдумывать было некогда, ибо все дѣлалось второпяхъ, послѣ ряда безсонныхъ ночей, въ суматохѣ. Усталость физическая была всеобщей. Недоспанныя ночи. Безконечныя засѣданія. Отсутствіе правильной ѣды — питались хлѣбомъ и чаемъ и лишь иногда получали солдатскій обѣдъ въ мискахъ безъ вилокъ и ножей.

Техническіе недочеты, неспособность или невозможность организовать правильную работу увеличивались политической дезорганизованностью, а въ началѣ — и соотношеніемъ личныхъ силъ. Главенствующее положеніе въ Комитетѣ все время занимали соціалъ-демократы различныхъ толковъ. Н. С. Чхеидзе — незамѣнимый, энергичный, находчивый и остроумный предсѣдатель, но именно только предсѣдатель, а не руководитель Совѣта и Комитета: онъ лишь офармливалъ случайный матеріалъ, но не давалъ содержанія. Впрочемъ, онъ былъ нездоровъ и потрясенъ горемъ — смертью сына. Я часто улавливалъ, какъ онъ сидѣлъ на засѣданіи, устремивъ съ застывшимъ напряженіемъ глаза впередъ, ничего не видя и не слыша. Его товарищъ — М. И. Скобелевъ, всегда оживленный, бодрый, словно притворявшійся серьезнымъ. Но Скобелева рѣдко можно было видѣть въ Комитетѣ, такъ какъ ему приходилось очень часто разъѣзжать для тушенія слишкомъ разгорѣвшейся революціи въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ, Выборгѣ и Ревелѣ... Н. Н. Сухановъ, старавшійся руководить идейной стороной работъ Комитета, но не умѣвшій проводить свои стремленія черезъ суетливую и неряшливую технику собраній и засѣданій. Б. О. Богдановъ, полная противоположность Суханову, сравнительно легко-

мысленно относившійся къ большимъ принципіальнымъ вопросамъ, но зато бодро барахтавшійся въ грудѣ дѣловой работы и организаціонныхъ вопросовъ и терпѣливѣе всѣхъ высиживавшій на всѣхъ засѣданіяхъ солдатской секціи Совѣта. Ю. М. Стекловъ, изумлявшій работоспособностью, умѣніемъ пересиживать всѣхъ на засѣданіяхъ и, кромѣ того, редактировать совѣтскія «Извѣстія» и упорно гнувшій крайне лѣвую, непримиримую, или, вѣрнѣе сказать, трусливо-революціонную линію. К. А. Гвоздевъ, выдѣлявшійся разсудительной практичностью и государственной хозяйственностью своихъ выводовъ и негодовавшій, что жизнь идетъ такъ неразсчетливо-сумбурно; встревоженно, съ недоумѣніемъ и, наконецъ, съ негодованіемъ смотрѣвшій, какъ его товарищи рабочіе стали такъ недальновидно проматывать богатства страны. М. И. Гольдманъ (Либеръ) — яркій, неотразимый аргументаторъ, направлявшій остріе своей рѣчи неизмѣнно налѣво. Н. Д. Соколовъ, какъ-то странно не попадавшій въ тактъ и тонъ событій и старавшійся не показать виду, что онъ самъ понимаетъ и видитъ это не хуже, а, можетъ быть, лучше другихъ. Г. М. Эрлихъ, котораго я болѣе всего помню окруженнымъ толпой делегатовъ передъ дверьми Комитета. Потомъ къ нимъ присоединились: Данъ, воплощенная догма меньшевизма, всегда принципіальный и поэтому никогда не сомнѣвавшійся, не колебавшійся, не восторгавшійся и не ужасавшійся — вѣдь все идетъ по закону — всегда съ запасомъ безконечнаго количества гладкихъ законченныхъ фразъ, которыя одинаково легко и ровно укладывались и въ устной рѣчи, и въ резолюціяхъ, и въ статьяхъ, и въ которыхъ есть все, что угодно, кромѣ дѣйствія и воли. Все

дѣлаетъ исторія — для человѣка нѣтъ мѣста. И. Г. Церетелли, полный страстнаго горѣнія, но всегда ровный, изящно-сдержанный и спокойный, идеологъ, руководитель и организаторъ Комитета, отдававшій напряженной работѣ остатки надорваннаго здоровья. Но все это были марксисты. Народники не дали для Комитета ничего похожаго, даже когда появились ихъ первоклассныя силы — А. Р. Гоцъ, В. М. Черновъ, И. И. Бунаковъ, В. М. Зензиновъ. Они все время предпочитали держаться въ сторонѣ, скорѣе присматриваясь къ Комитету, чѣмъ руководя имъ. Народные соціалисты — В. А. Мякотинъ и А. В. Пѣшехоновъ — старательно подчеркивали свою чужеродность въ Комитетѣ. Изъ трудовиковъ только Л. М. Брамсонъ, организаторъ и руководитель финансовой комиссіи, а впослѣдствіи комиссіи по Учредительному Собранію, оставилъ очень значительный слѣдъ въ дѣловой работѣ Комитета. Усиленно выдвигали меня, какъ офицера съ нѣкоторымъ техническимъ знаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давно участвовавшаго въ общественной работѣ. И, несомнѣнно, передо мной были большія возможности въ смыслѣ вліянія на работы Комитета. Но я былъ оглушенъ событіями и, ярко воспринимая ихъ, не нашелъ способности реагировать на нихъ. Въ одинаковомъ со мною положеніи былъ, кажется, и С. Ф. Знаменскій, тоже офицеръ и представитель трудовиковъ.

Большевики въ Комитетѣ были вначалѣ представлены, главнымъ образомъ, М. Н. Козловскимъ и П. И. Стучкой, одинъ — короткій, полный, другой — длинный, сухой, но оба одинаково желчные, злые и, какъ намъ казалось, тупые... Противоположностью имъ явился потомъ Каменевъ, отношенія котораго

ко всѣмъ были такъ мягки, что, казалось, онъ самъ стыдился непримиримости своей позиціи: въ Комитетѣ онъ былъ, несомнѣнно, не врагомъ, а только оппозиціей. Больше всѣхъ производилъ впечатлѣніе большевикъ-рабочій, П. А. Залуцкій. Чрезвычайно мягкій, даже милый, но всегда печальный и озабоченный, какъ если бы кто-либо изъ близкихъ былъ долго и безнадежно боленъ, и это заглушало всѣ остальныя воспріятія отъ міра и толкало на самыя отчаянныя рѣшенія, лишь бы скорѣе избавиться отъ этого гнета и, наконецъ, зажить по-хорошему.

Военные вначалѣ были представлены В. Н. Филипповскимъ и нѣсколькими солдатами. Филипповскій просидѣлъ первые трое сутокъ революціи въ Таврическомъ Дворцѣ, ни на минуту не смыкая глазъ, и съ тѣхъ поръ сталъ неизмѣнной принадлежностью Комитета и эсеровской фракціи. Солдаты были выбраны на одномъ изъ первыхъ солдатскихъ собраній, причемъ естественно попали наиболѣе истерическія, крикливыя и неуравновѣшенныя натуры, которыя въ результатѣ ничего не давали Комитету, не пользовались никакимъ вліяніемъ въ гарнизонѣ и даже въ своихъ собственныхъ частяхъ. Потомъ, послѣ дополнительныхъ выборовъ, въ Комитетъ вошелъ рядъ новыхъ представителей, съ Завадьей и Бинасикомъ во главѣ. Послѣдніе добросовѣстно, насколько въ силахъ, старались справиться съ моремъ военныхъ дѣлъ. Но оба, бывшіе, кажется, мирными писарями въ запасныхъ батальонахъ, никогда не интересовавшимися ни войной, ни арміей, ни политическимъ переворотомъ, были только наиболѣе яркимъ доказательствомъ, насколько условно можно воспринимать утвержденія, что Исполнительный Комитетъ руководилъ революціей.

Поражающей чертой въ личномъ составѣ Комитета является значительное количество инородческаго элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмѣрно ихъ численности и въ Петроградѣ и въ странѣ. Было ли это нездоровой пѣной русской общественности, поднятой гребнемъ народнаго движенія затѣмъ, чтобы разъ навсегда быть выброшенной изъ нѣдръ русской жизни? Или это слѣдствіе грѣховъ стараго режима, который насильственно отметалъ въ лѣвыя партіи инородческіе элементы? Или это просто результатъ свободнаго соревнованія — вѣдь Бинасикъ и Завадья были выбраны всѣмъ гарнизономъ, гдѣ всякій могъ свободно оспаривать ихъ мѣсто... Вѣдь латышскіе батальоны, впослѣдствіи ставшіе опорой совѣтскаго режима, были до революціи одними изъ наиболѣе доблестныхъ и стойкихъ частей русской арміи вообще... Какъ ни какъ, эти инородцы для того времени выражали и настроенія русскихъ солдатскихъ и рабочихъ массъ, которыя не нашли представителей, болѣе точно выражающихъ ихъ правду. И, во всякомъ случаѣ, остается открытымъ вопросъ, кто болѣе виноватъ — тѣ инородцы, которые тамъ были, или тѣ русскіе, которыхъ тамъ не было, хотя могли быть. Но фактъ этотъ самъ по себѣ имѣлъ громадное вліяніе на складъ общественныхъ настроеній и симпатій. Многіе до сихъ поръ опираются на этотъ фактъ въ убѣжденіи, что русская революція чужеродная, наносная, лишь временное увлеченіе народа инородцами-демагогами. И кстати, деталь: во время перваго посѣщенія Комитета Корниловымъ онъ совершенно случайно сѣлъ такъ, что со всѣхъ сторонъ оказался окруженнымъ евреями, а противъ него сидѣли двое не

только не вліятельныхъ, но вообще даже незамѣтныхъ членовъ Комитета, которыхъ я помню только потому, что у нихъ были каррикатурно выраженныя еврейскія черты лица. Кто знаетъ, какое вліяніе имѣло это на отношеніе Корнилова къ русской революціи, а значитъ, и на самыя судьбы ея!...

Въ общемъ, исторію Комитета въ организаціонномъ и личномъ отношеніи слѣдуетъ раздѣлить на два періода: до и послѣ пріѣзда Церетелли. Первый періодъ былъ періодомъ, полнымъ случайности, колебаній и неопредѣленности, когда всякій, кто хотѣлъ, пользовался именемъ и организаціей Комитета, и болѣе всего это удавалось Стеклову, наиболѣе талантливому, усидчивому и солидному члену Комитета. Это періодъ сумбура, когда были возможны случаи, что засѣданія Комитета, правда, по маловажнымъ вопросамъ — происходили въ составѣ однихъ интернаціоналистовъ и большевиковъ, подъ предсѣдательствомъ Стеклова. И лѣвые и правые чувствовали Комитетъ одинаково своимъ или одинаково чужимъ учрежденіемъ, по возможности пользуясь имъ, но не сознавая обязанности нести отвѣтственность за него.

Въ результатѣ получались «забавные» случаи. Нпр., однажды какимъ-то способомъ, чуть ли не благодаря вниманію барышни-регистраторши, было задержано письмо на бланкѣ Комитета съ печатью къ крестьянамъ какого-то села, которымъ давалось полномочіе «соціализировать» сосѣднее помѣщичье имѣніе. Несмотря на весь радикализмъ въ соціальныхъ вопросахъ, весь Комитетъ былъ до глубины души возмущенъ этимъ случаемъ. Произвели спеціальное разслѣдованіе, и оказалось, что такія письма выдавалъ членъ аграрной комиссіи, эсеръ Алексан-

дровскій, считавшій себя въ правѣ проводить свои тенденціи и взгляды отъ имени Комитета. Но зачѣмъ брать такіе мелкіе примѣры? Сами совѣтскія «Извѣстія», въ сущности, были ничѣмъ инымъ, какъ такимъ письмомъ Александровскаго. Въ общемъ тонѣ статей, въ подборѣ хроники, въ томъ, что помѣщалось и что не помѣщалось, въ опечаткахъ, наконецъ, — вездѣ чувствовалась рука редактора и его помощниковъ, проводящихъ свои взгляды, но отнюдь не взгляды Комитета. И громаднымъ большинствомъ Комитета «Извѣстія» воспринимались, какъ нѣчто чужое, какъ безобразіе. Но некому было объ этомъ подумать, и некому было пріискать какой-нибудь выходъ изъ положенія. Но когда я составилъ формальное заявленіе съ протестомъ противъ всего направленія «Извѣстій», то подъ нимъ подписались сразу всѣ лидеры Комитета до Суханова включительно, и Стекловъ былъ безъ сожалѣнія смѣщенъ. Такое положеніе дѣлъ приводило къ тому, что, хотя оффиціально Комитетъ поддерживалъ Правительство, и большинство постоянно настаивало на незыблемости этой позиціи, — тѣмъ не менѣе Комитетъ самъ расшатывалъ авторитетъ Правительства своими случайными мѣрами, необдуманными шагами. Для предотвращенія недоразумѣній была образована особая делегація Комитета, которая раза два въ недѣлю ходила въ Маріинскій Дворецъ бесѣдовать съ Правительствомъ... Но что могла сдѣлать эта делегація, если въ то время, какъ она бесѣдовала и приходила къ полному единодушію съ министрами, десятки Александровскихъ разсылали письма, печатали статьи въ «Извѣстіяхъ», разъѣзжали отъ имени Комитета делегатами по провинціи и въ арміи, принимали ходоковъ въ Таврическомъ Дворцѣ,

каждый выступая по-своему, не считаясь ни съ какими разговорами, инструкціями или постановленіями и рѣшеніями. Въ конечномъ счетѣ, отъ Комитета всегда всего можно было добиться, если только упорно настаивать. И въ этомъ смыслѣ Комитетъ руководился и опредѣлялся не тѣми, кто въ немъ сидѣлъ и рѣшалъ вопросы, а тѣми, кто къ нему обращался.

Рѣзко измѣнился характеръ Комитета съ появленіемъ Церетелли. Вошелъ онъ туда въ качествѣ члена 2-ой Думы только съ совѣщательнымъ голосомъ. Въ первый день онъ скромно отказался высказать свое мнѣніе, такъ какъ еще не присмотрѣлся къ обстановкѣ. На слѣдующій день онъ произнесъ пространную рѣчь, словно нащупывая позицію, при чемъ не угодилъ ни лѣвымъ, такъ какъ явно тянулъ въ сторону компромисса и соглашенія съ Правительствомъ, ни правымъ, такъ какъ рѣчь его во многихъ отношеніяхъ дышала еще нетронутымъ «сибирскимъ» интернаціонализмомъ. На третій день Церетелли явился увѣреннымъ въ себѣ вождемъ Комитета и Совѣта, и, въ принципѣ сохраняя интернаціоналистическія тенденціи, на практикѣ рѣзко проводилъ оборонческую линію поведенія и линію органическаго сотрудничества и поддержки Правительства. Съ больной грудью, часто теряя отъ напряженія голосъ, съ болѣзненно-воспаленнымъ лицомъ и глазами — онъ спокойно, увѣренно и смѣло велъ Комитетъ, который сразу изъ сборища случайныхъ людей превратился въ учрежденіе, въ органъ. Но поразительно, какъ разъ въ моментъ, когда Комитетъ организовался, когда въ немъ выдѣлились и начали функціонировать отдѣлы, когда отвѣтственность за работы взяло на себя бюро, избранное только изъ оборонческихъ партій — словомъ, когда Коми-

тетъ научился управлять собой — какъ разъ въ это время онъ выпустилъ изъ рукъ руководство массой, которая ушла въ сторону отъ него.

При оцѣнкѣ работъ Комитета надо, конечно, имѣть въ виду и общее положеніе всѣхъ членовъ его, столкнувшихся впервые съ цѣлой массой существеннѣйшихъ и сложнѣйшихъ вопросовъ. Однажды, когда командиръ одного изъ корпусовъ пятой арміи сталъ мнѣ жаловаться на тяжелое положеніе командного состава при новыхъ порядкахъ, я отвѣтилъ ему:

— Это трагедія не только командного состава, но всей интеллигенціи. Положеніе командира корпуса, вынужденнаго командовать солдатами при наличіи комитетовъ, не тяжелѣе положенія Церетели, вернувшагося изъ каторги и ставшаго министромъ.

Всѣ были словно люди, долго находившіеся въ темнотѣ и вышедшіе на свѣтъ и теперь безпомощно наталкивающіеся другъ на друга и на окружающую обстановку. Новые вопросы, нахлынувшіе въ такомъ изобиліи и въ такомъ никогда еще не бываломъ видѣ, и громадное большинство, всѣ, кто не придерживался слѣпо какой-нибудь догмы или канона, а хотѣлъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, было сбито съ толку и часто по нѣскольку разъ вынуждено было мѣнять мнѣніе по одному и тому же вопросу, даже не будучи въ состояніи уяснить степень и существо своего противорѣчія. Вѣдь дѣйствовать приходилось въ условіяхъ тягчайшей войны, при общей разрухѣ, на фонѣ со всѣхъ сторонъ подступающей, кричащей, угрожающей массы, которая сегодня встрѣчаетъ оваціями Родзянко, завтра — Плеханова, послѣзавтра —

Ленина, для того, чтобы въ конечномъ счетѣ отдать себя въ распоряженіе никому неизвѣстнаго проходимца-казака. Что дѣлать съ арестованнымъ царемъ, что дѣлать съ заключенными министрами, можно ли позволить правой печати выходить въ свѣтъ, нужно ли отмѣнить смертную казнь, какъ поступить съ національными требованіями, какъ организовать выборы въ Учредительное Собраніе, какъ заставить солдатъ повиноваться командному составу, какъ разрѣшить аграрный вопросъ? Какъ организовать Правительство? А главное и основное: какъ быть съ войной? Вѣдь и теперь, быть можетъ, нѣтъ двухъ людей одного и того же класса и одной и той же партіи, которые отвѣтили бы одинаково на всѣ эти вопросы. Тогда же ихъ приходилось рѣшать въ обстановкѣ, которую я пытался изобразить, и рѣшать людямъ, которые ни разу не имѣли возможности прикоснуться къ административному аппарату Россіи. Вѣдь многіе изъ членовъ Комитета лишь послѣ революціи впервые увидѣли генерала не въ качествѣ объекта террористическаго покушенія и не какъ субъекта административныхъ репрессій. Теперь же приходилось столковаться съ этими же генералами относительно того, какъ быть съ арміей, какъ быть съ фронтомъ и какъ быть съ войной.

2. Ни власти, ни войны.

Два вопроса стали передъ русскимъ обществомъ съ перваго момента революціи: вопросъ о власти и о войнѣ.

Власть была сметена во всей странѣ безъ остатка — отъ верху до низу, какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. — Между тѣмъ,

на фронтѣ стояли милліоны солдатъ подъ ружьемъ, продолжающіе войну, конца которой еще не было и видно.

Вопросы надо было рѣшить. Но къ этому не была подготовлена не только масса, но и тѣ общественные круги, которые стали во главѣ ея. Прежде всего сказалось принципіально-враждебное къ власти, всегда оппозиціонное отношеніе лѣваго крыла интеллигенціи. Исполнительный Комитетъ на засѣданіяхъ, когда образовывалось Правительство, заявилъ, что не приметъ участія въ немъ. Все время убѣждая другихъ и себя, что фактическая сила и руководство революціи находится въ рукахъ Совѣта, Комитетъ отказался оформить это своимъ участіемъ въ Правительствѣ.

Причинъ этому воздержанію приводилось много: неувѣренность въ побѣдѣ революціи, неорганизованность демократіи, принципіальныя соображенія о невозможности для соціалистическихъ партій участвовать въ буржуазномъ Правительствѣ... Выставлялись даже такіе комическіе доводы, какъ желаніе дать либерализму возможность обанкротиться передъ лицомъ широкихъ народныхъ массъ... Но дѣйствительныя причины отказа отъ власти были двѣ. Прежде всего — инстинктивные навыки отрицательнаго отношенія къ власти, которая всегда казалась зломъ, пачкающимъ, уничтожающимъ принципіальную чистоту; поэтому хотѣлось, сохраняя въ рукахъ фактическую силу, остаться въ положеніи оппозиціи, по возможности даже безотвѣтственной. Главнымъ же факторомъ отказа отъ участія во власти была война. Принять власть въ то время, какъ свыше 10 милліоновъ людей было подъ ружьемъ, демократія не могла, такъ какъ не знала, какъ относиться къ арміи

и къ войнѣ. Словомъ — соображеній было болѣе, чѣмъ достаточно... И такъ какъ круги, создававшіе въ то время Правительство, совсѣмъ не настаивали на участіи соціалистовъ въ Правительствѣ, выдвинувъ только кандидатуру Чхеидзе или Скобелева въ министры труда, то сразу создано было то раздвоеніе власти, которое характеризуетъ весь начальный періодъ русской революціи. Одинъ Керенскій понималъ неправильность этого и вошелъ въ составъ Правительства. Онъ, кажется, переоцѣнилъ свои силы, надѣясь одинъ составить въ Правительствѣ противовѣсъ всей разношерстной толпѣ политическихъ дѣятелей лѣвой формаціи. И въ моментъ, когда лишь напряженіе всѣхъ силъ могло создать авторитетъ и власть, началась взаимная борьба двухъ крыльевъ русской общественности.

Отказываясь отъ участія въ Правительствѣ, Исполнительный Комитетъ отнюдь не отказывался отъ власти. Во всякомъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ такъ, чтобы Правительство власти не могло имѣть. Это не было планомѣрной системой. Это было простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ общественныхъ инстинктовъ недовѣрія къ власти, привычекъ къ безотвѣтственной оппозиціонности, которыя характеризовали русскую общественность. И сказывалось это на цѣломъ рядѣ случайныхъ, но безпрерывныхъ явленій.

Уже тѣ восемь пунктовъ требованій, которыми Исполнительный Комитетъ обусловилъ свою поддержку Правительства, по существу, означали ничто иное, какъ обезсиленіе власти: гражданскія свободы и равноправіе, замѣна полиціи милиціей, подчиненной органамъ мѣстнаго самоуправленія, неразоруженіе и невыводъ пе-

троградскаго гарнизона и, наконецъ, свободы въ арміи — все это вело къ одной и той же цѣли — обезсиленію правительственной власти. — Но, и приявъ эти требованія, Правительство не обезпечило себѣ дѣйствительной поддержки Комитета, такъ какъ эта поддержка сводилась лишь къ тому, что Комитетъ не свергалъ Правительство. Но и это не выполнялось, потому что на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, самъ не чувствуя, не понимая и во всякомъ случаѣ не желая того, Комитетъ наносилъ смертельные удары авторитету Правительства, дѣйствуя помимо его и противъ него. Власть не создавалась, но разрушалась. Не нарочно, но постоянно. Вотъ, нпр., въ первый день моего участія въ работахъ Комитета я попалъ на докладъ Мстиславскаго и Тарасова-Родіонова о провѣркѣ условій содержанія б. царя Николая. Дѣло было такъ. Исполнительный Комитетъ имѣлъ сомнѣнія относительно надежности охраны Николая, которая усилилась послѣ того, какъ стало извѣстно о намѣреніи Правительства отправить б. царя въ Англію. Казалось, можно было найти простое рѣшеніе: отправиться въ Правительство и тамъ выяснить всѣ эти вопросы, быть можетъ, даже настоять на томъ, чтобы тѣ же Мстиславскій и Тарасовъ-Родіоновъ были допущены во дворецъ въ Царскомъ для выясненія условій содержанія царской семьи. Вмѣсто этого, къ Таврическому Дворцу были вызваны нѣсколько полковъ, была наряжена спеціальная экспедиція вѣрныхъ войскъ, былъ арестованъ комендантъ Царскаго Села и, въ условіяхъ новаго переворота, Мстиславскій выполнилъ задачу: лично увидѣлъ б. царя. Онъ вернулся, доложилъ Комитету, и войска, напутствуемыя соотвѣтствующей времени и мѣсту рѣчью Сте-

клова, были распущены по казармамъ. И всѣмъ въ Комитетѣ казалось это проявленіемъ революціонной энергіи и нисколько не противорѣчащимъ формулѣ поддержки Правительства.

И такихъ случаевъ было чрезвычайно много. Когда Стекловъ въ своемъ докладѣ на Съѣздѣ Совѣтовъ изобразилъ отношеніе Комитета къ Правительству — всѣ ужаснулись картинѣ и свалили вину на докладчика. Но никто не рѣшился выступить вторымъ докладчикомъ, ибо по существу нечего было возразить, ибо сами ужасающіеся черезъ полчаса выработали проектъ резолюціи объ отношеніи къ правительству, принятый Съѣздомъ, гдѣ, послѣ уклончивыхъ обѣщаній поддержки Правительству «постольку—поскольку» оно будетъ выполнять всѣ требованія демократіи, прямо говорилось, что демократія должна быть готовой «дать рѣшительный отпоръ всякой попыткѣ Правительства уйти изъ-подъ контроля демократіи или уклониться отъ выполненія принятыхъ имъ на себѣ обязанностей»... — тонъ, еще понятный, если бы министромъ юстиціи оставался кто-нибудь въ родѣ Щегловитаго, но совершенно политически неоправданный, когда относился къ Керенскому и Львову...

Но мнѣ всегда казалось, что многіе изъ этихъ случайныхъ недоразумѣній могли быть избѣгнуты и предупреждены, если бы само Правительство захотѣло отнестись нѣсколько болѣе, не скажу терпимо, но хотя бы дѣловито къ факту существованія Исполнительнаго Комитета. Даже Керенскій слишкомъ мало пользовался своимъ громаднымъ авторитетомъ, появляясь въ Таврическомъ Дворцѣ крайне рѣдко, да и то лишь по приглашенію, хотя каждое его посѣщеніе вносило въ дѣятельность Комитета

струю серьезной сдержанности. Я увѣренъ, что одно — два посѣщенія Комитета Милюковымъ могло бы оказаться весьма поучительнымъ и для Милюкова и для Комитета и могло бы имѣть чрезвычайныя послѣдствія въ развитіи русской революціи. Но онъ ни разу не сдѣлалъ этого, и можно ли было удивляться послѣ этого, что тонкая, кружевная ткань дипломатической работы, связывавшая Россію со всѣмъ міромъ, обрывалась въ канцеляріяхъ у Пѣвческаго моста. Со стороны Правительства все время проявлялся тонъ обиды и оскорбленности, что̀, со своей стороны, вызывало настороженность Комитета.

А главное — Комитетъ былъ представленъ самъ себѣ и событіямъ въ развитіи своихъ взглядовъ на войну.

Я уже упоминалъ, что партіи, представленныя въ Комитетѣ, не могли войти въ Правительство уже потому, что не имѣли своей точки зрѣнія по главному вопросу русской жизни — по вопросу о войнѣ.

Несомнѣнно, переворотъ былъ вызванъ народнымъ ощущеніемъ тяжести войны. Но также было несомнѣнно, что дѣятели революціи не были подготовлены къ тому, чтобы разрѣшить вопросъ о войнѣ при свѣтѣ давно ожидаемаго и такъ неожиданно разразившагося переворота. Противорѣчивость позицій и просто невыясненность были такъ велики, что, при организаціи Правительства, при формулировкѣ знаменитыхъ восьми пунктовъ, на основѣ которыхъ Исполнительный Комитетъ обѣщалъ свою поддержку Правительству — вопросъ о войнѣ вовсе не былъ затронутъ. Было явно безнадежнымъ дѣломъ отчеканивать какія-либо формулы, которыя могли

бы въ тотъ моментъ объединить не только Комитетъ съ Правительствомъ, но, быть можетъ, даже членовъ Комитета между собой и членовъ Правительства между собой. И международная политика Правительства стала направляться П. Н. Милюковымъ, еще недавно писавшимъ о томъ, что вся Восточная Пруссія должна быть превращена въ новую Остзейскую губернію... А въ Комитетѣ Сухановъ уже писалъ Манифестъ ко всѣмъ народамъ міра.

Такое противорѣчіе, конечно, не могло долго оставаться. И Правительство и Комитетъ должны были научиться сочетать дипломатію съ настроеніями народа, эволюціонируя другъ другу навстрѣчу отъ непримиримаго шовинизма Милюкова и отъ безоглядного интернаціонализма Суханова.

Въ сущности, для Комитета и позиція Суханова, въ правильномъ ея пониманіи, была уже значительнымъ шагомъ впередъ. Вначалѣ въ Комитетѣ военный вопросъ былъ просто напросто открытымъ, и позиція его опредѣлялась чисто случайными моментами. Хотя въ Комитетѣ конкурировали на совершенно равныхъ правахъ двѣ противорѣчивыя идеологіи — оборончества «до полной побѣды» и немедленнаго мира «по телеграфу», — но лѣвой сторонѣ удалось внѣшне связать имя Комитета со своей позиціей. Въ Приложеніи къ первому номеру «Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» данъ былъ большевистскій манифестъ, гдѣ давалась уже въ достаточной степени выразительная формула, опредѣляющая способъ окончанія войны:

«Немедленная и неотложная задача Временнаго Революціоннаго Правительства — войти въ сношенія съ пролетаріатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и

поработителей, противъ царскихъ правительствъ и капиталистическихъ кликъ и для немедленнаго прекращенія кровавой человѣческой бойни, которая навязана порабощеннымъ народамъ.»

Хотя большинство Комитета возражало потомъ противъ помѣщенія этого манифеста на первомъ мѣстѣ, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе связи Комитета съ крайними анти-военными лозунгами осталось надолго. Комитетъ могъ отнестись отрицательно къ большевистской позиціи, но не могъ выявить своей собственной. Мнѣ случайно пришлось быть въ Комитетѣ, когда въ немъ впервые былъ поставленъ вопросъ о войнѣ. Министръ Гучковъ просилъ Комитетъ дать какое-либо успокоительное заявленіе фронту, чтобы разсѣять впечатлѣніе, что революція склонна немедленно разрушить армію. Въ этомъ чрезвычайно сухомъ и формальномъ заявленіи говорилось, что въ расчетѣ на то, что офицеры услышатъ призывъ обращаться съ уваженіемъ къ солдатамъ, Комитетъ приглашаетъ солдатъ «въ строю и при несеніи военной службы строго выполнять воинскія обязанности». Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что приказы номеръ 1-ый и 2-ой относятся только къ войскамъ Петроградскаго округа, какъ и сказано въ заголовкѣ этихъ приказовъ... Комитетъ согласился дать подпись подъ заявленіемъ. Но Чхеидзе, не возражая противъ рѣшенія Комитета, отказался подписать обращеніе!

— Мы все время говорили противъ войны, какъ же я могу теперь призывать солдатъ къ продолженію войны, къ стоянію на фронтѣ.

Подписалъ обращеніе Скобелевъ.

Когда говорятъ о роли Комитета въ арміи, прежде всего указываютъ обычно на Приказъ № 1-ый. Дѣйствительно, на фронтѣ, куда онъ

попалъ, и гдѣ до его прихода все было спокойно и по-старому, онъ сыгралъ чрезвычайно плачевную роль. Но онъ былъ предназначенъ для Петрограда, гдѣ все уже было перевернуто вверхъ ногами, и гдѣ, казалось, любая цѣна сходна, лишь бы начать приводить солдатчину въ порядокъ. Поэтому — такъ мнѣ объясняли — считали во что бы то ни стало необходимымъ начать разговаривать съ солдатами въ формѣ приказовъ, напомнить о ихъ обязанности повиноваться. Дорожа формой, въ суматохѣ не обратили достаточнаго вниманія на содержаніе, въ которое нестройная толпа солдатскаго Совѣта внесла свои пожеланія. Если къ этому добавить, что члены Комитета не имѣли ни малѣйшаго представленія о внутреннемъ распорядкѣ въ арміи и о духѣ ея, и то обстоятельство, что, какъ только военные разъяснили Комитету все значеніе Приказа № 1-ый, этотъ Приказъ немедленно былъ анулированъ Приказомъ № 2-ой, анулированъ по крайней мѣрѣ для фронта — то вина Комитета становится значительно смягченной. Право, этотъ приказъ лучше, чѣмъ приказъ думскаго Комитета, запрещавшій офицерамъ отнимать оружіе отъ солдатъ и грозившій за это разстрѣломъ... Но все же, несомнѣнно, что въ изданіи приказа № 1 значительную роль играло то обстоятельство, что война, какъ реальная забота, была чужда членамъ Комитета, видѣвшимъ все лишь сквозь призму вопроса борьбы со старымъ правительствомъ и опасавшимся неизвѣстнаго и таинственнаго фронта. Сумбуръ же въ работахъ Комитета и направленіе «Извѣстій» объясняютъ въ достаточной степени, почему резонансъ въ арміи получилъ лишь первый приказъ, о второмъ же мало кто даже зналъ.

Не малую роль во всемъ этомъ сыгралъ

Стекловъ. Не говоря уже о томъ, что ему приписывалось авторство Приказа № 1, онъ при своей усидчивости очень часто оставался до самаго конца засѣданій Комитета, принимая делегатовъ съ фронта и давая имъ разъясненія. Помню, однажды пришла делегація съ румынскаго фронта съ жалобой на какія-то обиды штаба.

— Да это же прямая контръ-революція! — сталъ ужасаться Стекловъ. — Да ихъ всѣхъ надо немедленно арестовать...

Я заявилъ, что Стекловъ не въ правѣ давать такихъ разъясненій делегатамъ, внося развалъ на фронтъ. Стекловъ обидѣлся и поставилъ вопросъ о довѣріи къ нему на голосованіе. Большинство — случайное — оказалось на его сторонѣ.

Онъ же постоянно выступалъ на солдатскихъ митингахъ, въ первые дни непрерывно происходившихъ въ Екатерининскомъ залѣ. Онъ же давалъ тонъ «Извѣстіямъ». И формально противъ него нельзя было выставить возраженій, такъ какъ Комитетъ вообще никакой позиціи по военному вопросу не имѣлъ.

Однако, военный вопросъ не могъ долго оставаться пустымъ мѣстомъ, пробѣломъ, доской, на которой всякій встрѣчный-поперечный расписывалъ свои узоры. Особенно упорно и настойчиво указывалъ на это Сухановъ, уже тогда понимавшій всю глубину органической связи революціи съ войной и понимавшій, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ дальнѣйшая судьба революціи. Имъ же была предложена форма выявленія лица Комитета по этому вопросу — торжественное обращеніе русской революціонной демократіи къ народамъ міра. Имъ же былъ составленъ и текстъ Манифеста, кото-

рый послѣ долгихъ преній былъ съ поправками принятъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, а 14 марта единогласно принятъ Совѣтомъ. Окончательный текстъ Манифеста таковъ:

«Къ народамъ всего міра.

Товарищи пролетаріи и трудящіеся всѣхъ странъ!

Мы, русскіе рабочіе и солдаты, объединенные въ Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, шлемъ вамъ нашъ пламенный привѣтъ и возвѣщаемъ о великомъ событіи. Россійская демократія повергла въ прахъ вѣковой деспотизмъ царя и вступаетъ въ вашу семью полноправнымъ членомъ и грозной силой въ борьбѣ за наше общее освобожденіе. Наша побѣда есть великая побѣда всемірной свободы и демократіи. Нѣтъ больше главнаго устоя міровой реакціи и «жандарма Европы». Да будетъ тяжкимъ гранитомъ земля на его могилѣ. Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ международная солидарность пролетаріата въ его борьбѣ за окончательную побѣду.

Наше дѣло не завершено: еще не разсѣялись тѣни стараго порядка и не мало враговъ собираютъ силы противъ русской революціи. Но все же огромны наши завоеванія. Народы Россіи выразятъ свою волю въ Учредительномъ Собраніи, которое будетъ собрано въ ближайшій срокъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. И уже сейчасъ можно съ увѣренностью предсказать, что въ Россіи восторжествуетъ демократическая республика. Русскій народъ обладаетъ полной политической свободой. Онъ можетъ нынѣ сказать свое властное слово во внутреннемъ самоопредѣленіи страны и во внѣшней ея политикѣ. И, обращаясь ко всѣмъ народамъ, истребляемымъ и разоряемымъ въ чудовищной войнѣ, мы заявляемъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ; наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ.

Въ сознаніи своей революціонной силы россійская демократія заявляетъ, что она будетъ всѣми мѣрами противодѣйствовать захватной политикѣ всѣхъ господствующихъ классовъ, и она призываетъ народы Европы къ совмѣстнымъ рѣшительнымъ выступленіямъ въ пользу мира.

И мы обращаемся къ нашимъ братьямъ-пролетаріямъ австро-германской коалиціи и прежде всего къ герман-

скому пролетаріату. Съ первыхъ дней войны васъ убѣждали въ томъ, что, поднимая оружіе противъ самодержавной Россіи, вы защищаете культуру Европы противъ азіатскаго деспотизма. Многіе изъ васъ видѣли въ этомъ оправданіе той поддержки, которую вы оказали войнѣ. Нынѣ не стало и этого оправданія: демократическая Россія не можетъ быть угрозой свободѣ и цивилизаціи.

Мы будемъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ — какъ изнутри, такъ и извнѣ. Русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой. Но мы призываемъ васъ: сбросьте съ себя иго вашего полусамодержавнаго порядка подобно тому, какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самовластіе; откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ — и дружными, объединенными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы.

Трудящіеся всѣхъ странъ! Братски протягивая вамъ руку черезъ горы братскихъ труповъ, черезъ рѣки невинной крови и слезъ, черезъ дымящіяся развалины городовъ и деревень, черезъ погибшія сокровища культуры, — мы призываемъ васъ къ возстановленію и укрѣпленію международнаго единства. Въ немъ залогъ нашихъ грядущихъ побѣдъ и полнаго освобожденія человѣчества.»

Въ общемъ, было бы чрезвычайной ошибкой оцѣнивать этотъ историческій документъ, который, несомнѣнно, будетъ видѣнъ на разстояніи тысячелѣтій, какъ произведеніе, вдохновленное интеллигентской интернаціоналистической оторванностью отъ русской жизни. Правда, Сухановъ составлялъ его, руководствуясь резолюціями Циммервальда и Кенталя. Но воззваніе объединило чрезвычайно широкіе круги по очень различнымъ мотивамъ. Прежде всего, самъ интернаціонализмъ былъ не чѣмъ-то наноснымъ и чужимъ, но выраженіемъ подлинныхъ настроеній широкихъ круговъ интеллигенціи, былъ производной реальныхъ общественныхъ отношеній, быть можетъ, ненормальныхъ, но существую-

щихъ и опредѣляющихъ настроенія не только отдѣльныхъ людей, но цѣлыхъ организацій и политическихъ теченій. И слова, къ которымъ приводилъ интернаціонализмъ, въ то время гулкимъ эхомъ отдавались въ народной массѣ. Потому что безспорно, въ психикѣ народа войны не было, и война была невиданнымъ, чудовищнымъ насиліемъ надъ его душой. Быть можетъ, только одинъ солдатъ на сотню тысячъ могъ формулировать причины войны. Одинъ на десятки тысячъ питалъ чувства враждебности къ противнику. Остальные шли потому что вѣрили или должны были вѣрить въ своихъ вождей — физическихъ и духовныхъ. Не было ни ненависти, ни пониманія причинъ, ни представленія о цѣли, ни сознанія обиды, ни ощущенія опасности. Вся революція была возстаніемъ народнаго духа противъ чудовищнаго насилія, которое превращало милліоны людей въ орудіе, быть можетъ, вѣрныхъ и правильныхъ, но имъ-то, этимъ милліонамъ, идущимъ убивать и умирать, непонятныхъ политическихъ расчетовъ. Демократизмъ требуетъ уваженія не только къ волѣ, но и къ душѣ большинства. И съ этой точки зрѣнія единственное слово, которое должно было прозвучать, было слово: «Миръ».

Эти настроенія послѣ революціи могли, конечно, только усилиться. Если въ настроеніяхъ интеллигенціи преобладали мрачные тона, то въ настроеніи солдатъ и рабочихъ революція явилась несомнѣнной радостью, весельемъ, праздникомъ, когда хочется безъ удержу, до-пьяна радоваться. А тутъ — тяготы войны. Въ экономической области это сказывалось въ противорѣчіи требованій войны и требованій рабочаго класса. Во всей странѣ сразу былъ введенъ, даже по инициативѣ самихъ промышленниковъ,

8-ми часовой рабочій день. Была увеличена заработная плата. А на фронтѣ — все та же 24-хъ-часовая страда, подслащенная пятирублевымъ мѣсячнымъ пайкомъ. Отказаться отъ 8-мичасового рабочаго дня? Отказаться отъ повышенія заработной платы? Но тогда въ чемъ «завоеванія» революціи? И почему былъ поднятъ (правда, значительно позднѣе) такой шумъ по поводу чисто реторическаго предложенія Скобелева промышленникамъ отказаться на время войны отъ прибыли? Развѣ прибыль важнѣе, чѣмъ жизнь солдатъ, отнимаемая на фронтѣ? — Все это наивно... Но почему тѣ же круги, которые изъ неразвитости народа дѣлаютъ выводъ о томъ, что народу нельзя давать избирательнаго права, не сдѣлали вывода, что пока народъ не пойметъ войны — нельзя его гнать на фронтъ?

И не только простой народъ не принималъ войны. Въ душѣ средняго интеллигента не было ея. Былъ ужасъ передъ ней, была печаль, была привычка и, наконецъ, была тоска отъ незнанія, какъ и гдѣ найти выходъ. Революція грянула какимъ-то чудомъ. Не несетъ ли она желаннаго конца войны? Не произнести ли теперь, въ мигъ великаго историческаго сдвига, завѣтное, душевное, давно просящееся на уста слово: миръ! Я самъ на себѣ почувствовалъ власть этого слова. Наканунѣ обсужденія въ Комитетѣ, вопросъ о воззваніи былъ поставленъ въ трудовой группѣ. Я высказалъ цѣлый рядъ соображеній объ опасности и рискованности подобнаго шага... Дойдетъ ли онъ до народовъ міра и какое произведетъ тамъ впечатлѣніе — неизвѣстно. Но ясно, что до нашего фронта онъ дойдетъ немедленно и поставитъ передъ арміей слишкомъ осязательно и практически представле-

ніе о мирѣ, что можетъ только ослабить и такъ небольшіе остатки боеспособности фронта. Группа, въ общемъ, согласилась со мной, и представителямъ въ Комитетѣ было предоставлено право голосовать по усмотрѣнію. Но всѣ мы, послѣ дискуссіи въ Комитетѣ и послѣ принятія оговорокъ о готовности русской демократіи бороться дальше за справедливый миръ, голосовали за воззваніе. И не знаю, какъ мои товарищи, но я горжусь, что хотя и случайно, но все же мое одобреніе имѣется въ этомъ актѣ.

И не только соображенія интернаціонализма и уваженія къ народной душѣ толкали на этотъ путь. Даже тѣ, кто считалъ завоеванія необходимыми для Россіи и продолженіе войны возможнымъ, несмотря на нежеланіе массъ, должны были признать, что дальнѣйшая война была почти непосильна для Россіи. О состояніи на фронтѣ свѣдѣнія ежедневно приносились сотнями ходоковъ, — и свѣдѣнія эти были безъ исключенія крайне пессимистическія. Но пусть — солдатамъ нельзя довѣрять. Но вотъ пріѣхалъ Корниловъ, и послѣ его рѣчи въ Исполнительномъ Комитетѣ всѣ заколебались въ возможности продолжать войну: чрезвычайный недостатокъ продуктовъ на фронтѣ, такъ что въ арміи свирѣпствуютъ тифъ и цинга, отнимающія больше жертвъ, чѣмъ кровопролитные бои; разстройство транспорта, лишающее возможности перевозить войска, такъ что дивизіи уже не «перебрасываются» и даже не перевозятся, а лишь съ превеликимъ трудомъ «просачиваются» черезъ желѣзнодорожныя тѣснины; невозможность передвигать артиллерію, за отсутствіемъ конскаго состава... Все это относилось къ дореволюціонному времени. Между тѣмъ, было ясно, что теперь, въ связи съ общимъ дальнѣй-

шимъ разстройствомъ транспорта, съ перебоями въ штабной организаціи, дѣло должно было лишь ухудшиться.

Правда, на ряду съ признаками разрушенія и развала, начинали появляться признаки революціоннаго творчества и организаціи. Росли политическія партіи и союзы, росли власть и вліяніе общественности, завязывались связи между столицами и провинціей, между тыломъ и фронтомъ, выдвигались новыя административныя силы, создавались навыки управленія въ новыхъ порядкахъ. Но все это было еще такъ ничтожно даже передъ тѣми задачами, которыя выдвигала жизнь въ тылу... Могло ли этого хватить для веденія чудовищной войны? А если нѣтъ, то на что можно было надѣяться? На союзниковъ? Но Америка тогда еще не вступила въ войну. Чего ждать? Такого состоянія, что при малѣйшемъ давленіи весь фронтъ покатится назадъ, какъ подъ Стоходомъ, внося анархію и ужасъ въ тылъ страны?

Я не знаю, какой отвѣтъ на эти сомнѣнія могла дать тогда вся полнота дипломатическихъ и штабныхъ свѣдѣній. Комитетъ, во всякомъ случаѣ, этихъ свѣдѣній не имѣлъ. И тѣмъ болѣе не имѣли этихъ свѣдѣній массы. Кромѣ того, въ Комитетѣ, со словъ делегаціи, сносящейся съ Правительствомъ, была полная увѣренность, что Правительство не только не возражаетъ, но даже солидарно съ Манифестомъ и лишь потому не присоединяется къ нему, что языкъ его слишкомъ отличенъ отъ обычнаго языка дипломатіи. Поэтому казалось, что концепція Суханова — цѣною мира на фронтѣ купить миръ внутри — была правильной и единственно возможной.

3. Пріятіе войны.

Манифестъ изданъ, слово сказано, и «черезъ горы братскихъ труповъ, черезъ рѣки невинной крови и слезъ, черезъ дымящіяся развалины городовъ и деревень, черезъ погибшія сокровища культуры» протянута рука къ народамъ всего міра.

И скоро полученъ былъ отвѣтъ.

Прежде всего откликнулась союзная демократія. Въ Комитетѣ появились встревоженныя лица французскихъ соціалистовъ, Кашена, потомъ Тома, англійскаго трудовика Гендерсона, итальянскихъ соціалистовъ. И сразу почувствовалось, что для нихъ нашъ манифестъ казался отнюдь не новымъ словомъ, а уже давно пройденнымъ этапомъ, наивностью, о которой трудно серьезно говорить. Они деликатно и вѣжливо, лавируя между нашей принципіальностью и политической неопытностью, напомнили русской демократіи, что на фронтѣ идетъ война, что увлеченіе красивыми лозунгами можетъ привести къ гибели всѣ завоеванія русской революціи, что свобода въ опасности, что не о мирѣ еще надо думать, а о войнѣ. Они привезли съ собой настроенія уже давно воюющей демократіи, они имѣли уже готовыя возраженія на всѣ сомнѣнія, отвѣты на всѣ вопросы. Они заставили и русскую демократію стараться говорить на одномъ съ ними языкѣ. И горячіе призывы Тома, чтобы русская армія добилась своего Вальми, и разсудительная энергія Гендерсона, внушительной жестикуляціей подкрѣплявшаго доводы о необходимости разгромить Германію — производили свое впечатлѣніе. Русская революція, столь нестойкая и примитивная идеологически, уступала передъ международнымъ натискомъ накопи-

вшейся вражды, и слова о мирѣ сами собой превращались въ слова войны.

Сухановъ невольно стушевался на четвертый планъ. Стекловъ, единственно владѣвшій свободно, хотя и варварски, французскимъ языкомъ, и тотъ не упоминалъ въ своихъ репликахъ о манифестѣ къ народамъ всего міра. Церетелли какъ-то разъ упомянулъ, что русская интеллигенція настроена циммервальдистски, но встрѣтилъ такіе удивленные взгляды со стороны собесѣдниковъ-иностранцевъ, что слова завязли на устахъ. Трезвостью, реализмомъ, приводящей въ отчаяніе практичностью вѣяло отъ этихъ испытанныхъ парламентаріевъ-министровъ. Да и какъ не прійти въ отчаяніе, когда Гендерсонъ привезъ русской демократіи приглашеніе на сентябрь мѣсяцъ на съѣздъ тредъюніоновъ, гдѣ, между прочимъ, предполагалось разсмотрѣть и вопросъ о войнѣ... А въ Комитетѣ далеко не однимъ большевикамъ казалось, что въ сентябрѣ о войнѣ и помину уже не должно быть! Ясно было, что механизмъ міровового общественнаго мнѣнія рѣшительно отказывался слѣдовать за молніеносностью русскихъ событій.

Но еще поучительнѣй былъ откликъ, полученный изъ Германіи. Уже въ первые дни революціи радіотелеграфъ поймалъ фразу:

— «Привѣтъ товарищамъ, ура!»

Было рѣшено, что это, несомнѣнно, откликъ германской демократіи. Но подтвержденій не получилось. Подлинное же мнѣніе большинства германской соціалъ-демократіи привезъ представитель датскихъ соціалистовъ Боргбьергъ. Онъ появился какъ-то таинственно, произнесъ небольшую рѣчь съ явными недомолвками, потомъ на недѣлю куда-то стушевался. Потомъ явился опять и заявилъ, что можетъ приблизительно

изложить мнѣніе германскихъ соціалистовъ. Но это мнѣніе отнюдь не произвело впечатлѣнія отвѣтнаго рукопожатія, а, скорѣе, попытки спекульнуть на русской революціи. Германскіе соціалисты отказывались обсуждать вопросы о Польшѣ и о Лотарингіи. Лишь для Эльзаса соглашались на плебисцитъ по отдѣльнымъ общинамъ...

Выводы изъ этихъ посѣщеній иностранцевъ оказали громадное вліяніе на развитіе идей русской демократіи. Тѣмъ болѣе, что значеніе этихъ выводовъ было подчеркнуто и оттѣнено своими «иностранцами», въ особенности Плехановымъ, который привезъ иностранныя настроенія уже, такъ сказать, переведенными на русскій языкъ, уже примиренными съ основами русской идеологіи. Несомнѣнно, что роль Плеханова могла бы быть болѣе значительной, если бы не старые счеты и споры съ нимъ марксистовъ изъ комитета по формальнымъ основаніямъ. Ему было отказано въ правѣ рѣшающаго голоса въ Комитетѣ и было предложено войти туда, и то въ видѣ особаго исключенія, лишь съ совѣщательнымъ голосомъ... Такое вхожденіе, конечно, не лишало бы его возможности вліять на всѣ дѣла въ Комитетѣ — вѣдь Церетелли 2 мѣсяца руководилъ Комитетомъ, пользуясь только правомъ совѣщательнаго голоса... Но Плехановъ отказался.

Пріѣздъ Ленина не могъ отклонить и измѣнить впечатлѣнія, что путь манифестовъ и воззваній къ международной солидарности безконечно долгъ и труденъ. Во-первыхъ, самъ пріѣздъ въ нѣмецкомъ запломбированномъ вагонѣ произвелъ гнетущее впечатлѣніе. Но и первое выступленіе Ленина, съ его программой, показало, что его путь — путь явнаго безумія даже съ точки зрѣнія довольно воспаленнаго вообра-

женія тогдашнихъ руководящихъ круговъ демократіи. Въ первый же день онъ выступилъ въ засѣданіи Совѣта и произнесъ рѣчь, которая очень обрадовала его противниковъ.

— Человѣкъ, говорящій такія глупости, не опасенъ. Хорошо, что онъ пріѣхалъ, теперь онъ весь на виду... теперь онъ самъ себя опровергаетъ...

Такъ говорили руководители Комитета, расходясь послѣ перваго выступленія Ленина. Масса тоже не восприняла практическаго значенія лозунговъ Ленина, находясь въ идейной власти оборонческихъ круговъ. Да и сама фигура Ленина производила непріятное впечатлѣніе прямымъ контрастомъ красивымъ фигурамъ Церетелли, Плеханова, Авксентьева. Даже сторонники Ленина деликатно открещивались отъ него въ «Правдѣ», утверждая, что своими крайними лозунгами онъ доказываетъ свое незнакомство съ реальными условіями русской жизни. Иное впечатлѣніе, чѣмъ Ленинъ, произвелъ Троцкій, который сразу захватилъ Совѣтъ своей огненной рѣчью и неукротимымъ темпераментомъ. Если масса не сразу признала своего идеолога, то она сразу почувствовала своего вождя... Но Троцкій явился значительно позже.

Если путь «протянутой руки» не давалъ должнаго результата, не открывалъ даже перспективы мира, то неудача его не давала все же никакой новой оріентаціи, никакой новой точки зрѣнія. Еще въ серединѣ апрѣля большевики не считали безнадежнымъ поставить въ Комитетѣ вопросъ объ организаціи братанія на фронтѣ въ день перваго мая, и вопросъ снятъ былъ съ очереди лишь послѣ аргументаціи Церетелли, что братаніе устроить нельзя, такъ какъ неизвѣстно, какъ къ этому отнесется против-

никъ, и такъ какъ нѣтъ никакой технической возможности выяснить это. И извнѣ позиція Комитета попрежнему оставалась неясной, давая возможность различнымъ недоразумѣніямъ: былъ случай, что делегатъ, пріѣхавшій на фронтъ (западный) съ полномочіями отъ Комитета, рѣшилъ самъ организовать «показное» братаніе съ противникомъ, и только сношенія П. М. Толстого по прямому проводу съ Петроградомъ выяснило недоразумѣніе: делегатъ былъ отозванъ. Оказалось, это былъ извѣстный агитаторъ и пропагандистъ въ крестьянской средѣ. Теперь онъ рѣшилъ попробовать свои силы на фронтѣ и былъ въ полной увѣренности, что его дѣйствія соотвѣтствуютъ позиціи Комитета.

Гораздо поучительнѣе и богаче положительными выводами былъ второй путь къ миру — путь дипломатіи. Если Комитетъ не вошелъ въ Правительство, если онъ не поставилъ никакихъ военныхъ или мирныхъ условій для своей поддержки Правительства, то онъ все же не лишилъ себя права вліять на власть въ желательномъ направленіи.

Первымъ поставилъ этотъ вопросъ опять-таки Сухановъ. На другой день послѣ принятія манифеста пленумомъ Совѣта, Сухановъ выдвинулъ вопросъ о необходимости побудить Правительство, чтобы оно подчеркнуло свое согласіе съ мирными тенденціями демократіи. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что первые шаги Милюкова были направлены въ діаметрально противоположную сторону. Заявленіе Временнаго Правительства о войнѣ 27 марта — звучало въ полный унисонъ съ манифестомъ 14 марта, — русская власть тоже заявила, что она отказы-

вается отъ политики завоеваній и принимаетъ формулу самоопредѣленія народовъ. Но этого показалось мало. Это заявленіе было предназначено только для внутренняго читателя. Явное несогласіе съ этимъ заявленіемъ Милюкова возбуждало подозрѣнія, что во внѣ Россія обращена инымъ ликомъ. Сухое, лаконичное извѣщеніе Правительства, что оно не намѣрено обращаться къ союзникамъ ни съ какими мирными нотами — подкрѣпило подозрѣнія. И Комитетъ поставилъ требованіе, чтобы такая нота, формально мѣняющая международный смыслъ русскаго участія въ войнѣ, была послана за границу. Такъ какъ въ Правительствѣ цѣлый рядъ министровъ былъ противъ воинственности Милюкова (въ томъ числѣ и Гучковъ), то нота была обѣщана. Полное согласіе между Комитетомъ и Правительствомъ казалось настолько установленнымъ, что Церетелли предполагалъ произвести своеобразную военную демонстрацію: послѣ опубликованія мирной ноты Правительства вынести въ Совѣтѣ рѣшеніе поддержки «займа свободы». Правительство учитывало это и, со своей стороны, старалось средактировать документъ, который долженъ былъ удовлетворить демократію, причемъ лѣвая часть Правительства выдержала весьма суровый бой съ Милюковымъ изъ-за нѣкоторыхъ выраженій. И когда текстъ ноты былъ установленъ окончательно, нѣкоторые министры при встрѣчѣ съ членами Комитета утверждали, что Комитетъ будетъ пораженъ, насколько далеко пошло Правительство ему навстрѣчу. И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы текстъ ноты былъ заранѣе показанъ Церетелли или кому-нибудь изъ руководящихъ членовъ Комитета — въ него были бы внесены соотвѣтствующія поправки, или была бы предпринята

компанія для подготовки общественнаго мнѣнія къ этому акту. Но этого не было сдѣлано. Текстъ въ Комитетѣ былъ полученъ одновременно съ передачей его въ печать и послѣ посылки въ Парижъ и въ Лондонъ. Комитетъ въ экстренномъ засѣданіи сталъ обсуждать ноту, и послѣ перваго прочтенія всѣми единодушно и безъ споровъ было признано, что это совсѣмъ не то, чего ожидалъ Комитетъ. Въ особенности рѣзали слова о томъ, что послѣ революціи «всенародное стремленіе довести міровую войну до рѣшительной побѣды лишь усилилось, благодаря сознанію общей отвѣтственности всѣхъ и каждаго»... Потомъ, при дальнѣйшемъ детальномъ разборѣ, стали раздаваться голоса, что, въ сущности, нельзя требовать, чтобы Правительство разговаривало съ союзными правительствами языкомъ Манифеста къ народамъ міра, что дипломатія имѣетъ свой собственный языкъ. Церетелли сталъ добросовѣстно расшифровывать ноту и указывать на то, что многіе вопросы въ ней выражены вполнѣ соотвѣтственно общимъ мирнымъ тенденціямъ демократіи. Скобелевъ ставилъ вопросъ еще шире, доказывая, что вообще нельзя требовать полнаго совпаденія стремленій демократіи и позиціи Правительства. Демократія воодушевлена революціоннымъ пыломъ... Но русская революція, попадая за границу, должна сходить со своихъ ширококолейныхъ рельсъ и приспосабливаться къ узкой иностранной колеѣ... Но все-таки рядъ выраженій комментировался и ими, какъ неосторожный и легко поддающійся измѣненію. Около 5 часовъ ночи засѣданіе было прервано до утра.

Возбужденіе Комитета, причиненное нотой, объяснялось тревогой, что нота можетъ вызвать самочинныя выступленія массъ. Но, быть мо-

жетъ, какъ разъ эта тревога и послужила причиной этихъ выступленій, такъ какъ будоражущее извѣстіе о томъ, что Комитетъ всю ночь засѣдаетъ надъ неудачной мирной нотой Правительства, о которой столько говорили, и отъ которой ждали перваго практическаго шага къ миру, облетѣла весь городъ, всѣ казармы. На другой день, 20-го апрѣля, когда Комитетъ собрался обсуждать ноту, стали поступать свѣдѣнія о томъ, что Финляндскій полкъ вышелъ изъ казармъ и съ оружіемъ въ рукахъ и со знаменами съ надписями: «Долой захватную политику», «Въ отставку Гучкова и Милюкова», двинулся на Маріинскую площадь. Немедленно были посланы Скобелевъ и Гоцъ, которымъ удалось убѣдить солдатъ очистить площадь. Какъ оказалось, полкъ былъ выведенъ именемъ Исполнительнаго Комитета по иниціативѣ солдата Линде, бывшаго раньше членомъ Исполнительнаго Комитета. Но броженіе перекинулось на другія части, захватило рабочихъ. Въ отвѣтъ началось сильнѣйшее движеніе и среди обывателей, въ особенности группирующихся вокругъ партіи народной свободы. И къ вечеру уже начались столкновенія между различными группами демонстрантовъ.

Правительство предложило Комитету совмѣстное засѣданіе для обсужденія положенія дѣлъ. Засѣданіе состоялось въ тотъ же вечеръ и продолжалось съ 9 до 4 часовъ утра. Это была первая встрѣча Правительства и Исполнительнаго Комитета со дня, когда на ночномъ засѣданіи въ началѣ марта рѣшено было образованіе Временнаго Правительства. Лишь возстаніе массъ, направленное уже и противъ Правительства и противъ Комитета, заставило ихъ попытаться дѣйствительно сговориться. Но сговора

не было. Уже началось съ того, что возникли пренія о допущеніи журналистовъ. Комитетъ согласился на закрытое засѣданіе, но, когда Правительство заявило представителямъ печати, что оно согласилось на закрытое засѣданіе только подъ давленіемъ Комитета, Комитетъ сталъ настаивать на открытыхъ дверяхъ. Тогда Правительство заявило, что уже оно настаиваетъ на недопущеніи журналистовъ. Правительство осыпало Комитетъ упреками, если не за сегодняшнее выступленіе, то, во всякомъ случаѣ, за прежнее систематическое расшатываніе авторитета Правительства. Особенно рѣзко и раздраженно говорилъ Шингаревъ. Керенскаго не было. Милюковъ производилъ на Комитетъ впечатлѣніе конченнаго человѣка, котораго было просто жаль. Онъ сидѣлъ все время молча и сдѣлалъ только одно заявленіе: онъ прочелъ телеграмму, полученную изъ Парижа, въ которой сообщалось, что французское министерство иностранныхъ дѣлъ не сочувствуетъ созыву междусоюзнической конференціи для обсужденія вопроса о цѣляхъ войны. Милюкову казалось, что телеграмма имѣла рѣшающій характеръ въ смыслѣ довода въ его пользу. Но громадному большинству Комитета, привыкшему уже къ мысли о необходимости и возможности «давить» на свое Правительство, казалось непонятнымъ, почему нельзя оказать давленіе на союзныя правительства... Для всѣхъ было ясно, что во всякомъ случаѣ въ первую очередь надо было считаться съ такими явленіями, какъ солдатскій бунтъ, грозящій смести всѣ зачатки народной организованности. Въ этомъ направленіи развивали аргументацію представители Комитета. Но въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ были громадныя различія, — отъ Суханова, который, по существу, высказывался за

8*

невозможность Россіи дальше воевать, до меня, который просилъ Правительство лишь не мѣшать намъ постепенно ознакомить массы съ дѣйствительнымъ международнымъ положеніемъ и задачами войны. Но, повидимому, мой тонъ уже болѣе соотвѣтствовалъ настроенію большинства Комитета. — Въ общемъ, все это было безполезнымъ и раздражающимъ словопреніемъ: четверть часа переговоровъ Милюкова и Церетелли до опубликованія ноты могли сдѣлать несравненно больше, чѣмъ теперь долгіе часы... Въ результатѣ, Правительство, сохраняя попрежнему тонъ раздраженія, обѣщало на слѣдующій день обсудить возможность опубликованія и посылки за границу разъясненія ноты.

На другой день, однако, движеніе не улеглось, а продолжалось съ новой силой, уже руководимое большевиками. — Для того, чтобы предотвратить участіе вооруженныхъ солдатъ и злоупотребленіе именемъ Комитета, Комитетъ экстренно издалъ распоряженіе о невыводѣ изъ казармъ солдатъ иначе, какъ по распоряженію, скрѣпленному подписями опредѣленныхъ, поименованныхъ въ распоряженіи, семи лицъ, «семи диктаторовъ», какъ шутили потомъ. И солдатская масса, дѣйствительно, оставалась въ казармахъ. Но уже во время обсужденія этой мѣры въ Комитетъ со всѣхъ сторонъ стали поступать свѣдѣнія о движеніи на фабрикахъ и заводахъ. Наконецъ, по телефону сообщили, что громадныя массы рабочихъ идутъ съ Выборгской стороны, при чемъ многіе вооружены. Комитетъ направилъ на встрѣчу рабочимъ Чхеидзе, Войтинскаго и меня. Мы поѣхали на автомобилѣ и встрѣтили рабочихъ уже на Марсовомъ полѣ. Рабочіе шли довольно стройными колоннами. Впереди каждой колонны шелъ отрядъ

красногвардейцевъ, вооруженныхъ разнообразными винтовками и револьверами. За ними, веселыми и дружными толпами, шли рабочіе и работницы. Надъ всѣми колоннами развѣвались знамена съ надписями противъ войны, противъ Правительства и съ требованіемъ передачи всей власти Совѣтамъ. Чхеидзе съ автомобиля произнесъ рѣчь, доказывая, что демонстраціи не имѣютъ болѣе смысла и цѣли, такъ какъ Правительство уже готово разъяснить ноту въ желательномъ смыслѣ: поэтому Чхеидзе пригласилъ рабочихъ вернуться назадъ. Но тутъ выступили вожаки демонстраціи и заявили, что рабочіе сами знаютъ, что имъ надо дѣлать. Демонстрація двинулась дальше.

Движеніе не улеглось, а, повидимому, еще разгоралось. Казармы и рабочіе кварталы были въ броженіи. На улицахъ все время двигались манифестаціи. На вечеръ было назначено засѣданіе Совѣта, но многіе высказывали сомнѣніе, удастся ли его устроить, не будетъ ли оно сорвано непредвидѣнными событіями. И, вѣроятно, со стороны большевиковъ были намѣренія сорвать его. Настроеніе собравшагося Совѣта было до крайности напряженное. Потоки и волны какихъ-то бурныхъ порывовъ перекатывались надъ головами многотысячной толпы, наполнявшей залъ кадетскаго корпуса. То и дѣло ораторовъ перебивали какими-то массовыми спорами, вспыхивающими въ разныхъ концахъ зала. Кульминаціоннаго пункта возбужденіе достигло въ моментъ, когда въ залѣ появился Данъ и сообщилъ, что на улицахъ началась стрѣльба и имѣются жертвы. Поднялся такой шумъ, такое движеніе, что, казалось, еще моментъ, и перестрѣлка начнется въ залѣ. Напрасно Чхеидзе звонилъ неумолчно — его слабый голосъ не

былъ слышенъ даже на эстрадѣ. Но вотъ всталъ, или, вѣрнѣе, выросъ высокій и стройный Церетелли и поднялъ руку. Все сразу замолчало, и тишина переливами захватила всѣхъ. Церетелли сѣлъ, но Чхеидзе могъ предоставить слово Скобелеву, который сталъ не столько говорить сколько отрывисто диктовать постановленія. Тонъ его декретирующей рѣчи оказался какъ разъ по настроенію собранію. И оно съ такой же энергіей возбужденія почти единогласно приняло рядъ постановленій о воспрещеніи на три дня всякихъ выступленій на улицахъ вообще и особенно выхода съ оружіемъ въ рукахъ. Движеніе, не имѣвшее ни опредѣленныхъ лозунговъ, ни общепризнанныхъ вождей, было сломлено.

Но впечатлѣніе энергіи, проявленной Комитетомъ, значительно парализовалось впечатлѣніемъ слабости Правительства. Не Правительство, а Совѣтъ распоряжается въ Петроградѣ. И это впечатлѣніе усиливалось еще злосчастнымъ воззваніемъ Комитета «о семи диктаторахъ». Ударъ, намѣченный по большевикамъ, всею тяжестью палъ на военное командованіе, которое приняло это распоряженіе Комитета, какъ прямое вмѣшательство и вызовъ по своему адресу. Страннымъ образомъ, изъ выступленія солдатскихъ и рабочихъ массъ въ Петроградѣ, изъ протестовъ противъ излишней воинственности Правительства Комитетъ сдѣлалъ обратные выводы: самъ Комитетъ сталъ воинственнымъ. Непосредственно за апрѣльскимъ выступленіемъ и въ связи съ нимъ начались въ большинствѣ Комитета психологическіе сдвиги, которые привели къ полному пріятію войны.

Настаиваніе на принципахъ Манифеста 14 марта передъ международной демократіей приводило къ необходимости разрыва съ союзной демо-

кратіей и отдачѣ себя въ распоряженіе демократіи враждебныхъ странъ. Дипломатическій путь, закончившійся такъ печально апрѣльской нотой Милюкова, показалъ, что или русское Правительство должно разорвать съ союзными правительствами, или Комитетъ долженъ разорвать съ Правительствомъ — въ обоихъ случаяхъ получался не миръ, а только проигранная война.

Но гдѣ же тогда путь къ миру?

И тутъ властно въ свои права вступила идеологія войны. Намеки на нее имѣлись уже давно. Въ томъ же Манифестѣ ко всѣмъ народамъ міра были, правда, послѣ ожесточеннаго боя съ лѣвымъ крыломъ Комитета, вставлены слова о томъ, что русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей.

Значительно болѣе рѣшительно забота объ арміи была выражела въ обширной резолюціи перваго съѣзда Совѣтовъ. Тамъ вся вторая часть посвящена вопросу о необходимости сохраненія арміи и напряженной работы для войны въ тылу и на фронтѣ. При томъ, ставился вопросъ уже не только объ оборонѣ въ узкомъ смыслѣ слова, но и объ активныхъ дѣйствіяхъ: «Пока продолжается война, россійская демократія признаетъ, что крушеніе арміи, ослабленіе ея устойчивости, крѣпости и способности къ активнымъ операціямъ было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы и для жизненныхъ интересовъ страны.» Правда, въ «Извѣстіяхъ» резолюція эта была первоначально напечатана въ искаженномъ, совершенно, впрочемъ, случайно, видѣ, безъ словъ относительно активныхъ операцій. Но и такъ она могла подѣйствовать весьма отрезвляюще на всѣхъ, кто попрежнему считалъ, что Комитетъ только и хлопочетъ, какъ заключить миръ «по телеграфу».

Но рѣшительно на путь войны и заботы объ арміи, какъ единственномъ средствѣ къ достиженію мира, Комитетъ вступилъ послѣ событій, связанныхъ съ апрѣльской нотой.

Апрѣльская нота имѣла по концепціи Комитета своей задачей поставить вопросъ о мирѣ передъ международной дипломатіей. Но результатомъ всѣхъ связанныхъ съ ней событій было лишь то, что въ глазахъ Европы и всего міра были поколеблены послѣдніе остатки вѣры въ прочность и устойчивость новой русской власти. Русская демократія хотѣла заставить другихъ повторять ея слова, но получилось, что ее вообще перестали слушать, перестали считаться съ ней. Если война Россіи не по силамъ, то проведеніе мирной политики въ международномъ масштабѣ — вѣдь ни о сдачѣ противнику, ни о сепаратномъ мирѣ никто тогда не говорилъ — оказалось еще болѣе не по плечу русской государственности, поскольку она находится въ такомъ разложеніи. Вѣдь Бетманъ-Гольвегъ, въ своей послѣдней рѣчи при оцѣнкѣ положенія на всѣхъ фронтахъ, даже не упомянулъ о положеніи на восточномъ фронтѣ.

Конечно, съ объективно-исторической точки зрѣнія, въ этотъ урокъ надо было ввести соотвѣтствующіе коррективы. Исполнительный Комитетъ и Правительство не сумѣли технически наладить правильныя сношенія между Маріинскимъ и Таврическимъ Дворцомъ, доводя до того, что внутренніе споры выносились на улицу и получали разрѣшеніе подъ крики и угрозы толпы. При такой неумѣлости трудно, конечно, говорить, что всѣ пути дипломатическихъ и международныхъ вліяній уже были исчерпаны. Но вѣдь неумѣлость оставалась и впредь и если

не сознавалась, то чувствовалась. Поэтому тянуло въ другую сторону...

Вопросъ ставился — если ни братство народовъ, ни дипломатія не ведутъ къ быстрому миру, то какъ же достигнуть его? И стереотипныя, много разъ повсюду и всѣми повторяемыя слова подсказывали готовый отвѣтъ: — «Войной».

Если Бетманъ-Гольвегъ забылъ о русскомъ фронтѣ — надо ему напомнить о немъ. Если международная дипломатія всѣ слова о мирѣ расцѣниваетъ только какъ доказательство того, что съ Россіей вообще можно не считаться — надо разубѣдить ее въ этомъ. Надо показать міру, что наша армія сильна, и что Россія могущественная держава. Надо сузить русскую революцію до того, чтобы армія была послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Правительства. Надо втолковать солдатамъ, что путь къ миру лежитъ черезъ окопы противника. И громомъ побѣдъ надо заставить иностранное общественное мнѣніе прислушаться къ Россіи, къ голосу ея демократіи. Активныя военныя операціи не только допустимы, онѣ необходимы.

Правда, этотъ путь былъ очень труденъ. Развалъ арміи былъ общеизвѣстенъ. Но всѣ спеціалисты связывали развалъ арміи только съ идейной стороной революціи, только съ неудачными лозунгами Комитета. Казалось, надо дать иные лозунги, и армія окажется боеспособной. Какъ *ни* труднымъ могло показаться убѣдить армію воевать, все же это казалось легче, чѣмъ убѣдить международную дипломатію и демократію вступить на путь Манифеста 14 марта.

Переломъ мнѣній въ указанномъ направленіи совершался въ тиши и незамѣтно. Но въ

полномъ и нѣсколько даже неожиданномъ видѣ проявился онъ въ Комитетѣ по случаю пріѣзда делегатовъ съ сѣвернаго фронта, отъ 5-ой и 12-ой армій, Виленкина, Ходорова и Кучина. Делегаты произнесли патетическія рѣчи о положеніи арміи, о вліяніи неясности военной позиціи Комитета на нее. Уже тогда раздавался вопросъ: «Воюемъ мы или не воюемъ?»

И въ отвѣтъ было сказано поднымъ голосомъ:

— Мы воюемъ.

Большевики насмѣхались надъ воодушевленіемъ и «энтузіазмомъ», въ которомъ происходило засѣданіе Комитета. И, дѣйствительно, такой подъемъ рѣдко я видѣлъ въ немъ. Рѣчи делегатовъ съ фронта были встрѣчены оваціями. Въ отвѣтныхъ рѣчахъ, покрываемыхъ въ отступленіе отъ обычая аплодисментами, послышались никогда не бывалыя нотки реальной заботы о «своей» арміи. Зазвучали подлинные боевые тона. И тутъ же, при небываломъ единодушіи, увлекшемъ даже кое-кого изъ интернаціоналистовъ, былъ принятъ текстъ составленнаго Войтинскимъ воззванія — армія должна быть готова по зову начальниковъ и вождей совершать боевыя операціи, доказать противнику и всему міру силу русскаго оружія... Даже призывъ къ наступленію уже явно звучалъ въ воззваніи:

«Нельзя защищать фронтъ, рѣшившись во что бы то ни стало сидѣть неподвижно въ окопахъ. Бываетъ, что только наступленіемъ можно отразить или предупредить наступленіе врага. Иной разъ ожидать нападенія — значитъ покорно ждать смерти... Помните это, товарищи-солдаты. Поклявшись защищать русскую свободу, не отказывайтесь отъ наступательныхъ дѣйствій, которыя можетъ требовать боевая обстановка...»

Воззваніе звучало такъ воинственно, что впослѣдствіи изъ арміи отъ частей пріѣзжали делегаты спеціально для того, чтобы удостовѣриться, не подложно ли воззваніе — настолько оно казалось необычнымъ для того Совѣта, въ первомъ номерѣ «Извѣстій» котораго былъ напечатанъ большевистскій манифестъ, и который до сихъ поръ всегда говорилъ о войнѣ такъ сдержанно и съ колебаніями.

Правда, на ряду съ этимъ воззваніемъ было опубликовано воззваніе: «Къ соціалистамъ всѣхъ странъ», мирнаго характера. Но дѣйственность была уже не въ этомъ направленіи.

Несомнѣнно, что, помимо соображеній международной политики и дѣйствительнаго исканія путей къ миру, въ новыхъ настроеніяхъ играли значительную роль соображенія внутренней политики. Бездѣятельная армія явно разлагалась. Солдаты не понимали, зачѣмъ ихъ держать на фронтѣ. Запасныя части въ тылу отказывались давать пополненія и превращались въ вооруженныя банды, въ преторіанцевъ новѣйшей формаціи. Надо было дать арміи дѣло: надо напомнить солдатамъ о долгѣ, надо найти дѣйствительно убѣдительные мотивы къ наведенію порядка и дисциплины — вѣдь если фронтъ осужденъ стоять на мѣстѣ, къ чему повиноваться начальникамъ? Конечно, быть можетъ, лучшимъ выходомъ было бы въ смыслѣ внутренней политики, если бы наступленіе началъ самъ противникъ. Но онъ не наступалъ. Значитъ, надо было двинуться на него и цѣною войны на фронтѣ купить порядокъ въ тылу и въ арміи.

Кругъ развитія идей оказался законченнымъ. Война поглотила нестройную толпу разнокали-

берныхъ, разнорѣчивыхъ дѣятелей мартовской революціи. Во имя «Мира всего міра» былъ данъ лозунгъ: «Впередъ на врага».

И все пошло на службу этому лозунгу.

---

4. Пріятіе власти.

Но психологическая готовность и даже позывъ воевать были связаны съ необходимостью измѣнить отношеніе къ власти. Уже во время апрѣльскихъ бурныхъ дней Церетелли какъ-то сказалъ Скобелеву:

— Придется васъ, Матвѣй Ивановичъ, отдать въ Правительство...

Неизбѣжность участія Комитета въ Правительственной власти чувствовалась уже давно. Характеренъ въ этомъ отношеніи былъ инцидентъ со Шлиссельбургской республикой. Какъ-то разъ Правительство, со словъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сообщило, что Шлиссельбургскій Совѣтъ объявилъ свой уѣздъ самостоятельной республикой, создалъ красную гвардію изъ бывшихъ каторжниковъ и декретировалъ для уѣзда національзацію всей земли и всѣхъ заводовъ. Въ видѣ неопровержимаго доказательства были Исполнительному Комитету предъявлены копіи тѣхъ резолюцій, которыя были приняты Шлиссельбургскимъ Совѣтомъ. Положеніе казалось такимъ острымъ, что Правительственный коммиссаръ счелъ себя вынужденнымъ покинуть Шлиссельбургъ и выѣхалъ въ Петроградъ. Комитетъ нарядилъ спеціальную делегацію для переговоровъ со Шлиссельбургской республикой — въ составѣ самого Чхеидзе, Войтинскаго и др.

Но на мѣстѣ делегація выяснила сразу, что все это лишь недоразумѣніе. Дѣйствительно, была резолюція о независимости, о національзаціи земли и пр. Но эта резолюція была внесена не то большевикомъ, не то анархистомъ и была провалена въ Шлиссельбургскомъ Совѣтѣ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного при всеобщемъ смѣхѣ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что, по примѣру своего «большого брата» Петроградскаго Совѣта, шлиссельбургскіе солдаты и рабочіе считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженіе властей и дѣйствовать, не считаясь съ авторитетомъ Правительственной власти. Правительственные же органы были оторваны отъ всего, что фактически представляло энергію народа, и не были и даже не могли быть въ курсѣ того, что творилось кругомъ.

Дѣлалось ясно, что правительственная власть въ странѣ начинаетъ становиться безтѣлесною тѣнью, между тѣмъ какъ масса увлекается въ какія-то безбрежныя политическія дали. Странныя, дикія и ни съ чѣмъ несообразныя настроенія массъ врывались иногда въ самъ Комитетъ. Вотъ небольшой, но очень памятный инцидентъ. Въ Кронштадтскій Совѣтъ пріѣхалъ солдатъ съ фронта и, пораженный нравами кронштадтской вольницы, сталъ печаловаться на горькую участь солдатъ фронта, гдѣ царили почти что старые порядки. Кронштадтскій Совѣтъ пришелъ въ страшное негодованіе и сразу выдѣлилъ цѣлую делегацію изъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ для поѣздки въ армію и наведенія въ ней «новыхъ порядковъ». При этомъ делегаціи были даны Кронштадтскимъ Совѣтомъ полномочія арестовывать на фронтѣ командный составъ. Делегація должна была немедленно, послѣ

безсонной ночи, ѣхать на фронтъ. Но она сочла благоразумнѣе запастись мандатомъ и отъ Петроградскаго Комитета. Здѣсь она была выслушана въ пленумѣ Комитета, который, конечно, отнесся ко всей затѣѣ рѣзко-отрицательно и не только отказалъ въ выдачѣ мандата, но рѣшительно протестовалъ противъ подобной поѣздки. Инцидентъ былъ мелкій, но онъ произвелъ громадное впечатлѣніе тѣмъ настроеніемъ, которое принесли съ собой делегаты. Это, несомнѣнно, было массовымъ психозомъ. Мы видѣли, какъ на нашихъ глазахъ какой-то нездоровый угаръ сталъ спадать съ делегатовъ — лишь одинъ матросъ упорствовалъ до конца, — какъ они сами стали признаваться, что никто изъ нихъ не умѣетъ говорить, что они сами толкомъ не знаютъ, куда и зачѣмъ ѣдутъ. Но всѣ они разсказывали, что ночью у нихъ въ Совѣтѣ было такое настроеніе, что всѣ чувствовали себя способными передѣлать весь міръ.

Стало понятнымъ, что та психологія недовѣрія къ власти, которая потоками исходила изъ Петрограда, должна была быть замѣнена энергичнымъ сосредоточеніемъ всего авторитета, власти и силы въ одномъ какомъ-нибудь учрежденіи. При сохраненіи двоевластія масса неминуемо должна была уйти и отъ Правительства и отъ Совѣта — вѣдь 20-го апрѣля солдаты и рабочіе вышли противъ Правительства, но уже помимо, а отчасти и противъ Комитета.

Однако и послѣ апрѣльскихъ событій было стараніе оттянуть моментъ неизбѣжнаго вступленія въ Правительство. Даже уже въ отвѣтъ на письмо Львова съ предложеніемъ образованія коалиціоннаго правительства, Комитетъ, правда,

большинствомъ всего одного голоса, рѣшилъ въ Правительство не входить. Но какъ разъ военный вопросъ самымъ непреодолимымъ образомъ выдвигалъ необходимость консолидаціи и укрѣпленія власти.

Послѣ инцидента съ «семью диктаторами» Корниловъ выразилъ желаніе уйти. Изъ военныхъ круговъ была выдвинута тогда мысль о частичномъ объединеніи власти для Петроградскаго Округа въ видѣ посылки къ Корнилову комиссаровъ отъ Комитета. Комитетъ согласился и выбралъ Соколова и меня въ качествѣ такихъ комиссаровъ. Мы видѣлись съ Корниловымъ и, казалось, достигли съ нимъ полнаго соглашенія. Но на другой день намъ сообщили, что Корниловъ все же рѣшилъ уйти въ отставку. Вслѣдъ за нимъ ушелъ Гучковъ, не пожелавшій долѣе нести отвѣтственность «за тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины», какъ онъ писалъ въ опубликованномъ при уходѣ письмѣ. Правительство вошло въ полосу перманентнаго кризиса: Керенскій съ тоской говорилъ, что Правительства уже нѣтъ, что оно не работаетъ, а только обсуждаетъ свое положеніе... Власть, разбитая 20-го апрѣля, развалилась на части. Формула «поддержки постольку-поскольку» теряла свой смыслъ уже потому, что не было кого поддерживать — Правительство надо было уже возсоздавать, а это было невозможно безъ участія Комитета.

Быть можетъ, и тутъ боязнь власти побѣдила бы. Но вѣсти съ фронта, привозимыя толпами делегатовъ, становились все мрачнѣе. Приходили какіе-то новые люди, озлобленные, негодующіе, требующіе заключенія немедленнаго

мира, бранящіе Правительство за медлительность и обманъ, а Комитетъ — за нерѣшимость по отношенію къ вѣроломному Правительству. Не двинется ли за этими делегатами весь фронтъ, погружая страну въ мракъ анархіи и полнаго уничтоженія?

И черезъ нѣсколько дней послѣ перваго своего рѣшенія Комитетъ вынужденъ былъ поставить вопросъ о власти вторично. И даже безъ преній, просто послѣ заявленія Церетелли — Я высказываюсь за коалиціонное Правительство... — вопросъ былъ рѣшенъ положительно. Была выбрана комиссія изъ представителей всѣхъ партій для переговоровъ съ Правительствомъ. На другой день, утромъ, на квартирѣ Львова начались переговоры. Представители Комитета явились съ готовой декларацiей, выражающей ихъ стремленія. Мнѣ показалось, что когда декларація была прочитана въ Правительствѣ, почувствовался вздохъ облегченія: «Только-то»... Терещенко и Некрасовъ не скрывали своего удовлетворенія и предлагали немедленно перейти къ вопросу о личномъ составѣ. Но Львовъ сдержанно заявилъ, что необходимо обсужденіе деклараціи въ средѣ Правительства. Представители Комитета отправились ожидать отвѣта въ ближайшій ресторанъ на Садовой, обсуждая за завтракомъ вопросъ о личныхъ кандидатурахъ. Между прочимъ, рѣшено было не настаивать на уходѣ Милюкова, наоборотъ, скорѣе склонять къ тому, чтобы онъ остался въ кабинетѣ, но не министромъ иностранныхъ дѣлъ. Черезъ нѣкоторое время Церетелли былъ вызванъ въ Правительство и вернулся съ поправками Правительства къ деклараціи. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ редакціонный вопросъ былъ улаженъ безъ особыхъ трудностей. Но сразу съ

переходомъ къ вопросу о распредѣленіи портфелей вопросъ началъ осложняться, запутываясь съ каждымъ часомъ.

Формально переговоры происходили въ кабинетѣ кн. Львова, на Театральной улицѣ. Но тамъ только окончательно скрепцивались рѣшенія, принятыя въ другихъ мѣстахъ. Поэтому каждый этапъ переговоровъ, каждое предложеніе, каждая поправка должны были влечь за собой перерывъ переговоровъ для того, чтобы члены Правительства и представители Комитета могли столковаться сами. Помимо общихъ засѣданій Правительства съ делегаціей и засѣданій отдѣльно Правительства и отдѣльно делегаціи, происходило еще перманентное засѣданіе кадетскаго центральнаго комитета и Исполнительнаго Комитета. Кадеты сразу выставили рядъ существенныхъ требованій: число мѣстъ кадетъ въ кабинетѣ должно быть не менѣе числа мѣстъ демократіи; помимо исправленной деклараціи Комитета, должна быть новымъ Правительствомъ принята декларація осужденія анархіи, при чемъ текстъ этой деклараціи, предложенный кадетами, былъ по тону явно непріемлемъ для представителей Комитета; далѣе, при обсужденіи вопроса о личныхъ кандидатахъ, было выставлено требованіе, чтобы портфель министра земледѣлія находился въ рукахъ кадетъ. Противоположныя вліянія шли изъ Таврическаго Дворца. Тамъ Комитетъ, оставшись безъ своихъ лидеровъ, которые всѣ вошли въ делегацію для переговоровъ, попалъ подъ вліяніе Стеклова и началъ формулировать свои требованія и ставить условія вхожденія представителей Комитета въ Правительство, тоже настаивая на томъ, чтобы цѣлый рядъ существеннѣйшихъ портфелей — военный, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и, ко-

нечно, земледѣлія — непремѣнно были въ рукахъ демократіи. Къ этимъ двумъ вліяніямъ присоединились побочныя. Уже въ разгарѣ переговоровъ явились представители крестьянскаго съѣзда со своими требованіями и пожеланіями. Эсеры выставили ультимативнымъ условіемъ: «Черновъ — министръ земледѣлія».... Народные соціалисты — «Министръ земледѣлія кто угодно, только не Черновъ». Среди соціалъ-демократовъ большое броженіе возбуждалъ вопросъ относительно министра труда. Чхеидзе настаивалъ, чтобы Церетелли непремѣнно оставался въ Совѣтѣ, такъ какъ, съ его уходомъ въ Правительство, Совѣтъ выйдетъ изъ рукъ Комитета... Правительство настаивало на входѣ именно Церетелли, считая его единственно солиднымъ кандидатомъ демократіи. Шингаревъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ продовольственнаго дѣла, такъ какъ хотѣлъ увидѣть результаты своихъ мѣропріятій по снабженію, которые должны были, по его мнѣнію, сказаться черезъ нѣсколько недѣль. Военные штабные круги выдвигали кандидатуру въ военные министры Пальчинскаго. Скобелеву хотѣлось быть морскимъ министромъ. Правительство настаивало, чтобы военнымъ и морскимъ министромъ былъ Керенскій. Для нѣкоторыхъ портфелей не находили министровъ (мин. юстиціи), для нѣкоторыхъ министровъ не находили портфелей (Церетелли). Къ этому присоединялись вліянія фронтовъ, такъ какъ, какъ разъ въ разгаръ переговоровъ, съ фронта пріѣхали въ Петроградъ Верховный Главнокомандующій Алексѣевъ и всѣ командующіе фронтами — Драгомировъ, Гурко, Брусиловъ и Щербачевъ, при чемъ они выступили съ рѣзко обличительными рѣчами. Рѣчи эти, очевидно, предназначались для Правительства, но

Правительство справедливо сочло, что рѣчи эти были особенно полезны для Комитета, и предложило устроить соединенное засѣданіе для выслушанія голоса фронта.

Засѣданіе проходило за засѣданіемъ, не принося результатовъ. Каждый день назначалось засѣданіе пленума Совѣта для того, чтобы, какъ только будетъ достигнутъ результатъ, сообщить ему. Но каждый день приходилось засѣданіе отмѣнять. Наконецъ, пятаго мая къ ночи, положеніе настолько запуталось, что была потеряна надежда достигнуть соглашенія. Въ кабинетѣ кн. Львова засѣдала делегація Комитета и крестьянскаго съѣзда. Въ глубинѣ квартиры засѣдало Правительство. Керенскій и Некрасовъ бѣгали изъ одной комнаты въ другую въ качествѣ посредниковъ. Но съ каждой минутой дѣло запутывалось и становилось безнадежнѣе. Всѣ мыслимыя комбинаціи были разобраны. Каждое предложеніе имѣло уже извѣстный циклъ затрудненій и возраженій. Происходило явное топтаніе на мѣстѣ. Нервное напряженіе достигло высшаго предѣла и выражалось въ чрезвычайномъ возбужденіи и раздраженіи другъ противъ друга. Уже даже не происходило обсужденія вопроса, просто всѣ говорили въ своихъ углахъ или, точнѣе, кричали. Черновъ, взъерошенный и разъяренный, набрасывался на прижатаго къ углу маленькаго Пѣшехонова, Гвоздевъ произносилъ какія-то послѣднія слова въ негодованіи на безтолочь всего происходящаго... Даже Церетелли потерялъ равновѣсіе и, несмотря на мои пламенные призывы къ спокойствію, кричалъ, кажется, на Чхеидзе... Какъ вдругъ вбѣжалъ Керенскій и заявилъ, что рѣшеніе найдено. Въ сущности, та комбинація, которую сообщилъ Керенскій, была далеко не новой и имѣла много

возраженій противъ себя[1]). Но всѣ рады были поддаться его настроенію. Попытокъ возраженій уже не слушали, недовольныхъ заставили замолкнуть.

Коалиціонное Правительство было образовано. Война и власть были приняты Комитетомъ одновременно.

---

[1]) Составъ коалиціоннаго Правительства былъ слѣдующій: кн. Г. Е. Львовъ — предсѣдатель и министръ внутреннихъ дѣлъ; А. Ф. Керенскій — военный и морской; В. М. Черновъ — земледѣлія; Н. П. Переверзевъ — юстиціи; М. И. Терещенко — иностранныхъ дѣлъ; А. И. Шингаревъ — финансовъ; Н. В. Некрасовъ — путей сообщенія; А. И. Коноваловъ — торговли и промышленности; А. В. Пѣшехоновъ — продовольствія; А. А. Мануйловъ — народнаго просвѣщенія; М. И. Скобелевъ — труда; Г. И. Церетели — почтъ и телеграфовъ; В. Н. Львовъ — оберъ-прокуроръ синода; И. В. Годневъ — государственный контролеръ. Изъ нихъ 6 соціалистовъ.

Глава третья.

НАСТУПЛЕНІЕ 18-го ІЮНЯ.

1. Подготовка наступленія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ организаціи Коалиціоннаго Временнаго Правительства Исполнительный Комитетъ предложилъ мнѣ отправиться на съѣзды юго-западнаго и румынскаго фронтовъ. Этимъ съѣздамъ придавалось очень большое значеніе, и были даны директивы настаивать на томъ, чтобы съѣзды выразили готовность безъ всякихъ «постольку-поскольку» поддерживать Правительство, и чтобы была признана необходимость активныхъ дѣйствій на фронтѣ. Задачи были очень важныя, такъ какъ агитація большевиковъ все усиливалась и, какъ намъ казалось въ Петроградѣ, грозила захватить армію всецѣло.

Въ неимовѣрно переполненномъ поѣздѣ отправились мы съ Шапиро въ Каменецъ-Подольскъ. Мы нѣсколько опоздали — съѣздъ уже засѣдалъ до нашего пріѣзда. Брусиловъ уже произнесъ рѣчь на немъ и былъ встрѣченъ чрезвычайно тепло. Но въ дальнѣйшемъ тамъ начались доклады съ мѣстъ, рисующіе очень мрачную картину на фронтѣ, и настроеніе, къ тревогѣ штаба и президіума съѣзда, стало быстро по-

нижаться. Въ первый же вечеръ, изъ бесѣды съ президіумомъ, мы поняли, что задача будетъ не легкой. Мрачные доклады съ мѣстъ, гдѣ каждое слово дышало величайшей неохотой продолжать войну, удерживало руководителей съѣзда отъ того, чтобы сразу отдаться въ фарватеръ нашихъ благомыслящихъ «государственныхъ» и «воинственныхъ» тенденцій. Споръ начался изъ-за того, въ какомъ порядкѣ поставить вопросы на обсужденіе. Президіумъ предполагалъ сперва обсудить вопросъ о войнѣ, а потомъ о Правительствѣ. Мы настаивали на обратной постановкѣ вопросовъ, предпочитая встрѣтиться по болѣе академическому и безспорному вопросу и потомъ уже дать бой по кардинальному пункту. Президіумъ сталъ склоняться въ нашу сторону, но тѣмъ большую оппозицію пришлось намъ встрѣтить со стороны представителя большевиковъ — пожилого, сѣдѣющаго прапорщика, по виду «окопнаго», съ какой-то непомѣрно длинной шашкой, болтающейся на обтрепанныхъ ремешкахъ, чуть ли даже не на веревочкахъ. Но, въ концѣ концовъ, мы добились своего. — Послѣ засѣданія мнѣ сказали, что большевикъ-прапорщикъ былъ знаменитый на юго-западномъ фронтѣ Крыленко, въ которомъ я съ удивленіемъ узналъ давно знакомаго мнѣ по университетской скамьѣ и по совѣту старостъ «товарища Абрама» — я прекрасно помнилъ его выступленія въ 1906 году на избирательныхъ собраніяхъ, гдѣ онъ неизмѣнно выступалъ съ горячими и красивыми рѣчами противъ кадетъ. По утвержденію всѣхъ, онъ представлялъ собой весьма сильную и опасную на съѣздѣ фигуру и приводилъ заранѣе въ трепетное состояніе весь благомыслящій президіумъ. Единственныя надежды возлагались на Керенскаго, который обѣщалъ пріѣхать на

съѣздъ и уже незримо присутствовалъ на немъ, воплощая своимъ именемъ новый поворотъ революціи: само упоминаніе о томъ, что Керенскій обѣщалъ пріѣхать, вызвало такой взрывъ восторга на съѣздѣ, который не уступалъ восторгу передъ рѣчью Брусилова.

На другой день были закончены или точнѣе прерваны доклады съ мѣстъ. Хотя уже второй день выступали ораторы, не внося ничего новаго и все время повторяя одно, что на фронтѣ очень плохо и тяжело, делегаты все не хотѣли закончить этихъ докладовъ, такъ какъ каждый хотѣлъ самъ своими собственными словами, отъ имени своихъ собственныхъ избирателей, сказать то же самое, считая это и своимъ долгомъ и своимъ неотъемлемымъ правомъ. И съ трудомъ удалось ихъ убѣдить перейти къ другимъ вопросамъ.

Первую рѣчь по вопросу объ организаціи власти говорилъ Шапиро и имѣлъ весьма хорошій успѣхъ. Очевидно, что вопросъ относительно поддержки Правительства не вызывалъ трудностей. Но вотъ непосредственно послѣ него выступилъ Крыленко съ яркой рѣчью противъ Правительства, желающаго продолжать войну. Углубленіе революціи, осуществленіе народныхъ желаній въ тылу — вотъ задача внутренней политики, которая сама собой разрѣшитъ и внѣшній вопросъ. Разрывъ съ прежними началами международной политики, которыя зиждились на принципѣ — «Грабь на томъ концѣ улицы, пока я граблю на этомъ» — дастъ миръ скорѣе, чѣмъ всѣ новыя жертвы и потоки крови.

Крыленко имѣлъ крупнѣйшій успѣхъ. Очень шумные аплодисменты и явное сочувствіе очень многихъ на съѣздѣ. «Большинства или меньшинства?» задавали себѣ вопросъ во время перерыва. Не будетъ ли сорванъ съѣздъ?

После перерыва заставили говорить меня. Маленькій инцидентъ помогъ мнѣ найти, какъ мнѣ казалось, подходящій тонъ. Кто-то изъ публики подалъ въ президіумъ бумажку съ вопросомъ, сколько марокъ получилъ Крыленко за свою рѣчь. Предсѣдатель отмѣтилъ эту записку нѣсколькими негодующими замѣчаніями. И я началъ съ того, что завѣрилъ, что давно знаю Крыленко, какъ стойкаго товарища въ борьбѣ за свободу, и поэтому съ негодованіемъ отвергаю клеветническія инсинуаціи. Но именно потому, что я его знаю, я скорблю о его рѣчи, о заложенныхъ въ ней тенденціяхъ къ гражданской войнѣ вмѣсто войны на фронтѣ. Окончилъ я рѣчь указаніемъ, что, каковы бы ни были споры здѣсь, мы ожидаемъ, что, когда будетъ вынесено рѣшеніе, — меньшинство подчинится большинству... Иначе, пригрозилъ я, революціонная власть сумѣетъ справиться съ непокорнымъ меньшинствомъ.

Сдержанный, но рѣшительный тонъ моей рѣчи, сказанной отъ имени Петроградскаго Совѣта, отъ высшихъ учрежденій революціонной демократіи, вызвалъ сочувствіе. Меня прерывали аплодисментами почти на каждой фразѣ, при чемъ иногда весь съѣздъ поднимался съ мѣста. Послѣ окончанія была устроена овація — члены президіума и даже Брусиловъ цѣловали меня... Голосованіе предложенной нами резолюціи собрало ровно девять десятыхъ голосовъ.

На другой день послѣ голосованія резолюціи пріѣхалъ Керенскій и произнесъ одну изъ своихъ самыхъ блестящихъ, мужественныхъ и задушевныхъ рѣчей. Безграничныя оваціи въ полномъ единодушіи. И черезъ часъ — объ этомъ сообщалось въ президіумѣ — въ кулуарахъ уже были слышны рѣчи большевиковъ относительно

сапогъ министра, въ которыхъ можно было итти въ наступленіе. Но все же впечатлѣніе было очень большое, давало какой-то порывъ, страстность и вѣру.

Ярко сказалось это на одномъ инцидентѣ. Крыленко произнесъ, уже послѣ отъѣзда Керенскаго на фронтъ, вторую рѣчь, при чемъ ему былъ заданъ вопросъ, что онъ будетъ дѣлать, если большинство выскажется за необходимость наступленія. И онъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Я здѣсь высказываюсь противъ наступленія... Но если товарищъ Керенскій или нашъ главнокомандующій дадутъ приказъ начать наступленіе, то, хотя бы вся моя рота осталась въ окопахъ, я одинъ пойду на пулеметы и на проволоку противника...

Слова его были покрыты восторженными рукоплесканіями. Я подошелъ къ нему и пожалъ его руку. Если добавить къ этому упорно циркулировавшіе на съѣздѣ разсказы о томъ, что Крыленко плакалъ во время рѣчи Керенскаго, то станетъ понятнымъ, что руководители съѣзда порицали меня за ненужную суровость моей второй рѣчи, гдѣ я указывалъ, въ какихъ предѣлахъ революціонная власть можетъ допустить въ арміи расхожденіе мнѣній. Вся атмосфера съѣзда стала не соотвѣтствующей для рѣзкихъ словъ и выраженій. Нѣкоторое благодушіе овладѣло и штабомъ: я бесѣдовалъ довольно долго съ Брусиловымъ и убѣдился, что онъ смотрѣлъ на положеніе арміи значительно спокойнѣе и увѣреннѣе, чѣмъ мы въ тылу, и не сомнѣвается въ ея оздоровленіи и способности къ боевымъ дѣйствіямъ. Даже иностранецъ министръ Тома, пріѣхавшій вмѣстѣ съ Керенскимъ, былъ въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и слы-

шаннаго и, воздымая руки горѣ, славословилъ русскую революцію.

Но это была праздничная сторона дѣла. Будничная сторона была тоже по своему колоритна. Въ комиссіяхъ съѣзда во время перерыва обсуждались проекты устава о комитетахъ, поднимались общіе организаціонные вопросы, вопросы постановки новой дисциплины и пр. И неизмѣнно всѣ проекты казались неудовлетворительными. Всякая регламентація воспринималась уже какъ стѣсненіе. Даже избираемому комитету не хотѣли предоставить какихъ-либо значительныхъ функцій, настаивая на томъ, чтобы дѣла рѣшались «міромъ». А вмѣстѣ съ тѣмъ этихъ комитетовъ настраивалась безконечная масса. Я какъ-то, блуждая по комиссіямъ, набрѣлъ на ветеринарную, которая обсуждала свой организаціонный уставъ. Оказалось, что въ уставѣ предусматривались корпусные, армейскіе, фронтовые комитеты, комитетъ при Ставкѣ и комитетъ при ветеринарномъ управленіи въ Петроградѣ. Я попробовалъ сдѣлать принципіальное возраженіе относительно такой траты силъ и такой сложности въ управленіи. Но мнѣ былъ данъ успокоительный отвѣтъ, что все это уже осуществлено въ жизни, что уже былъ съѣздъ представителей ветеринарныхъ комитетовъ, и готовится новый съѣздъ . . .

Сила новыхъ организаціонныхъ идей, которыя клались въ основу всѣхъ этихъ чудовищныхъ проектовъ, рельефно сказалась на съѣздѣ при обсужденіи вопроса о предстоящей формѣ правленія въ Россіи. Конечно, относительно республики не было спора. Но нуженъ ли въ Россіи президентъ? И при голосованіи соотвѣтствующихъ тезисовъ весь съѣздъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного робкаго офице-

рика, рѣшилъ, что Россія должна быть безъ президента.

— «Президента не будетъ!» резюмировалъ предсѣдатель результатъ голосованія, и поднялась такая буря апплодисментовъ, какъ будто была совершена вторая революція, и страна избавилась отъ какого-то тирана. При такихъ настроеніяхъ неудивительно, что Степунъ, попробовавшій внести резолюцію о принужденіи меньшинства подчиниться большинству въ практической работѣ въ арміи, сразу поколебалъ свою весьма большую популярность на съѣздѣ, и его резолюція, точно также какъ и моя, составленная въ болѣе мягкихъ тонахъ, провалились. И не только провалились, но и вызвали горячій протестъ среди членовъ съѣзда, стоявшихъ, повидимому, въ общемъ на нашей точкѣ зрѣнія. И теперь еще помню горящіе глаза одного изъ членовъ президіума, доказывавшаго мнѣ святотатственность намѣренія наложить внѣшнія узы на волю человѣка, не вѣрить его внутреннему существу...

«Стихія анархіи» — вотъ названіе явленію, которое я далъ уже тогда.

Къ концу съѣзда пріѣхалъ матросъ Баткинъ. Онъ произнесъ захватывающую рѣчь отъ имени черноморскаго флота и вызвалъ новый приливъ энтузіазма, скрасившій слишкомъ дѣловыя засѣданія конца съѣзда. Послѣ его рѣчи въ комнатѣ президіума я спросилъ его, что онъ пишетъ такое на клочкѣ бумаги.

— Резолюцію.

— О чемъ?

— Объ отношеніи къ войнѣ и власти.

— Да вѣдь уже приняты резолюціи.

— Все равно, я знаю, что эти резолюціи недостаточны.

Съ трудомъ президіуму удалось уговорить его не пытаться передѣлывать всю работу съѣзда заново.

Въ качествѣ комиссара 7-ой арміи, пріѣхалъ на съѣздъ Савинковъ. Я уговорилъ его выступить съ привѣтственной рѣчью съѣзду, чтобы сразу познакомить съ собой фронтъ. Онъ согласился и произнесъ нѣсколько условныхъ и сдержанныхъ фразъ.

Въ Одессу я поѣхалъ вмѣстѣ съ Керенскимъ. Опять торжественная встрѣча — Керенскому, конечно; насъ съ Соколовымъ президіумъ подозрительно долго допрашивалъ, какой позиціи мы будемъ придерживаться на съѣздѣ, такъ какъ опасался, что мы ѣдемъ съ интернаціоналистическими тенденціями. Опять затаившая дыханіе многотысячная аудиторія, не поддающееся описанію воодушевленіе, море красныхъ знаменъ, пѣніе революціонныхъ пѣсенъ. Помню ярко моментъ: громадный залъ переполненнаго большого театра неистовствуетъ въ оваціяхъ. Керенскій стоитъ на эстрадѣ, красныя, расшитыя знамена всѣхъ депутацій осѣняютъ его. А невдалекѣ за нимъ стоитъ адмиралъ въ бѣлой формѣ съ сухимъ, энергичнымъ, блѣднымъ англійскимъ лицомъ — адмиралъ Колчакъ.

Работы съѣзда ничѣмъ не отличались отъ юго-западнаго, и наши резолюціи были приняты тѣмъ же большинствомъ голосовъ — приблизительно девять десятыхъ.

Послѣ возвращенія въ Петроградъ, я около двухъ недѣль пробылъ начальникомъ политическаго отдѣла въ кабинетѣ военнаго министра. Формально это была весьма скромная должность, но по существу, по тѣмъ ожиданіямъ и требованіямъ, которыя связывались съ нею — одна изъ существеннѣйшихъ въ системѣ военнаго

управленія. Начальники военныхъ управленій часто приходили ко мнѣ, совѣтуясь относительно тѣхъ или иныхъ мѣропріятій. И когда я созвалъ совѣщаніе изъ представителей вѣдомствъ для обсужденія намѣченныхъ реформъ въ арміи — къ моему смущенію, собрался весь генералитетъ. Поэтому я естественно прежде всего постарался привлечь вѣсскихъ сотрудниковъ, въ чемъ, мнѣ казалось, преуспѣлъ. П. М. Толстой, всю войну проведшій на фронтѣ, прекрасно знакомый со штабной техникой, съ добросовѣстнымъ усердіемъ и увлеченіемъ погрузившійся во всѣ тонкости новаго законодательства, и, въ свою очередь, выписавшій себѣ съ фронта нѣсколькихъ помощниковъ, знакомыхъ съ жизнью арміи. Ф. А. Степунъ, ярко и образно воспринявшій военныя впечатлѣнія, любимецъ южнаго фронта, пріѣхавшій по моему вызову съ массой впечатлѣній о новыхъ методахъ работы въ арміи, примѣняемыхъ Савинковымъ, мечтающій о сильной власти, о возможности не только упрашивать, но и управлять арміей. Утгофъ, сынъ, кажется, варшавскаго генералъ-губернатора, красочный эсеръ, одинъ изъ популярнѣйшихъ офицеровъ въ Петроградскомъ гарнизонѣ, предсказавшій комитетскую систему управленія и стойко боровшійся въ Совѣтѣ за удержаніе компетенціи и власти комитетовъ въ возможно узкихъ предѣлахъ и поэтому настаивавшій на установленіи ихъ сверху, а не снизу. Капитанъ Калининъ, вернувшійся съ каторги и отличавшійся неукротимой энергіей. Полковникъ Багратуни, считавшійся однимъ изъ выдающихся молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, съ большимъ боевымъ опытомъ, выдвинутый офицерскимъ съѣздомъ въ Петроградѣ. Мнѣ казалось, да и теперь кажется, что всѣ они вмѣстѣ давали возможный

максимумъ соединенія военнаго элемента съ общественнымъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ, воспоминанія о двухъ недѣляхъ на этой должности составляютъ для меня непріятнѣйшие моменты за все время войны, такъ какъ все время я былъ подавленъ ощущеніемъ безпомощности, и при томъ не только своей безпомощности.

Съ первыхъ же дней образованія, отдѣлъ сталъ заваливаться всевозможными дѣлами, бумагами, прошеніями, докладами. Новые вопросы, и при томъ нуждающіеся въ точныхъ юридическихъ справкахъ, въ сношеніяхъ, возникали ежедневно десятками. Между тѣмъ, во имя принципа экономіи, мы стѣснялись съ развитіемъ штатовъ: не хотѣлось начинать работу съ постройки большого бюрократическаго аппарата. И все количество сотрудниковъ въ полномъ составѣ едва успѣвало прочитывать поступающія бумаги, не только что надлежащимъ образомъ разрѣшать текущія дѣла. Я видалъ тоже политическій отдѣлъ уже въ видѣ цѣлаго управленія — но, по-моему, положеніе и тогда осталось то же, ибо, въ концѣ концовъ, нельзя объять необъятное. Кромѣ того, преслѣдовали мелочи, о которыхъ даже неловко говорить, но которыя составляли немаловажную причину трудностей и, по-моему, не только въ военномъ министерствѣ иногда приводили къ крупнѣйшимъ результатамъ. Во всемъ строѣ отношеній произошелъ переломъ, и началась дезорганизація. И это отражалось даже на такихъ мелочахъ, какъ установка телефона, подача автомобиля, регистрація бумагъ, переписка, экспедиція, дежурство, писарей, пріемъ посѣтителей, пріисканіе помѣщеній — вездѣ были мелкія трудности, осложнявшія работу, отвлекавшія вниманіе, отнимавшія время.

Въ конечномъ счетѣ, это давало такой результатъ, что было нѣсколько людей, но не получалось учрежденія, не было механизма.

Непосредственнымъ источникомъ воли и мысли для отдѣла, минуя Барановскаго, долженъ былъ явиться самъ Керенскій. Но онъ былъ рѣшительно переобремененъ всевозможной работой, представительствомъ и засѣданіями въ совѣтѣ министровъ, которыя происходили ежедневно. По цѣлымъ днямъ не приходилось видѣть его или видѣть только мелькомъ. Иногда мы съ моими сотрудниками вынуждены были дожидаться Керенскаго до 3 часовъ ночи, т. е. до окончанія засѣданія совѣта министровъ для того, чтобы ночью разрѣшать существеннѣйшіе вопросы управленія арміей: днемъ же насъ вѣчно отвлекали или перерывали. Кромѣ того, Керенскаго постоянно вызывали Ставка и фронты, такъ что за время со 2-го мая по 9-ое іюля онъ былъ въ Петроградѣ менѣе трехъ недѣль. Ближайшими помощниками и совѣтниками Керенскаго были Тумановъ, Якубовичъ и Барановскій. Всѣ трое — офицеры генеральнаго штаба. О двухъ первыхъ я слышалъ не разъ и до революціи, какъ о блестящихъ офицерахъ, подающихъ большія надежды. Оба они въ первый же день революціи пришли въ Таврическій Дворецъ, понимая существо совершившихся событій, и сумѣли наладить хорошія отношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ, старательно толкая его на бережливое отношеніе къ арміи, разрѣшая тысячи повседневныхъ трудностей. Но, какъ помощники военнаго министра, они оказались въ ложномъ положеніи: они недостаточно были проникнуты общественнымъ духомъ, чтобы импонировать военному міру, и были недостаточно авторитетными военными, чтобы импонировать обще-

ственнымъ кругамъ. И здѣсь и тамъ къ нимъ относились съ налетомъ ироніи.

Все время министерству приходилось выдерживать напоръ странныхъ, а подчасъ и подозрительныхъ лицъ. Всѣ считали своимъ долгомъ спасать армію, и очень многіе хотѣли на этомъ и поживиться. Какой-то офицеръ предлагалъ устроить заговоръ противъ Совѣта и, собравъ на Дворцовой площади солдатъ, желающихъ итти на фронтъ, произвести переворотъ. Баткинъ, съ карманами, полными ассигнацій, и показывая эти ассигнаціи своимъ собесѣдникамъ, разсказывалъ о своихъ успѣхахъ на митингахъ. Капитанъ Муравьевъ таинственно нашептывалъ о необходимости ударныхъ батальоновъ, составленныхъ изъ юнкеровъ. Представители различныхъ общественныхъ организацій требовали субсидій для просвѣтительной дѣятельности на фронтѣ. Былъ даже чудакъ-офицеръ, корчившій изъ себя въ казармахъ большевика, который подалъ заявленіе о необходимости назначить его адъютантомъ военнаго министра...

Все это пустяки, но все это было въ такомъ количествѣ, и такъ трудно было отгородиться отъ этого и отгородить Керенскаго, что невольно отрывало отъ болѣе существенныхъ дѣлъ.

Но главная трудность была въ томъ, что не было опредѣленной программы дѣятельности. Формально, словесно, вопросъ ставился о необходимости строить «новую», «революціонную» армію. По существу же, поскольку главной задачей ставилось продолженіе войны на фронтѣ, въ основу дѣятельности могъ быть положенъ лишь чрезвычайный консерватизмъ, цѣпкое, упорное отстаиваніе всего стараго и, пожалуй, лишь выдвиженіе новыхъ лицъ. Между тѣмъ, фактически дѣло сводилось къ тому, что всѣ воен-

ныя власти — и Ставка, и всѣ управленія, и военное министерство — лишь регистрировали приказами и уставами уже фактически пройденные этапы быстраго распада арміи.

Прежде всего распалась власть. Распалась уже давно, сразу послѣ революціи, еще при Алексѣевѣ, Гучковѣ и Корниловѣ. Армія, построенная на автоматизмѣ, механичности и строгомъ формализмѣ, оказалась безъ всякихъ уставовъ, безъ всякой власти... Привыкшая отвѣчать только: «Такъ точно», «Никакъ нѣтъ» и «Не могу знать», вдругъ заговорила, зашумѣла, заспорила, засамоопредѣлялась. Построенная на противопоставленіи нижняго чина офицерскому званію — засамоуправлялась на основѣ самой демократической четырехъ-хвостки.

Основнымъ вопросомъ, конечно, былъ вопросъ относительно комитетовъ. Нелѣпо и праздно теперь поднимать вопросъ относительно допустимости или недопустимости въ арміи комитетовъ. Никто не только въ военномъ министерствѣ, но, быть можетъ, и въ средѣ самихъ комитетовъ никогда не сомнѣвался, что вообще комитеты только зло. Виленкинъ, предсѣдатель комитета 5-ой арміи, формулировалъ свое отношеніе къ комитетамъ такимъ образомъ: «Задача нашего комитета довести армію до такого состоянія, чтобы, по приказу командующаго арміей, любая часть арестовала безъ колебаній комитетъ. Тогда мы, дѣятели комитета, скажемъ: нашъ долгъ передъ родиной выполненъ». Но положеніе было таково, что не было полка, который безъ противодѣйствія комитетовъ не арестовалъ бы свое начальство. Поэтому самъ командный составъ настаивалъ на созданіи комитетовъ, видя въ нихъ свое спасеніе. Въ длительномъ процессѣ комитеты могли только разъѣсть и расшатать

армію и всю военную систему. Но на первыхъ порахъ — они только спасли ее отъ самосгоранія, отъ моментальнаго распада фронта. Комитеты въ арміи явились одновременно, подчасъ раньше, чѣмъ комитеты въ частяхъ Петрограда, всюду явочнымъ порядкомъ и въ большинствѣ случаевъ по инціативѣ командного состава. Приказъ Алексѣева узаконилъ бытіе комитетовъ, приказъ Гучкова ихъ регламентировалъ. Но жизнь не укладывалась въ рамки приказа, и Керенскій — санкціонировалъ существованіе комитетовъ по обычному праву. Но комитеты, въ сущности, не нуждались въ такой санкціи. Всѣ «Румчероды», «Искомитюзы», «Искомзапы», «Коборсѣвы», «Коморсѣвы» и «Искосолы» стали крупнѣйшей, неотъемлемой силой въ жизни арміи, прежде чѣмъ Петроградъ или Ставка узнали объ ихъ существованіи. Фактически къ маю мѣсяцу вся армія съ низу до верху была окомитетчена. Но, конечно, это не было новымъ порядкомъ. Хотя бы уже потому, что сами комитеты были чрезвычайно разнообразны. Въ каждой арміи, въ каждомъ корпусѣ, даже въ дивизіи, даже въ полку — комитеты строились по-разному. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ я встрѣчалъ дивизіи, въ которыхъ каждый полкъ имѣлъ комитетъ, построенный на иныхъ основаніяхъ: въ одномъ — офицеры и солдаты выбирали совмѣстно, въ другомъ — опредѣленное количество членовъ комитета делегировалось отъ солдатъ и опредѣленное количество отъ офицеровъ, въ третьемъ, наконецъ — существовали отдѣльно офицерскій и отдѣльно солдатскій комитетъ. Права, обязанности, порядокъ сношеній, довольствіе, численность — все варьировалось до безконечности. Сознаніе невозможности такого положенія было всеобщимъ. Стонъ о «Положеніи о комитетахъ»

неся со всѣхъ угловъ арміи. Всѣ съѣзды, рядъ комиссій, ставка, военное министерство — всѣ занимались этимъ вопросомъ. Но неуклюжее и нескладное въ жизни оказывалось еще уродливѣе на бумагѣ. Вся противорѣчивость существа комитетовъ воочію сказывалась, какъ только ихъ пытались догматизировать. Всѣ проекты удовлетворяли только одного составителя. Теоретически становилось все яснѣе, что нужно или уничтожить армію или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сдѣлать ни того, ни другого. Комитеты были яркимъ выраженіемъ неизлѣчимой соціологической болѣзни арміи, признакомъ ея вѣрнаго умиранія, ея параличомъ. Но было ли задачей военнаго министерства ускорить смерть рѣшительной и безнадежной операціей?

Вторымъ моментомъ раложенія арміи былъ національный вопросъ. Въ русской арміи уже существовали національныя части — латышскія и чехо-словацкія. Оба опыта дали очень хорошіе результаты. При общихъ децентрализаторскихъ тенденціяхъ новой власти и политики довѣрія къ національностямъ было бы страннымъ принципіально возражать противъ того, что допускала даже старая власть. Развѣ украинцы вызываютъ меньше довѣрія, чѣмъ латыши? Или чѣмъ хуже литовцы и эсты, чѣмъ украинцы? Но значило ли это, что надо допустить полную перетасовку всей арміи — вѣдь не менѣе 50% всего состава приходилось разсортировать по-новому. Кромѣ того, новыя національныя формированія, въ связи съ признаніемъ независимости Польши, декларацiей правъ народовъ на самоопредѣленіе и общимъ измѣненіемъ въ тонѣ общественной жизни, получили совершенно новый характеръ. явились въ новомъ свѣтѣ. Старое Правительство создавало только матеріаль-

ную силу изъ солдатъ одной національности. Но, при общемъ стѣсненіи свободы, при отсутствіи печати, при стѣсненіяхъ партійной работы, оно могло не бояться, что эта сила будетъ использована для цѣлей, враждебныхъ государству. Но теперь всѣ народы зашевелились, почувствовали свою обособленность отъ цѣлаго России. Довборъ-Мусницкій, командиръ польскаго корпуса, недовольный тѣмъ, что фронтовой комитетъ высказалъ пожеланіе объ образованіи комитетовъ въ польскихъ частяхъ, счелъ себя въ правѣ высказать мнѣ, что онъ принципіально считаетъ возможнымъ, что польская армія, какъ иностранная, покинетъ Россію. Украинцы на своемъ съѣздѣ на западномъ фронтѣ приняли резолюцію, что, если ихъ требованія не будутъ удовлетворены Правительствомъ, то они заключатъ сепаратный миръ съ противникомъ. Другія національности не шли такъ далеко, но все же признавали, что выдѣленіе сородичей изъ общей арміи и сведеніе ихъ въ особыя формированія — ихъ неотъемлемое право, завоеваніе русской революціи, и самочинно разсылали требованія и приказы, созывали съѣзды и грозили такими перетасовками въ арміи, которыя сами по себѣ грозили на первыхъ порахъ свести къ нулю ея боеспособность. Значитъ — запретить? Но вотъ Керенскій, опредѣленный противникъ національныхъ формированій, запретилъ украинскій войсковой съѣздъ... Но на практикѣ это свелось къ тому, что делегаты съѣхались не въ порядкѣ командировокъ, какъ на разрѣшенный съѣздъ, а въ порядкѣ отпусковъ, и весь съѣздъ прошелъ въ ярко выраженномъ враждебномъ отношеніи къ Правительству.

Если къ этому добавить, что армія, кромѣ комитетовъ, получила еще комиссаровъ, тоже

безъ опредѣленныхъ, регламентированныхъ функцій и обязанностей, что, помимо группировки по національностямъ, происходила еще группировка по родамъ оружія и спеціальностямъ, что на ряду съ «демократизаціей» арміи шелъ въ ней процессъ консолидаціи недовольныхъ элементовъ въ офицерскихъ организаціяхъ — и все это дѣлалось повсемѣстно, стихійно, самочинно, ни одинъ дѣятель, ни одна партія, ни одно политическое теченіе просто не были въ состояніи сдѣлать столько ошибокъ, даже если бы сознательно хотѣли губить армію — станутъ ясными безконечныя трудности военнаго управленія въ то время. Тѣмъ болѣе, что до Министерства и до Ставки это все доходило нестройной толпой ходоковъ, депутацій, делегатовъ, просителей, заявленій, протестовъ, требованій... По вопросу о польскихъ формированіяхъ ежедневно приходили поляки — отдѣльно отъ правицы и отдѣльно отъ лѣвицы — со взаимными жалобами и упреками. Ежедневно приходили запросы изъ Ставки, съ фронтовъ и отъ комитетовъ, какъ быть съ украинцами, безъ спросу распоряжающимися въ арміи. По нѣскольку разъ въ день являлись представители двухъ организацій летчиковъ, «Авіаканца» и какого-то другого миѳическаго существа, ведущихъ между собой долгую тяжбу изъ-за мѣста созыва съѣзда летчиковъ.

Въ такихъ условіяхъ велась работа, задачей которой была новая координація всѣхъ дѣйствующихъ въ арміи силъ. До сихъ поръ былъ разбродъ или, что немногимъ лучше, координація на Исполнительный Комитетъ, на его иногороднюю комиссію. Нужно было перемѣстить вниманіе на Правительство и если не организаціонно, то фактически свести всѣ нити въ рукахъ Правительства для того, чтобы оно могло

начать управлять арміей. Медленно, но вѣрно продолжалась работа. Съ одобренія Керенскаго начинали, впервые послѣ революціи, примѣнять силу (сперва на румынскомъ, потомъ на юго-западномъ фронтѣ). Самъ Исполнительный Комитетъ начиналъ помогать власти, во всякомъ случаѣ — не сопротивлялся, не боролся за свои прерогативы... Но тутъ выступилъ моментъ времени: его не было, ибо близилось уже рѣшительное испытаніе арміи.

---

2. Наступленіе.

Каково бы ни было состояніе арміи, оно не снимало вопроса объ активныхъ дѣйствіяхъ. Какъ разъ въ іюнѣ мѣсяцѣ открылся съѣздъ совѣтовъ, на которомъ войсковые представительные органы были представлены очень полно. Было спеціально военное собраніе для того, чтобы представители армій могли высказать свои пожеланія Керенскому. Общій голосъ солдатскихъ представителей былъ за наступленіе. Даже Крыленко, который какимъ-то образомъ умудрился явиться представителемъ одной изъ южныхъ армій, говорилъ (очевидно, по наказу своихъ товарищей), что армія находится въ такомъ состояніи, что если ее не поведутъ впередъ, то она сама можетъ пойти назадъ, словомъ, хотя съ оговорками, но недвусмысленно высказался за наступленіе.

Къ политическимъ мотивамъ присоединялись и военно-стратегическіе. Уже въ прежнихъ разговорахъ въ Ставкѣ указывалось, что необходимо, чтобы лѣтомъ наша армія проявила активность для того, чтобы облегчить задуманныя

грандіозныя операціи союзниковъ на западномъ фронтѣ. Въ послѣднее же время Брусиловъ, уже будучи Верховнымъ Главнокомандующимъ, настаивалъ на скорѣйшемъ наступленіи, такъ какъ имѣлись свѣдѣнія о переброскѣ силъ противника на нашъ фронтъ, и было опасеніе, что противникъ самъ предполагаетъ перейти въ наступленіе, и Ставка хотѣла предупредить его.

Наступленіе было назначено на 10-ое, потомъ на 15 іюня. Керенскій, по условію, долженъ былъ ѣхать на фронтъ. Я сопровождалъ его. Мы пріѣхали въ Тарнополь въ день начала артиллерійской подготовки, и командованіе фронтомъ рѣшило использовать пребываніе Керенскаго для агитаціи въ арміи. Въ первый же день его повезли въ 1-ый гвардейскій корпусъ.

Колоссальная масса солдатъ — это былъ наиболѣе многочисленный митингъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ мной: тысячъ, вѣроятно, до 15-ти. Тутъ же весь командный составъ. Все это расположилось въ лощинѣ съ пологими боками, сплошь покрытыми солдатскимъ моремъ. По серединѣ автомобиль Керенскаго. Въ общемъ, митингъ проходилъ гладко. Но командный составъ былъ въ волненіи — главный агитаторъ и смутьянъ, капитанъ Дзеваловскій, знаменитый большевикъ, не явился на митингъ, и поэтому, по мнѣнію командного состава, митингъ наполовину терялъ свое значеніе, такъ какъ останутся неопровергнутыми главные аргументы, колеблющіе порядокъ. Между тѣмъ, Дзеваловскій съ двумя наиболѣе непокорными и деморализованными полками расположился въ сторонѣ и въ серединѣ митинга прислалъ депутацію къ Керенскому съ просьбой пріити къ нимъ. Положеніе было затруднительное — Дзеваловскій, очевидно, хотѣлъ уклониться отъ боя или дать бой въ об-

становкѣ, наиболѣе благопріятной для него, окруженный преданной ему аудиторіей. Керенскій всталъ во весь ростъ и поставилъ на голосованіе всего митинга вопросъ: кому итти: ему ли къ отдѣлившейся части корпуса, или отдѣлившейся части присоединиться ко всѣмъ. Щетиной мгновенно, безъ колебаній поднявшихся рукъ, собраніе единодушно постановило: отдѣлившіеся должны присоединиться ко всѣмъ. Делегаты, смущенные, какъ побитые, отправились назадъ. Митингъ продолжался, но нѣсколько сумбурнѣе — комиссару 11-ой арміи Киріенко не дали договорить до конца, часть митинга покинула поле въ видѣ протеста противъ своего же собственнаго рѣшенія. Однако, митингъ былъ доведенъ до конца. Но тутъ вмѣшалось начальство. Обезпокоенное, что Керенскому не пришлось передъ солдатами опровергнуть аргументы Дзевалтовскаго, оно стало настаивать на томъ, чтобы Керенскій, несмотря на его торжественный отказъ, несмотря на то, что одѣлившіеся были осуждены «всѣмъ міромъ», отправился къ гренадерамъ. Особенно волновался командиръ корпуса, ген. Илькевичъ, который плакался, что если не произойдетъ встрѣчи съ Дзевалтовскимъ, то весь смыслъ посѣщенія министра пропадетъ. Сперва Ильксвичъ пробовалъ убѣдить меня воздѣйствовать на Керенскаго, но я опредѣленно сказалъ, что даже не понимаю, какъ можетъ ставиться подобный вопросъ послѣ всего, что произошло, послѣ того, какъ приказъ не былъ выполненъ. Не слушая дальнѣйшихъ аргументовъ, я направился къ автомобилю, стоявшему на дорогѣ, оставляя Керенскаго бесѣдующимъ съ нѣсколькими солдатами. Но не успѣлъ я дойти до автомобиля, какъ увидалъ, что автомобиль Керенскаго повернулъ и поѣхалъ прямо

къ Гренадерскому полку. Оказалось, Илькевичу удалось убѣдить Керенскаго. И началась позорная картина безполезнаго словопренія съ завѣдомо несогласными. Первую рѣчь тономъ обвинителя произнесъ Дзевалтовскій, самоувѣренно и вызывающе повторившій всѣ нападки большевистской прессы. Потомъ по пунктамъ отвѣчалъ Керенскій, потомъ опять говорилъ Дзевалтовскій. Настроеніе солдатъ было неопредѣленное. Часть апплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, Керенскому, но большинство слушало молча, думая про себя свою думу и, вѣроятно, не отдавая себѣ отчета въ происходящихъ спорахъ и смутно сознавая, что вопросъ шелъ о кардинальнѣйшемъ для каждаго вопросѣ — итти въ наступленіе или не итти... Въ общемъ, конечно, былъ провалъ. Впечатлѣніе уступчивости, нерѣшительности власти на фонѣ растерянности командцаго состава не предвѣщало ничего добраго.

Я потомъ спрашивалъ Духонина, бывшаго тогда начальникомъ штаба юго-западнаго фронта, какъ это военные не понимаютъ, что подобныя выступленія необходимо инсценировать по-военному: войска должны быть выстроены, чтобы чувствовалась подтянутость. Онъ, повидимому, соглашался со мной и, во всякомъ случаѣ, въ неудачѣ посѣщенія корпуса винилъ командира корпуса. Второй день пребыванія на фронтѣ прошелъ въ болѣе мелкихъ выступленіяхъ въ разныхъ частяхъ. Было, однако, ясно, что, когда дѣло стало подходить къ рѣшительному шагу, настроеніе солдатскихъ массъ быстро падало. Аргументы и убѣжденія не улучшали положенія, но ухудшали, такъ какъ вызывали мысль, что солдатъ воленъ убѣдиться аргументами или не убѣдиться, что не укрѣпляло, а лишь расшатывало

дисциплину. Но едва ли кого можно винить въ создавшемся положеніи. Въ минуту, когда дезорганизованныя толпы солдатъ вышли на улицы Петрограда, передъ русской общественностью встало два пути: или сразу загнать толпу въ казармы, стрѣляя вмѣстѣ съ спрятанными городовыми съ чердаковъ, или убѣждать солдатъ... Начали убѣждать, сперва въ Петроградѣ, потомъ, естественно, по просьбѣ самого начальства, и на фронтѣ. И первый, кто почувствовалъ, что уговоры въ арміи не достигаютъ цѣли, и что революціонная власть, если хочетъ имѣть армію, должна научиться приказывать ей и пріучить къ повиновенію безъ разсужденій — былъ Керенскій. Черезъ нѣсколько дней, въ отвѣтъ на просьбу главнокомандующаго западнымъ фронтомъ Деникина пріѣхать въ армію для агитаціи, Керенскій отвѣтилъ телеграммой, гдѣ была приблизительно слѣдующая фраза:

«Время разговоровъ и уговоровъ въ арміи прошло. Надо приказывать, а не митинговать».

Ночь передъ наступленіемъ я хотѣлъ было провести въ окопахъ, но задержался на какихъ-то «уговариваніяхъ» и вынужденъ былъ, вмѣстѣ съ Киріенко, заночевать на полу какой-то избы. Рано утромъ 18-го іюня мы уже были на фронтѣ.

Артиллерійская стрѣльба была ожесточенной съ обѣихъ сторонъ. Надъ головой неустанно проносились свистящіе, шипящіе и стонущіе звуки снарядовъ. Гора Могила, куда мы направились, дымилась, какъ вулканъ, такъ что начальникъ дивизіи утверждалъ, что онъ никогда не видывалъ ничего подобнаго. (Значитъ, артиллерія противника не подавлена, подумалось мнѣ. Мы обходили окопы, произносили короткія рѣчи куч-

камъ солдатъ, которые сгруживались около насъ, присѣдая къ землѣ и прижимаясь къ стѣнкамъ окоповъ, несмотря на сильный огонь противника и неустанный свистъ шрапнели и осколковъ. Въ одну кучку солдатъ попалъ снарядъ, едва мы успѣли отойти отъ нея за брустверъ. Къ моменту, когда должна была начаться атака на этомъ участкѣ, мы подошли къ первой линіи окоповъ. Но скоро пришелъ приказъ — атаку «отставить», такъ какъ сосѣдній участокъ не успѣлъ выполнить своей задачи.

Громадное впечатлѣніе произвели на меня бросающіеся въ глаза техническіе недочеты. Участокъ, имѣвшій по планамъ наступленія весьма большое значеніе, былъ вовсе не подготовленъ для атаки. О плацдармѣ не было и помину, — къ первой линіи окоповъ намъ пришлось итти по открытой лощинѣ, продольно обстрѣливаемой шрапнелью противника. Полкъ, по участку котораго мы проходили, и который долженъ былъ итти въ атаку, не имѣлъ пулеметовъ, такъ какъ эти пулеметы были отданы чехо-словакамъ, наступающимъ рядомъ. Мнѣ казалось, что, при такомъ положеніи технической стороны и при сильномъ артиллерійскомъ огнѣ противника, атака не могла бы имѣть шансовъ при наилучшемъ моральномъ состояніи войскъ.

Каково было это состояніе? Имѣя въ виду, что всѣ трусы и дезертиры остались такъ или иначе въ тылу, что наиболѣе разложившіяся части вообще были скинуты съ расчетовъ командного состава, можно утверждать, что тѣ солдаты, которыхъ мы видѣли въ окопахъ, были полны рѣшимости наступать. Въ передовомъ окопѣ намъ все время говорили — «Скорѣе пришелъ бы приказъ въ атаку»... И солдаты выгля-

дѣли бодро и увѣренно, безъ малѣйшаго признака броженія или недовольства. Инерція стараго порядка, моменты личнаго благородства, нежеланіе въ минуту опасности показать себя хуже другихъ — все играло свою роль въ этомъ настроеніи.

Въ штабѣ 11-ой арміи, въ общемъ, были довольны результатами наступленія. На нѣкоторыхъ участкахъ было замѣтное продвиженіе нашихъ войскъ. Австрійцы, по обыкновенію, сдавались цѣлыми полками. Плѣнные показывали, что готовится отступленіе ихъ фронта верстъ на 40. Командующій Эрдели весь оживился при этихъ свѣдѣніяхъ и сталъ говорить, что это максимумъ, о чемъ можно было мечтать... Нѣсколько иныя впечатлѣнія были въ 7-ой арміи, гдѣ Керенскій наблюдалъ за наступленіемъ около Бржезанъ. Картина первоначальнаго момента атаки была великолѣпной: атакующія войска дружно, по приказу, съ красными знаменами бросились впередъ. Но потомъ остановились. Кое-гдѣ задержались въ передовыхъ окопахъ противника, въ большинствѣ же случаевъ вернулись въ свои окопы. Керенскій волновался и огорчался. Но военный элементъ говорилъ, что картина наступленія обычная, что общій результатъ удовлетворителенъ, и что нужно ждать результатовъ дальнѣйшихъ ударовъ.

19-го іюня я, по просьбѣ Савинкова, который былъ комиссаромъ 7-ой арміи, отправился на Бржезанскій участокъ убѣждать какую-то дивизію остаться въ окопахъ, занятыхъ у противника. Начальникъ дивизіи оказался очень разговорчивымъ человѣкомъ. Онъ разсказалъ, что онъ принялъ командованіе дивизіей всего за нѣсколько дней до наступленія, когда диспо-

зиція боя была уже составлена и, по его мнѣнію, очень неудачно. Онъ разсказывалъ, что одному полку была дана весьма сложная задача выбивать фланговымъ движеніемъ противника изъ окоповъ при помощи ручныхъ гранатъ, при чемъ оказалось, что солдаты не имѣли понятія объ употребленіи гранатъ и, получивъ ихъ передъ боемъ, оставили въ тылу, чтобы легче было итти. Разсказывалъ массу дугихъ техническихъ подробностей, которыхъ теперь уже не помню, но которыя всѣ вмѣстѣ показывали, что наступленіе было организовано ниже всякой критики. Въ штабѣ полка командиръ, горячо поддерживаемый окружавшими его офицерами, сталъ жаловаться на порядки въ тылу и показалъ мнѣ письмо его жены, гдѣ та сообщала, что новыя власти заставляютъ ее, какъ всѣхъ обывателей, по очереди окарауливать улицы, лишенныя охраны послѣ упраздненія полиціи.

Наиболѣе огорчительное впечатлѣніе произвели солдаты. Часть хмуро молчала. Многіе просились въ тылъ. Никакіе аргументы не помогали, кромѣ твердаго «невозможно». Просились въ тылъ «хоть на недѣлю, хоть на нѣсколько дней, хоть на день» — лишь бы уйти изъ чужихъ окоповъ, куда каждую минуту могъ нагрянуть хозяинъ. Хотя надо замѣтить, что тревога была совершенно необоснованной, такъ какъ при мнѣ въ окопы вернулся съ грудой непріятельскаго снаряженія «охотникъ», ходившій «въ гости» къ австрійцамъ. Онъ сообщилъ, что всѣ ближайшіе окопы спереди совершенно пусты, такъ какъ противникъ, повидимому, отошелъ на весьма далекое разстояніе.

На слѣдующій день мнѣ пришлось опять имѣть дѣло съ 1-ымъ гвардейскимъ корпусомъ. Въ очередной новой атакѣ на фронтѣ 11-ой арміи

онъ долженъ былъ играть большую роль. Но въ штабъ арміи изъ корпуса сообщили, что, получивъ приказъ двинуться къ позиціи, корпусъ отказался подчиниться ему и остался на своемъ мѣстѣ. Эрдели былъ въ волненіи. — «Вотъ и наступай съ этакими войсками»... Пріѣхалъ самъ ген. Илькевичъ, смущенный, перепуганный. По просьбѣ командующаго арміей, я отправился въ корпусъ выяснить, въ чемъ дѣло. По дорогѣ, невдалекѣ отъ штаба, на встрѣчу мнѣ попался полкъ, двигающійся вмѣстѣ съ офицерами въ прекрасномъ порядкѣ. Я спросилъ, какой это полкъ. Оказался однимъ изъ полковъ гвардейскаго корпуса. Разговорился съ офицерами — никакихъ затрудненій не было, направляются въ указанное мѣсто. Дальше — слѣдовалъ второй полкъ. Оказалось — вся дивизія цѣликомъ. Пріѣхали въ штабъ корпуса — тамъ еще ничего не знали о движеніи полковъ и были въ полной увѣренности, что корпусъ на мѣстѣ. Отправился къ мѣсту стоянія второй дивизіи — напрасно, всѣ полки выступили. Оставался, правда, одинъ, но онъ тоже кончалъ сборы; замедленіе же солдаты объяснили тѣмъ, что ждали, пока спадетъ жара — все равно, на ночь придутъ въ назначенное мѣсто. Я не удовольствовался этимъ и рѣшилъ провѣрить, дѣйствительно ли полки приходятъ по назначенію, и отправился въ ту деревню, которая была назначена для гренадерскаго полка: я памятовалъ о Дзевалтовскомъ. Полкъ находился уже на мѣстѣ. Ко мнѣ вышелъ Дзевалтовскій и очень смиренно и дружественно старался убѣдить, что всѣ разсказы о томъ, что онъ бунтуетъ солдатъ, неправда, что онъ только имѣетъ свое мнѣніе и высказываетъ его, но, когда данъ приказъ — онъ первый выполнитъ его и считаетъ лич-

нымъ оскорбленіемъ подозрѣнія, что онъ можетъ поступить иначе. Разговоръ происходилъ въ присутствіи многихъ членовъ полкового комитета и многихъ солдатъ. Затрудняюсь сказать, насколько его слова были искренни въ тотъ моментъ — вѣдь всѣ мы жили въ совершенно необычной духовной атмосферѣ... Но, хотя онъ производилъ самъ по себѣ непріятное впечатлѣніе, — тогда я вѣрилъ ему.

Хотя на этотъ разъ я могъ въ штабѣ арміи сообщить успокоительныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе было ясно, что корпусъ находится въ стадіи полнѣйшаго административнаго развала, при которомъ каждую минуту можно ожидать осложненій. И осложненія были: на другой же день, когда корпусу предстояло занять исходныя позиціи передъ боемъ, гренадерскій полкъ повернулъ и отправился верстъ на 25 въ тылъ, а за нимъ послѣдовало нѣсколько сотъ солдатъ изъ другихъ полковъ. Они были окружены, разоружены, а Дзевалтовскій преданъ суду, при чемъ присяжные изъ солдатъ оправдали его.

Въ день вторичной атаки корпуса обнаружилось все значеніе развала организаціи. Самаго наступленія я не видѣлъ, такъ какъ опоздалъ изъ-за автомобильной катастрофы. Но я поспѣлъ къ штабу гвардейскаго корпуса къ моменту, когда неудача наступленія выяснилась вполнѣ. Настроеніе штаба было нескрываемо, отчетливо и ярко злораднымъ. Тотъ же генералъ Ильковичъ, проходя мимо меня, не удержался не поиронизировать относительно качествъ революціонной арміи:

— Видали, какъ наступаетъ революціонная армія...

Судя по разсказамъ, наступленіе, дѣйствительно, было неприглядныымъ. Корпусъ, лучшій

во всей арміи, выступилъ какъ будто дружно, съ красными знаменами... но, добѣжавъ до проволоки противника, не разрушенной артиллерійскимъ огнемъ, безпомощно залегъ и не двинулся съ мѣста, пока не былъ данъ приказъ объ отступленіи. Но опять-таки, помимо «моральной», была и техническая сторона дѣла: солдаты не были обучены преодолѣвать препятствія и не имѣли нужныхъ для этого приспособленій.

Вечеромъ я присоединился къ Керенскому. Военный элементъ воспринималъ событія спокойнѣе, указывая, что картина наступленія не была необычной. Но Керенскій воспринималъ это уже почти какъ неудачу революціи. Не знаю, было ли это сознаніемъ дѣйствительнаго значенія неудачи, или огорченіемъ, что не осуществились мечты о тѣхъ возможностяхъ, которыя открывало бы удавшееся наступленіе какъ для внѣшней, такъ и для внутренней политики... Но упадокъ духа былъ очень рѣзкій.

Меня лично занимали два вопроса. Прежде всего — техническій. Мнѣ казалось, что значительная часть неуспѣха можетъ быть отнесена на недостаточность подготовки наступленія или недостаточное обученіе солдатъ. Но, кромѣ того, вставалъ, и при томъ все упорнѣе, другой вопросъ — моральный, о духѣ войскъ, при чемъ въ особомъ и чрезвычайно опасномъ свѣтѣ.

Многіе не идутъ, многіе колеблются, многіе идутъ, но сомнѣваются. Является ли это только распущенностью, трусостью, только естественнымъ послѣдствіемъ паденія военной формальной системы, или тутъ нѣчто болѣе серьезное? Мы склонны были всегда давать отвѣтъ въ первомъ смыслѣ. Но меня уже съ перваго дня революціи останавливали странные факты, кото-

рыхъ я не могъ, а, можетъ быть, не имѣлъ времени объяснить.

Прежде всего, уже въ моемъ батальонѣ черезъ нѣсколько дней послѣ революціи, когда все пришло въ нѣкоторую норму, я почувствовалъ какую-то перемѣну въ отношеніяхъ не только солдатъ, но и унтеръ-офицеровъ. Съ ними у меня были прекрасныя отношенія. Одинъ изъ нихъ, хозяйственный, очень серьезный и даже суровый взводный учебной команды, былъ особенно дружественно расположенъ ко мнѣ. Мы съ нимъ особенно сблизились, когда я съ нѣсколькими солдатами былъ командированъ построить модель окоповъ для какого-то музея войны. Намъ пришлось совмѣстно преодолѣвать цѣлый рядъ техническихъ трудностей, но, въ общемъ, мы справились съ задачей, и онъ долго любовался нашимъ произведеніемъ и страшно гордился, когда въ «Огонькѣ» былъ напечатанъ снимокъ нашей модели. Кромѣ того, онъ получилъ денежную награду отъ устроителей. — Его дружественное расположеніе осталось и послѣ революціи. Но было что-то раздѣлявшее насъ. Даже встрѣчаясь съ нимъ въ Совѣтѣ — онъ былъ членомъ Совѣта, — я чувствовалъ, что въ немъ, помимо всего, о чемъ мы прекрасно съ нимъ столковывались, была и иная мысль. Что это, соціальный моментъ? Но онъ изъ зажиточной семьи и, быть можетъ, болѣе богатъ, чѣмъ я. И мнѣ было одно ясно: я еще могъ увлечься моделью окопа, я еще колебался, что̀ выбрать, работу въ школѣ прапорщиковъ или въ Исполнительномъ Комитетѣ, — онъ же уже «ушелъ» отъ этихъ вопросовъ.

Или дальше: у дверей Исполнительнаго Комитета меня окликнулъ членъ одной изъ толпящихся тамъ делегацій съ фронта, унтеръ-офицеръ

егерскаго полка. Какъ-то подъ Двинскомъ, стараясь получить рабочую силу для нашихъ окоповъ, я убѣдилъ командира егерскаго полка отпускать на работы чуть ли не всѣхъ свободныхъ людей, за что я обязался прочесть нѣсколько лекцій въ образуемой тогда саперной ротѣ. Лекціи происходили у самихъ построекъ. И я съ увлеченіемъ и жаромъ дѣлился съ «пѣхотой» своими саперными познаніями. Командиръ полка передавалъ, что и солдаты и офицеры были довольны моими лекціями. Съ нѣкоторыми у меня завязались дружественныя отношенія. Одинъ изъ мимолетныхъ друзей радостно узналъ меня теперь. Мы разговорились. Пока воспоминанія — все шло мило и гладко. Но какъ только коснулись настоящаго — тотъ же холодокъ отчужденія.

Но ярко и неопровержимо понялъ я смыслъ этого холодка во время многочисленныхъ встрѣчъ на поляхъ Галиціи. До сихъ поръ помню лица многихъ серьезныхъ, степенныхъ, толковыхъ унтеръ-офицеровъ. Дисциплина въ нихъ въѣлась въ душу такъ, что никакая декларація правъ солдата не поколеблетъ ее. Но мысль, заброшенная и забытая — какъ въ городѣ часто забывается, что есть синее небо надъ головой — мысль эта проснулась и стала работать. И я не помню, о чемъ со мной говорилъ бородачъ съ ясными, задумчивыми глазами, такой строгій, выше всякихъ подозрѣній о «распущенности» или трусости — быть можетъ, онъ развивалъ большевистскіе взгляды, быть можетъ, онъ говорилъ въ унисонъ со мной. Но я чувствовалъ тотъ моральный вопросъ, который раздѣлялъ его со мною. Онъ сомнѣвался, честно и душевно, въ правильности, въ правдѣ войны — не знаю, войны вообще или только данной. Но онъ ви-

дѣлъ, что я не сомнѣваюсь. Онъ готовъ былъ повѣрить мнѣ, такъ какъ видѣлъ мои преимущества въ образованіи, и ему казалось, что передъ нимъ такой же честный и правдивый человѣкъ, какъ и онъ. Но понять онъ меня, какъ ни силился, не могъ. По простотѣ, по-хорошему, по-человѣчески, по-совѣсти выходило иначе.

И я сталъ невольно обобщать это. Я вспоминалъ сотни солдатъ, съ которыми мнѣ приходилось работать. Я вспоминалъ, какъ за время службы мнѣ удавалось достигать очень большого напряженія со стороны солдатъ безъ всякихъ дисциплинарныхъ взысканій. Я относился къ солдатамъ съ полнѣйшимъ и искреннимъ уваженіемъ, зная, что если имѣются среди нихъ дурные, то, въ общемъ, масса, нѣсколько дѣтская но добросовѣстная, постоитъ за себя. И я не могъ найти въ себѣ ни готовности, ни желанія, ни даже возможности заднимъ числомъ признать, что я ошибался. Вѣдь теперь всюду я видѣлъ тѣ же самыя лица, тѣхъ же самыхъ людей. Неужели это все хулиганы, трусы или даже просто темные люди, не понимающіе своего блага?

И во мнѣ началъ складываться иной отвѣтъ.

Я бы не рѣшился теперь, по прошествіи двухъ лѣтъ, такъ подробно настаивать на моихъ сомнѣніяхъ и мимолетныхъ переживаніяхъ, если бы они не были задокументированы опредѣленнымъ разговоромъ, который я не могъ не помнить и который имѣлъ существенныя послѣдствія для меня. Въ тотъ же день, когда я, по просьбѣ Савинкова, ѣхалъ въ дивизію подъ Бржезанами, я на автомобилѣ сталъ дѣлиться съ Савинковымъ моими сомнѣніями. Я говорилъ, что мнѣ стало ясно, что масса солдатъ, а можетъ быть, и офицерства не понимаетъ смысла войны

или, во всякомъ случаѣ, наступленія. Они идутъ на вѣру нашему слову. Они вѣрятъ, что мы не хотимъ ихъ обмануть, они знаютъ насъ, уважаютъ нашу интеллигентность и поэтому отбрасываютъ, насильно отрываютъ отъ себя сомнѣнія и идутъ умирать и убивать. Но мы-то, въ правѣ ли мы не только убѣждать, но и брать на себя рѣшеніе за другихъ? Савинковъ слушалъ меня молча. Повидимому, онъ не понималъ меня. А, можетъ быть, очень хорошо понялъ, и рѣшилъ, что со мной ему не по дорогѣ, что онъ неоднократно впослѣдствіи подчеркивалъ, и что я относилъ именно къ этому разговору, на ряду съ тѣмъ обстоятельствомъ, что я былъ членомъ Исполнительнаго Комитета, къ которому Савинковъ всегда и неизмѣнно относился враждебно.

Уже въ качествѣ комиссара сѣвернаго фронта, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ наступленія подъ Двинскомъ 10-го іюля. Сперва наступленіе было назначено на 5-ое число — но возстаніе большевиковъ въ Петроградѣ заставило отложить его, при чемъ нѣкоторыя, наиболѣе надежныя, части пришлось отправить на «внутренній фронтъ».

Наступленіе было вполнѣ безнадежнымъ. Командующій арміей ген. Даниловъ «черный» все время доказывалъ Ставкѣ, что наступленіе не имѣетъ никакихъ шансовъ. Въ разговорѣ со мной командующіе корпусами и дивизіями откровенно заявляли, что они не видятъ никакихъ шансовъ на успѣхъ этого наступленія, вызваннаго, по ихъ мнѣнію, исключительно «политическими» мотивами.

Въ день моего пріѣзда весь штабъ былъ полонъ самыхъ непріятныхъ извѣстій объ отказѣ частей и даже цѣлыхъ дивизій выступить на позиціи. Однако, къ вечеру, положеніе стало проясняться, и правдами или неправдами, но всѣ участки, назначенные для наступленія, были заняты, кромѣ одной дивизіи, которая до вечера отказывалась выступить и чуть не разстрѣляла корпуснаго комиссара, убѣждавшаго ее исполнить приказъ. Ген. Даниловъ рѣшилъ принять крутыя мѣры и двинуть противъ дивизіи цѣлый карательный отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Я участвовалъ въ засѣданіи, гдѣ вырабатывалась диспозиція окруженія дивизіи. Мнѣ была отведена роль явиться къ дивизіи, когда она будетъ окружена, и дать ей ультимативный приказъ итти на позиціи, если она не хочетъ быть истребленной своими войсками. Отрядъ для окруженія былъ подъ командой ген. Грекова. Поѣхали въ корпусъ около станціи Калкуны. Уже во время ужина стали поступать утѣшительныя свѣдѣнія, что два полка дивизіи подчинились и выступили. Остался одинъ упорствующій полкъ. Часовъ около 12 ночи, совмѣстно съ штабомъ карательнаго отряда, мы двинулись къ расположенію непокорнаго полка. Однако, весь отрядъ пришелъ въ чрезвычайное разстройство, и до утра ген. Грековъ не могъ установить связи ни съ одной назначенной въ его распоряженіе частью. Къ разсвѣту, убѣдившись, что нѣтъ никакихъ надеждъ найти заблудившіяся въ лѣсу части отряда, я оставилъ ген. Грекова въ желѣзнодорожной будкѣ и отправился самъ къ оврагу, гдѣ находился бунтующій полкъ. Меня тамъ встрѣтили начальникъ дивизіи и нѣсколько штабныхъ. Я сказалъ, что хочу переговорить съ бунтующими. Солдаты, си-

дѣвшіе унылыми, неподвижными, сонными группами, встали и столпились около того мѣста, гдѣ я стоялъ. Я отказался говорить съ ними, пока они не встанутъ въ строй. Они — правда, неуклюже и неловко — но встали рядами. Я обратился къ нимъ съ короткой рѣчью, говоря, что не собираюсь ни просить, ни уговаривать, ни приказывать даже, а только предупреждаю, что если они не двинутся немедленно на позицію, то будутъ уничтожены. Съ вечера они могли пройти безопасно, теперь же придется итти засвѣтло по открытому мѣсту, но все же они должны итти.

Я не знаю, что я дѣлалъ бы, если бы солдаты отказались подчиниться. Но, къ моему искреннему удовлетворенію, солдаты, даже не совѣщаясь и не колеблясь, разобрали котомки и винтовки и пошли на позицію. Вѣроятно, они знали о приближеніи отряда и, по увѣренному тону моихъ словъ, заключили, что отрядъ уже подошелъ.

Я отправился въ штабъ корпуса. По дорогѣ я заѣхалъ къ ген. Грекову — онъ мирно спалъ въ желѣзнодорожной будкѣ, около которой возились телеграфисты, налаживая связь съ частями отряда. Я предупредилъ, что отрядъ болѣе не нуженъ.

Въ корпусѣ пытался было соснуть. Но свободной постели не было, и только я усѣлся къ столу, какъ началась утренняя суматоха. Къ 8-ми часамъ, послѣ чаю, я, вмѣстѣ съ командиромъ корпуса, отправился на участокъ наступленія. Командиръ корпуса остался въ штабѣ дивизіи, а я отправился на наблюдательный пунктъ. Оттуда, повинуясь какому-то безотчетному позыву, я отправился къ участку, гдѣ происходилъ бой, и гдѣ клубы дыма и взрываемой земли

показывали, что противникъ усиленно отвѣчаетъ на нашъ огонь. Въ землянкѣ штаба полка, куда я забрелъ, душно... Много офицеровъ, а кромѣ того, и члены комитета. Телефонистъ кричитъ, стараясь добиться свѣдѣній или соединенія. О ходѣ атаки — почти никакого представленія. Что-то заняли, гдѣ-то продвинулись. Привели откуда-то плѣнныхъ. Вдругъ у входа въ землянку движеніе — оказалось, одна изъ резервныхъ ротъ не выдержала огня противника и отступила. Въ довольно смѣшной позѣ, съ прутомъ въ рукахъ, вмѣсто шашки, кричу имъ слова ободренія и командую «Впередъ». Повернули, пошли и встали на свое мѣсто въ ходахъ сообщенія неподалеку первой линіи. На встрѣчу попался предсѣдатель полкового комитета. Пошли осматривать участокъ. Жалуется на путаницу. Роты перемѣшались, растеряли своихъ офицеровъ. Никто не руководитъ наступленіемъ, все идетъ по инерціи, и, повидимому, сила инерціи уже истощилась. Попали подъ очень сильный огонь противника. Солдаты стояли прижавшись къ стѣнкамъ окопа, оглушенные, засыпанные землей, пораженные немолчнымъ свистомъ осколковъ и всесотрясающими взрывами. Спросилъ, какой полкъ, — оказалось, тотъ же, который нѣсколько часовъ тому назадъ подъ моей угрозой оставилъ мирную и спокойную лощину въ лѣсу. Помню лицо одного наклонившагося солдата: блѣдное, перекошенное отъ страха. Посмотрѣлъ на него.. Наши глаза встрѣтились... Я улыбнулся и внутренне торжествовалъ, когда увидѣлъ его встрѣчную улыбку.

Мнѣ казалось, что это единственный разъ, когда мое ощущеніе и ощущеніе солдата было совершенно одинаково. Но есть одна не ясная для меня сторона дѣла: какъ это случилось, что

мы, во имя человѣческой личности возражавшіе противъ смертной казни преступнику, сами не замѣчая, дошли до этого положенія? Вопросъ не въ томъ, что мы проповѣдовали убійство, — это сравнительно уже второстепенное обстоятельство... Но мы гнали другихъ людей, не понимающихъ и не могущихъ понять смысла войны, заставляли ихъ итти убивать какихъ-то для нихъ совершенно непонятныхъ враговъ и еще считали себя въ правѣ заставлять ихъ улыбаться при этомъ.

Глава четвертая.

КОМИССАРСТВО НА ФРОНТѢ.

1. Командный составъ и сотрудники.

Передъ отъѣздомъ съ юго-западнаго фронта Керенскій утвердилъ составленное, по его порученію, Савинковымъ положеніе о фронтовыхъ комиссарахъ и назначилъ Савинкова комиссаромъ юго-западнаго фронта. Этимъ назначеніемъ Керенскій сохранялъ Савинкова для арміи, такъ какъ, по прежней должности комиссара арміи онъ былъ отвѣтственenъ передъ петроградскимъ Совѣтомъ, который уже неоднократно вызывалъ Савинкова «къ отвѣту» за слишкомъ независимый образъ дѣйствій. Мнѣ Керенскій предложилъ взять комиссарство сѣвернаго фронта. Задачей нашей было — быть окомъ правительства на фронтѣ и принять энергичныя мѣры къ устраненію изъ арміи какъ Дзевалтовскихъ, такъ и Ильkевичей.

Чтобы ликвидировать свои дѣла и оформить назначенія, я выѣхалъ въ Петроградъ. Тамъ, однако, наканунѣ отъѣзда на сѣверный фронтъ, я получилъ сообщеніе изъ военнаго министерства, что Правительство, согласно телеграммѣ Керенскаго, измѣнило назначеніе, посылая меня на западный фронтъ, къ Деникину. Какъ ни грустно было отказаться отъ мысли побывать на своемъ фронтѣ, я первымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Минскъ.

Въ первый день мнѣ пришлось познако-

миться съ Деникинымъ. Причиной моего экстреннаго вызова было то, что между фронтовымъ комитетомъ и главнокомандующимъ произошли недоразумѣнія, грозящія полнымъ разрывомъ. Дѣло шло объ участіи представителей комитета въ подготовкѣ боевыхъ операцій. Комитетъ настаивалъ на чрезвычайно широкихъ, почти что контрольныхъ правахъ. Деникинъ возражалъ противъ всякаго участія вообще. Раза три мнѣ приходилось ѣздить изъ комитета въ штабъ и обратно. Казалось, уже было достигнуто соглашеніе, и, предварительно добившись значительныхъ уступокъ со стороны комитета и получивъ въ штабѣ согласіе Деникина, я ѣду обратно въ комитетъ уже для второстепенныхъ поправокъ. Убѣждаю негодующій Комитетъ и на эти поправки. Вдругъ звонокъ телефона — меня вызываетъ начальникъ штаба ген. Марковъ и смущеннымъ, нѣсколько извиняющимся голосомъ сообщаетъ, что главнокомандующій беретъ назадъ свое согласіе. Опять ѣду въ штабъ, опять въ комитетъ. Однако къ вечеру препятствія удалось преодолѣть: въ концѣ концовъ удалось убѣдить комитетъ, что онъ не въ правѣ брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность, такъ какъ тогда всѣ военныя неудачи будутъ сваливать на вмѣшательство профановъ... Генералу же Деникину я представилъ всяческіе доводы о полезности заинтересовать солдатскихъ представителей въ боевой техникѣ, чтобы добиться отъ нихъ дѣйствительной помощи въ осуществленіи намѣченныхъ операцій: развѣ будетъ лучше, если комитетъ будетъ заниматься только вопросами политики и контръ-революціонной опасности...

Деникинъ показался мнѣ олицетвореніемъ трагедіи русской арміи. Онъ былъ слишкомъ

военнымъ, можетъ быть, даже узковоеннымъ человѣкомъ настолько, что, быть можетъ, даже старые недочеты уже не бросались въ глаза. Но зато теперь онъ понималъ, что армія разваливается. Сжившійся съ опредѣленными условіями въ арміи, онъ внезапно увидѣлъ ее въ новомъ свѣтѣ: каррикатурнымъ извращеніемъ всѣхъ прежнихъ устоевъ и основаній. Но что же дѣлать? Уйти и очистить мѣсто болѣе покладистымъ и подлаживающимся? Уйти изъ арміи, еще стоящей на фронтѣ, еще не окончившей войны? Пусть сами обстоятельства заставятъ сдѣлать это, пусть бунтующіе солдаты арестуютъ, или новое правительство само устранитъ. Но Деникинъ добровольно изъ арміи не уйдетъ. Но онъ, конечно, не дорожитъ своимъ мѣстомъ, не подлаживается, наоборотъ, онъ ищетъ конфликта, онъ старается быть рѣзкимъ, онъ отводитъ душу горькимъ, хотя часто завѣдомо безсильнымъ словомъ. Каждый пріѣздъ Керенскаго въ Минскъ былъ поводомъ для несдержаннаго выраженія мнѣнія. Чуть ли не каждую недѣлю въ Петроградъ шли телеграммы съ провокаціонно-рѣзкими нападками на новые порядки въ арміи — именно, нападки, а не совѣты... Развѣ можно посовѣтовать отмѣнить революцію?... Онъ не былъ противъ революціи. Но онъ не былъ связанъ съ революціей настолько, чтобы понимать или даже стараться понять ея трагедію. Онъ понялъ бы революцію, которая заключила бы миръ, и боролся бы съ нею, если бы видѣлъ, что этотъ миръ гибеленъ для Россіи, и, быть можетъ, примирился бы съ нею, если бы миръ былъ бы «сходенъ»... Но революцію, которая требовала наступленія, а въ то же время разрушала устои, на которыхъ покоилась вся сила арміи, — такой рево-

люціи онъ не могъ и не хотѣлъ понять. — Онъ былъ тягостенъ въ то время, и Керенскій иногда съ невольнымъ раздраженіемъ отзывался о немъ, какъ о слишкомъ узко смотрящемъ на вещи человѣкѣ. Но развѣ это значило, что, вмѣсто него, надо поискать другого или менѣе военнаго по духу, или думающаго то же, что Деникинъ, но политично скрывающаго свое мнѣніе? Вѣдь нужна армія и боевые генералы, а не гнущіяся спины! И Деникинъ оставался главнокомандующимъ фронтомъ, несмотря на недовѣріе къ нему со стороны Исполнительнаго Комитета, несмотря на озлобленные нападки фронтовыхъ представительныхъ учрежденій. Война связывала, заставляла итти вмѣстѣ... Однажды, въ Ставкѣ, на собраніи всѣхъ главнокомандующихъ, при Керенскомъ, Деникинъ произнесъ чрезвычайно рѣзкую, болѣе того, вызывающую рѣчь по адресу Правительства и Керенскаго, быть можетъ, надѣясь, что это откроетъ возможность уйти. Но Керенскій всталъ и пожалъ ему руку со словами:

— Благодарю васъ, генералъ.

Оба чувствовали, что выполнили свой долгъ. Но оба чувствовали безплодность и безрезультатность этого.

На западномъ фронтѣ я пробылъ только одинъ день, такъ какъ воспользовался случайной встрѣчей съ Керенскимъ и убѣдилъ его оставить въ силѣ прежнее мое назначеніе. Такъ какъ острый конфликтъ уже былъ улаженъ, то мнѣ удалось настоять на своемъ, и я получилъ переводъ на сѣверный фронтъ, куда меня тянуло всей душой. Во время этой встрѣчи Керенскій говорилъ со мной о своемъ намѣреніи назначить Савинкова управляющимъ военнымъ

министерствомъ. Онъ просилъ меня подготовить для этого почву въ Исполнительномъ Комитетѣ.

На сѣверномъ фронтѣ я пробылъ около трехъ мѣсяцевъ. Передъ отъѣздомъ на фронтъ въ Исполнительномъ Комитетѣ ко мнѣ подошелъ Войтинскій и сталъ жаловаться на безполезность работы въ тылу. Я, наполовину шутя, предложилъ ему пріѣхать на сѣверный фронтъ въ качествѣ моего помощника. Къ моему удивленію, онъ тотчасъ и безъ колебаній согласился. Я говорю — къ удивленію, потому что, по своей извѣстности, ораторскимъ способностямъ и умѣнію оріентироваться въ обстоятельствахъ, онъ, конечно, значительно превосходилъ меня. Еще въ студенческіе годы, онъ, неизмѣнный предсѣдатель общестуденческихъ сходокъ, поражалъ красотой и сочностью своихъ выступленій. Его работы по организаціи совѣта безработныхъ въ Петроградѣ были всѣмъ памятны. Потомъ, послѣ долгаго заключенія, онъ былъ сосланъ. И, страннымъ образомъ, вмѣсто довольно угловатаго и непримиримаго большевика, изъ сибирскихъ степей и раздольевъ вернулся ярый оборонецъ, широко и синтетически воспринимающій русскую жизнь. О предѣлахъ этого синтеза можно судить по рѣчи на казачьемъ съѣздѣ, одномъ изъ наиболѣе и явно реакціонномъ въ то время, гдѣ Войтинскій выступилъ съ привѣтствіемъ отъ Исполнительнаго Комитета. Встрѣченъ онъ былъ явно сухо и даже враждебно — лишь нѣсколько хлопоковъ на периферіи. Но рѣчь, какъ всегда талантливая и умѣлая, проникнутая истиннымъ духомъ терпимости и стремленіемъ найти общій языкъ — пробила ледъ, и его провожали оваціями. И это не было поддѣлкой подъ аудиторію. Это было его органической позиціей. — Поразительнымъ онъ оказался на фронтѣ. Я

не видалъ человѣка съ такой искренней и дѣйственной любовью къ солдату — не къ отвлеченному «доблестному воинству», не къ арміи, какъ выраженію мощи государственнаго организма, а именно къ солдату, «отъ перваго генерала до послѣдняго рядового».... Поэтому задача — сглаживать въ ней противорѣчія — гдѣ убѣжденіемъ, гдѣ юморомъ и ироніей, гдѣ рѣшительными мѣрами... Передъ послѣдними онъ не останавливался. Но онъ понималъ, гдѣ опасность: «Рота выразила недовѣріе десяти министрамъ-капиталистамъ?... Чепуха, это меня не касается. Вотъ если бы они выразили недовѣріе своему ротному командиру — тогда дѣло было бы дѣйствительно серьезнымъ»... Онъ вѣрилъ въ солдатъ, даже слишкомъ, быть можетъ, иногда до ослѣпленія: «Вѣдь они такіе славные, всѣ эти солдаты... Ихъ надо только убѣдить не дѣлать глупостей.» И онъ умѣлъ не только убѣждать, но и вызывать энтузіазмъ. Но все же онъ зналъ предѣлы силы словъ и, будучи самъ исключительнымъ мастеромъ составлять резолюціи и воззванія, относился къ нимъ въ послѣднее время съ полнымъ неуваженіемъ:

— Зачѣмъ они портятъ и загружаютъ телеграфъ своими воззваніями изъ тыла?... Вѣчно то же самое: «Страна гибнетъ», «Революція въ опасности», «большевики готовятъ ударъ въ спину»... Хоть бы ввели сокращенія, тогда самое длинное и патетическое воззваніе можно было бы передать тремя, четырьмя словами: «Страгиб, ревоп, увспинъ, Лиĸан», и ясно и коротко...

Къ опасности справа относился какъ къ дѣтскимъ бреднямъ. Но съ тревогой посматривалъ налѣво, особенно въ тылу, и въ послѣдніе дни своего комиссарства носился съ идеей какой-то

карательной экспедиціи съ фронта въ тылъ. Ни разу ни одна мѣра, ни одно слово не было направлено противъ командного состава, но не одинъ десятокъ большевиковъ былъ арестованъ по его почину и при его участіи.

Значительно меньшими фигурами были комиссары въ арміи. Ходоровъ, комиссаръ 5-ой арміи, соціалъ-демократъ, отличался, я бы сказалъ, чисто полицейской энергіей и ретивостью въ усмиреніи арміи и подчиненіи ея командному составу. Полную противоположность ему составлялъ комиссаръ 12-ой арміи, Дюбуа. Офицеръ, но извѣстный партійный работникъ, мягкій, сентиментальный, онъ органически не былъ способенъ на рѣзкое дѣйствіе или крутую мѣру. Уговорить, а то просто поговорить... И притомъ отъ имени комитета и вмѣстѣ съ комитетомъ... Даже съ командующимъ арміей онъ принципіально ни разу не видѣлся безъ представителей комитета. Онъ органически не могъ воспринять роль представителя Правительства въ арміи, а чувствовалъ себя рядовымъ партійнымъ работникомъ въ Ригѣ, и вопросъ объ организаціи рижскихъ прачекъ интересовалъ его не менѣе, чѣмъ приведеніе въ порядокъ непокорной дивизіи. Въ концѣ концовъ, мы съ Войтинскимъ были вынуждены поставить ему ультиматумъ: или воспринять нашъ образъ дѣйствій, быть представителемъ Правительства, противополагая себя и командному составу и комитету, или отказаться отъ комиссарства. Это доставило ему искреннее огорченіе, но, посовѣтовавшись съ комитетомъ, онъ отказался сдѣлать то и другое. Я телеграфировалъ въ министерство, прося назначить другого комиссара. Но сотрудники Савинкова въ министерствѣ не нашли ничего лучшаго, какъ показать мою телеграмму членамъ Комитета

12-ой арміи, вѣроятно, надѣясь на мирное разрѣшеніе вопроса. Но это вызвало лишь бурю негодованія противъ меня, а Дюбуа оставался вплоть до возстанія большевиковъ.

Въ Псковѣ въ моемъ «управленіи», какъ громко называлась единственная комната, гдѣ работали всѣ мои сотрудники, главную роль игралъ Савицкій, молодой, энергичный и любящій самостоятельныя рѣшенія. Случайно въ Псковѣ оказался затеряннымъ въ какой-то общественной организаціи поэтъ А... Х... Онъ сталъ завѣдывать литературно-агитаціоннымъ отдѣломъ. Между прочимъ, въ кругъ его обязанностей входило слѣдить за большевистской литературой. Самъ плохо понимая, какъ это случилось, что онъ, свободный поэтъ, вдругъ превратился въ цензора, онъ все же храбро вооружался краснымъ карандашомъ и съ гнѣвными выкриками «Что эти м... м... пишутъ!» отмѣчалъ наиболѣе рѣзкіе выпады большевиковъ и писалъ доклады о закрытіи тѣхъ или иныхъ газетъ, отводя душу изящными эпиграмами на сотрудниковъ комиссаріата.

По военно-техническимъ вопросамъ намъ консультировалъ полковникъ генер. штаба Ковалевскій, кажется, къ великому огорченію высшаго генералитета.

Командующимъ фронтомъ былъ Клембовскій. Несмотря на очень частыя встрѣчи съ нимъ, мое впечатлѣніе отъ него какое-то безцвѣтное. Мнѣ казалось, что слово: «формализмъ» исчерпывало его. Формально отдавалъ положенные часы управленію арміей. Формально, корректно посвящалъ меня во всѣ стороны управленія арміей, довольный, что есть на кого свалить трудность политическихъ вопросовъ. Даже

когда — приблизительно разъ въ недѣлю — обрушивался рѣзкими нападками на новые порядки въ арміи, я не могъ уловить ни конкретнаго содержанія, ни даже искренняго негодованія, а тоже своеобразную, «подъ Деникина», форму исполненія генеральскаго долга передъ дѣятелями революціи: я молча и терпѣливо выслушивалъ его до конца, и мы дружественно переходили къ очереднымъ дѣламъ, при чемъ я не помню мѣры, которую я предложилъ бы, и съ которой онъ не согласился бы. — Онъ очень болѣзненно почувствовалъ уходъ Брусилова, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что его положеніе заколебалось съ назначеніемъ Корнилова, котораго онъ, вѣроятно взаимно, не любилъ. Онъ, видимо, опасался, что его смѣнятъ. Но дѣло обошлось характернымъ эпизодомъ. Однажды, Клембовскій звонитъ ко мнѣ и проситъ немедленно пріѣхать къ нему. Показываетъ газету, кажется, «Новое Время», гдѣ корреспондентъ изъ Ставки сообщаетъ о томъ, что на мѣсто Клембовскаго назначенъ ген. Лечицкій. Самъ Клембовскій объ этомъ ничего не зналъ. Положеніе было, конечно, чрезвычайно тягостное и въ военномъ дѣлѣ, гдѣ нужна отчетливость и увѣренность власти, — совершенно недопустимое. Я немедленно отправилъ телеграмму въ Ставку, прося выяснить дѣло, такъ какъ положеніе на фронтѣ и подготовка нѣмцевъ къ активнымъ операціямъ требовали увѣренности въ командованіи. Хотя въ отвѣтъ въ тотъ же день Клембовскій получилъ завѣреніе, что онъ остается командовать фронтомъ, но въ газетахъ опроверженія не появилось. Пользуясь моей поѣздкой въ Петроградъ, куда долженъ былъ пріѣхать и Корниловъ, Клембовскій проситъ меня

выяснить вопросъ до конца. Въ Петроградѣ я выяснилъ, что хотя вопросъ о назначенiи Лечицкаго поднимался, но снятъ съ очереди въ виду несогласiя Керенскаго. Я тотчасъ отправился на военный телеграфъ и соединилъ себя съ кабинетомъ Главкосѣва. Къ моему величайшему изумленiю, на мои слова: «У аппарата комиссарсѣвъ Станкевичъ», аппаратъ выстукалъ въ отвѣтъ: «У аппарата генералъ Лечицкiй»... Я вытаращилъ глаза отъ изумленiя, рѣшительно не зная, что дѣлать. Однако аппаратъ застукалъ дальше и выстукалъ: «У аппарата генералъ Клембовскiй». Все-таки не понимая, въ чемъ дѣло, и невольно воображая себѣ двухъ генераловъ, оспаривающихъ другъ у друга мѣсто у аппарата, я сообщилъ свои свѣдѣнiя о прочности положенiя ген. Клембовскаго. Впослѣдствiи мнѣ самъ Клембовскiй разсказалъ, что новый телеграфистъ, не знавшiй еще его въ лицо и вычитавшiй въ газетахъ о назначенiи Лечицкаго, ошибся именемъ.

Сознанiе непрочности своего положенiя послѣ «чистки», устроенной на фронтѣ Гучковымъ, и при постоянныхъ смѣнахъ наверху — было духовной атмосферой генералитета и, конечно, очень вредно отражалось на дѣлѣ, отнимало у нихъ послѣднiе остатки мужества и энергiи. Поэтому я проявлялъ исключительный консерватизмъ по отношенiю къ командному составу, доказывая, что всякiй новый, уже тѣмъ, что онъ новый, хуже стараго, и настаивая, что дѣло отнюдь не въ томъ, чтобы устранить плохихъ или недостаточно хорошихъ, а въ томъ, чтобы найти лучшихъ. Но гдѣ и какъ найти? Вѣдь вотъ какъ, напр., назначала сама Ставка, даже при Корниловѣ, на такiя отвѣтственныя должности, какъ командующаго армiей. Когда,

послѣ ухода Радко-Дмитріева, освободился постъ командующаго 12-ой арміей, Клембовскій сообщилъ, что онъ своего кандидата не имѣетъ. Тогда Ставка запросила относительно Парскаго; Клембовскій отвѣтилъ, что Парскаго не знаетъ и поэтому не возражаетъ, и Парскій былъ назначенъ. Какъ разъ въ это время Клембовскій былъ вызванъ въ Ставку на совѣщаніе. Тамъ онъ спросилъ Корнилова, кто такой Парскій. Корниловъ отвѣтилъ, что онъ тоже его не знаетъ, что это кандидатъ Лукомскаго. Но и Лукомскій, оказалось, зналъ о Парскомъ только одно, что солдаты его называютъ «батькой»... Керенскій о назначеніи и даже о существованіи Парскаго узналъ впервые отъ меня, такъ какъ Корниловъ, въ отступленіе отъ всегдашней практики, тоже не сообщилъ Правительству о предположенномъ назначеніи.

Поэтому я, естественно, очень терпимо относился къ вопросу о томъ, въ чьей компетенціи лежитъ назначеніе командного состава, но тѣмъ ревностнѣе принялся за изученіе его и зналъ его лучше, чѣмъ Клембовскій, такъ какъ я имѣлъ возможность разъѣзжать по арміямъ и видѣть лично, а главнокомандующій вынужденъ былъ оставаться въ Псковѣ.

Чрезвычайно характерную фигуру представлялъ собой командующій 5-ой арміей Даниловъ. Генералъ-квартирмейстеръ при царской Ставкѣ, онъ обладалъ совершенно исключительнымъ тактомъ, котораго мнѣ не приходилось никогда видѣть. Онъ былъ единственный генералъ, который, несмотря на революцію, остался, въ сущности, полнымъ хозяиномъ въ арміи, сумѣвъ наладить такъ отношенія, что всѣ новыя учрежденія, и комиссаръ и комитетъ, не ослабляли, а

лишь усиливали его власть — право, это было недурно имѣть всегда въ полномъ своемъ распоряженіи увлекательное и рѣшительное слово Виленкина и неукротимую, яростную энергію Ходорова и десятковъ другихъ людей, безъ смущенія выходившихъ къ взбунтовавшимся массамъ и, въ случаѣ неуспѣха убѣжденій, двигавшихъ свой, комитетскій броневой дивизіонъ... И онъ умѣлъ пользоваться этими силами, съ полнымъ самообладаніемъ и увѣренностью устраняя всѣ препятствія.

Весьма значительной фигурой былъ генералъ Болдыревъ. Онъ былъ профессоромъ Военной Академіи, выдвинулся во время войны и теперь командовалъ 43-ьимъ корпусомъ. Этотъ корпусъ считался однимъ изъ самыхъ большевистскихъ гнѣздъ, откуда вышла «Окопная Правда», гдѣ орудовалъ капитанъ Сиверсъ. Но генералъ Болдыревъ, повидимому, воспринялъ это какъ своего рода «боевую обстановку» и сталъ искать метода рѣшить проблему, не ограничиваясь ворчаніемъ и негодованіемъ, что жизнь идетъ не по уставамъ и не по учебникамъ. И ему удавалось достигать изумительныхъ результатовъ, такъ что онъ въ корпусѣ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, добиваясь своего не столько дипломатичностью, какъ генералъ Даниловъ, но смѣлостью и энергіей. Онъ умѣлъ требовать и умѣлъ подтягивать, но не во имя старыхъ привычекъ, а во имя дѣла. Это чувствовалось всѣми, и солдаты говорили со «своимъ» командиромъ, стоя на вытяжку, забывая о всякихъ декларацiяхъ правъ солдатъ. Сперва Болдыреву не удавалось наладить отношенія съ армейскимъ комитетомъ, который, когда я въ первый разъ ѣхалъ въ корпусъ Болдырева, предупреждалъ меня, что Болдырева надо убрать. Но я вернулся подъ совер-

шенно инымъ впечатлѣніемъ. Впослѣдствіи и комитетъ научился цѣнить негнущихся генераловъ, и тогда Болдыревъ сталъ любимцемъ арміи.

Противоположнымъ типомъ былъ Новицкій, б. помощникъ военнаго министра Гучкова, теперь командиръ 2-го сибирскаго корпуса. При громадной рѣшимости и волѣ, онъ чувствовалъ себя слишкомъ чужеродно въ новыхъ условіяхъ, чтобы не только упрямо и безполезно возражать, но и справляться съ ними. «Терплю, но духомъ не пріемлю» — вотъ все, что чувствовалось отъ его «застегнутой» фигуры.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ моего пріѣзда въ Псковъ я какъ-то утромъ засталъ у себя генерала, который терпѣливо ожидалъ меня. Оказалось, это былъ Бончъ-Бруевичъ, бывшій начальникъ штаба фронта при Рузскомъ, теперь несшій обязанности начальника гарнизона. Онъ очень не понравился мнѣ своей показной дѣловитостью, торопливостью, своими словечками противъ командующаго фронтомъ, какимъ-то извиваніемъ. Но онъ пользовался большими симпатіями среди псковскаго совѣта, гдѣ высиживалъ многіе часы. Какъ ни непріятна его личность, все же, несомнѣнно, онъ умѣлъ найти способъ дѣйствія, который давалъ возможность поддерживать порядокъ въ Псковѣ и направлять въ эту сторону и псковскій совѣтъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ генераловъ, которые рѣшили плыть по теченію. Того, что Даниловъ достигалъ серьезной и умной дипломатичностью, чего Болдыревъ достигалъ смѣлостью и твердостью характера, онъ достигалъ гибкостью, покладистостью и изворотливостью.

Поѣздками въ корпуса, куда собирались всѣ начальники дивизій и представители комитетовъ, я познакомился со всѣмъ высшимъ команднымъ

составомъ, со многими былъ въ перепискѣ. Большинство начальниковъ дивизій производили впечатлѣніе крайней безцвѣтности и растерянности.

Конечно, не малыхъ трудовъ стоило намъ найти соотвѣтствующій тонъ въ работѣ съ разношерстнымъ командымъ составомъ, гдѣ къ каждому приходилось подходить не «по уставу», а по душѣ, гдѣ почти каждый, безъ исключенія, вначалѣ лишь настораживался при приближеніи представителя «революціонной власти». Но мнѣ кажется, что въ результатѣ на насъ смотрѣли не какъ на противниковъ и даже не какъ на чужихъ, а какъ на союзниковъ въ общемъ дѣлѣ. Быть можетъ, мой консерватизмъ, который я проявлялъ согласно директивамъ Керенскаго, игралъ тоже опредѣленную роль: за все время пребыванія на фронтѣ, гдѣ требованія смѣщенія и назначеній сыпались каждый день, и не только отъ комитетовъ, но и отъ самихъ представителей команднаго состава, я настоялъ на удаленіи только одного генерала, начальника этапно-хозяйственной части въ 12-ой арміи, за его совершенно нелѣпое и ненужное, просто «ругательское» отношеніе къ комитету. И еще одно вмѣшательство: когда командующій 12-ой арміей хотѣлъ назначить Вяземитинова командиромъ корпуса, онъ колебался, такъ какъ Вязьмитиновъ еще не числился въ кандидатскомъ спискѣ, и были сомнѣнія, «пропуститъ» ли его Ставка. Я, рѣшительными телеграммами въ Петроградъ и въ Ставку, добился устраненія этого препятствія...

2. Солдатская масса.

Главныя трудности были, конечно, не съ командымъ составомъ, а съ солдатской массой.

Для того, чтобы судить о настроеніяхъ массъ, необходимо прежде всего ясно помнить всю чрезвычайность и необычность того явленія, которое представляла собой наша армія, даже если оцѣнивать въ масштабѣ міровой исторіи.

Изъ мрака старой дисциплины, механизированія и безпрекословнаго подчиненія армія, по количеству разъ въ 15 превосходящая полчища Аттилы, сразу перешла въ иной міръ. Она была ослѣплена открывшимися передъ ней возможностями, оглушена потокомъ непонятныхъ, странныхъ, но наводящихъ на большія и неожиданныя думы лозунговъ, программъ, воззваній, рѣчей, раздававшихся повсюду.

А у солдата, въ сущности, нѣтъ будничнаго дѣла. Нѣтъ заботы о семьѣ, о хлѣбѣ насущномъ, нѣтъ повседневныхъ мелочей и вопросовъ. Даже землю онъ видитъ или изрытой окопами и воронками, или окутанной колючей проволокой. У него много духовныхъ досуговъ, которые заполняются только думами. И думами такими яркими, страшными и непримиримыми. О свободѣ и смерти.

Онъ свободенъ — такъ говорятъ всѣ, да и весь укладъ арміи, такой новый и необычный, подтверждаетъ это. Но онъ все же долженъ итти умирать и убивать — такъ тоже говорятъ всѣ, даже тѣ комитеты, которые имъ избраны, даже тѣ делегаты, которыхъ онъ послалъ на съѣзды. Но зачѣмъ умирать и убивать? Для государства, которое ему всегда до сихъ поръ рисовалось, какъ зло, какъ принужденіе платить подати, итти въ солдаты, и творческую роль котораго онъ въ своей грязной хижинѣ и не чувствовалъ и не понималъ никогда. За землю и волю? Но какая связь между защитой Риги или взятіемъ Львова и землей сосѣдняго помѣщика въ Саратовской

губерніи? А при томъ онъ, быть можетъ, не хочетъ ни умирать, ни убивать за эти земныя блага.

Конечно, масса не отчеканивала такъ отчетливо эти мысли. Онѣ лишь носились надъ ней въ видѣ туманныхъ настроеній и проявлялись въ видѣ пассивнаго неповиновенія власти и приказамъ. И тутъ убѣжденіе не могло дѣйствовать. Нуженъ былъ приказъ и принужденіе. А для этого нужна была рѣшимость приказывать и возможность принуждать.

И обстановка сложилась какъ разъ такъ, что эта рѣшимость и возможность были.

Прежде всего имѣло большое значеніе успѣшное подавленіе іюльскаго возстанія большевиковъ.

Лично я видѣлъ только начальный и конечный моменты возстанія. 3-го іюля я былъ въ Исполнительномъ Комитетѣ. Обсуждался снова вопросъ «объ организаціи власти», въ связи съ выходомъ изъ состава Правительства кадетъ. Во время засѣданія стали, какъ въ памятные апрѣльскіе дни, поступать свѣдѣнія о томъ, что на заводахъ идутъ митинги, что первый пулеметный и нѣкоторые другіе полки выступили съ оружіемъ на улицу, что всюду раздаются лозунги: «Вся власть Совѣтамъ»... На засѣданіи присутствовали большевики — Каменевъ и др. Тѣ имѣли видъ, какъ будто искренне не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Выбрали делегацію для поѣздки въ полки и убѣжденія вернуться въ казармы. Въ составъ делегаціи согласились войти и большевики, но въ послѣдній моментъ отказались ѣхать, что разстроило всю посылку делегатовъ.

Въ тотъ же вечеръ я, не подозрѣвая еще о значеніи движенія, выѣхалъ въ Псковъ. Но тамъ на другой день я узналъ, что движеніе

приняло крайне грозный характеръ, что 4-го іюля массы вооруженныхъ рабочихъ и солдатъ заполнили улицы Петрограда, фактически овладѣли Таврическимъ Дворцомъ, и что подъ лозунгами «Вся власть Совѣтамъ» шло форменное возстаніе большевиковъ противъ тогдашняго большинства совѣтовъ, составленнаго изъ оборонческихъ партій. Петроградскій штабъ требовалъ помощи съ фронта. Я немедленно разослалъ во всѣ арміи и фронты предложеніе обсудить мѣры о помощи Правительству. Самъ же рѣшилъ выѣхать въ Петроградъ съ первымъ направляющимся туда эшелономъ — съ самокатчиками и отрядомъ 1-ой кавалерійской дивизіи. Мы прибыли въ Петроградъ рано утромъ 6 іюля, когда движеніе уже было ликвидировано, повидимому, неопредѣленностью настроенія большинства гарнизона, который, подъ вліяніемъ слуховъ, что съ фронта идутъ войска, сталъ возвращаться въ казарму подъ команду офицеровъ. Вокзалъ и улицы были въ рукахъ правительственныхъ войскъ, которыя щеголяли выправкой и дисциплиной. Оставалось ликвидировать лишь главную квартиру большевиковъ — домъ Кшесинской. Но и для этого уже было достаточно силъ: на Дворцовой площади я засталъ уже собранный отрядъ изъ разныхъ частей, и въ 9 часовъ утра домъ Кшесинской былъ занятъ безъ малѣйшаго сопротивленія: большевики покинули его заблаговременно.

Эта, по существу, почти безкровная побѣда надъ большевиками имѣла громадное значеніе для подъема авторитета власти въ тылу и на фронтѣ. Казавшаяся всѣмъ загадочной послѣдовательность событій въ видѣ прорыва нашего фронта у Тарнополя служила новымъ доказательствомъ необходимости рѣшительныхъ мѣръ для

укрѣпленія авторитета и силы власти. Появившаяся въ Петроградѣ рѣшительная фигура Савинкова, въ видѣ Управляющаго Военнымъ Министерствомъ, убѣждала въ готовности Правительства бороться за свои прерогативы. А военно-революціонные суды устраняли послѣднія сомнѣнія въ этомъ.

Масса какъ-то притихла, пригнулась въ испугѣ. Даже большевики стали «покладистѣе». Дѣло дошло до того, что въ Ригѣ они, прижатые Войтинскимъ, дали подписи подъ воззваніемъ, призывающимъ армію подчиниться командному составу и изгнать изъ себя дезорганизаторскіе элементы, что лишало ихъ возможности возражать противъ той «чистки» арміи, которая нами стала планомѣрно проводиться.

Однако, не все шло вполнѣ гладко.

Прежде всего, рѣзкій поворотъ въ сторону сильной власти встрѣчалъ нѣкоторое противодѣйствіе въ комитетахъ, особенно въ 12-ой арміи, гдѣ не было хозяйской руки въ родѣ ген. Данилова. Новыя слова были слишкомъ необычны для комитетчиковъ, привыкшихъ къ благодушной фразеологіи первыхъ дней революціи о сознательной дисциплинѣ и пр. Разношерстный, подчасъ до истерики пылкій «Искосолъ 12», какъ сокращено назывался исполнительный комитетъ солдатскихъ депутатовъ двѣнадцатой арміи, щетинился каждый разъ, какъ только намъ приходилось дѣлать рѣшительные шаги. Правда, не было случая, чтобы намъ не удавалось убѣдить комитетъ, при чемъ иногда поворотъ мнѣній былъ ровно на 180°... Помню случай, какъ комитетъ устроилъ намъ съ Войтинскимъ очную ставку съ представителями большевистскихъ организацій по поводу закрытія газеты «Окопная

Правда». Большевики, при видимомъ сочувствіи президіума комитета, стали доказывать, что «Окопная Правда» въ послѣднее время ведетъ себя умѣренно и заслуживаетъ пощады. Я взялъ принесенные «образцовые» номера «Правды» и, прочтя нѣсколько выдержекъ изъ напечатанныхъ тамъ резолюцій, заявилъ, что вопросъ можетъ итти не о разрѣшеніи изданія «Окопной Правды», а только о привлеченіи ея издателей къ военно-революціонному суду за дезорганизаторскіе призывы. Не менѣе рѣзко высказался Войтинскій, еще имѣвшій славу почти большевика. И къ концу засѣданія весь президіумъ — Кучинъ, Харашъ и др. — оказался на нашей сторонѣ. Но такія убѣжденія требовали времени, подчасъ уступки и компромисса. До разрыва дѣло не доходило, но все время была натянутость, и Комитетъ нѣсколько разъ выносилъ резолюціи о необходимости моего удаленія съ фронта за недостаточное уваженіе къ представительнымъ учрежденіямъ въ арміи. Но каждый разъ резолюція оставалась подъ сукномъ. Быть можетъ потому, что при первомъ посѣщеніи комитета я заявилъ, что буду дѣйствовать въ арміи, считаясь только съ директивами Правительства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочту для себя невозможнымъ остаться на фронтѣ, если комитетъ заявитъ, что не довѣряетъ мнѣ.

Но не только комитетъ, самъ командный составъ, сбитый съ толку революціей, не зналъ, какъ подойти къ этой твердой власти, о которой столько говорилось въ тылу. Керенскій еще при мнѣ рѣшилъ закрыть «Окопную Правду» и послалъ объ этомъ телеграмму въ 12-ую армію. Но оказалось, что «Окопная Правда» все продолжала выходить. Клембовскій сообщилъ мнѣ, что въ 12-ой арміи не знаютъ, какъ подступить къ дѣлу,

и просилъ меня самого заѣхать и уладить это дѣло. Къ моему пріѣзду въ Ригу у начальника штаба собрался весь штабной генералитетъ, начальникъ гарнизона, комендантъ. Всѣмъ представлялось рѣшительно невозможнымъ проведеніе приказа въ жизнь, такъ какъ это вызоветъ безпорядки, бунты и пр. Мнѣ пришлось упростить вопросъ; не вдаваясь въ прогнозы относительно будущаго, я просто обратилъ вниманіе, что приказъ, вызванный самыми вѣскими соображеніями, данъ, и, значитъ, его нужно немедленно выполнить. Для командного состава такая постановка вопроса оказалась наиболѣе убѣдительной, и, дѣйствительно, на другой день «Окопная Правда» была закрыта, безъ всякихъ эксцессовъ и недоразумѣній. Правда, большевики жаловались на недостаточно корректное къ нимъ отношеніе и пытались найти защиту во мнѣ... Но послѣ оставили и эту надежду. Правда, они стали вскорѣ издавать новую газету: «Окопный Набатъ», но чрезвычайно сдержанно и блѣдно даже... Но и тутъ не обошлось безъ недоразумѣній. Во второй пріѣздъ въ Ригу я нарочно завернулъ въ редакцію «Окопнаго Набата» и купилъ нѣсколько комплектовъ для ознакомленія. Въ штабѣ уже начальникъ штаба съ таинственнымъ видомъ сталъ мнѣ разсказывать, что, по свѣдѣніямъ его агентуры, большевики вмѣсто «Окопной Правды», издаютъ «Окопный Набатъ» и что онъ надѣется вскорѣ получить номера этой газеты. Право, безъ особеннаго чувства торжества я показалъ ему мои только что открыто купленные пять номеровъ...

Но особенно трудно было принимать болѣе рѣшительныя мѣры — технически называвшіяся тогда нами «чисткой» арміи. Чуть ли не въ каждой дивизіи былъ свой большевикъ, съ име-

немъ, болѣе извѣстнымъ въ арміи, чѣмъ имя начальника дивизіи.

Такъ какъ было ясно, что безъ ихъ удаленія нельзя справиться съ разложеніемъ арміи, то мы постепенно убирали одну знаменитость за другой. Но мѣры къ аресту должно было естественно принимать само начальство — вѣдь оно распоряжалось военными силами. Такіе генералы, какъ Болдыревъ, мало смущались такими задачами. Знаменитый капитанъ Сиверсъ, гремѣвшій отъ балтійскаго моря до Карпатъ, былъ арестованъ изумительно легко: ему данъ былъ подъ какимъ-то пердлогомъ приказъ явиться въ штабъ; тамъ его усадили на автомобиль и увезли въ тюрьму. Но въ одной изъ дивизій 6-го сибирскаго корпуса картина получилась иная. Начальникъ дивизіи не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и, не подготовивъ надежной силы, далъ приказъ объ арестѣ. Вся рота, въ которой находился большевикъ, возмутилась и рѣшительно заявила, что не выдастъ «своего», и у начальника дивизіи не оказалось подъ руками силъ для принужденія. На другой день были приготовлены силы противъ роты, и приказъ былъ повторенъ. Но конфликтъ уже охватилъ весь полкъ, и къ одной ротѣ присоединились другія. Пришлось на третій день наряжать экспедицію изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Но въ то время, какъ части карательнаго отряда безнадежно путались и не явились во время, на помощь бунтовщикамъ явилась вся дивизія. Только благодаря вмѣшательству Войтинскаго удалось найти что-то въ родѣ выхода изъ положенія. Убѣдившись, что карательный отрядъ не можетъ оказать никакой пользы, онъ отправился къ ротѣ на переговоры и, несмотря на страшное возбужденіе солдатъ,

добился того, что арестованный былъ отправленъ въ штабъ дивизіи... Но рота, въ свою очередь, настояла на томъ, что она будетъ тоже находиться при штабѣ. Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что охрана штаба, состояла изъ 8 человѣкъ, оказалось, что не столько начальникъ дивизіи арестовалъ большевика, сколько большевикъ арестовалъ начальника дивизіи. — Все это было настолько скандально, что Клембовскій просилъ меня поѣхать въ Ригу и посмотрѣть, что тамъ творится. Я попалъ на засѣданіе командующаго арміей, начальника дивизіи и комиссара арміи. Я настаивалъ на немедленномъ уводѣ всей дивизіи съ фронта и строжайшаго наказанія виновныхъ. Но генералъ Парскій твердо заявилъ, что онъ считаетъ это только непріятнымъ инцидентомъ, не колеблющимъ боеспособность дивизіи, которая можетъ остаться на фронтѣ. Я такъ же опредѣленно заявилъ, что признаю полный пріоритетъ его мнѣнія. — Помню, окна квартиры выходили на площадь съ готическимъ соборомъ. И, смущенно, удивленно уходя отъ командующаго арміей, я говорилъ Войтинскому, что впервые почувствовалъ, насколько острыя, напряженныя линіи готики чужды русскому духу.

Аресты отдѣльныхъ большевиковъ не разрѣшали однако вопроса. «Преступность» носилась въ воздухѣ, ея контуры не были отчетливыми, потому что ею была заражена вся масса.

Преобладающимъ типомъ преступности были массовыя преступленія, когда цѣлыя роты, батальоны, полки и даже дивизіи отказывались исполнять приказъ — чаще всего о выступленіи на позиціи. Въ такихъ случаяхъ, если убѣ-

жденія не помогали, приходилось окружать части и расформировывать ихъ. Впервые такое расформированіе было примѣнено на румынскомъ фронтѣ, потомъ широко примѣнялось Савинковымъ и его помощниками, Ходоровымъ и другими комиссарами. Разоруженные солдаты арестовывались и отводились въ тылъ. Сперва такое наказаніе, при неопредѣленности судьбы арестованныхъ, производило хорошее впечатлѣніе. Но когда выяснилось и стало общеизвѣстнымъ, что арестованные мирно содержатся въ тылу, ничего не дѣлая, при чемъ ихъ судьба болѣе тревожитъ начальство, чѣмъ ихъ самихъ, то расформированіе, само по себѣ, стало скорѣе поощреніемъ, чѣмъ наказаніемъ. Я предложилъ Клембовскому организовать спеціальные «воспитательные» батальоны для этихъ солдатъ съ очень суровымъ режимомъ и съ переводомъ въ лучшее положеніе по мѣрѣ «исправленія». Клембовскій отнесся очень сочувственно, но сказалъ, что самъ не можетъ ввести ихъ, такъ какъ его полномочія недостаточны для того, чтобы измѣнять правовое положеніе цѣлыхъ категорій солдатъ. Я послалъ тогда доклады въ Петроградъ и Ставку. Изъ Ставки получилъ отвѣтъ, что Корниловъ отнесся сочувственно къ моей идеѣ, и соотвѣтствующій приказъ вырабатывается. Но онъ не былъ изданъ до конца.

Военно-революціонные суды, дѣтище Савинкова, несомнѣнно, сыграли свою роль. Солдатчина сразу почувствовала, что съ нею перестаютъ шутить.

Но были и трудности въ примѣненія этихъ, грозящихъ смертью судовъ. Прежде всего, было явно несправедливымъ, что послѣ отмѣны смерт-

ной казни въ тылу — она вводилась на фронтѣ, хотя на фронтѣ жизнь и такъ была тяжка и полна самопожертвованій, а главные удары Правительству и главная опасность анархіи и разрухи исходили какъ разъ изъ тыла. Кромѣ того вопросъ о строгой, безоглядочно-суровой карѣ въ арміи былъ простъ, пока армія была въ тискахъ дисциплины, пока всѣмъ была ясна черта, переходъ которой грозилъ тягчайшими взысканіями. Но теперь внѣ этой черты было или, во всякомъ случаѣ уже побывало, быть можетъ, три четверти арміи. Какъ тутъ выбрать, кто долженъ пасть жертвой?

Къ этому присоединялись трудности бытового и психологическаго характера. Вотъ, для поясненія, случай изъ жизни.

Я на фронтѣ въ расположеніи 109-ой дивизіи. Передъ батальономъ наиболѣе большевистскаго Новоладожскаго полка произношу рѣчь. Беру нарочно рѣзкія слова и рѣзкія противоположенія. «Тутъ возражаютъ противъ смертной казни, противъ военно-революціонныхъ судовъ . . . Пусть — это грѣхъ, но мы всѣ понимаемъ, что Правительство не могло сдѣлать иначе, и если изъза безпорядковъ въ арміи погибаетъ страна, то мы должны вмѣстѣ съ нимъ взять этотъ грѣхъ на свою душу.» И я сталъ перечислять предусматриваемыя положеніемъ о военно-революціонныхъ судахъ преступленія и доказывалъ необходимость суровой, безоглядной борьбы съ ними. Въ томъ числѣ съ братаніемъ, которое одно время пустило крѣпкіе корни въ бытъ арміи. — Послѣ рѣчи комическій инцидентъ. Началъ говорить генералъ Болдыревъ. Положивъ руку на плечо одного солдата, онъ началъ такъ: «Во время рѣчи комиссара я глядѣлъ на этого солдата и видѣлъ, какъ онъ, весь въ волненіи дро-

жалъ»... — «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, у меня ноги слабыя. Три раза подавался на комиссію, все не освобождаютъ»...

Непосредственно послѣ бесѣды съ этимъ батальономъ меня повели въ передовые окопы. Большевистскій комитетъ хотѣлъ показать, что полкъ несетъ образцово службу, что подтверждали всѣ офицеры. Вышли въ первую линію. Прошли къ передовой заставѣ, значительно выдвинутой впередъ. По дорогѣ показывали свѣжіе слѣды снарядовъ противника: «Сегодня насъ обстрѣливалъ... Недоволенъ нами»... Вышли къ самой заставѣ — тихо, нагибаясь, такъ какъ противникъ былъ въ тридцати шагахъ отъ заставы. Вотъ мы около нашего часового. Кругомъ тишина, клонится къ вечеру. Нашъ молоденькій солдатикъ стоитъ во весь ростъ по поясъ надъ брустверомъ съ винтовкой въ рукахъ и молча, сосредоточенно, почти не замѣчая нашего прихода, смотритъ въ сторону противника, словно боясь упустить малѣйшее движеніе. А тамъ — такой же молодой нѣмецкій солдатъ въ каскѣ, съ ружьемъ, стоитъ прислонившись къ дереву и съ тѣмъ же вниманіемъ смотритъ на русскаго солдата. Онъ такъ близко — что всѣ черты лица видны. Офицеры, сопровождавшіе меня, сняли шапку и предложили мнѣ сдѣлать то же, такъ какъ противникъ можетъ открыть огонь, если замѣтитъ нѣсколько кокардъ. Я снимаю фуражку... Нѣмецкій солдатъ, очевидно, понялъ это, какъ привѣтствіе, тоже снимаетъ каску и дружелюбно, привѣтливо раскланивается. «Васъ надо предать военно-революціонному суду», шутитъ членъ комитета, «вы вѣдь уже братались»...

Потому неудивительно, что говорить о смертной казни мы могли очень много, но въ

насъ не было рѣшимости переводить слова въ дѣло. Вотъ, напр., случай примѣненія закона. Солдатъ-латышъ вышелъ изъ окопа впередъ — это было на болотистомъ участкѣ подъ Ригой — собирать ягоды. Встрѣтилъ нѣмцевъ и разболтался съ ними. Въ результатѣ — обстрѣлъ штаба полка. Военно-революціонный судъ приговорилъ къ смертной казни. Комиссаръ арміи не рѣшается утвердить приговоръ, и дѣло пересылается въ штабъ фронта, гдѣ рѣшеніе зависитъ отъ единодушія Главнокомандующаго и моего. Мы безъ споровъ рѣшаемъ: помиловать. — Мы вѣдь хорошо знаемъ, что это бытовое явленіе, что злого умысла здѣсь не было. И дѣло отнюдь не въ нашей слабохарактерности. Филоненко, одинъ изъ инціаторовъ введенія смертной казни, самъ не утвердилъ единственнаго приговора, который дошелъ до него. Ходоровъ былъ сторонникомъ введенія смертной казни сразу послѣ наступленія 10-го іюля, но я не увѣренъ, было ли имъ использовано право преданія военно-революціоннымъ судамъ, несмотря на то, что, несомнѣнно, было желаніе сдѣлать это. Ходили какіе-то темные слухи, что нѣсколько человѣкъ въ 5-ой арміи было разстрѣляно. Но эти слухи были окружены легендами о томъ, что трупы были вырыты солдатами и др. Поэтому всѣ старались замять, замолчать дѣло. И я не знаю ни одного случая примѣненія военно-революціонныхъ судовъ, который бы окончился примѣненіемъ смертной казни. Какъ трудно было выбрать кого-либо изъ перешедшихъ черту, такъ трудно было найти лицъ, готовыхъ при этихъ условіяхъ принять на себя санкцію смерти реальнаго человѣка. И было большимъ вопросомъ, легко ли было найти исполнителей.

Серьезнѣйшей трудностью въ работѣ въ ар-

міи было отсутствіе въ ней офицеровъ. Я настаиваю именно на словѣ — отсутствіе. Мы ясно осязали пустое мѣсто, тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться офицеръ. Уже до революціи офицерство чрезвычайно слабо справлялось съ военно-технической стороной дѣла. И неудивительно: школы прапорщиковъ давали такъ мало свѣдѣній вообще и нужныхъ для войны свѣдѣній въ частности, что офицеры сознавали, а солдаты не могли не чувствовать недостатокъ спеціальныхъ свѣдѣній. Но кадровое офицерство растерялось уже до революціи въ совершенно необычпыхъ условіяхъ войны: еще въ 1917 году я слышалъ утвержденіе штабъ-офицеровъ, что мы проигрываемъ войну оттого, что «влѣзли» въ окопы, «отказались» отъ маневреннаго боя... После революціи тѣмъ же офицерамъ пришлось дѣйствовать въ условіяхъ, гдѣ формалистика совершенно отпала, гдѣ нельзя было съ папироской отойти въ сторону и предоставить всю фактическую работу унтеръ-офицерамъ, гдѣ всю полезность работы надо было понимать самому и каждый мигъ давать понять обучаемымъ. Формализмъ, поддерживающій авторитетъ офицерства, палъ, и офицерство сразу почувствовало себя приниженнымъ, потерявшимъ ту значительную часть авторитета «техническаго руководителя», которая поддерживалась искусственно.

А тутъ новыя требованія. Нахлынули вопросы о партіяхъ, о программахъ, о соціальныхъ вопросахъ. Куча новыхъ вопросовъ, о которыхъ офицеръ вообще понятія не имѣлъ, или имѣлъ настолько малое, что едва хватало на свою потребу, но завѣдомо было недостаточно, чтобы передавать другимъ: въ нашемъ батальонѣ, когда кликнули кличъ о лекторахъ для солдатъ на соціально-научныя темы, отозвался только одинъ

лекторъ съ темой «О звукѣ»... Но солдатъ не понимаетъ, почему офицеръ молчитъ, и думаетъ, что офицеръ скрываетъ то, что знаетъ, какъ скрывалъ раньше — вѣдь офицеры говорятъ теперь, что они были тогда за свободу. И часто самому офицеру приходилось просить солдатъ дать прочитать тѣ книжки, которыя выписывалъ полковой комитетъ для ознакомленія съ новыми нахлынувшими вопросами.

И еще одно, существеннѣйшее обстоятельство. Революція выдвинула цѣлый рядъ соціальныхъ моментовъ. Революція явилась въ армію съ лозунгомъ: «за землю и волю». Я не знаю, насколько это было правильно и цѣлесообразно и убѣдительно для крестьянина, когда его во имя земли сосѣдняго помѣщика звали умирать на колючей проволокѣ подъ Бржезанами. Но это было явно не убѣдительно для офицерства, напр. гвардейскаго корпуса, гдѣ представлена была наша земельная аристократія. Обращаться къ нимъ съ этимъ лозунгомъ — значило требовать жертвъ для того, чтобы въ награду у нихъ же землю отняли... Да и для тѣхъ, кто не связанъ съ землей, революція явилась съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ, но досадныхъ житейскихъ заботъ. Дома семья, а жизнь все тяжелѣе. Жалованья и такъ не хватало, а тутъ цѣны на все растутъ. Убрали денщиковъ... Ограниченіе въ пользованіи пайкомъ изъ интендантскихъ запасовъ... Повсюду комитеты, комиссары... Новыя слова...

Конечно, рядовое офицерство не склонно было дѣлать изъ этого какіе-нибудь практическіе выводы противъ революціи. Но, во всякомъ случаѣ новые лозунги и порядки не могли подвинуть его на рѣшимость новыхъ и болѣе тяжкихъ жертвъ. «Уйдемъ въ сторону, намъ-то изъ-

за чего волноваться?» — Уже до революціи меня часто поражалъ формализмъ въ отношеніи къ дѣлу, и казалось, что только боязнь дисциплинарной власти поддерживаетъ напряженность въ офицерствѣ. Тутъ же революція и даже пресловутая декларація правъ солдата открывала большой просторъ всяческому «ловченію». И офицеры «гуляютъ по пляжу», по цѣлымъ недѣлямъ не показываясь въ роты. Даже сами солдаты почувствовали неуютность такого положенія, и мнѣ неоднократно присылали резолюціи ротъ, иногда повторныя, съ требованіемъ, чтобы офицеры являлись на занятія. Но часто тѣ офицеры, которые по исключенію работали въ новыхъ учрежденіяхъ, комитетахъ и коммисіяхъ, удивляли насъ больше, чѣмъ тѣ, которые не являлись въ роты, несмотря на требованія солдатъ, ибо на второй день работы начинали разговоры о производствѣ въ слѣдующій чинъ... Но и такихъ исключеній въ началѣ было очень немного. Офицерство «ушло» отъ войны не менѣе, чѣмъ солдаты... Поэтому оставалась не армія, а толпа. А вмѣсто офицеровъ — большевистскіе агитаторы.

Лишь въ послѣднее время наблюдался небольшой поворотъ. Въ ротахъ, полкахъ и дивизіяхъ выдвигались новые офицеры, дѣйствительные руководители солдатъ. Начиналось сближеніе часто съ совершенно неожиданной стороны: съ чтенія газеты «ротой», съ организаціи развлеченій, спортивныхъ игръ. Научились пользоваться новыми порядками и учрежденіями съ выгодой для дѣла и безъ всякаго ущерба для себя. Повыписали себѣ библіотеки. Но дѣло все же шло очень медленно, и офицерскій вопросъ оставался сложнымъ до послѣднихъ дней.

Всѣ эти трудности — съ командным составомъ, съ офицерствомъ и солдатской массой — увеличивались чрезвычайно печальнымъ состояніемъ военной техники.

Если армію еще можно было заставить стоять на фронтѣ и сражаться, то только при условіи, чтобы солдатская масса чувствовала, что ее не ведутъ на убой, что ея силы и жизнь использованы правильно, а не растрачены безъ счета и отвѣта. Но въ арміи была неискоренимая привычка, завѣщанная старымъ строемъ: считать винтовки, патроны, но не солдатъ. Солдатъ долженъ только повиноваться, а жить онъ можетъ и въ грязныхъ ямахъ, прикрытыхъ вѣтвями деревьевъ, наступать онъ можетъ, наваливаясь массой и затопляя своей кровью, задавливая тѣлами всю хитрость нѣмецкой военной тактики, всѣ выдумки нѣмецкихъ инженеровъ.

При объѣздѣ корпусовъ я, помимо политическихъ вопросовъ, всегда выдвигалъ вопросы техническіе. И мой скептицизмъ по отношенію къ командному составу только возрасталъ. Ученіе, гдѣ производилось, — шло формально, по старымъ уставамъ, уже безнадежно устарѣвшимъ до войны и теперь не отвѣчающимъ ни духу, ни чрезвычайному своеобразію жизни на фронтѣ. Часто я не могъ не видѣть, что такія занятія были только тратой времени, только просто испытаніемъ на терпѣливость и повиновеніе солдатъ... Весь строй военнаго дѣла не двигался впередъ, не совершенствовался, но, наоборотъ, регрессировалъ. Раньше командный составъ, въ случаѣ неудачи, чаще всего прибѣгалъ къ обвиненію еврейскихъ шпіоновъ... Теперь обвинять прямо только евреевъ нельзя было, но зато сколько угодно можно было валить вину на общій духъ арміи, на свободу, на революцію, на Правитель-

ство... Чего же безпокоиться? Помню, какъ-то спросилъ я одного начальника дивизіи, знакомъ ли ему изданный Ставкой еще до революціи разборъ и описаніе послѣдняго нашего зимняго наступленія подъ Ригой, въ которомъ онъ участвовалъ самъ со своей дивизіей. Но начальникъ дивизіи даже не зналъ о существованіи этого разбора, хотя онъ уже давно былъ разосланъ во всѣ штабы, и хотя этотъ разборъ указывалъ на весьма существенные пробѣлы въ организаціи наступленія, которые, по мнѣнію Ставки, объяснили всѣ неудачи наступленія. Очевидно, что, если бы начальнику дивизіи пришлось еще разъ готовиться къ наступленію, онъ повторилъ бы всѣ прежнія ошибки или даже сдѣлалъ ихъ больше, ибо теперь онъ зналъ, что и Ставка не станетъ ни разбирать ни описывать — вѣдь причины неудачъ казались всѣмъ общепонятными.

Я имѣлъ возможность осмотрѣть подробно, вмѣстѣ съ генераломъ Черемисовымъ, громадныя фортификаціонныя работы подъ Ревелемъ, продолжавшіяся съ начала войны и имѣвшія задачей защиту города съ суши. Несмотря на чудовищныя средства, затраченныя на эти постройки, и громадное количество произведенной работы, Ревель, къ моменту нашего посѣщенія, не имѣлъ никакой защиты съ суши, такъ какъ, по единодушному отзыву всѣхъ офицеровъ, начиная съ Черемисова и кончая самимъ строителемъ позиціи, пѣхота не могла бы даже расположиться въ этихъ укрѣпленіяхъ, не то что сражаться въ нихъ: въ лучшемъ случаѣ, она могла просто уйти въ громадныя подземныя, вырубленныя въ скалахъ галлереи, не имѣя возможности сдѣлать хотя бы одинъ выстрѣлъ въ сторону противника. Мы были буквально поражены всѣмъ видѣннымъ бюрократически-уставнымъ долбленіемъ земли и

камня, тѣмъ болѣе, что уже имѣлись свѣдѣнія, что противникъ подготовляетъ какія-то операціи въ Балтійскомъ морѣ. Говорятъ, постройки въ Финляндіи были еще чудовищнѣе и нелѣпѣе.

Я, какъ могъ, постоянно и повсемѣстно обращалъ вниманіе на эту сторону дѣла. Даже написалъ небольшой докладъ о методахъ обученія арміи въ современныхъ условіяхъ, съ цѣлымъ рядомъ техническихъ указаній. Но Ставка отмалчивалась отъ моихъ писемъ и докладовъ. Тогда я выбралъ совершенно исключительную форму препроводительнаго письма, рѣжущую слухъ, привыкшій къ закругленнымъ фразамъ канцелярскаго слога, — но я получилъ только выговоръ отъ Филоненко за эту форму. Нѣсколько успѣшнѣе были мои домогательства въ Петроградѣ, гдѣ мнѣ было разрѣшено опубликовать мои соображенія объ обученіи. Я сталъ привлекать молодыхъ офицеровъ къ технической работѣ и мечталъ уже о военно-техническихъ реформахъ на фронтѣ, соотвѣтствующихъ новымъ политическимъ условіямъ и техническимъ требованіямъ современной войны. Но, по тогдашнимъ условіямъ и настроеніямъ, это было если не донкихотизмомъ, то, во всякомъ случаѣ, сизифовой работой.

Все же, когда мы подводили итоги всѣмъ трудностямъ, возможностямъ и результатамъ, намъ тогда казалось: дѣло не было безнадежнымъ. Вѣдь въ 5-ой арміи ген. Даниловъ хвалился, что у него не армія, а военный университетъ: все работало, училось, просвѣщалось, не только въ ироническомъ, но и въ правильномъ смыслѣ, такъ какъ весь лучшій и культурный элементъ арміи былъ двинутъ въ дѣло. Спеціальные военные курсы по разнымъ отраслямъ; строевыя занятія, и тѣ уже въ большинствѣ

дивизій шли, по утвержденію командного состава, не хуже, чѣмъ въ дореволюціонное время. — Хуже было въ 12-ой арміи, но и тамъ дѣло шло на поправку, и Парскій, со своеобразнымъ спокойствіемъ, завѣрядъ, что армія «вылѣчится»... Конечно, армія не могла еще думать о наступленіи. Но такая задача передъ ней и не ставилась. Правда, даже обороноспособность могла вызывать сомнѣнія — но дѣлались соотвѣтственныя измѣненія въ нашихъ оборонительныхъ планахъ: такъ, подъ Ригой, былъ очищенъ икскюльскій плацдармъ, и части, выдвинутыя по побережью, были отодвинуты назадъ. Быть можетъ, нужно было только повѣрить арміи... Но ей не вѣрили — и разрушали вѣру въ нее у другихъ. Даже то очищеніе рижскаго взморья, которое было произведено благополучно и спокойно, по плану, при чемъ такъ, что даже все сѣно было собрано и увезено — въ изображеніи Ставки, въ бюллетеняхъ, являлось пораженіемъ, нанесеннымъ нашей арміи вслѣдствіе ея нестойкости. И все-таки армія, быть можетъ, могла бы выдержать натискъ ослабленнаго войной противника... Но она не могла выдержать комбинированнаго удара въ тылу и на фронтѣ.

Глава пятая.

ПАДЕНІЕ РИГИ.

Первый ударъ послѣдовалъ на фронтѣ со стороны противника подъ Ригой.

Свѣдѣнія о началѣ наступленія противника подъ Ригой я получилъ въ Двинскѣ, гдѣ какъ разъ объѣзжалъ корпуса. Въ штабномъ сообщеніи были тревожные тона, но была увѣренность, что все обойдется благополучно. На другой день свѣдѣнія были тревожнѣе. Я немедленно уѣхалъ въ Псковъ и тамъ въ кабинетѣ Главнокомандующаго увидалъ, показавшуюся мнѣ такой невѣроятно уродливой, военную карту, уже безъ Риги . . .

Главнокомандующій былъ въ чрезвычайномъ волненіи. Дѣло шло уже не о Ригѣ только, но о всемъ положеніи сѣвернаго фронта, такъ какъ въ 12-ой арміи пахло катастрофой: двѣнадцать часовъ Главнокомандующій не имѣлъ никакихъ свѣдѣній оттуда и не могъ добиться даже связи со штабомъ.

Черезъ полчаса я былъ на дорогѣ къ Ригѣ.

Паденіе Риги вообще было весьма замѣчательнымъ фактомъ, совершенно еще не выясненнымъ въ военной литературѣ. О предполагаемомъ наступленіи противника я слышалъ съ перваго дня моего пріѣзда на фронтъ — и Главнокомандующій, и командующій арміей, и въ комитетѣ всѣ постоянно объ этомъ говорили. И давно уже были приняты самыя рѣшительныя и серьез-

ныя мѣры къ парированію удара. Инженеръ Ермолаевъ, едва ли не наиболѣе энергичный и выдающійся военный инженеръ нашихъ армій, укрѣплялъ всѣ подступы къ Ригѣ по послѣднему слову техники, съ которой онъ имѣлъ возможность познакомиться во время своей командировки на западный фронтъ, во Францію, при чемъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи неограниченныя количества лѣсного матеріала и бетона. Для облегченія обороны, какъ я уже упоминалъ, самый фронтъ умышленно сократили, отодвинувъ части по взморью къ линіи почти неприступныхъ озеръ. Правда, при этомъ все время исходили изъ предположенія, котораго придерживался штабъ фронта, что противникъ направитъ атаку на нашъ лѣвобережный плацдармъ въ направленіи на Олай или вдоль берега Двины. Но ген. Парскій, пріѣхавъ въ армію и осмотрѣвшись въ обстановкѣ, рѣшилъ, что атака наиболѣе вѣроятна въ направленіи на Икскюль, и принялъ соотвѣтственныя мѣры, значительно усиливъ резервы на правомъ берегу Двины. Вообще его приказъ съ распоряженіями на случай атаки противника, данный за нѣсколько недѣль до наступленія, предвидѣлъ событія съ поразительной ясностью и правильностью. Поэтому и мѣры были приняты достаточныя.

Фактически оказалось извѣстнымъ не только мѣсто, но и время наступленія, и при томъ съ точностью до одного часа: и наканунѣ наступленія, перебѣжчикъ-эльзасецъ сообщилъ о приготовленіяхъ нѣмцевъ съ такими подробностями, что штабъ арміи еще наканунѣ послалъ предупрежденіе войскамъ быть готовыми къ тому что ночью противникъ начнетъ артиллерійскій обстрѣлъ для того, чтобы утромъ перейти въ наступленіе, при чемъ, между прочимъ, указы-

валось на необходимость имѣть наготовѣ противогазовыя маски.

Въ 4 часа утра 19-го августа, дѣйствительно, начался артиллерійскій ураганный огонь. Но послѣ часа усиленной бомбардировки дивизія, стоявшая на участкѣ атаки, настолько смѣшалась, что начальникъ дивизіи потерялъ связь съ тыломъ и со своими частями. Каждый полкъ сталъ дѣйствовать самостоятельно и по своему почину, и вездѣ этимъ починомъ было — отойти назадъ. Противникъ около 9 часовъ утра безъ потерь началъ переправу своихъ войскъ на правый берегъ. Но въ приказѣ командующаго арміей какъ разъ предвидѣлось, что противнику можетъ удасться подъ прикрытіемъ ураганнаго огня совершить переправу... Важно было тогда своевременной атакой сбросить его въ рѣку. Противникъ переправилъ одну или двѣ дивизіи, не больше, и, въ сущности, оказался окруженнымъ нашими силами, въ нѣсколько разъ превосходившими его. Если бы эти силы одновременно были двинуты въ атаку — противникъ былъ бы безъ сомнѣнія отраженъ. Но одновременности атаки не получилось. Атака велась поочередно разными дивизіями, даже отдѣльными полками, которые, конечно, безъ труда отгонялись огнемъ противника. Этотъ моментъ неодновременности атаки объясняется отсутствіемъ связи между частями арміи. Былъ случай, что ген. Болдыревъ спеціально просилъ Войтинскаго поѣхать въ сосѣднюю дивизію и выяснить, что тамъ происходитъ, почему дивизія не атакуетъ. Но время проходило. Силы противника увеличивались. Наша организація какъ-то сама собой распадалась. Пять дивизій резерва собрались около Штубензее въ то время, какъ передъ двумя дивизіями противника оказалось незащищенное

пространство въ шесть верстъ шириной. Въ этотъ промежутокъ, не встрѣчая сопротивленія, противникъ вошелъ, а наши пять дивизій, стоявшихъ около Штубензее, повидимому, не подозрѣвая другъ о другѣ, начали безпорядочное отступленіе на венденское шоссе. Тутъ и штабъ арміи, давъ распоряженіе объ очищеніи лѣвобережнаго плацдарма, сорвался съ мѣста и по запруженнымъ дорогамъ сталъ пробиваться въ Зегевольдъ. Въ Ригѣ никого не осталось для поддержанія связи, хотя правило военнаго искусства требуетъ, чтобы во время такихъ переѣздовъ отправлялись только командующій арміей или начальникъ штаба, въ то время какъ другой долженъ былъ оставаться на старомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока управленіе арміей не конституируется на новомъ мѣстѣ. Переѣздъ на новое мѣсто и установленіе связи потребовала около 18-и часовъ, а, въ сущности говоря, потерянная связь была возстановлена, и то отчасти, лишь на третій день, послѣ остановки арміи на венденскихъ позиціяхъ, куда армія отступила почти что самочинно. Тамъ армія остановилась, потому что противникъ остановился на одинъ переходъ раньше. Арміи самой пришлось черезъ нѣкоторое время искать его и для этого, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вернуться верстъ на 15-ть.

Но все это я узналъ впослѣдствіи по разсказамъ дѣйствующихъ лицъ, по приказамъ и донесеніямъ. Теперь же я ѣхалъ въ направленіи къ Ригѣ, не имѣя никакого представленія о томъ, что тамъ творилось.

Чуть ли не сразу за Псковомъ на шоссе стали попадаться сперва автомобили, а на полъ дороги къ Вендену и пѣшія толпы бѣглецовъ.

Далѣе пошли цѣлыя вереницы. За Венденомъ все шоссе сплошь оказалось занято отступающими войсками. Большого безпорядка не было. По шоссе тянулись обозы, шла артиллерія, ѣхали обозники на лошадяхъ съ обрѣзанными постромками. По бокамъ дороги шли пѣшія части. Почти всѣ солдаты непрестанно жевали рѣпу, вырываемую изъ лежащихъ близъ дороги огородовъ. Иногда по близости раздавались выстрѣлы — и тогда начиналась паника... Но сразу слышались голоса болѣе уравновѣшенныхъ: «Успокойтесь, товарищи, это только провокація», и все снова приходило въ норму. Однако, ясно было что это не армія, а толпа, неспособная ни на малѣйшее сопротивленіе. Я впервые видѣлъ отступленіе, и чувство стыда, злобы и бѣшенства охватывало меня, когда я глядѣлъ на эту ползущую армію, на этихъ жующихъ солдатъ.

Въ Зегевольдѣ уже не было штаба арміи — онъ перешелъ уже въ Венденъ. Пришлось возвращаться обратно. Ничего отраднаго въ штабѣ арміи я не узналъ, хотя бы потому, что тамъ ничего не знали: штабъ не былъ связанъ ни съ однимъ корпусомъ, несмотря на то, что вся мѣстность между Ригой и Венденомъ по всѣмъ направленіямъ имѣла цѣлую сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ. Но для связи пользовались посыльными, такъ какъ телефонная связь устанавливалась лишь спорадически и быстро прерывалась. Резервы имѣлись, но командующій арміей не рѣшался ихъ бросать въ дѣло, не зная точно обстановки. Кромѣ того, были своеобразные «заскоки» — встрѣтили, напр., свѣженькую дивизію съ новыми винтовками... Но оказалось, что винтовки японскія, и дивизія не обучена пользоваться ими, да и патроновъ не было соотвѣтствующихъ.

Въ полномъ отчаяніи искалъ я способа что-то сдѣлать, дать какимъ-нибудь образомъ выходъ напряженному желанію остановить армію, найти точку приложенія для толчка, могущаго возбудить энергію арміи. Но такой точки не было. Все было разсыпчато, рыхло и вязко. Да и о какомъ толчкѣ могла итти рѣчь? Вѣдь не уговаривать же? Хотѣлось запугать, устрашить суровой карой, чтобы армія почувствовала власть. Разстрѣлять кого-нибудь на виду у всѣхъ! Но кого?

Перваго попавшагося солдата, мирно жевавшаго рѣпу и идущаго впередъ съ радостнымъ сознаніемъ, что опасность миновала, и что онъ ничего дурного не сдѣлалъ? — вѣдь всѣ идутъ такъ, какъ онъ. Но вѣдь мнѣ даже въ штабѣ арміи, гдѣ были лица, завѣдомо ищущія возможности свалить вину на солдатъ, не могли сообщить ни одного конкретнаго факта неисполненія не только боевого, но, вообще, какого бы то ни было приказа: наоборотъ, сознаніе опасности заставило солдатъ шатнуться въ сторону офицеровъ, и отношенія къ командному составу были вполнѣ нормальныя.

Или начальника корпуснаго арьергарда, кавалерійскаго полковника, котораго я поздно вечеромъ застигъ въ его помѣщеніи въ комнатѣ на второмъ этажѣ, сидящимъ со свѣчкой у окна, обращеннаго въ сторону къ противнику, находящемуся на разстояніи не болѣе версты, и мирно раскладывающимъ пасьянсъ, въ то время, какъ его кавалерійскій полкъ не имѣлъ связи ни съ тыломъ, ни съ сосѣдними частями ни справа ни слѣва.

Или командира полка, котораго Войтинскій нашелъ сидящимъ въ отчаяніи въ канавѣ у дороги. Его полкъ, голодный и усталый, расположился на лужайкѣ вокругъ. Войтинскій сталъ

разспрашивать полковника, но тотъ въ отчаяніи, въ послѣдней стадіи черной меланхоліи, говорилъ о томъ, что онъ ничего не въ силахъ сдѣлать, не имѣетъ чѣмъ накормить свой полкъ, такъ какъ потерялъ свою дивизію. — «Справьтесь въ штабѣ корпуса». — «Потерялъ связь съ корпусомъ» . . . — Какъ потеряли связь? Да вѣдь корпусъ тамъ, въ томъ домѣ, изъ котораго я только что вышелъ» . . . Это нѣсколько подбодрило полковника, но все же потребовалась вся энергія Войтинскаго, чтобы немедленно изъ складовъ корпуса былъ выданъ полку обильный обѣденный паекъ.

Или начальника дивизіи, который расхваливалъ геройство своей дивизіи, хотя списокъ потерь оказался, по провѣркѣ въ обѣденное время, крайне ничтожнымъ, и все геройство заключалось въ томъ, что дивизія, даже не видя врага, все время отступала назадъ . . . «Но, вѣдь, она отступала въ порядкѣ», доказывалъ начальникъ дивизіи, не понимая, чего отъ него хотятъ.

Или командира 43 корпуса, который серьезно увѣрялъ, что онъ «прикрываетъ» собой 10-тиверстный фронтъ, хотя фактически всѣ его дивизіи, раздавшись вправо и влѣво, вышли изъ связи съ нимъ и пристали къ другимъ корпусамъ, а въ его распоряженіи остались лишь Войтинскій, штабъ корпуса и нѣсколько приблудшихъ командъ.

Или командира 2-го сибирскаго корпуса, который со всѣми своими и чужими дивизіями, приставшими къ нему, «текъ» по Венденскому шоссе, почему-то именуя это примитивное шествіе «фланговымъ маршемъ подъ натискомъ противника», усердно расхваливая (впервые со времени революціи) своихъ солдатъ. Я спросилъ его: «Почему же Рига была сдана, если войска

такъ геройски настроены?» И онъ отвѣтилъ мнѣ, что чудо не въ томъ, что Рига сдана, а въ томъ, что она держалась такъ долго, такъ какъ уже послѣ отступленія изъ Пруссіи наша армія сдѣлалась неспособной къ маневренному бою.

Или командующаго арміей, который въ отвѣтъ на мое выраженіе глубокаго огорченія по поводу отступленія нашихъ войскъ, заявилъ, что отступленіе совершается образцово и не можетъ быть даже сравниваемо съ отступленіемъ изъ Галиціи или Восточной Пруссіи, не говоря уже объ отступленіи подъ Мукденомъ.

Или членовъ комитета, которые были такъ увѣрены въ томъ, что «армія выполнила свой долгъ», что только послѣ моей почти что озлобленной рѣчи начали понимать, что, однако, не все въ порядкѣ, такъ какъ Рига все же сдана и сдана послѣ сравнительно небольшого натиска противника.

Или Войтинскаго, который, видя, что солдаты всякій разъ, какъ давался приказъ итти въ бой, исполняли его безъ колебаній, забывал общую картину, и влюбленный въ солдата, сталъ защищать его отъ нападокъ Ставки, разсылая по всему свѣту хвалебные гимны безъ толку отступающей арміи.

Или меня, наконецъ, который, въ результатѣ безплодныхъ поисковъ виновника, настолько проникся сознаніемъ неизбѣжности всего творящагося, что всѣ нападки на командующаго арміей, которыми его осыпали на моихъ глазахъ нѣкоторые изъ чиновъ штаба, объяснилъ интригой за то, что командующій арміей не юдофобъ и не старается взвалить вину на солдатъ. Поэтому, чтобы прекратить эти непріятные и явно безполезные толки, я написалъ записку главнокомандующему фронтомъ, гдѣ, изложивъ

всю картину боя, сдѣлалъ рѣшительное заключеніе о необходимости сохраненія Парскаго во главѣ арміи, такъ какъ онъ единственно спокоенъ, уравновѣшенъ, не теряетъ вѣры и бодрости и отчетами о бояхъ не сводитъ политическіе счеты, — вѣдь это было бы такъ просто — взвалить всю вину на солдатъ, на новые порядки... Всѣ повѣрили бы, а Ставка благодарила бы. Чтобы прекратить непріятныя попытки сдѣлать меня орудіемъ какихъ-то интригъ, я показалъ эту записку какъ штабнымъ противникамъ Парскаго, такъ и ему самому.

Изъ этого длиннаго списка виновниковъ я выбралъ отступающихъ солдатъ и не наступающаго генерала. Узнавъ, что на станціи желѣзной дороги собралась большая толпа солдатъ и мѣшаетъ правильному движенію поѣздовъ, я составилъ очень строгій и даже кровожадный приказъ отъ имени командующаго арміей и моего, уполномачивающій лицъ, вѣдающихъ охраной путей сообщенія, разстрѣливать на мѣстѣ лицъ, не повинующихся приказамъ. Не знаю, какое впечатлѣніе производилъ этотъ приказъ, но примѣненія его не было, такъ какъ не было случаевъ открытаго неповиновенія... Я этому не могу не вѣрить, такъ какъ видѣлъ, что настроеніе арміи было въ высокой степени мирное, мягкое, добродушное, слегка ироническое къ самой себѣ. Словомъ, солдаты увернулись отъ моего «толчка»... Кромѣ того, я хотѣлъ дать возможность выяснить условія и причины сдачи болѣе всестороннимъ образомъ, чѣмъ мой объѣздъ штабовъ корпусовъ и дивизій и распросы случайныхъ свидѣтелей. Это мнѣ казалось тѣмъ болѣе важнымъ, что большевики уже стали распускать слухи о томъ, что городъ сданъ нѣмцамъ нарочно, такъ какъ начальство хотѣло избавиться

отъ этого гнѣзда и разсадника большевизма. Эти слухи не могли не пользоваться довѣріемъ въ арміи, которая знала, что, въ сущности, защиты и сопротивленія не было, и поэтому я рѣшилъ освѣтить условія начальнаго рѣшающаго боя у переправы черезъ Двину. Штабъ арміи и командиръ 43 корпуса рѣшающимъ моментомъ нашей неудачи считали то, что дивизія, стоявшая налѣво отъ мѣста переправы нѣмцевъ, не двинулась своевременно въ атаку. Дивизіей командовалъ ген. Скалонъ, къ которому я относился съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ, по моему впечатлѣнію, онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ начальниковъ дивизій, не потерявшихъ способность управлять войсками. Однако, послѣ того, какъ получилъ письменный матеріалъ, недвусмысленно указывавшій на то, что въ критическую минуту ген. Скалонъ, имѣя приказъ командира корпуса начать наступленіе, не сдѣлалъ этого, я рѣшилъ, на основаніи безспорно имѣвшихся у меня полномочій, предать его военно-революціонному суду. Свое предложеніе объ этомъ, адресованное командующему арміей, я началъ словами признанія выдающихся качествъ и боевыхъ заслугъ ген. Скалона и его несомнѣнной доблести и закончилъ увѣренностью, что судъ найдетъ дѣйствительные мотивы его медлительности въ рѣшающій моментъ. Я былъ увѣренъ, что судъ оправдаетъ Скалона, но мнѣ казалось, что это положило бы конецъ всякимъ толкамъ о преднамѣренной сдачѣ города.

Но какъ ни далеко шли мои свирѣпыя исканія виновника, мнѣ кажется, они были совершенно свободны отъ какого-либо предвзятаго политическаго взгляда. Но Ставка искала виновныхъ, повидимому, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. Генералъ Корниловъ прислалъ стро-

гій приказъ о томъ, чтобы немедленно для острастки разстрѣлять нѣсколькихъ солдатъ на дорогѣ на глазахъ у другихъ. Приказъ, конечно, не былъ приведенъ въ исполненіе... А мнѣ рисовалась картина: схватываютъ нѣсколькихъ, мирно гуторящихъ, солдатиковъ и ставятъ ихъ подъ разстрѣлъ... Не скажетъ ли одинъ изъ нихъ, такъ, повидимому, равнодушныхъ ко всему: «Дайте хоть рѣпу-то доѣсть!» Кромѣ того, Корниловъ заявилъ на собраніи бывшихъ тогда въ Ставкѣ представителей комитетовъ, что предастъ суду Войтинскаго и Парскаго за то, что тѣ не даютъ правильной картины о положеніи въ арміи, т. е. не взваливаютъ вину на солдатъ.

Хотя хронологически потеря нами Якобштадта случилась нѣсколько позже, но логически и бытовымъ образомъ картина этого нашего отступленія связана съ картиной отступленія подъ Ригой, и я вынужденъ изобразить ее здѣсь.

Свѣдѣнія о началѣ наступленія нѣмцевъ на Якобштадтъ были получены мною около часу дня. Къ вечеру выяснилось, что плацдармъ очищенъ. На другой день рано утромъ я былъ уже въ штабѣ 38 отдѣльнаго корпуса, защищавшаго плацдармъ и цѣлый день объѣзжалъ всѣ штабы дивизій. Вечеромъ оказался въ штабѣ дивизіи, стоявшей на правомъ флангѣ отъ мѣста прорыва.

Начальникъ дивизіи оживленно и горячо разсказывалъ мнѣ о всѣхъ перипетіяхъ «боя». Прежде всего разсыпался похвалой по адресу войскъ. Даже получивъ уже приказъ объ отступленіи, солдаты не вѣрили и не хотѣли уходить, желая продолжать сопротивленіе. Видя недовѣріе на моемъ лицѣ, начальникъ дивизіи

предложилъ мнѣ проѣхать въ полкъ, стоявшій въ первой линіи, и разспросить солдатъ и офицеровъ. «Всѣ разскажутъ вамъ, что не хотѣли уходить.» — Далѣе, чрезвычайное удовлетвореніе, что удалось отступить безъ всякихъ потерь... Вся дивизія, почти человѣкъ въ человѣка, благополучно была переброшена на правый берегъ. — И, наконецъ, весьма скромно: отступленіе дивизіи было рѣшено помимо распоряженія изъ корпуса. Начальникъ дивизіи съ полевой книжкой въ рукахъ доказывалъ мнѣ, что, по крайней мѣрѣ часа за полтора до приказа изъ корпуса, его дивизія начала отступленіе на правый берегъ.

Я слушалъ все это молча, изрѣдка задавая вопросы о подробностяхъ. Когда начальникъ дивизіи кончилъ, я задалъ вопросъ, извѣстна ли ему общая картина боя въ моментъ, когда онъ далъ приказъ объ отступленіи. — Картина эта, конечно, не могла быть извѣстной, такъ какъ связь между штабами была слишкомъ слабая для того, чтобы они могли обмѣняться своими свѣдѣніями. Я же, сводя — во едино все, что слышалъ въ штабѣ корпуса и въ штабахъ трехъ дивизій, а также въ полку и одной изъ ротъ, которыя были на участкѣ наступленія нѣмцевъ, нарисовалъ картину боя. Послѣ сравнительно короткаго и не особенно сильнаго артиллерійскаго боя (ни одинъ штабъ не былъ обстрѣлянъ, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ потерь) противникъ прорвалъ фронтъ около одной версты и силою никакъ не болѣе двухъ полковъ проникъ въ наше расположеніе и, не озираясь ни налѣво ни направо, шелъ впередъ, пока не достигъ штаба атакуемой дивизіи. Къ этому времени два полка противника были окружены со всѣхъ сторонъ нашими шестью полками, не считая силъ

атакуемой дивизіи, три изъ коихъ были подъ командой моего собесѣдника. Но какъ разъ въ этотъ моментъ былъ начатъ, сперва по собственному почину, а потомъ по приказу изъ штаба корпуса, отходъ на правый берегъ.

Мнѣ казалось, что собесѣдники были въ большомъ смущеніи.

— Такъ что́ же, по-вашему, нужно было рисковать судьбой всей дивизіи и, несмотря на опасность, быть отрѣзаннымъ отъ мостовъ, переходить въ наступленіе?

— Для страны лучше знать, что нѣсколько дивизій потеряно въ упорномъ бою, чѣмъ знать, что всѣ дивизіи всегда отступаютъ безъ потерь при первомъ натискѣ противника.

Начальникъ дивизіи былъ крайне огорченъ такой моей безоглядной воинственностью и пригрозилъ, что впредь онъ не будетъ думать о своевременномъ отступленіи.

Результаты моихъ наблюденій подъ Якобштадтомъ, съ чертежами и подробной исторіей всего боя по донесеніямъ и приказамъ, я свелъ въ брошюрѣ, которую напечаталъ (секретно) и разослалъ во всѣ штабы корпусовъ и въ штабы дивизій, участвовавшихъ въ бою. Несмотря на рядъ полученныхъ мною отзывовъ, правильность картины боя никѣмъ не оспаривалась.

Глава шестая.

ДѢЛО КОРНИЛОВА.

---

1. Политическая обстановка въ Петроградѣ.

Если наступленіе противника подъ Ригой только оттѣснило нашъ военный фронтъ, то въ Петроградѣ оно прорвало нашъ политическій фронтъ.

На петроградскомъ фронтѣ давно уже было неблагополучно. Послѣ неудачнаго наступленія 18-го іюня русская революція, въ сущности, попала въ тупикъ, лишилась своего поступательнаго движенія. Ея историческимъ значеніемъ, психологическимъ смысломъ и единственной государственной программой — былъ миръ. Быть можетъ, даже миръ «во что бы то ни стало». Но всѣ пути къ миру казались уже испробованными, и всѣ только отдаляли отъ мира. Настроеніе союзной демократіи начинало складываться все опредѣленнѣе противъ русской демократіи. Дипломатія — относилась къ Россіи съ явнымъ пренебреженіемъ, въ особенности послѣ того, какъ вступленіе въ войну Америки дало возможность спокойнѣе относиться къ мысли о выбытіи Россіи изъ строя. Противникъ, если и учитывалъ россійскую революцію, то только какъ ослабленіе русскаго фронта, какъ возможность мира за счетъ Россіи... Вѣдь даже германская

соціалъ-демократія стала безпокоиться о слабости Россіи, о той анархіи, которая тамъ воцарилась.

Ни мира, ни войны.

Временное Правительство вело напряженную работу по возстановленію боеспособности арміи усиленіемъ власти, обновленіемъ командного состава. Исполнительный Комитетъ велъ какіе-то переговоры съ представителями демократіи другихъ странъ. Но изъ вопроса первостепенной важности проблема мира и войны превратилась въ обыденную заботу, и если иногда выдвигалась опять на первый планъ, то уже какъ средство для сведенія другихъ политическихъ счетовъ. Даже когда вооруженныя для войны массы въ тылу проявляли явно безумное настроеніе; когда кронштадтскіе матросы собирались итти походомъ, всѣмъ флотомъ, на Петроградъ; когда приходилось вступать въ дипломатическія сношенія съ Красноярской республикой, основанной солдатчиной, опьяненной революціей и бездѣліемъ — и тогда эти явленія обсуждались не съ точки зрѣнія войны, а съ точки зрѣнія внутреннихъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ.

Коалиціонное Правительство, составленное для того, чтобы единымъ, консолидированнымъ авторитетомъ руководить массами, распалось тотчасъ, какъ только обозначилась неудача наступленія на фронтѣ. Кадеты, а за ними кн. Львовъ вышли изъ состава Правительства, недовольные соціальнымъ радикализмомъ лѣвой части его. Начался нескончаемый кризисъ власти, продолжавшійся почти мѣсяцъ и заполнявшій всѣ газеты того времени, кромѣ дней большевистскаго возстанія въ Петроградѣ и прорыва фронта подъ Тарнополемъ.

Аграрные безпорядки, паденіе производи-

тельности на заводахъ, параллельно съ все-растущей требовательностью рабочихъ, пониженіе личной безопасности, постоянные случаи грабежей и убійствъ, совершаемыхъ безнаказанной и вооруженной толпой, словомъ, всѣ признаки, что война національная начинала переходить въ войну соціальную, напугали правые и умѣренные круги. На демократизмъ, на волю народную, на Учредительное Собраніе надежды были уже брошены: вѣдь муниципальные выборы по всей Россіи дали подавляющее большинство соціалистамъ. И выдвигается формула: выборы при современныхъ условіяхъ не могутъ дать точной картины разумной воли народа. Къ личнымъ мотивамъ напуганныхъ, терроризованныхъ, идущихъ на встрѣчу матеріальному разоренію людей, присоединились и для многихъ безусловно доминировали мотивы государственнаго порядка: власть слишкомъ слаба, не хочетъ и не умѣетъ приказывать массѣ, которая стала нестойкой на фронтѣ, и это грозитъ русскому государству и всему будущему страны величайшими бѣдствіями. Не спрашивать, не совѣтоваться, не убѣждать, а приказывать и принуждать надо. И начинаются судорожные поиски власти, которая могла бы не убѣждать, а только приказывать.

Какъ разъ противоположную эволюцію продѣлывало лѣвое крыло общественности. Съ такимъ же безпокойствомъ слѣдя за признаками растущей анархіи и болѣзненными психическими процессами въ массахъ, лѣвые круги сочли наиболѣе правильнымъ итти на уступки въ соціальной области, въ особенности въ аграрной, дать такъ много, чтобы не оставалось ничего требовать, подкупить массы, купить у нихъ повиновеніе.

Это уже не было двумя мнѣніями, это было

уже двумя процессами развитія соціальныхъ настроеній. И неминуемо долженъ былъ наступить разрывъ.

Правда, Керенскому въ концѣ іюля удалось организовать нѣчто въ родѣ коалиціоннаго Правительства, послѣ формальнаго объединенія обоихъ крыльевъ общественности. Но это лишь прикрыло, но не ликвидировало кризиса ... Или точнѣе, — локализировало его въ самомъ Правительствѣ.

Это я видѣлъ собственными глазами во время послѣдняго пребыванія въ Петроградѣ, наканунѣ Государственнаго Совѣщанія въ Москвѣ. Поѣхалъ я тогда въ Петроградъ для того, чтобы выяснить возможность моей дальнѣйшей работы на фронтѣ. Съ назначеніемъ Савинкова Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ и Филоненко Верховнымъ Комиссаромъ, мое положеніе стало довольно неопредѣленнымъ, потому что я потерялъ контактъ съ фактическими руководителями Военнаго Министерства, а работать на фронтѣ въ качествѣ представителя Правительства можно было, только чувствуя увѣренно всѣ оттѣнки настроеній на верху. Тутъ, мнѣ казалось, не только не было пониманія, но съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что пониманія и быть не можетъ. Это были скорѣе мелочи, чѣмъ крупныя разногласія. Но мелочей было такъ много, и онѣ были такъ досадны, что мѣшали работѣ. Въ особенности, во всѣхъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ Филоненко чувствовалось что-то бюрократически-властное, ненужно-формальное. Мнѣ подчасъ казалось, что институтъ комиссаровъ онъ хотѣлъ обратить въ какой-то новый родъ оружія, на ряду съ пѣхотой и артиллеріей и т. д., строго централизованный, построенный на принципѣ формальнаго подчиненія.

Отправляясь въ Петроградъ я имѣлъ уже готовое рѣшеніе уйти въ отставку и поступить офицеромъ въ одинъ изъ полковъ на фронтѣ для того, чтобы убѣдиться, что можно сдѣлать офицеру въ арміи при современныхъ условіяхъ.

Однако съ Савинковымъ мнѣ удалось видѣться только мелькомъ. Утромъ, немедленно послѣ моего пріѣзда, я отправился къ нему. У него сидѣлъ министръ исповѣданій Карташевъ. Савинковъ просилъ меня зайти вечеромъ поговорить подробнѣе. Вечеромъ я засталъ у него Филоненко, пріѣхавшаго въ Петроградъ вмѣстѣ съ Корниловымъ. Савинковъ сообщилъ мнѣ, что онъ уже частное лицо, такъ какъ подалъ въ отставку, и отставка принята. Я высказалъ сожалѣніе.

О причинѣ конфликта я зналъ уже отъ Керенскаго, который далъ мнѣ ознакомиться съ запиской Корнилова и просилъ меня высказать мнѣніе о ней. Въ запискѣ этой, подписанной Корниловымъ, Савинковымъ и Филоненко, указывалось на необходимость немедленнаго проведенія цѣлаго ряда существенныхъ мѣръ въ арміи и въ тылу. Въ сущности, по отношенію къ арміи, предлагались не столько опредѣленныя мѣры, сколько опредѣленныя тенденціи къ сокращенію полномочій комиссаровъ, и къ установленію законныхъ рамокъ дѣятельности комитетовъ; говорилось о введеніи снова института отданія чести и дисциплинарныхъ взысканій. Для тыла требовалось введеніе смертной казни за рядъ преступленій и милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ и всѣхъ отраслей промышленности, связанныхъ съ войной. Я сказалъ, что записка, въ общемъ, формулируетъ тѣ задачи, которыя, насколько я понимаю, ставитъ передъ собой само Правительство (если исключить милитаризацію дорогъ и про-

мышленности). Но она написана въ такомъ вызывающемъ тонѣ, что ея опубликованіе можетъ привести къ большимъ бѣдствіямъ. Опубликовывая ее надо было рѣшиться итти уже открыто противъ комитетовъ, но не разсчитывать на ихъ помощь. И дѣло было въ тактѣ, тонѣ, а не въ существѣ. Таково было, приблизительно, мнѣніе и Керенскаго.

Но я видѣлъ, что Керенскому въ этомъ вопросѣ приходится выдерживать напоръ серьезнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ вліяній. Я видѣлъ у него Кокошкина и Сорокина и рядъ другихъ лицъ, толкавшихъ въ одномъ и томъ же направленіи — принятія записки въ качествѣ Правительственной программы. Я самъ на себѣ испыталъ вліяніе этихъ силъ. Не успѣлъ я войти въ Военное Министерство, какъ на меня буквально наскочилъ одинъ изъ друзей Керенскаго и сталъ говорить о томъ, что единственное спасеніе Россіи въ ... Савинковѣ. То же самое мнѣ подробно, хотя и осторожнѣе развивалъ Степунъ. То же писали «Биржевыя Вѣдомости», въ ту же сторону гнула «Рѣчь»...

Со Степуномъ у меня былъ весьма интересный разговоръ. Онъ доказывалъ мнѣ, что Керенскій слабъ, нерѣшителенъ; что, вѣчно колеблясь самъ, онъ только мѣшаетъ другимъ. Я же убѣждалъ его въ необходимости примиренія. Иллюстрируя фактами изъ жизни фронта, я доказывалъ что, хотя поворотъ въ сторону сильной власти нуженъ, но онъ невозможенъ внѣ условій постепенности и осмотрительности; я соглашался съ общимъ направленіемъ политики Савинкова, но при условіи, что она будетъ проводиться подъ руководствомъ Керенскаго, который шире, всестороннѣе воспринимаетъ русскую жизнь и не дастъ совершить недопустимо крутой

поворотъ, гарантируетъ противъ авантюръ. Степунъ обѣщалъ соотвѣтственно воздѣйствовать на Савинкова, я же долженъ былъ убѣждать Керенскаго вернуть Савинкова.

Теперь я ясно представлялъ себѣ атмосферу въ Петроградѣ послѣ такого крупнаго событія, какъ паденіе Риги. Поэтому, какъ только выяснилось, что противникъ послѣ взятія Риги и отступленія 12-ой арміи не засѣдаетъ, я вмѣстѣ съ Войтинскимъ отправился въ Петроградъ, чтобы сдѣлать докладъ о событіяхъ.

Немедленно послѣ пріѣзда я былъ вызванъ Керенскимъ, котораго я засталъ въ большой тревогѣ. Первымъ его вопросомъ было, почему я пріѣхалъ, не случилось ли чего-нибудь. Я отвѣтилъ, что армія остановилась на Венденскихъ позиціяхъ и, повидимому, удержится тамъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло... А въ штабѣ фронта ничего?

И Керенскій разсказалъ мнѣ объ ультиматумѣ Корнилова.

Я высказалъ твердое убѣжденіе, что Корниловъ, выступая противъ Временнаго Правительства и отметая всѣхъ дѣятелей революціи, не имѣетъ ни одного шанса на успѣхъ. Армія не признаетъ его ни на одинъ день. Но, вообще, нужно все сдѣлать, чтобы предотвратить конфликтъ, такъ какъ армія не выдержитъ его.

Керенскій просилъ меня немедленно снестись съ сѣвернымъ фронтомъ, выяснить положеніе дѣлъ тамъ и предупредить Главнокомандующаго о возможномъ конфликтѣ. Я отправился на телеграфъ говорить съ Клембовскимъ и арміями. Между прочимъ, отправилъ также телеграмму

Корнилову съ довольно наивными, но искренними заклинаніями не доводить дѣло до разрыва, такъ какъ конфликтъ между Ставкой и Правительствомъ прежде всего сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ и даже отчаяннымъ положеніе офицерства.

2. Керенскій, Савинковъ, Корниловъ.

Хотя въ дни кризиса я почти безотлучно находился въ Зимнемъ Дворцѣ, но я былъ настолько занятъ сношеніями со своимъ фронтомъ, что возстановить полную картину событій мнѣ не подъ силу: тѣмъ болѣе, что она складывалась изъ массы мелочей, маленькихъ недоразумѣній, дѣйствій второстепенныхъ лицъ. Однако, мнѣ приходилось сталкиваться въ очень интересные моменты съ Савинковымъ, Керенскимъ, Филоненко, Некрасовымъ, и мнѣ картина неопровержимо рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Имѣя въ основѣ своей глубокія и органическія, давно складывавшіяся настроенія различныхъ слоевъ населенія, весь конфликтъ ярко окрашенъ особенностями главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Я видалъ Керенскаго въ разные періоды его жизни. И, несмотря на неразрушимую привязанность къ нему и уваженіе къ его характеру, я никогда не терялъ способности относиться критически къ его словамъ и дѣйствіямъ. До войны даже было обычнымъ, что наши позиціи рѣзко отличались, и мы были настолько политическими антагонистами, насколько это возможно членамъ одной политической организаціи. Но, во время революціи, я не могъ не видѣть, что это совершенно исключительный человѣкъ, особаго масштаба, по крайней мѣрѣ, по сравне-

нію со всѣми другими дѣятелями того времени. Онъ первый вѣрно и ярко созналъ существо и неотвратимость переворота, безъ колебаній отдавшись ему всѣмъ своимъ существомъ. Но въ революціи онъ видѣлъ дѣло не одного политическаго теченія, а всего народа, и этимъ объясняется, что, идя въ разрѣзъ со своими товарищами, онъ принялъ участіе во Временномъ Правительствѣ.— И, сдѣлавшись министромъ онъ сразу сталъ, дѣйствительно, человѣкомъ власти. Съ пафосомъ революціонера воспринимая переворотъ, надѣвши черную скромную куртку, пожимая руки швейцарамъ и солдатамъ, онъ все же былъ дѣйствительнымъ и, быть можетъ, единственнымъ министромъ, фактическимъ руководителемъ своего вѣдомства, заставлявшимъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ — и новыхъ, своихъ вчерашнихъ друзей, и старыхъ, вчерашнихъ противниковъ-бюрократовъ, и высшихъ, директоровъ департамента, и низшихъ, того же швейцара — работать съ необычнымъ напряженіемъ: количество изданныхъ при немъ по министерству юстиціи законовъ совершенно исключительно, при чемъ законы эти поражаютъ какъ революціонностью содержанія, такъ и законченностью техники. Онъ не былъ похожъ на того коллегу-министра, который въ день одного изъ тяжкихъ правительственныхъ кризисовъ считалъ необходимымъ подчеркнуть свой демократизмъ, стоя въ хвостѣ очереди за газетой — ему въ министерскую квартиру (гдѣ, впрочемъ, онъ жилъ, какъ впослѣдствіи и во Дворцѣ, скромнѣе, чѣмъ до революціи) приносили утромъ готовыя и систематизированныя вырѣзки изъ всѣхъ газетъ, которыя онъ внимательно не только проглядывалъ, но и изучалъ. — Но онъ, наиболѣе восторженно и ярко чувствовавшій размахъ и радость рево-

люціи и умѣвшій использовать для народа возможности ея, умѣлъ больнѣе другихъ и скорбѣть за нее. Помню, что уже въ одну изъ первыхъ встрѣчъ со мною, послѣ того какъ онъ сталъ министромъ, онъ въ отчаяніи жаловался что «друзья» слѣва сумѣли въ нѣсколько дней такъ испортить революцію. И онъ первый нашелъ рѣшительныя слова для выраженія своихъ опасеній передъ самими массами — вѣдь никто, кромѣ него, не осмѣливался въ мартѣ мѣсяцѣ бросать петроградскому гарнизону слова: «взбунтовавшіеся рабы»... Онъ первый изъ дѣятелей революціи понялъ необходимость поворота отъ словъ къ дѣйствіямъ и организаціи твердой власти, и для этого, преодолѣвая оппозицію своихъ партійныхъ друзей и комитета, онъ выбралъ себѣ помощникомъ Савинкова. Онъ сдѣлалъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Корнилова, который при старомъ строѣ не могъ двинуться дальше дивизіоннаго командира и потерялъ кредитъ въ революціонныхъ кругахъ послѣ командованія гарнизономъ въ Петроградѣ. Преодолѣвая чрезвычайное количество всевозможныхъ вліяній, онъ издалъ приказъ о военно-революціонныхъ судахъ въ арміи. Но онъ былъ демократъ. Онъ соглашался и готовъ былъ на чудовищныя усилія воли и мысли для того, чтобы поворачивать весь громадный корабль государственности и общественности въ ту сторону, гдѣ видѣлъ спасеніе. Но онъ хотѣлъ дѣлать это такъ, чтобы не только абстрактное представленіе о благѣ народа, но живое сочувствіе и пониманіе реальнаго большинства поддерживало его. Дѣйствовать не только для народа и во имя народа, но и согласно живой волѣ народа. Направлять большинство — вотъ задача, которую ему ставила его синтетическая натура; создать власть

въ порядкѣ демократическаго управленія страной — вотъ политическая формулировка этой задачи. Его темпъ былъ медленный — но вѣдь прыгать можно по Россіи, но нельзя заставить ее прыгать... Ничье мнѣніе онъ не воспринималъ цѣликомъ — но перерабатывалъ въ себѣ въ составную часть общенароднаго мнѣнія. Разорвать съ комитетами и партіями? — Онъ видитъ самъ дѣтскую безпомощность комитетовъ, онъ ненавидитъ Чернова. Но онъ понимаетъ, что само Учредительное Собраніе будетъ только большимъ всероссійскимъ комитетомъ. И такъ какъ въ маленькихъ комитетахъ онъ уже не безъ успѣха ведетъ борьбу и съ Черновымъ и съ Ленинымъ, то не боится дать имъ рѣшительный бой и въ большомъ комитетѣ. Онъ вѣритъ, что большинство можетъ понять и одобрить его стремленія. Конечно, онъ вѣрилъ въ народъ и, быть можетъ, даже нѣсколько идеализировалъ его... Но вѣдь и народъ вѣрилъ Керенскому и идеализировалъ его. Почему же народу простительно идеализировать одного человѣка, а одному человѣку непростительно съ вѣрой и любовью относиться къ своему народу? И поэтому часто въ словахъ ненависти къ Керенскому мнѣ слышались слова ненависти не только къ революціи, но и ко всему народу. Во всякомъ случаѣ, для того времени Керенскій воплощалъ собой единственно возможную въ Россіи линію государственной власти: и слѣва и справа была анархія и гражданская война. И не случайность, что съ паденіемъ Керенскаго пала и государственность Россіи.

Совершенно иной духовный складъ былъ у Савинкова. Керенскій былъ однимъ изъ очень немногихъ у насъ парламентскихъ дѣятелей. Савинковъ же — наиболѣе своеобразный, яркій, и

— не нахожу другого выраженія — ядовитый цвѣтокъ нашего подполья, разъѣденный мыслями, отравленный сомнѣніями. Право? Его подполье не знало. Мораль? А гдѣ ея грани, если перейдено «не убій»?... Воля большинства? Но Савинковъ не ожидалъ выявленія этой воли, когда вышелъ одинъ на бой за народъ, кто же въ правѣ теперь требовать отъ него, чтобы онъ поставилъ свое пониманіе блага народа на голосованіе толпы, тѣмъ болѣе, что толпа заблудилась и влечетъ къ гибели «трансцендентный» народъ, за который Савинковъ свою душу положилъ. Онъ чувствуетъ ясно противоположеніе только красиваго и некрасиваго, а, быть можетъ, даже только — яркаго и безцвѣтнаго... Но твердо знаетъ: въ минуту опасности нужно дѣйствовать... Рѣшительно ни передъ чѣмъ не останавливаясь, не оглядываясь ни направо ни налѣво и не особенно внимательно заглядывая впередъ; чѣмъ таинственнѣе, загадочнѣе и неожиданнѣе — тѣмъ лучше, тѣмъ больше увѣренности въ успѣхѣ. Конспирація — какъ методъ сношеній, заговоръ — какъ методъ управленія, хотя бы заговоръ противъ большинства.. И какъ трагическій урокъ — заговоръ противъ самого себя. — Какъ конспираторъ, Савинковъ недовѣрчивъ. Онъ привыкъ рѣшать одиноко, и ему не нужно товарищей, не нужно даже помощниковъ, а только исполнители, какъ кучка молоденькихъ офицеровъ около него, или — онъ самъ признаетъ это личной слабостью — поклонники, влюбленные въ его «красивость». Остальные — враги, или, въ лучшемъ случаѣ — толпа. А ужъ тѣмъ болѣе Савинковъ не могъ быть чьимъ-либо помощникомъ. Даже Керенскаго онъ хотѣлъ видѣть лишь орудіемъ своихъ плановъ, и онъ его возненавидѣлъ, какъ только съ негодо-

ваніемъ убѣдился, что Керенскій не заговорщикъ, а пытается честно быть конституціоннымъ министромъ.

Не столь яркой, но не менѣе значительной была фигура ген. Корнилова. Смѣлый въ бою, честный въ долгѣ и правдивый въ жизни — и еще десятокъ подобныхъ эпитетовъ: такъ говорили и такъ воспринимали его всѣ. Всѣ эти качества въ ихъ гармоническомъ сочетаніи, соединенныя съ серьезностью и даже нѣкоторой торжественностью его духовнаго склада, придавали ему обаяніе и непререкаемый личный авторитетъ, привлекали всеобщее вниманіе и довѣріе. Судьба не дала ему возможности доказать свои стратегическіе таланты: отступленіе изъ Галиціи выявило его личное, безспорное мужество, какъ и бѣгство изъ плѣна; лавры взятія Галича оспаривалъ у него, и, повидимому, не безъ основаній, Черемисовъ. Несомнѣнно слабой стороной Корнилова была неспособность, неумѣніе наладить административную сторону дѣла, подобрать себѣ сотрудниковъ: его ближайшіе сотрудники въ Петроградѣ постоянно жаловались на его неспособность работать и руководить дѣломъ, на тяжелый характеръ и даже мелочность, а, между тѣмъ, выборъ помощниковъ зависѣлъ отъ него самого. Его назначенія въ арміи были крайне странныя — я уже упоминалъ о назначеніи Парскаго и объ инцидентѣ Лечицкій-Клембовскій. Его политическія стремленія? Въ Исполнительномъ Комитетѣ онъ говорилъ противъ царскаго режима — я не думаю, чтобы Корниловъ унизился до притворства. Несомнѣнно, онъ сочувствовалъ реформаторскимъ стремленіямъ. Но также несомнѣнно, что онъ не былъ демократомъ, въ смыслѣ стремленія предоставить власть народу: какъ всякій старый

военный, онъ всегда былъ подозрительно насторожѣ по отношенію къ солдату и «народу» вообще: народъ славный, что и говорить, но надо за нимъ присматривать, не то онъ избалуется, распустится. Противъ царскаго строя онъ былъ именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, дѣловитый характеръ... Хозяинъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, и нуженъ былъ новый хозяинъ, болѣе толковый и практичный. Революція только доказала правильность его подозрительности къ народу и солдату: и онъ жадно ловитъ признаки народной распущенности, чтобы убѣдить и себя и другихъ въ необходимости рѣшительныхъ мѣръ. Онъ пытается побудить къ этому Правительство и подаетъ записку, гдѣ, на ряду съ мѣрами, не вызывающими сомнѣнія, имѣются такія мѣры, какъ милитаризація желѣзныхъ дорогъ... И тонъ всей записки таковъ, что Керенскій вынужденъ хранить ее въ строжайшей тайнѣ, такъ какъ достаточно, чтобы о ней прослышали — и Корниловъ ни минуты не могъ бы остаться на своемъ посту. Но Корнилова не убѣждаютъ увѣренія Керенскаго, что Правительство тоже стремится къ твердой власти, но лишь опираясь на народъ... Это совсѣмъ не то, что понимаетъ генералъ Корниловъ. Для Керенскаго ясно — Учредительное Собраніе было ни чѣмъ инымъ, какъ большимъ всероссійскимъ комитетомъ, съ тѣми же тенденціями, стремленіями и лицами и съ тѣми же возможностями... Поэтому нельзя порывать съ маленькими комитетами. Но Корниловъ склоненъ къ иному выводу — тогда надо подготовить независимость власти и отъ большого комитета.

---

3. Конфликтъ.

Ходъ событій былъ таковъ. Послѣ паденія Риги Савинковъ отправился въ Ставку, между прочимъ, съ требованіемъ, чтобы къ Петрограду были придвинуты надежныя войска. Савинкову, какъ ему казалось, удалось, послѣ нѣкоторыхъ треній, добиться полнаго единодушія со Ставкой.

Но 26-го августа, уже послѣ возвращенія Савинкова въ Петроградъ, изъ Ставки пріѣхалъ В. Львовъ, бывшій оберъ-прокуроръ синода, и отъ имени Корнилова предъявилъ Керенскому требованіе о томъ, чтобы въ Петроградѣ было объявлено военное положеніе, чтобы Правительство передало всю полноту военной и гражданской власти Верховному Главнокомандующему, при чемъ до образованія новаго правительства всѣ вѣдомства должны были управляться товарищами министровъ, и чтобы Керенскій и Савинковъ немедленно выѣхали сами въ Ставку. Требованія Львовъ изложилъ въ письменной формѣ.

Керенскій тотчасъ снесся съ Корниловымъ по прямому проводу. Корниловъ подтвердилъ, что Львовъ дѣйствовалъ по его полномочію, и что онъ, настаивая на немедленномъ рѣшеніи вопроса, ожидаетъ пріѣзда въ Ставку Керенскаго и Савинкова.

Немедленно послѣ этого Львовъ былъ арестованъ. Правительство облекло Керенскаго чрезвычайными полномочіями. Корнилову была послана телеграмма о его смѣщеніи, а 27-го августа Керенскій издалъ воззваніе къ населенію о событіяхъ, а Корниловъ издалъ прокламацію противъ Правительства, утверждая, что Правительство дѣйствуетъ въ согласіи съ планами германскаго штаба.

Трудно установить, что именно произошло между дѣйствующими лицами.

Несомнѣнно, общимъ было стремленіе сказать какое-то новое слово, соотвѣтствующее всей тревогѣ и смятенію страны, найти выходъ. Керенскій въ день моего пріѣзда говорилъ, что онъ рѣшилъ ввести въ арміи дисциплинарныя взысканія. Вѣроятно, онъ готовъ былъ предложить Правительству и другія рѣшительныя мѣры, подготавливая къ нимъ партіи и представительные органы демократіи. Но именно въ послѣднемъ было его отличіе отъ Савинкова, который считалъ и излишнимъ и вреднымъ тратить силы на сговоръ и убѣжденіе всякихъ наивныхъ, неопытныхъ комитетчиковъ и считалъ, что Правительство въ правѣ воспользоваться тяжелымъ военнымъ положеніемъ и взять на себя отвѣтственность за рѣшительные шаги къ оздоровленію тыла и фронта, идя даже на разрывъ со всѣми совѣтами и комитетами. Корниловъ былъ самъ убѣжденъ, да и не могъ не убѣдиться подъ вліяніемъ разговоровъ Савинкова и Филоненко, что Керенскій слабый человѣкъ, что Правительство, въ значительной его части неспособно что-либо сдѣлать; поэтому персональныя измѣненія въ Правительствѣ ему казались первостепеннымъ дѣломъ на ряду съ измѣненіемъ и самаго принципа власти — полной независимости отъ партій и комитетовъ.

Были моменты, когда всѣ дѣйствующія лица вѣрили въ то, что они дѣйствуютъ не только въ одномъ направленіи, но одинаково рисуютъ себѣ и самый методъ дѣйствія. Происходило это оттого, что неумѣніе технически наладить работу характеризовало всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Кромѣ того, главнымъ посредникомъ въ переговорахъ былъ Савинковъ. Но онъ

цѣнилъ лишь динамическій моментъ — готовность къ движенію въ опредѣленную сторону — и относился довольно равнодушно къ «деталямъ»: напр., онъ былъ увѣренъ, что столковался съ Керенскимъ относительно существа записки, о которой я уже упоминалъ, въ то время какъ она оказалась полнѣйшей неожиданностью для послѣдняго. Поэтому и теперь онъ довольствовался своими переговорами въ Петроградѣ и въ Ставкѣ, находя, что онъ вездѣ «столковался». И какъ же не находить ему этого, если ему удалось добиться своего — двинуть къ Петрограду войска, которыя должны были обезпечить Правительству полную независимость.

Это ему казалось важнѣе всего. Движеніе 3-го коннаго корпуса происходило, несомнѣнно, по его иниціативѣ: иниціатива исходила изъ Петрограда, но Керенскій относился къ этому лишь какъ къ обычной мѣрѣ въ порядкѣ управленія, не придавая никакого особаго значенія, даже не думая много объ этомъ, между тѣмъ какъ для Савинкова это было началомъ или обстановкой своеобразнаго заговора противъ всесилія комитетовъ. Пусть будетъ сила, тогда Правительство сумѣетъ говорить иначе.

Но въ Ставкѣ дѣйствовалъ еще Филоненко. Несомнѣнно, это была неизмѣримо меньшая фигура по сравненію съ прочими дѣйствующими лицами. Но Филоненко, быть можетъ, болѣе другихъ ясно видѣлъ и твердо зналъ, чего хотѣлъ. Онъ, еще будучи комиссаромъ въ арміи, говорилъ даже не особенно близкимъ людямъ, что хочетъ быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, и набиралъ своихъ сторонниковъ. Верховное комиссарство было только ступенью къ власти, къ которой онъ шелъ неуклонно, но въ послѣднее время, быть можетъ, нѣсколько торопливо. Те-

перь же Филоненко уже предвкушалъ, что въ порядкѣ готовящихся перемѣнъ онъ можетъ достичь тѣхъ постовъ, къ которымъ его давно тянуло. Но онъ уже давно опасался, что около Корнилова, той оси, вокругъ которой, по планамъ Савинкова, долженъ былъ произойти переворотъ, стали орудовать другія лица, которыя тянули въ такую сторону, гдѣ уже не было мѣста для Филоненко. И онъ поднимаетъ тревогу изъ-за Лукомскаго, настаивая на его удаленіи.

Но какъ разъ въ моментъ, когда Савинковъ пріѣхалъ со своимъ планомъ движенія войскъ, эти круги стали брать верхъ надъ Корниловымъ. Послѣдній, страннымъ образомъ, становится пассивнымъ, податливымъ. Ясно, что онъ попрежнему раздраженъ и негодуетъ. Онъ, возможно, не хочетъ быть только выполнителемъ намѣреній такого слабаго, такого поддающагося толпѣ Правительства. Но онъ еще менѣе готовъ служить орудіемъ фантастическихъ плановъ бывшаго террориста, быть можетъ, ищущаго только новыхъ впечатлѣній. Собственной линіи поведенія онъ, однако, не имѣетъ и отдается во власть окружающихъ вліяній, быть можетъ, просто потому, что «Не все ли равно»...

Но круги въ Ставкѣ, Аладьинъ, Завойко, Лукомскій, знаютъ, чего хотятъ. Для Керенскаго вывозъ войскъ къ Петрограду былъ только простымъ актомъ осторожности, мѣры для защиты порядка и власти противъ возстаній и безпорядковъ, какъ опора и для Правительства и для поддерживающихъ его комитетовъ. Для Савинкова это было однимъ изъ заговоровъ развертывающейся революціи, нуждающейся въ сильной власти и сметающей все слабое, вялое, неспособное революціонно-властно править госу-

дарствомъ—сила, обезпечивающая Правительство и противъ комитетовъ. Для Ставки это было своеобразнымъ походомъ за землю и волю для тѣхъ, кто потерялъ ее во время революціи, карательной экспедиціей на красный революціонный Петроградъ, силой противъ комитетовъ и Правительства. Они поняли, что Савинковъ и Керенскій, котораго они ошибочно соединяли, хотятъ совершить какой-то переворотъ при помощи Ставки. Этого только и нужно было. Они торопливо соглашаются на всѣ требованія и условія: и о непосылкѣ дикой дивизіи и о неназначеніи командующимъ корпусомъ Крымова... Они пользуются даже нѣсколько комичной фигурой самочиннаго «спасателя отечества» В. Львова, который, въ общемъ, тоже говорилъ о какомъ-то переворотѣ, и спѣшатъ при его посредствѣ, вызвать Керенскаго и Савинкова въ Ставку. Они увѣрены, что тѣ пріѣдутъ, не могутъ не пріѣхать: вѣдь они сами затѣяли все дѣло, а, главное, на всѣхъ путяхъ къ Петрограду уже стоятъ надежныя войска подъ командой Крымова, въ томъ числѣ и дикая дивизія.

Но тутъ разногласіе обнаружилось. В. Львовъ привезъ атмосферу Ставки въ болѣе точной передачѣ, чѣмъ Савинковъ, и Керенскій сразу почувствовалъ цѣлую пропасть, отдѣляющую его политику отъ предположеній Ставки. Но тутъ и Савинковъ понялъ, что Ставка идетъ своимъ собственнымъ путемъ, и произошелъ разрывъ.

Третій конный корпусъ сталъ двигаться по соглашенію. Но теперь Савинковъ увидѣлъ, что онъ идетъ только по волѣ одной Ставки, внѣ контроля Керенскаго и его собственнаго. Послѣднее особенно важно, ибо тутъ, быть можетъ, разгадка всего конфликта. Для Керенскаго это не такъ страшно, ибо онъ въ заговоры самъ

не особенно вѣритъ и имѣетъ, на кого опереться. Но — Савинкову, не на кого больше опереться: вѣдь онъ самъ — заговорщикъ, подстроившій заговоръ противъ самого себя, такъ какъ, конечно, если власть въ Петроградѣ перейдетъ къ Лукомскимъ, то первымъ будетъ сметенъ бывшій террористъ. Теперь уже для Савинкова рѣшительно все равно, что говоритъ Ставка, Львовъ, Корниловъ. Дѣло въ томъ, что корпусъ надвигается. Надвигаются казаки, о которыхъ съ такимъ уваженіемъ всегда говорилъ Савинковъ, и онъ уже ясно видитъ картину входа казаковъ въ Петроградъ и слишкомъ хорошо знаетъ последствія такого входа. Но Ставка и не скрываетъ своихъ намѣреній. Она, не стѣсняясь, заявляетъ, что она иначе думаетъ, чѣмъ Правительство, и не собирается болѣе слѣдовать его директивамъ.

Я живо помню настроенія, которыя были у насъ, когда конфликтъ разразился, когда была послана телеграмма Керенскаго о смѣщеніи Корнилова и телеграмма Корнилова съ обвиненіями Правительства въ томъ, что оно служитъ на пользу германскому штабу. Мнѣ кажется, что Керенскій не точно воспринималъ эти настроенія: онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ событій, въ своей книгѣ, жаловался, что были часы, когда онъ былъ всѣми покинутъ... Но пустынность Зимняго Дворца объяснялась просто: во главѣ борьбы съ Корниловымъ сталъ военный губернаторъ Петрограда Савинковъ, и, конечно, онъ никого не могъ привлечь. Все комитетское — естественно отшатнулось отъ него. Все противо-комитетское — пассивно, выжидало событій, если только не могло активно присоединиться къ Корнилову. Я самъ, для очистки со-

вѣсти, предложилъ Савинкову использовать меня въ качествѣ простого офицера, но я былъ радъ, когда онъ отказался отъ этого, и я могъ почти совсѣмъ отойти въ сторону, если не считать заботъ о сѣверномъ фронтѣ. Всѣ мы были словно оглушены отчаяніемъ, что совершилась драма, разрушающая все. О степени оглушенія можно судить по тому, что даже послѣ всенароднаго разрыва Ставки и Правительства дѣлались попытки найти какое-то примиреніе. Между прочимъ, я самъ нѣсколько часовъ носился съ мыслью о томъ, чтобы во главѣ Правительства сталъ Савинковъ, если только Ставка согласится признать его. Но это, конечно, было явно безнадежно, или поздно, какъ сказалъ Степунъ. И въ концѣ концовъ оставалось только рисовать себѣ картину сгоранія фронта и гибели послѣднихъ остатковъ организованности.

Положеніе Правительства казалось тяжкимъ, если не безнадежнымъ. На всѣхъ подступахъ къ Петрограду стояли войска Ставки. Штабы всѣхъ фронтовъ были обезпечены для Корнилова. Въ Петроградѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, одиноко сидѣлъ Керенскій, покинутый всѣми. Солдаты петроградскаго гарнизона не хотѣли никуда выходить. Казалось, вся формальная, цифровая сторона была за Ставку.

Но это были расчеты формальной стратегіи, не учитывающей духа войскъ. И я былъ правъ, когда говорилъ Керенскому, что ни одного шанса не имѣетъ выступленіе Корнилова. И такъ было видно, что поворотъ Керенскаго былъ очень крутъ и связанныя съ нимъ мѣры съ трудомъ проводились въ жизнь, при постоянномъ давленіи на представительство солдатскихъ массъ. Все же онъ былъ осуществимъ. Корниловскій же поворотъ былъ уже тѣмъ непріемлемъ, что онъ

былъ совершенно безнадеженъ. Даже если бы удалось занять Петроградъ и всецѣло овладѣть всѣми штабами фронтовъ, — они не могли бы справиться съ арміей, гдѣ все активное, говорящее и дѣйствующее было бы единымъ фронтомъ противъ новой власти. Вѣдь даже если бы все офицерство единодушно поддержало новое правительство — оно ничего не могло бы сдѣлать, такъ какъ солдаты съ особымъ недовѣріемъ отнеслись бы къ своимъ начальникамъ, вдругъ возвратившимся съ пляжа въ роту... Въ лучшемъ случаѣ, при наиболѣе организованной акціи всѣхъ анти-революціонныхъ силъ — фронтъ сгорѣлъ бы въ пожарѣ внутренней борьбы. Но и этого не было.

Въ этомъ я убѣдился прежде всего по событіямъ, разыгравшимся на сѣверномъ фронтѣ. Ставка недальновидно считала достаточнымъ завѣриться въ симпатіи Клембовскаго для того, чтобы считать фронтъ своимъ. Но она упустила изъ виду Савицкаго... Упустила изъ виду просто потому, что никто Савицкаго и не зналъ. Но въ минуту конфликта унтеръ-офицеръ Савицкій оказался сильнѣе Главкосѣва Клембовскаго.

Я уже упоминалъ, что, послѣ перваго разговора съ Керенскимъ, я отправился на телеграфъ сноситься съ сѣвернымъ фронтомъ. Эти сношенія только подтвердили, что Ставка уже рѣшилась на какой-то ударъ. Сперва я долго не могъ добиться соединенія съ кабинетомъ главнокомандующаго, такъ какъ мнѣ все отвѣчали, что занято Ставкой. Наконецъ, соединеніе дали. Въ очень сдержанныхъ и туманныхъ выраженіяхъ я далъ понять, что между Ставкой и Правительствомъ создались нѣкоторыя затрудненія, которыя даютъ поводъ Правительству опа-

саться неосторожныхъ шаговъ со стороны Ставки. Правительство надѣется, что Клембовскій постарается оградить фронтъ отъ внутреннихъ потрясеній, и было бы радо, если бы онъ сообщилъ Ставкѣ о своемъ намѣреніи дѣйствовать въ согласіи съ директивами Правительства. Клембовскій отвѣтилъ, что его положеніе очень трудное, такъ какъ изъ Ставки онъ получаетъ какъ разъ противоположныя указанія... Потомъ онъ началъ говорить о томъ, что молитъ Господа Бога оградить фронтъ отъ ужасовъ гражданской войны и пр. Я счелъ безполезнымъ распространяться дальше, такъ какъ все еще вѣрилъ, что конфликтъ удастся ликвидировать. На другой день, когда разрывъ оформился, я еще разъ соединился съ нимъ и просилъ, чтобы онъ подтвердилъ, что признаетъ авторитетъ правительственной власти. Клембовскій не далъ такого завѣренія... Въ минуту начала гражданской войны — онъ оказался не съ Правительствомъ, значитъ — противъ Правительства.

Признаюсь, я былъ въ тревогѣ за сѣверный фронтъ. Тревога моя объяснилась тѣмъ, что такой поворотъ дѣла заставалъ насъ совсѣмъ неподготовленными, а, значитъ, неподготовленными и всѣ правительственныя и демократическія силы. Я зналъ, что въ Псковѣ центромъ всѣхъ демократическихъ организацій являлся мой комиссаріатъ. Псковскій совѣтъ былъ весьма слабенькій: единственно энергичный, но очень еще юный его предсѣдатель, трудовикъ Савицкій вошелъ въ мой комиссаріатъ начальникомъ одного изъ отдѣловъ; съ его уходомъ, въ совѣтѣ доминирующее положеніе занялъ никто иной, какъ генералъ Бончъ-Бруевичъ, очаровавшій весь совѣтъ своей усидчивостью въ немъ и умѣвшій пользоваться совѣтомъ, какъ угодно. Фронто-

вого комитета въ Псковѣ не было. Былъ только «Коморсѣвъ» для техническихъ сношеній армейскихъ комитетовъ со штабомъ фронта, но не имѣвшій никакой политической роли. Былъ еще комитетъ объединенныхъ сѣверныхъ организацій, «Искоборсѣвъ», но тоже очень блѣдный, при чемъ его предсѣдатель тоже вошелъ сотрудникомъ въ мой комиссаріатъ. Принимая во вниманіе, что Войтинскій былъ однимъ изъ лидеровъ Петроградскаго Комитета, — безспорно, мой комиссаріатъ былъ непререкаемымъ центромъ демократической общественной жизни въ Псковѣ въ то время. Поэтому, если мы были неподготовлены — то не былъ подготовленъ никто. Между тѣмъ, я былъ на фронтѣ около двухъ мѣсяцевъ и если иногда упоминалъ объ опасности справа, то только для того, чтобы нещадно высмѣивать и вышучивать этотъ излюбленный большевистскій аргументъ. То же, съ еще большей силой, дѣлалъ Войтинскій. Ни разу, не только при обсужденіи конкретныхъ мѣръ, мы не считались съ опасностью справа, но даже въ разговорахъ между собой не упоминали этого вопроса. Вопросъ о нашей самозащитѣ — стоялъ абсолютно внѣ поля нашего зрѣнія. Думать о самозащитѣ противъ Клембовскаго мнѣ казалось такъ же нелѣпымъ, какъ думать о самозащитѣ противъ Войтинскаго. Мы вполнѣ искренно въ этомъ отношеніи довѣряли штабу и главнокомандующему, даже не интересуясь, какія части стоятъ въ Псковѣ, надежны ли онѣ или нѣтъ. Бончъ-Бруевичъ мнѣ лично былъ всегда непріятенъ, но, разъ главнокомандующій считалъ его подходящимъ для роли начальника гарнизона, я не считалъ себя въ правѣ возражать противъ этого. Такимъ образомъ, если бы штабъ хотѣлъ арестовать насъ, онъ могъ бы сдѣлать это въ любую

минуту при помощи горсточки солдатъ, при чемъ сразу были бы обезглавлены всѣ общественныя организацiи въ Псковѣ.

Естественно, получивъ недвусмысленный отвѣтъ отъ Клембовскаго и зная, что около него имѣется энергичный, не скрывающiй своихъ симпатiй генералъ-квартирмейстеръ Лукирскiй, я былъ очень обезпокоенъ, тѣмъ болѣе, что, по несчастной, какъ мнѣ казалось, случайности, мы съ Войтинскимъ оба оказались въ Петроградѣ. Тѣмъ болѣе, что Ставка успѣла предупредить Клембовскаго раньше насъ. И около Пскова стоялъ 3-iй конный корпусъ.

Я телеграфировалъ Савицкому, назначая его отъ имени Керенскаго своимъ замѣстителемъ. На другой день уже онъ вызвалъ меня къ аппарату и сталъ жаловаться на неопредѣленность позицiи Клембовскаго. Въ серединѣ разговора онъ прервалъ сообщенiе словами, что ему мѣшаютъ говорить, не даютъ пользоваться телеграфомъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ возобновилъ разговоръ и сказалъ, что получилъ возможность вести бесѣду со мной, комиссаромъ сѣвернаго фронта, только послѣ того, какъ пригрозилъ занять телеграфъ своими войсками.

Если Клембовскiй еще колебался, то гарнизонъ, подобранный самимъ Клембовскимъ, не колебался ни минуты. Савицкiй, мало кому дотолѣ извѣстный, назначенный по телеграфу въ моментъ конфликта, могъ увѣренно обратиться къ любой кучкѣ солдатъ — пѣхоты, казаковъ, ординарцевъ и даже юнкеровъ — съ любымъ приказомъ, хотя бы дѣло шло объ арестѣ Главнокомандующаго, — и приказъ неукоснительно былъ бы выполненъ. Офицеръ на телеграфѣ хотѣлъ запретить ему сноситься со мной — но явно враждебное отношенiе къ этому запрету

со стороны телеграфистовъ и со стороны охраны телеграфа заставило отмѣнить приказъ. И Савицкій сталъ полнымъ хозяиномъ положенія. Въ слѣдующій разговоръ, выяснивъ, что съ Клембовскимъ все же нельзя сговориться, онъ просилъ меня назначить временнымъ Главнокомандующимъ кого-нибудь иного. Я хотѣлъ назначить Лукирскаго. Но Савицкій настаивалъ, что положеніе еще настолько неопредѣленно, что лучше назначить Бончъ-Бруевича. Я снесся по телефону съ Керенскимъ и въ формѣ телеграммы передалъ приказъ о назначеніи Бончъ-Бруевича. Смѣна Главнокомандующихъ произошла безъ всякихъ треній.

Но еще болѣе убѣдительную картину увидѣлъ я въ самомъ третьемъ конномъ корпусѣ. 30-го августа весь Петроградъ былъ еще полонъ слухами о наступленіи корниловскихъ войскъ. Въ штабѣ округа намъ сообщили, что корпусу данъ приказъ начать сегодня наступленіе на самый Петроградъ. Между тѣмъ, мы съ Войтинскимъ, наскучивъ сидѣніемъ въ Петроградѣ, рѣшили на автомобилѣ ѣхать въ Псковъ. Керенскій отговаривалъ меня, увѣряя, что я неминуемо попаду въ руки корниловцевъ, и что, во всякомъ случаѣ, надо подождать возвращенія отправившагося наканунѣ къ Крымову полк. Самарина. И мы съ Войтинскимъ даже заколебались, не ѣхать ли кружнымъ путемъ, черезъ Гдовъ... Но такъ какъ автомобиль былъ не особенно крѣпкій, то, въ концѣ концовъ, повернули на прямой путь — черезъ Гатчину и Лугу, въ какой-то интуитивной увѣренности, что никакой опасностью корниловцы намъ грозить не могутъ.

Въ Царскомъ селѣ (были слухи, что Царское уже занято) — никого. Въ Гатчинѣ — никого. Около станціи «Преображенской нашъ

автомобиль былъ остановленъ кавалерійскимъ разъѣздомъ. Мы, въ нѣкоторой тревогѣ, назвали себя. Видя колебанія разъѣзда, я разразился рѣзкими нападками на смутьяновъ, ведущихъ гражданскую войну, въ то время какъ конница нужна на фронтѣ противъ противника, и приказалъ шофферу ѣхать дальше. Проѣхавъ версту, мы увидали уже главныя силы: шла кавалерія, артиллерія, пѣхота — всего отрядъ въ нѣсколько тысячъ. Колебаться было поздно, и нашъ автомобиль въѣхалъ въ отрядъ. Вдругъ, въ кучкѣ нѣсколькихъ офицеровъ я узналъ предсѣдателя лужскаго комитета. Онъ подъѣхалъ ко мнѣ, и сразу выяснилось недоразумѣніе. Отрядъ состоялъ изъ частей лужскаго гарнизона, который, узнавъ отъ перебѣжчиковъ о предполагаемомъ на сегодня наступленіи третьяго коннаго корпуса, стоявшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Луги, въ экстренномъ ночномъ собраніи призналъ свои силы недостаточными для обороны и рѣшилъ отступать на Петроградъ для соединенія съ правительственными войсками.

— Гдѣ же корниловцы?

— Вѣроятно, уже прошли Лугу и идутъ за нами, а, можетъ быть, въ Лугѣ.

Мы все же поѣхали дальше. По дорогѣ до Луги — никого. Въ Лугѣ — тихо и спокойно и, къ превеликой радости обывателей, ни одного солдата на улицѣ. Разспросами узнали, что штабъ корпуса расположился въ шести верстахъ отъ Луги, въ сторонѣ отъ шоссе. Такимъ образомъ, путь на Псковъ былъ для насъ открытъ. Но Войтинскій не былъ удовлетворенъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ какое-то недоразумѣніе, и его надо выяснить. Если же штабъ корпуса, дѣйствительно, замышляетъ что-либо противъ Правительства, то ясно, что онъ не на-

дѣется на солдатъ, и мы сумѣемъ немедленно арестовать его. Я согласился, и мы повернули по проселочной дорогѣ. Добрались до деревни, гдѣ долженъ былъ находиться штабъ корпуса. Пусто. Спрашиваемъ жителей — оказалось, что рано утромъ казаки снялись съ мѣста и отправились въ сторону, противоположную отъ Петрограда, кажется, на Дно, при чемъ, уходя, казаки говорили, что они въ одинъ день собираются пройти верстъ 70. Это было уже бѣгствомъ, и даже паническимъ. При этихъ условіяхъ гнаться за корпусомъ было безцѣльно, и мы послали записку лужанамъ, чтобы тѣ прекратили свое «отступленіе на Петроградъ», и телеграмму въ Петроградъ о томъ, что оборона противъ корниловцевъ болѣе не нужна.

4. Послѣ дѣла Корнилова.

Болѣе детальныя свѣдѣнія о состояніи корниловскаго корпуса мы получили въ Псковѣ. Въ первый же день нашего пріѣзда намъ сообщили, что въ Псковѣ находится одинъ изъ вѣроятныхъ главныхъ сторонниковъ Корнилова — генералъ Красновъ. Его Корниловъ вызвалъ экстренно въ Ставку какъ разъ передъ конфликтомъ съ Правительствомъ и въ день конфликта назначилъ его командиромъ третьяго коннаго корпуса, такъ какъ Крымовъ долженъ былъ взять командованіе всѣми отрядами, оперирующими противъ Петрограда. Ясно было, что Красновъ не могъ не быть посвященъ во всѣ тайны заговора. Савицкій все же не рѣшился его арестовать, предложивъ генералу не выѣзжать изъ города. Послѣ короткой бесѣды съ Красновымъ, я предложилъ ему немедленно принять командованіе корпусомъ и скорѣе приво-

дить его въ порядокъ. Кажется, самъ Красновъ былъ нѣсколько изумленъ такимъ оборотомъ дѣла . . . Но я всѣмъ видѣннымъ уже былъ убѣжденъ, насколько правильной была наша позиція полнѣйшаго равнодушія ко всякимъ планамъ справа — реальной опасности тамъ не было, и можно было надѣяться, что послѣ урока корниловскаго возстанія никто не подумаетъ повторять его. Красновъ потомъ довольно часто приходилъ къ намъ, показывая свои приказы и пр. Онъ разсказывалъ, что никогда, даже послѣ самыхъ тяжкихъ боевъ, ему не приходилось видѣть такой полной дезорганизаціи и разстройства, какъ въ этомъ образцовомъ корпусѣ, послѣ его похода на Петроградъ; все перепуталось, смѣшалось, растянувшись, разбредшись на протяженіи отъ Луги до Витебска. Намъ тоже пришлось имѣть много хлопотъ съ этимъ корпусомъ, такъ какъ приходилось съ величайшимъ трудомъ уговаривать солдатъ встать подъ команду своихъ офицеровъ.

Мы достигали только формальныхъ результатовъ: офицеровъ перестали массами арестовывать . . . Но авторитетъ командного состава былъ навсегда уничтоженъ. Солдатская масса, увидѣвшая, какъ генералъ, Верховный Главнокомандующій, пошелъ противъ революціи, почувствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженной измѣной, а въ каждомъ человѣкѣ, носящемъ погоны, предателя. И тотъ, кто разубѣждалъ ее въ этомъ — казался ей тоже предателемъ. И тотъ же генералъ Даниловъ, который недавно хвалился, что армія его превращается въ военный университетъ, говорилъ теперь, что армія свалилась въ пропасть, и положеніе стало такимъ же тяжкимъ, какъ было три мѣсяца тому назадъ.

Прежде всего, самъ командный составъ оказался совершенно сбитымъ съ толку. Характерную въ этомъ смыслѣ фигуру представлялъ ген. Черемисовъ, назначенный Главнокомандующимъ Сѣвернаго Фронта на смѣну «совѣтскому» Бончъ-Бруевичу. Онъ всегда слылъ лѣвымъ генераломъ, и Исполнительный Комитетъ выдвигалъ его усиленно на высокіе командные посты, такъ что Керенскому съ трудомъ удавалось отстоять «своего» Корнилова передъ натискомъ сторонниковъ Черемисова. Теперь, послѣ паденія Корнилова, выдвиженіе Черемисова было неизбѣжнымъ. Вотъ образчикъ его линіи поведенія.

Въ Псковъ пріѣхалъ Виленкинъ для того, чтобы просить Черемисова не брать изъ 5-ой арміи броневой дивизіонъ, который своею надежностью составлялъ опору штаба и комитета во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Черемисовъ отказался и разразился упреками по адресу комитета.

— Вы придерживаетесь слишкомъ правой линіи поведенія. Поэтому солдаты не довѣряютъ вамъ, и вамъ нужна воинская сила. Будьте немного лѣвѣе и тогда обойдетесь безъ всякихъ броневыхъ дивизіоновъ.

— Самый правый въ комитетѣ я, отвѣтилъ Виленкинъ. Что же касается другихъ, то если сложить года, проведенные членами комитета на каторгѣ за лѣвизну ихъ убѣжденій, получится число большее, чѣмъ число вашихъ лѣтъ, г. генералъ. И если бы задача теперь была въ томъ, чтобы быть лѣвымъ и подыгрываться подъ настроенія массъ, то я давно сидѣлъ бы здѣсь на вашемъ мѣстѣ, внесенный на рукахъ солдатъ.

Тотъ же Черемисовъ въ Ревелѣ, на вопросъ матросовъ, нужна ли въ арміи дисциплинарная власть, заявилъ, что, по его мнѣнію, армія мо-

жетъ побѣждать и безъ такой власти, такъ какъ его корпусъ подъ Галичемъ доказалъ, что и свободная армія можетъ совершать подвиги.

Ревельское посѣщеніе мнѣ очень памятно. Впервые мнѣ пришлось столкнуться со стихіей чистаго большевизма: матросскія собранія состояли на девять десятыхъ изъ однихъ большевиковъ. Моей задачей было защищать передъ ними Временное Правительство. Понятно, нужна была величайшая осторожность. Но я чувствовалъ всю тщету попытокъ, такъ какъ само слово «Правительство» создавало какіе-то электрическіе токи въ залѣ, и чувствовалось, что волны негодованія, ненависти и недовѣрія сразу захватывали всю толпу. Это было ярко, сильно, страстно и непреодолимо и сливалось въ единодушный вопль: «Долой». И я склоненъ считать величайшимъ моимъ ораторскимъ подвигомъ, что мнѣ удалось сказать рѣчь до конца. — При возвращеніи нашемъ изъ Ревеля нашъ поѣздъ — поѣздъ Главнокомандующаго фронтомъ — облѣплялся дезертирами, которыми были полны станціи, и которые взлѣзали даже на крыши, откуда ихъ съ трудомъ сгоняли.

Та же картина была на фронтѣ. Иногда намъ приходилось переживать просто трагическія минуты, когда изъ штаба дивизіи передавались по аппарату телеграммы: «Солдаты такого-то полка оставили позиціи и пошли въ тылъ по направленію къ штабу дивизіи» . . . Черезъ четверть часа: «Къ солдатамъ полка, оставившаго позицію, присоединились такіе-то и такіе-то сосѣдніе батальоны и всѣ вмѣстѣ идутъ къ штабу дивизіи.» И такъ далѣе, черезъ каждые полъ, а то и четверть часа. Правда, въ концѣ концовъ какъ-то всѣ эти бунты и уходы кончались сравнительно мирно. Но ясно было — армія уже

не существовало. Но надвинулась опасность, что пассивное сопротивленіе замѣнится активной борьбой съ Правительствомъ подъ эгидой большевиковъ, которые вдругъ подняли головы и почувствовали себя полными хозяевами въ арміи: «Не мы ли говорили, что генераламъ и офицерамъ нельзя довѣрять»... Низшіе комитеты стали превращаться въ большевистскія ячейки. Всякіе выборы въ арміи давали изумительный приростъ большевистскихъ голосовъ. При этомъ нельзя не отмѣтить, что лучшая, наиболѣе подтянутая армія не только на сѣверномъ фронтѣ, но, быть можетъ, на всемъ русскомъ фронтѣ — 5-ая — первая дала большевистскій армейскій комитетъ. Наиболѣе дезорганизованная, имѣвшая во главѣ наиболѣе лѣвый комитетъ — 12-ая — дольше всѣхъ и мужественнѣе всѣхъ сопротивлялась большевикамъ, дѣйствуя даже съ оружіемъ въ рукахъ.

Разруха на фронтѣ увеличивалась политической разрухой въ Петроградѣ. Тамъ чувствовалось, что лозунгъ: «Войной на фронтѣ купить миръ въ тылу и на фронтѣ» — не далъ ожидаемыхъ результатовъ. На фронтѣ была не война, а только пораженія, и миръ международный отдалился еще болѣе. Въ тылу же уже явно грозила война. Поэтому демократическое совѣщаніе поразило даже самихъ иниціаторовъ чрезвычайнымъ разбродомъ мысли. Даже представители одной партіи выступали по всѣмъ вопросамъ не только разно, но діаметрально-противоположно. Мнѣній было такъ много, что ясно было, что мнѣнія нѣтъ вообще. И что было дѣлать и говорить? Каяться всенародно въ своихъ и чужихъ прегрѣшеніяхъ, какъ Зарудный? Или воздерживаться по всѣмъ вопросамъ, какъ предсѣдатель наиболѣе многочисленной фракціи,

Черновъ? Словомъ въ центрѣ полный разладъ и разбродъ. А справа? Ропотъ ворчанія, передаваемая шопотомъ клевета, медленное разъѣданіе послѣднихъ остатковъ авторитета власти, пафосъ озлобленнаго шипѣнія по угламъ. И лишь слѣва консолидація силъ и настроенія.

Отчасти вина за послѣдствія Корниловскаго дѣла, несомнѣнно, падаетъ на Правительство. Какъ ни какъ, совершилось открытое возстаніе Верховнаго Главнокомандующаго противъ Правительства. Возстаніе окончилось неудачей. Но побѣдители какъ бы стыдились своей побѣды. Лишь послѣ долгихъ переговоровъ и уговоровъ удалось убѣдить Алексѣева хоть для виду арестовать Корнилова, который былъ помѣщенъ въ Быховѣ подъ охраной своихъ вѣрныхъ текинцевъ. Начатое судебное дѣло тянулось безконечно... То же самое было и на периферіи. Штабъ сѣвернаго фронта пытался примкнуть къ возстанію. Но Клембовскій былъ только смѣщенъ, и потомъ мы же защищали его отъ нападокъ печати. Я помню, одинъ изъ комиссаровъ прислалъ мнѣ, когда я былъ уже въ Ставкѣ, негодующую телеграмму на мягкость по отношенію къ возставшимъ и требовалъ немедленнаго суда и примѣненія смертной казни. Я отвѣтилъ ему чрезвычайно рѣзкимъ выраженіемъ моего негодованія за недопустимое вмѣшательство въ дѣйствія судебной власти. Но если послѣ большевистскаго возстанія въ іюлѣ мѣсяцѣ многіе находили, что необходимо было на страхъ массѣ обрушиться карами на лидеровъ большевизма, не особенно разбираясь, кто правъ, кто виноватъ, то также законны были требованія суровой репрессіи теперь по отношенію къ тѣмъ, кто

былъ съ Корниловымъ. Государственная власть, которая хотѣла быть достойной этого имени, должна была желѣзной рукой расправиться съ мятежниками, не останавливаясь даже передъ невинной жертвой, лишь бы суровостью запугать массы, лишь бы не обратиться въ пугало, на которое уже не боялись садиться птицы. Это, можетъ быть, было бы злодѣяніемъ, но такимъ, которымъ создается сильное Правительство. Керенскій не пошелъ на такое злодѣяніе. Правъ онъ или нѣтъ?

Часть третья

Война въ странѣ

Глава первая.

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОЗСТАНIЕ.

1. Назначенiе въ Ставку.

Въ началѣ октября я въ Псковѣ получилъ телеграмму съ предложенiемъ немедленно прiѣхать къ Керенскому въ Ставку. Я приблизительно догадывался, о чемъ могла итти рѣчь: мои друзья изъ Петрограда уже предупреждали меня, что Исполнительный Комитетъ выдвинулъ мою кандидатуру въ Верховные Комиссары, да и Керенскiй говорилъ объ этомъ со мной. Но я всякiй разъ отклонялъ это, считая, что самъ Керенскiй является никѣмъ инымъ, какъ комиссаромъ. Болѣе того, я находилъ, въ особенности послѣ поѣздки съ Черемисовымъ въ Ревель, что и на фронтѣ можно обойтись безъ комиссара.

Такъ какъ въ телеграммѣ былъ назначенъ срокъ моего прiѣзда въ Ставку, а телеграмму я получилъ съ опозданiемъ, то мнѣ пришлось ѣхать на автомобилѣ до ст. Невель и ловить ночной поѣздъ изъ Петрограда. Однако, я спѣшилъ напрасно, такъ какъ, прiѣхавъ, узналъ, что Керенскiй опасно боленъ, и къ нему никого не допускаютъ. Прождавъ день и переговоривъ съ Духонинымъ и Вырубовымъ, я рѣшилъ оставить письмо и уѣхать. Но на слѣдующiй день Керенскому было лучше, и онъ принялъ меня,

лежа въ постели. Я повторилъ мой отказъ. Онъ просилъ подождать его выздоровленія. Оказалось, что большія трудности встрѣтились въ налаживаніи отношеній съ новымъ комитетомъ въ Ставкѣ, состоявшимъ изъ представителей фронтовыхъ и армейскихъ комитетовъ. Комитетъ этотъ былъ образованъ отчасти по моей инціативѣ — надо было какъ-нибудь вернуть къ Ставкѣ, хотя бы дѣловое, довѣріе арміи; но отношенія съ комитетчиками какъ-то не налаживались, и меня хотѣли заставить расхлебывать кашу, которую я заварилъ. На слѣдующій день, отчасти уступая уговорамъ Керенскаго и Духонина, отчасти же самъ заинтересовавшись техническимъ аппаратомъ Ставки, я согласился.

Керенскій произвелъ на меня впечатлѣніе какой-то пустынностью всей обстановки и страннымъ, никогда не бывалымъ спокойствіемъ. Около него были только его неизмѣнные «адъютантики». Но не было ни постоянно раньше окружавшей толпы, ни делегацій, ни прожекторовъ. И не только въ Могилевѣ — во время болѣзни — то же самое поразило меня и въ Петроградѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Появились какіе-то странные досуги, и я имѣлъ рѣдкую возможность бесѣдовать съ нимъ по цѣлымъ часамъ, при чемъ онъ обнаруживалъ какую-то странную неторопливость. И онъ не разъ повторялъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ созыва Учредительнаго Собранія для того, чтобы, открывъ его, сложить свои полномочія и немедленно, во что бы то ни стало, уйти.

Между доводами противъ моего назначенія комиссаромъ въ Ставкѣ, которые я выставлялъ Керенскому, былъ и тотъ, что я имѣлъ, какъ мнѣ казалось, опредѣленный планъ дѣятельности

на фронтѣ, но не зналъ, что дѣлать въ Ставкѣ. И мнѣ казалось, что понадобится не менѣе двухъ мѣсяцевъ, пока я осмотрюсь въ обстановкѣ.

— Все равно, всякому другому придется еще болѣе, чѣмъ вамъ, присматриваться къ обстановкѣ. Вы, по крайней мѣрѣ, не будете дѣлать заговоровъ.

Однако, первые выводы поспѣли значительно скорѣе. И въ двадцатыхъ числахъ октября я телеграфировалъ въ Петроградъ о намѣреніи пріѣхать туда, такъ какъ необходимо переговорить о нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ. Я отчетливо помню эти вопросы, и такъ какъ они составляли не только мое личное мнѣніе, но синтезировали настроенія какъ штаба, такъ и комитета, который, кстати сказать, оказался чрезвычайно благомыслящe настроеннымъ, то мнѣ хочется нѣсколько подробнѣе остановиться на нихъ.

1. Первымъ вопросомъ былъ чисто политическій вопросъ, о войнѣ и мирѣ. Было безспорно, что надо было поставить какой-то видимый предѣлъ войнѣ и дать понять народу, что Правительство серьезно озабочено пріисканіемъ способа закончить войну. Мнѣ и очень многимъ казалось, что правительство не только ничего не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, но даже не считаетъ нужнымъ скрывать свое недружелюбное отношеніе ко всякимъ разговорамъ о мирѣ. И въ то время, какъ мы въ Ставкѣ ежедневно получали цѣлыя груды телеграммъ, рисующихъ отчаянное положеніе фронта и полный развалъ военной организаціи — Терещенко произнесъ въ Совѣтѣ Республики рѣчь, гдѣ доказывалъ, что, хотя противникъ готовъ протянуть руку къ миру, но мы-то еще повоюемъ. Я, правда, воспользовался пріѣздомъ Терещенко въ Ставку для того,

чтобы показать ему груды телеграммъ, полученныхъ въ день пріѣзда съ фронта, гдѣ все говорилось о необходимости немедленнаго мира, но онъ отнесся къ этому свысока — да и разговоръ нашъ длился всего около 5 минутъ. Я послалъ еще длинную телеграмму въ Петроградъ. Но мнѣ казалось, что необходимо поговорить объ этомъ лично. Тѣмъ болѣе, что мы знали, что въ правительствѣ былъ Верховскій, понимавшій необходимость рѣшительныхъ шаговъ къ миру. Но какъ разъ было получено извѣстіе объ уходѣ Верховскаго, при чемъ комментаріи связывали этотъ уходъ какъ разъ съ вопросомъ о мирѣ. — О Верховскомъ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе блестящихъ молодыхъ офицеровъ, я слышалъ еще въ юнкерскомъ училищѣ. Во время революціи я встрѣтилъ его на румынскомъ фронтѣ, гдѣ онъ велъ агитацію за необходимость наступленія. Я былъ нѣсколько фрапированъ его первыми выступленіями въ качествѣ военнаго министра. Но потомъ понялъ органическую правильность его позиціи. Онъ одинаково ярко и полно понималъ неизбѣжность и неотвратимость революціонныхъ порядковъ, какъ несовмѣстимость ихъ съ техническими требованіями веденія войны. Отсюда выводъ — такъ какъ революціи отмѣнить нельзя, то надо постараться отмѣнить войну. Или, во всякомъ случаѣ, кореннымъ образомъ измѣнить ее. Но онъ не имѣлъ достаточнаго авторитета ни въ общественныхъ ни въ военныхъ кругахъ, чтобы быстро добиться не только согласія съ его взглядами, но — что было наиболѣе необходимымъ — дѣйствія въ этомъ направленіи.

2. Въ связи съ принятыми военными кругами планами Верховскаго о сокращеніи арміи, возникъ цѣлый рядъ стратегическихъ трудностей.

Командный составъ рѣшительно не зналъ, какимъ образомъ справиться съ прежними задачами при меньшемъ количествѣ солдатъ. Помню, одинъ изъ командующихъ арміей, когда пришло извѣстіе о необходимости расформировывать третьи дивизіи, впалъ въ отчаяніе. Онъ вынулъ планъ расположенія его войскъ и сталъ показывать на планѣ тѣ «дыры», которыя образуются на фронтѣ, при намѣченномъ расформированіи, и доказывалъ, что нѣтъ никакой возможности заполнить эти дыры. Мнѣ казалось, что положеніе не такъ страшно, такъ какъ было доподлинно извѣстно, что на фронтѣ противника было дивизій вдвое меньше. Кромѣ того, мнѣ казалось, что на переходное время надо было принять исходной точкой зрѣнія, что у насъ не имѣется боеспособной арміи, не только въ смыслѣ активныхъ операцій, но даже для защиты. Поэтому надо было принять рѣшеніе при натискѣ со стороны противника отступать, нанося арьергардными боями возможно бóльшія потери, атакуя во фланги... Но приготовить заранѣе отступленіе верстъ, быть можетъ, на 200. Этимъ можно было выиграть время, необходимое для перестройки всей арміи. Сокращеніе арміи слѣдовало поставить на радикальныхъ основаніяхъ, сведя ее, быть можетъ, до 15—20 корпусовъ, избраннаго состава, наполовину состоящихъ изъ офицеровъ, прекрасно снабженныхъ, вооруженныхъ. — Такимъ образомъ, дѣло шло ни болѣе ни менѣе, какъ о новой стратегіи и новой арміи. Я дѣлился своими мыслями съ Духонинымъ и Дидерихсомъ и, въ общемъ, встрѣтилъ одобреніе. Но, въ виду сложности связанныхъ съ этими планами техническихъ и политическихъ вопросовъ, я считалъ необходимымъ переговорить съ Керенскимъ и его помощниками.

3. Независимо отъ предположеній о постройкѣ новой арміи, мнѣ казалось, что давленіе, оказываемое старой арміей, слишкомъ мало и не соотвѣтствуетъ той динамической энергіи, которая была заложена въ ней. Какъ ни плохъ нашъ фронтъ, давленіе, оказываемое имъ на противника, значительно меньше, чѣмъ оно могло быть даже при существующихъ настроеніяхъ и дезорганизаціи. Развѣдка почти не производилась, и это было небрежностью не только со стороны солдатъ, но и со стороны командваго состава. Поиски небольшихъ партій тоже отошли въ область преданій. На всѣ мои разспросы еще на фронтѣ я получалъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Нѣтъ желанія, нѣтъ настроенія.

Между тѣмъ, было ясно, что въ войскахъ появились воинственные и грабительскіе инстинкты, появилась рѣшительность и предпріимчивость, правда, направленная на объекты въ тылу, а не на фронтѣ. Нельзя ли эту предпріимчивость направить на противника? Но было ясно, что этого нельзя было сдѣлать безъ матеріальнаго поощренія. Въ войскахъ роптали, что рабочіе загребаютъ тысячи, въ то время, какъ солдатъ на фронтѣ долженъ былъ довольствоваться своей несчастной пятеркой. Надо было предоставить солдатамъ подработать на фронтѣ. И я предлагалъ назначить опредѣленныя награды за военные трофеи, и при томъ очень крупныя награды несравнимыя съ тѣми жалкими четвертными билетами, которые изрѣдка наши штабы выбрасывали смѣлымъ развѣдчикамъ и удачливымъ охотникамъ. Я предлагалъ установить тысячу рублей за одного плѣннаго, пятьсотъ рублей за винтовку противника, тысячу рублей за пулеметъ, такъ, чтобы награда

служила достаточнымъ стимуломъ для цѣлой партіи охотниковъ — не слѣдуетъ забывать, что въ то время жалованье рядового офицера было что-то около 200 рублей, жалованье товарища министра 1250 р. Мнѣ дѣлали возраженія, что такія награды разорительны для казны. Но я указывалъ, что, даже если взять худшій въ финансовомъ отношеніи случай — что армія, прельстившись такими наградами, беретъ въ плѣнъ милліонъ солдатъ, то уплатить придется тогда милліардъ... Но вѣдь война была бы кончена сразу, при такомъ давленіи на фронтѣ. Указывалось на безнравственность такой мѣры... Но мнѣ казалось правильнѣе направить инстинкты народа на внѣшняго врага, чѣмъ допустить ихъ несдержанный разгулъ на внутреннихъ отношеніяхъ.

4. Въ послѣднее время Ставку занималъ вопросъ о поддержаніи безопасности въ тылу и во всей странѣ. Постоянно приходили извѣстія о страшныхъ грабежахъ, разгромахъ имѣній, разгромахъ желѣзнодорожныхъ станцій и пр. Никакія мѣры не давали надежнаго результата, такъ какъ сами охраняющія войска были такъ же ненадежны, какъ войска, творящія безобразія, и часто сами присоединялись къ безчинствамъ. Мнѣ казалось необходимымъ поставить на очередь созданіе спеціальныхъ надежныхъ отрядовъ изъ соціально-высшихъ классовъ. Мнѣ казалось, необходимо было создать возможно болѣе военныхъ училищъ, такъ какъ подъ этимъ видомъ легче всего было осуществить мѣру. Я представлялъ себѣ, что въ каждомъ значительномъ городѣ или около каждой значительной станціи должна быть одна школа прапорщиковъ, которая должна была служить опорой порядка.

Керенскій самъ предполагалъ каждыя двѣ недѣли пріѣзжать въ Ставку. Но что-то его за-

держало въ Петроградѣ. Поэтому я рѣшилъ ѣхать самъ. Духонинъ тоже высказалъ желаніе проѣхать въ Петроградъ для переговоровъ съ Маниковскимъ, и мы условились, что, пріѣхавъ въ Петроградъ, я повліяю на Керенскаго, чтобы тотъ немедленно вызвалъ изъ Ставки Духонина.

2. Возстаніе въ Петроградѣ.

24 октября я пріѣхалъ въ Петроградъ съ грудой всевозможныхъ докладовъ и матеріаловъ. Керенскій встрѣтилъ меня въ приподнятомъ настроеніи. Онъ только что вернулся изъ Совѣта Республики, гдѣ произнесъ рѣзкую рѣчь противъ большевиковъ и былъ встрѣченъ обычными и всеобщими оваціями.

— Ну, какъ вамъ нравится Петроградъ? встрѣтилъ онъ меня.

Я выразилъ недоумѣніе.

— Какъ, развѣ вы не знаете, что у насъ вооруженное возстаніе?

Я разсмѣялся, такъ какъ улицы были совершенно спокойны, и ни о какомъ возстаніи не было слышно. Онъ тоже относился нѣсколько иронически къ возстанію, хотя и озабоченно. Я сказалъ, что нужно будетъ положить конецъ этимъ вѣчнымъ потрясеніямъ въ государствѣ и рѣшительными мѣрами расправиться съ большевизмомъ. Онъ отвѣтилъ, что его мнѣніе такое же, и что теперь уже никакіе Черновы не помогутъ ни Каменевымъ, ни Зиновьевымъ . . . если только удастся справиться съ возстаніемъ. Но относительно послѣдняго было такъ мало сомнѣній, что Керенскій немедленно согласился, чтобы я вызвалъ Духонина въ Петроградъ, и я тотчасъ послалъ соотвѣтствующую телеграмму.

Керенскій просилъ меня отправиться въ Со-

вѣтъ Республики посмотрѣть, что тамъ дѣлается, и переговорить съ лидерами относительно опредѣленности и рѣшительности резолюціи.

Маріинскій Дворецъ былъ переполненъ. Кромѣ членовъ Совѣта, въ кулуарахъ и ложахъ было много представителей «чиновнаго міра» и много военныхъ. Было волненіе. Партіи совѣщались по фракціямъ, столковывались между собой... Но безрезультатно, такъ какъ эсеры провалили въ своей фракціи пятую по счету резолюцію и, повидимому, теряли надежду столковаться на чемъ-нибудь. — Я, между прочимъ, заговорилъ о необходимости организовать гражданскую оборону изъ студенчества, но меньшевики отшатнулись отъ меня, какъ отъ зачумленнаго.

— И такъ правительство надѣлало много глупостей, вы хотите еще бѣлую гвардію устраивать...

Но вотъ началось голосованіе резолюцій, въ темную, безъ предварительнаго сговора. Принятой оказалась резолюція, составленная Даномъ, о томъ, что Совѣтъ возлагаетъ отвѣтственность за возстаніе большевиковъ на правительство и на большевиковъ и предлагаетъ передать дѣло обороны отечества и революціи какому-то комитету спасенія, составленному изъ представителей городской Думы и партій. Я тутъ же сдѣлалъ выводъ, что такая резолюція составляетъ ничто иное, какъ отказъ отъ поддержки Правительства, и высказалъ предположеніе, что послѣднее подастъ въ отставку. Сообщивъ по телефону Керенскому резолюцію, я тотчасъ самъ поѣхалъ во Зимній Дворецъ. Керенскій былъ въ изумленіи и въ волненіи и заявилъ, что при такихъ условіяхъ ни минуты не останется во главѣ Правительства. Я горячо поддерживалъ его рѣшеніе и вызвалъ по телефону Авксентьева и другихъ ли-

деровъ партій. Тѣ пріѣхали. Рѣшеніе Керенскаго ихъ страшно изумило, такъ какъ они считали резолюцію чисто теоретической и случайной и не думали, что она можетъ повлечь практическіе шаги. Особенно изумлялся Авксентьевъ, когда Керенскій заявилъ, что передаетъ власть ему, какъ предсѣдателю Совѣта. Начались уговариванія и убѣжденія, которыя продолжались всю ночь.

Къ утру Керенскій согласился остаться у власти. Но уже въ теченіе ночи возстаніе, не встрѣчая достаточно энергичнаго сопротивленія, получило значительное развитіе. Я самъ былъ крайне изумленъ, когда мой автомобиль въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Зимняго Дворца, на Милліонной, былъ задержанъ какимъ-то страннымъ патрулемъ, который отправилъ меня въ казармы полка. Тамъ меня повели въ революціонный комитетъ, но сейчасъ же отпустили. Это были возставшіе, которые, однако, дѣйствовали крайне нерѣшительно. Я изъ дому протелефонировалъ объ этомъ въ Зимній, но получилъ оттуда успокоительныя завѣренія, что это недоразумѣніе.

На утро, однако, стало ясно, что событія приняли такой оборотъ, что кризисъ власти не можетъ разрѣшиться въ обычномъ порядкѣ: почти весь городъ былъ въ рукахъ возставшихъ. Керенскаго я засталъ въ Штабѣ. Онъ не спалъ всю ночь и теперь собирался уѣхать. Мы проводили его. — Онъ поѣхалъ на своемъ собственномъ автомобилѣ съ адъютантами въ полной формѣ. Правительство и все тающая небольшая кучка штабныхъ военныхъ остались въ Зимнемъ Дворцѣ и въ Штабѣ. Я сѣлъ писать воззваніе къ арміи. Правительство, подъ предсѣдательствомъ Коновалова засѣдавшее въ Зимнемъ Дворцѣ, одобрило текстъ. Я немедленно самъ от-

правился на телеграфъ и отправилъ воззваніе въ Ставку. Кромѣ того, я соединился съ Духонинымъ, который уже ночью получилъ извѣстія изъ Штаба о возстаніи. Духонинъ завѣрилъ меня, что приняты всѣ мѣры къ посылкѣ войскъ въ Петроградъ, и что нѣкоторыя части должны были уже немедленно начать прибывать. Я вернулся въ Правительство и сообщилъ о моихъ переговорахъ. Правительство обсуждало вопросъ о томъ, кого избрать генералъ-губернаторомъ Петрограда. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и колебаній, избрали Кишкина. Тотъ сейчасъ же началъ совѣщаться съ Багратуни и Пальчинскимъ.

Все это время по телефону приходили печальныя и тревожныя извѣстія. Заняты вокзалы. Занятъ телеграфъ и телефонъ. Занятъ Маріинскій Дворецъ, и члены Совѣта, собравшіеся туда, такъ какъ предполагалось засѣданіе для пересмотра вчерашней резолюціи, изгнаны.

Вышелъ на площадь. Она охранялась юнкерами. Но, прислушиваясь къ разговорамъ, я убѣдился, что юнкера разъѣдены обывательскими разговорами и, во всякомъ случаѣ, не проявляли энтузіазма въ выпавшей на ихъ долю задачѣ защищать Временное Правительство. — Прошелся по улицамъ... Возставшіе приближались, но медленно и нерѣшительно. Мнѣ показалось, что проявленіе энергіи съ нашей стороны могло бы измѣнить положеніе дѣлъ. Я никакъ не могъ добиться въ Штабѣ толковаго отвѣта, дѣлается ли что-нибудь для борьбы или нѣтъ. Наканунѣ Багратуни увѣрялъ меня, что Правительство имѣетъ силъ болѣе, чѣмъ достаточно. Онъ сообщалъ, что въ теченіе ночи будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы захватить штабъ возставшихъ, знаменитый военно-революціонный комитетъ совѣта. Теперь все время шли рѣчи о необходимости

принять мѣры къ освобожденію Маріинскаго Дворца и телефона. Но часы проходили, и дѣло дальше разговоровъ не двигалось. Сознаніе бездѣятельности и пассивности было такъ ощутительно и непріятно, что я предложилъ самъ пойти освобождать Маріинскій Дворецъ и „попросилъ дать мнѣ для этого роту юнкеровъ.

Какъ разъ къ этому времени къ Зимнему Дворцу подошла знакомая мнѣ школа инженерныхъ прапорщиковъ, гдѣ я раньше преподавалъ. Съ согласія Штаба я взялъ одну роту подъ командой пор. Синегуба и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ изъ военнаго министерства, направился по Морской улицѣ. Около Невскаго пр. меня встрѣтилъ П. М. Толстой. Онъ зналъ о моемъ проектѣ итти на выручку къ Маріинскому Дворцу и произвелъ «развѣдку»: оказалось, передъ Дворцомъ стоятъ броневики. Тогда я рѣшилъ ограничиться болѣе близкимъ объектомъ — телефонной станціей, освобожденіе которой тоже было оченъ важнымъ.

Подойдя къ телефонной станціи, я оставилъ половину роты, не доходя до входа во дворъ, а съ другой половиной зашелъ дальше. Полуроты выстроились поперекъ улицы. Публика, которая, какъ обычно, сновала по тротуарамъ, извозчики — со всѣхъ ногъ стали спасаться въ боковыя улицы, видя, что дѣло подходитъ къ стычкѣ. Морская мертвенно опустѣла — никого, кромѣ моихъ юнкеровъ. Изъ телефоннаго двора выбѣжалъ прапорщикъ-большевикъ и, размахивая револьверомъ, сталъ разспрашивать, въ чемъ дѣло. Я сказалъ, что пришелъ по приказу изъ Штаба смѣнить караулъ. Онъ отвѣтилъ, что добровольно не подчинится. — «Ну, такъ мы будемъ брать силой»...

Вѣроятно, съ точки зрѣнія достиженія

успѣха, мнѣ надо было застрѣлить на мѣстѣ этого молодого прапорщика. Но я далъ ему убѣжать во дворъ, и тамъ онъ сейчасъ же крикнулъ: «Въ ружье!» Во дворѣ показались испуганныя, встревоженныя лица солдатъ. Я отдѣлилъ десятокъ юнкеровъ и хотѣлъ направиться во дворъ. Но мнѣ показалось, что задача можетъ быть выполнена и безъ боя, что большевики, засѣвшіе тамъ, сами сдадутся, увидя, что вся улица въ нашихъ рукахъ. Но вдругъ со стороны Маріинской площади затрещали выстрѣлы. Вмигъ отъ моей роты юнкеровъ остались на улицѣ только нѣсколько человѣкъ, остальные всѣ попрятались по подворотнямъ въ подъѣздахъ домовъ. Положеніе было не опасное, такъ какъ я, стоя все время на улицѣ и сравнительно спокойно наблюдая за всей картиной, не слышалъ, чтобы пули свистѣли мимо насъ. Но я не могъ опредѣлить, откуда именно идетъ стрѣльба: съ крышъ, изъ оконъ? Кто стрѣляетъ? Какія мѣры нужно принять? Но стрѣльба затихла, и юнкера стали понемногу смущенно появляться опять. Я подумывалъ уже о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, но показался броневикъ, и опять тревога въ моихъ рядахъ. Однако, броневикъ тихо и спокойно прошелся нѣсколько разъ мимо насъ по улицѣ, а потомъ сталъ у воротъ телефона, направивъ на насъ пулеметы. Я рѣшилъ снять осаду, такъ какъ чувствовалъ, что мои юнкера смущены всей обстановкой, да и я потерялъ увѣренность въ легкости выполненія задачи. Чтобы не подвергать опасности ту половину роты, которая стояла дальше, проводя ее въ строю мимо броневика, который могъ открыть огонь по отступавшимъ, я повелъ ее кружнымъ путемъ — по Гороховой и улицѣ Гоголя. Той же полуротѣ, которая стояла ближе къ Невскому, я

черезъ офицера далъ приказъ немедленно возвращаться на Дворцовую площадь. Моя полурота вернулась благополучно. Но та, которая была ближе, была окружена на Невскомъ броневиками и значительнымъ отрядомъ большевиковъ и разоружена.

Такъ окончилась единственная, насколько я знаю, попытка активнаго сопротивленія большевикамъ.

Убѣдившись на опытѣ, что активная борьба вокругъ Дворца почти невозможна, тѣмъ болѣе, что было очевидно, какъ таяли наши слабыя силы, и какъ сужалось кольцо большевиковъ, которые уже стали выглядывать у штабныхъ воротъ, я сдѣлалъ предложеніе, чтобы Правительство немедленно оставило Дворецъ. Я доказывалъ, что еще имѣется полная возможность покинуть Дворецъ, не рискуя быть арестованными, и перейти въ другое помѣщеніе, откуда уже организовывать борьбу. Слишкомъ пустынно было въ Зимнемъ Дворцѣ и мертвенно. Конкретно, я предлагалъ перейти въ Городскую Думу, гдѣ, по телефоннымъ свѣдѣніямъ, собрались всѣ представители общественности, и гдѣ намѣчался дѣйствительный центръ борьбы.

Но только Гвоздевъ соглашался со мной. Остальные члены Правительства рѣшительно отказались. И, быть можетъ, они были правы... Лучше было погибнуть въ пустынномъ Зимнемъ Дворцѣ и быть арестованными толпой ворвавшихся солдатъ, чѣмъ оказаться окруженными и поддерживаемыми тѣми, кто вчера еще винилъ Правительство въ томъ, что оно вызвало большевизмъ.

Вообще, въ Правительствѣ было желаніе проявить упорство и мужество. Кишкинъ и Коноваловъ памятны своимъ подъемомъ и непрерыв-

нымъ благороднымъ жестомъ. Но болѣе характеренъ для обстановки и историческаго момента былъ Малянтовичъ. Онъ ничего не говорилъ, а только слушалъ. Его глаза скорбно сіяли. И было чрезвычайно ясно, что онъ прекрасно понимаетъ всѣ причины событій, ясно видитъ послѣдствія, но отчетливо сознаетъ безнадежность борьбы и страдаетъ отъ неспособности не только сдѣлать, но и вообще дѣлать что-нибудь для предотвращенія опасности...

Чтобы устранить всякія сомнѣнія, Правительство устроило закрытое засѣданіе и постановило оставаться во Дворцѣ и защищаться до послѣдней степени.

Между тѣмъ, большевики подступали къ Дворцовой площади. У воротъ Дворца юнкера устроили баррикады изъ бревенъ и очистили всю площадь, такъ какъ были случаи разоруженія постовъ: къ юнкерамъ приближалась кучка людей, словно прохожихъ, останавливалась, схватывала винтовки и, угрожая револьверами, отнимала ихъ.

Темнѣло. Въ рукахъ Правительства оставался только Зимній Дворецъ, пустынный, молчаливый — лишь на дворѣ оставшіяся кучки юнкеровъ что-то шумѣли, чего-то требовали, о чемъ-то совѣщались. Выбрали депутатовъ «для того, чтобы выяснить намѣренія Правительства». Къ депутатамъ вышло Правительство, кажется, въ полномъ составѣ. Говорилъ Кишкинъ — съ подъемомъ, но мужественно и спокойно, что Правительство рѣшило не покидать Дворца и оставаться въ немъ до послѣдней возможности. Юнкера слушали, не возражали, но и не соглашались. Одинъ юнкеръ пытался было выразить готовность съ радостью умереть за Правитель-

ство, но явный холодъ остальныхъ товарищей сдержалъ порывъ.

Еще разъ соединился со Ставкой и переговорилъ съ Духонинымъ. Недоумѣніе, почему войскъ нѣтъ еще въ Петроградѣ... Передалъ результатъ переговоровъ Правительству. Сообщилъ кому-то изъ министровъ, что собираюсь пробраться изъ Дворца въ городъ. Вышелъ на площадь, перелѣзая черезъ неохраняемыя баррикады у воротъ. Около Александровскаго сада задержали... Показалъ свой старый офицерскій документъ — пропустили.

Отправился въ Городскую Думу, гдѣ былъ оживленный бурлящій центръ общественной антибольшевистской работы... Было крайне пріятно, почувствовать себя опять на людяхъ, не среди обреченныхъ. Всѣ помѣщенія полны народу. Много засѣданій. Много предложеній. Много бодрыхъ рѣшительныхъ словъ и увѣренныхъ лицъ.

Но вотъ съ Невы стали доноситься пушечные выстрѣлы, внося струйки какого-то леденящаго холода въ оживленный говоръ въ комнатахъ и корридорахъ. Стало понятно, что нельзя только говорить и спорить и строить концепціи борьбы. Нужно сразу немедленно что-то дѣлать. И какъ-то сразу оформилось рѣшеніе итти всей толпой ко Дворцу. Вышли — много, быть можетъ, нѣсколько сотъ человѣкъ. Выстроились шеренгами и двинулись по Невскому проспекту. Вдругъ голова шествія остановилась: дорогу преградилъ большевистскій патруль. Начались долгіе переговоры. Пріѣхалъ грузовикъ, наполненный матросами, молодыми, разудалыми, но теперь какими-то странно задумчивыми парнями.

Общественные дѣятели окружили грузовикъ и стали доказывать ему, что это неотъемлемое право каждаго гражданина быть со своимъ Правительствомъ въ такія минуты. Матросы не отвѣчаютъ, и даже смотрятъ куда-то въ сторону или, вѣрнѣе, вверхъ, прямо передъ собой, съ платформы грузовика. Возможно, что не слышутъ, занятые своими собственными мыслями, во всякомъ случаѣ — не понимаютъ интеллигентскихъ, красиво построенныхъ фразъ. Потомъ, не говоря ни слова, поѣхали дальше. Но патруль остался и не пропускалъ. Постояли, позябли и рѣшили вернуться — подчинились «насилію, какъ при старомъ режимѣ»...

3. Въ Царскомъ Селѣ и Гатчинѣ.

На другой день съ вечера грянуло извѣстіе о томъ, что Керенскій съ войсками приближается къ Петрограду. Онъ въ Лугѣ. Онъ въ Гатчинѣ. Онъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ уже говорилъ по телефону съ Петроградомъ. Извѣстія эти подняли настроеніе политическихъ кружковъ. Начались оживленныя попытки организаціи борьбы съ большевиками. Эти же слухи отразились крайнимъ упадкомъ настроенія у большевиковъ, что видно было по ихъ патрулямъ на улицахъ: были случаи, что дамы обезоруживали солдатъ. Увѣренность въ скорой ликвидаціи большевиковъ росла ежечасно, тѣмъ болѣе, что изъ казармъ стали поступать свѣдѣнія о недовольствѣ гарнизона новыми хозяевами, и стали буквально сыпаться предложенія принять участіе въ вооруженномъ выступленіи противъ большевиковъ. Были свѣдѣнія о растерянности въ средѣ самого военно-революціоннаго комитета. Городская Дума и помѣщеніе крестьянскаго со-

вѣта въ училищѣ правовѣдѣнія были всецѣло въ нашихъ рукахъ и составляли центръ подготовки общественной и вооруженной акціи противъ большевиковъ.

26 октября незнакомый мнѣ инженеръ изъ группы «Единство» предложилъ попытаться проѣхать на автомобилѣ къ Керенскому. Я сперва отнесся къ этому проекту, какъ къ авантюрѣ. Но, обдумавъ положеніе дѣлъ и взглянувъ на карту, я рѣшилъ, что дѣло не безнадежно. Съ револьверами въ карманахъ, мы поѣхали черезъ Колпино въ Царское Село. Не обошлось безъ тревожныхъ минутъ, когда патрули вооруженныхъ рабочихъ останавливали нашъ автомобиль и пытливо допрашивали, куда мы ѣдемъ. Но въ концѣ концовъ мы благополучно достигли Царскаго Села. Керенскаго тамъ еще не было. Но гарнизонъ уже отступалъ въ ужасѣ передъ казаками. Вся аллея къ вокзалу была переполнена солдатами мѣстнаго гарнизона, отступающими передъ невидимымъ противникомъ. Шли съ винтовками, нѣкоторые даже съ нѣсколькими винтовками, въ походномъ снаряженіи, неся на рукахъ пулеметы и автоматическія ружья. Видно было, однако, что боевого настроенія не было. И у насъ съ инженеромъ явилась, дѣйствительно, авантюристическая мысль пойти на вокзалъ и постараться склонить солдатъ на сторону Правительства. Оставивъ автомобиль около дома Плеханова, мы пошли пѣшкомъ. На вокзалѣ — страшная сутолока, всѣ поѣзда, отходящіе на Петроградъ, облѣпляются солдатами. Начавъ съ разговоровъ въ первой попавшейся кучкѣ солдатъ, мы перешли къ рѣчамъ. Тотчасъ собралась толпа. Слушаютъ внимательно, даже поддакиваютъ. Я кончилъ призывомъ не слушать большевиковъ и поддержать Правительство въ его

стремленіи дать народу честный миръ, Учредительное Собраніе и землю. Но едва я замолчалъ, увѣренный въ успѣхѣ, какъ какой-то пожилой солдатъ плюнулъ и со злобой, неизвѣстно на кого, началъ кричать, что теперь ужъ онъ ничего не понимаетъ... Всѣ говорятъ и всѣ поразному.. Одинъ хочетъ этого, другой хочетъ того... Всякій со своими программами, партіями...

— Все перепуталось, ничего не пойму, къ чорту всякихъ ораторовъ — кричитъ онъ въ изступленномъ негодованіи.

Впечатлѣніе рѣчи сразу пропало — вѣдь всѣ чувствовали тоже, что въ головѣ перепуталось. И я, только что говорившій такъ убѣдительно, — только одинъ изъ виновниковъ этой путаницы: вѣдь другіе до меня говорили не менѣе убѣдительно о той же землѣ и томъ же мирѣ. И, пользуясь моментомъ, зашумѣли подлинные большевики:

— А, главное, такихъ ораторовъ арестовывать бы сразу...

Но на это у толпы не хватило рѣшимости, и мы имѣли возможность уйти, хотя и поспѣшно, но съ соблюденіемъ внѣшняго приличія.

Сѣли на автомобиль и поѣхали искать Керенскаго. Сейчасъ за Царскимъ Селомъ наткнулись на кавалерійскій отрядъ. Видъ и настроеніе казаковъ — молчаливо-нерѣшительный — произвелъ сразу невеселое настроеніе. Тѣмъ болѣе, что офицеры сразу обратились съ просьбой переговорить съ казаками и сообщить имъ, что еще не всѣ въ Петроградѣ на сторонѣ большевиковъ, и что казаки не идутъ противъ всего народа...

Послѣ моей рѣчи, выслушанной молча, меня проводили къ Керенскому. Онъ вмѣстѣ съ Красновымъ находился въ хижинѣ, въ комнатѣ,

гдѣ тутъ же на постели лежала больная женщина. Мои свѣдѣнія о Петроградѣ — несомнѣнно слишкомъ оптимистическія, но соотвѣтствующія всѣмъ имѣвшимся у насъ даннымъ — подѣйствовали ободряюще на Керенскаго и Краснова. Красновъ задавалъ вопросъ, можетъ ли онъ выждать хотя бы одинъ день съ дальнѣйшимъ наступленіемъ, такъ какъ его казаки устали, и ему необходимо подождать пѣхоты. Мое мнѣніе было, что если силъ недостаточно для немедленнаго наступленія, то можно было выждать. Подробно разспрашивать о состояніи отряда я не считалъ въ правѣ, такъ какъ разговоръ велся при слишкомъ большомъ количествѣ лицъ. Но самъ тогда вынесъ впечатлѣніе, что въ рукахъ Краснова, во всякомъ случаѣ, весь кавалерійскій корпусъ.

Убѣдившись самолично въ близости Керенскаго къ Петрограду, я отправился обратно, причемъ достигъ Петрограда только поздно вечеромъ. Тотчасъ я направился въ Комитетъ Спасенія Родины и Революціи и былъ очень обрадованъ, что за день организаціонная работа сдѣлала громадные шаги. Военный комитетъ имѣлъ связи со всѣми почти частями и считалъ себя распорядителемъ весьма солидной вооруженной силы. Ставился вопросъ о выступленіи въ городѣ. Но было единодушно рѣшено подождать еще хоть одинъ день: каждый часъ увеличивалъ нашу силу и организованность, кромѣ того, мои свѣдѣнія о томъ, что отрядъ Керенскаго по всей видимости, начнетъ наступленіе на Петроградъ лишь черезъ день, тоже склоняли въ сторону выжиданія для нанесенія согласованнаго удара.

Я отправился домой, оставивъ военный комитетъ за разрѣшеніемъ организаціонныхъ во-

просовъ. На другой день я узналъ, что послѣ моего ухода, въ комитетъ пришли Полковниковъ и еще кто-то и принесли извѣстіе о томъ, что большевики назначили на завтра разоруженіе юнкеровъ, т. е. собирались нанести ударъ нашимъ главнымъ силамъ. Естественно надо было предупредить ударъ. Поэтому было рѣшено начать выступленіе немедленно.

И, дѣйствительно, съ ранняго утра повсюду шла стрѣльба какъ ружейная такъ и орудійная, — въ особенности около юнкерскихъ училищъ — Павловскаго и Николаевскаго — это было исполненіемъ плана большевиковъ. Антибольшевистскія силы тоже развивали свой планъ — на время былъ занятъ телефонъ и телеграфъ, и нѣкоторыя силы сгруппировались около Михайловскаго инженернаго училища, въ Инженерномъ Замкѣ, гдѣ былъ центръ анти-большевистскаго возстанія. Но къ полудню училища были разгромлены, а силы возстанія, лишеннаго поддержки своихъ главныхъ кадровъ, юнкеровъ, начинали замѣтно таять. Къ вечеру провалъ возстанія сталъ несомнѣненъ — около четырехъ часовъ я уже никого не засталъ въ Михайловскомъ училищѣ. — Провалъ возстанія, неожиданная слабость нашихъ силъ и неожиданная энергія, развитая большевиками, казалась намъ ошеломляющей. Но такъ или иначе — надежды оставались только на отрядъ Керенскаго.

Провалъ возстанія, быть можетъ, отчасти могъ быть объясненъ и техническими моментами. Организація антибольшевистскихъ силъ была создана наспѣхъ. Не было ни достаточнаго количества телефоновъ, ни продуманнаго и планомѣрнаго распредѣленія ролей. Много личныхъ силъ, недостатка въ которыхъ не чувствовалось, пропадало неиспользованными. Если бы эти силы

были использованы или дали себя использовать въ день возстанія большевиковъ, когда въ рукахъ Правительства былъ весь техническій аппаратъ власти, штаба — результатъ, несомнѣнно, былъ бы иной. Но, страннымъ образомъ, борясь съ большевиками, всѣ боялись быть смѣшанными съ Правительствомъ. При формулировкѣ политическихъ цѣлей антибольшевистской акціи въ Комитетѣ Спасенія Родины и Революціи я поднялъ вопросъ о необходимости заявленія, что борьба идетъ за возстановленіе Правительства, низвергнутаго большевиками. Но ни одинъ голосъ не поддержалъ меня. Всѣ указывали, что, при непопулярности Правительства въ странѣ, лучше о немъ совершенно не упоминать. Такъ какъ формально Совѣтъ и Исполнительный Комитетъ были въ рукахъ большевиковъ, то борьба, въ сущности, шла отъ какихъ-то безымянныхъ или совершенно незнакомыхъ организацій. И русская общественность, бездѣятельно предоставивъ Правительству пасть, не имѣя возможности воспользоваться находившимся въ его рукахъ техническимъ аппаратомъ власти, стала бороться съ большевиками въ тотъ моментъ, когда аппаратъ власти оказался уже въ ихъ рукахъ.

На слѣдующій день я рѣшился опять ѣхать къ Керенскому. Ко мнѣ присоединился А. Р. Гоцъ. Тѣмъ же путемъ и съ тѣми же приключеніями мы добрались до Царскаго Села.

Заѣхали опять къ Плеханову узнать, гдѣ находится Керенскій. Плехановъ былъ очень боленъ, и къ нему насъ не допустили, но жена Плеханова сказала что кто-то насъ хочетъ видѣть внизу. Оказалось — Савинковъ, который пріѣхалъ туда отъ имени какихъ-то казачьихъ ор-

ганизацій. Онъ сразу обрушился нападками на Керенскаго за его прежнюю дѣятельность и сталъ доказывать, что нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы казаки пошли въ наступленіе подъ его главенствомъ. Онъ вспомнилъ запрещеніе казачьяго крестнаго хода въ Петроградѣ и другія обиды и указывалъ, что Керенскій настолько непопуляренъ, что одинъ изъ казачьихъ офицеровъ отказался подать ему руку. Намъ казалось, что въ словахъ Савинкова была отнюдь не только передача фактовъ, не только политическій діагнозъ, но нападки, старательный подборъ фактовъ.

Такъ какъ штабъ Краснова стоялъ въ Царскомъ, то мы заѣхали предварительно къ нему. Красновъ не говорилъ ни слова о недостаткахъ Керенскаго и упоминалъ только, что Керенскій слишкомъ торопитъ его, между тѣмъ какъ онъ не можетъ начать дальнѣйшаго продвиженія за отсутствіемъ силъ. Пѣхоты нѣтъ какъ нѣтъ, а казаковъ такъ мало, что Красновъ не можетъ даже забрать оружіе, которое царскосельскій гарнизонъ оставилъ въ казармахъ. Но главное, на что Красновъ напиралъ — отсутствіе пѣхоты..

— Казаки не хотятъ итти, такъ какъ думаютъ, что ихъ ведутъ противъ народа, разъ вся пѣхота только противъ нихъ. Дайте намъ пѣхоту, примите, какія угодно, мѣры — только дайте хоть одинъ батальонъ, чтобы было, кого показать.

Отъ окружающихъ Краснова мы узнали, что Савинковъ ведетъ усиленную агитацію противъ Керенскаго среди отряда.

Керенскій находился въ Гатчинѣ, въ тихомъ и гостепріимномъ дворцѣ. Онъ былъ страшно обрадованъ нашему пріѣзду и настаивалъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ съ нимъ остался.

— Вѣдь со мною нѣтъ никого, кромѣ моихъ адъютантиковъ. А рѣшенія часто приходится принимать очень отвѣтственныя.

Затѣмъ, онъ разсказывалъ о только что уѣхавшей передъ нами депутаціи отъ Викжеля. Съ особеннымъ негодованіемъ вспоминалъ онъ Плансона, который нашелъ подходящимъ моментъ читать какія-то наставленія Керенскому и перечислять его вины и грѣхи.

Я разсказалъ Керенскому о свиданіи съ Савинковымъ и высказалъ свое мнѣніе, что, при создавшемся положеніи, быть можетъ, дѣйствительно Керенскому лучше уѣхать изъ отряда. Надеждъ на успѣшное продвиженіе мало. Надо думать объ организаціи борьбы въ бóльшемъ масштабѣ. Надо ѣхать въ Ставку, гдѣ имѣется хорошій техническій аппаратъ, гдѣ можно связаться со всей страной, съ Москвой, съ арміями... Здѣсь же, въ Гатчинѣ, полная оторванность и отрѣзанность на милость Савинкова и Плансона. — Гоцъ соглашался со мной. Керенскій возражалъ, что неудобно уѣзжать изъ отряда, что необходимо еще попытаться счастья, что вообще уже проѣхать невозможно. Но я, какъ могъ, разбивалъ всѣ аргументы и, въ концѣ концовъ, при помощи Гоца, убѣдилъ Керенскаго согласиться выѣхать на другой день въ Ставку. На основаніи имѣвшагося у меня опыта поѣздокъ изъ Петрограда къ Керенскому я вынесъ убѣжденіе въ полнѣйшей возможности «проскочить» и въ Могилевъ. Такъ какъ поѣздка все же представляла нѣкоторый рискъ, то я тутъ же «на всякій случай» убѣдилъ Керенскаго назначить себѣ преемника, который могъ бы явиться формальнымъ носителемъ власти и ея преемственности. Керенскій составилъ въ трехъ экземплярахъ записку о томъ, что, въ случаѣ его исчезно-

венія или невозможности дѣйствовать, онъ свои полномочія передаетъ Авксентьеву. Одинъ экземпляръ записки взялъ Гоцъ, другой былъ переданъ мнѣ, хотя я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ Керенскимъ.

На другой день, уже послѣ отъѣзда Гоца, когда мы уже заканчивали приготовленія къ отъѣзду, въ Гатчину неожиданно пріѣхалъ Савинковъ, который не то отъ Гоца, не то отъ Краснова узналъ о намѣреніи Керенскаго уѣхать. Онъ рѣшительно сталъ возражать противъ этого. Керенскій вызвалъ меня. Я съ изумленіемъ спросилъ Савинкова, какъ примирить его теперешнюю позицію со вчерашними нападками. Вчера онъ говорилъ, что присутствіе Керенскаго понижаетъ настроеніе солдатъ, такъ что его нельзя пускать на передовыя позиціи. Сегодня же оказывается, что присутствіе Керенскаго необходимо, и его отъѣздъ можетъ повредить дѣлу. Отвѣта его я не понялъ, знаю одно, что онъ продолжалъ настаивать на томъ, что до исхода сраженія Керенскій долженъ оставаться. Керенскій согласился и отмѣнилъ отъѣздъ. Я потомъ отвелъ Савинкова въ сторону и сталъ разспрашивать его наединѣ, въ чемъ дѣло. Я предупредилъ Савинкова, что я отнюдь не хочу быть связаннымъ съ одной опредѣленной личностью, что для меня важна только борьба и ея успѣхъ, что хотя я лично ближе связанъ съ Керенскимъ, но всегда понималъ значеніе политики Савинкова въ арміи и скорбѣлъ о его разрывѣ съ Керенскимъ. Савинковъ весь оживился при упоминаніи о его политикѣ въ арміи и опять сталъ нападать на Керенскаго за разныя прегрѣшенія.

Савинковъ уѣхалъ въ Царское, оставивъ меня въ полномъ недоумѣніи. Мы остались, разсылая во всѣ стороны телеграммы о подкрѣпле-

нія, уговаривая безрезультатно гатчинскій гарнизонъ присоединиться къ правительственнымъ войскамъ... Послѣ полудня были получены свѣдѣнія, что наступленіе Краснова пріостановилось. Къ вечеру узнали, что весь отрядъ Краснова отступаетъ на Гатчину.

Почему отступилъ отрядъ Краснова? Формально устанавливаются двѣ причины: отсутствіе пѣхоты и недостатокъ снарядовъ въ его отрядѣ. Но обѣ эти причины сводятся къ одной — настроенію массъ. Пѣхоты было сколько угодно, даже слишкомъ много и въ Царскомъ Селѣ и въ Гатчинѣ. Но эти гарнизоны, не вставая на сторону большевиковъ, рѣшительно отказывались встать на сторону правительства. Сторонники большевиковъ поспѣшно, съ оружіемъ, уѣхали въ Петроградъ. Остальные бросали оружіе въ казармахъ, выходили на улицы, не сопротивлялись, когда ихъ забирали и разоружали. Они были настолько безопасны, что Красновъ, вынужденный оставить въ казармахъ оружіе, такъ какъ у него не было силъ собрать это оружіе, не боялся имѣть позади себя чуть ли не 15 тысячный гарнизонъ. Но отряда въ 100 человѣкъ не удалось собрать изъ нихъ на помощь Краснову. Терпѣливо выслушавъ увѣщанія, убѣжденія и призывы, солдаты расходились, не споря, не соглашаясь и не дѣйствуя. То же настроеніе было, повидимому, и въ другихъ частяхъ, такъ какъ, несмотря на то, что многія лица и во многихъ мѣстахъ старались двинуть отряды къ Гатчинѣ — ни одинъ не пришелъ, кромѣ какой-то полупьяной шайки полковника Орла. То же настроеніе, въ сущности, было среди казаковъ: они формально шли въ наступленіе, стрѣляли изъ пушекъ и винтовокъ... Но они не сражались, такъ какъ потери большевиковъ послѣ дня

пальбы оказались смѣхотворно малыми. Но и большевистскія войска были такого же настроенія: отрядъ Краснова отступилъ съ потерями, насколько помню, не превышающими 20 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ... Ясно, это былъ не бой. Масса была почти въ равновѣсіи. Но большевиковъ было больше, чѣмъ ихъ противниковъ, и они дѣйствовали единодушнѣе, и масса понемногу наклонялась въ ихъ сторону. Поэтому небольшой отрядъ Краснова долженъ былъ качнуться назадъ, просто для того, чтобы не раствориться въ массѣ окружающей пассивной, колеблющейся солдатчины. Но разложеніе нагнало отрядъ — уже въ Гатчинѣ.

Въ гатчинскомъ дворцѣ всю ночь было оживленіе. Пріѣхалъ весь штабъ Краснова, пріѣхалъ Савинковъ. Происходили засѣданія офицеровъ. — Съ неудовольствіемъ узналъ Керенскій, что въ Гатчину пріѣзжаетъ Черновъ, гастролировавшій передъ тѣмъ, и съ большимъ успѣхомъ, на сѣверномъ фронтѣ. Керенскій просилъ меня встрѣтить Чернова и убѣдить его немедленно ѣхать дальше, если возможно не заглядывая во дворецъ, во всякомъ случаѣ не пытаясь играть какую-либо роль въ Гатчинѣ. Мнѣ казалось это излишней подозрительностью и недовѣрчивостью. Я помѣстилъ Чернова въ моей комнатѣ и даже настоялъ, чтобы Керенскій принялъ его. Бесѣда продолжалась не долго, но въ весьма спокойныхъ тонахъ.

Не успѣли мы съ Черновымъ вернуться въ мою комнату, какъ меня опять вызвалъ Керенскій. Съ нимъ былъ Савинковъ. Оказывается, Савинковъ пришелъ съ собранія офицеровъ гатчинскаго отряда съ предложеніемъ утвердить его въ качествѣ комиссара отряда. Керенскій спросилъ меня, какъ я отношусь къ этому. Я ска-

залъ, что, по моему мнѣнію, такое назначеніе нежелательно, такъ какъ и теперь у насъ большія трудности, и мы не можемъ добиться прихода пѣхоты... Имя же Савинкова настолько непопулярно въ лѣвыхъ кругахъ и комитетахъ, что извѣстіе о его активной роли въ отрядѣ можетъ насъ окончательно лишить надежды на пѣхоту. Савинковъ не соглашался со мной и доказывалъ, что важнѣе всего привлечь на свою сторону офицерство, которое на сторонѣ Савинкова, что доказывается его теперешнимъ избраніемъ. Керенскій прервалъ нашъ нѣсколько своеобразный споръ, заявивъ, что онъ утверждаетъ Савинкова.

Въ моей комнатѣ я засталъ Войтинскаго, Семенова и какого-то подозрительнаго офицера съ подвязанной щекой, который утверждалъ, что офицеры гатчинскаго дворца составили заговоръ противъ Керенскаго, что онъ якобы собственными ушами слышалъ, какъ они говорили, что, при первой попыткѣ Керенскаго уѣхать, они пустятъ ему пулю въ голову. Я, конечно отнесся къ этому, какъ къ полнѣйшей ерундѣ, и даже не передавалъ Керенскому. Но это рисуетъ атмосферу гатчинскаго дворца.

Утромъ я былъ разбуженъ делегаціей лужскихъ эсеровъ, въ рукахъ которыхъ была лужская станція и лужскій Совѣтъ. Они пришли къ Чернову спрашивать его совѣта, правильна ли та позиція, которую они заняли и выразили въ наканунѣ принятой резолюціи. Эта резолюція гласила, что лужскій гарнизонъ рѣшаетъ оставаться нейтральнымъ въ борьбѣ Правительства съ большевиками и пропускать эшелоны, какъ идущіе на помощь Правительству, такъ и идущіе по зову большевиковъ. Черновъ заявилъ, что съ его стороны резолюція возраженій не

встрѣчаетъ. На мои негодующія реплики, что это ударъ въ спину Правительству, онъ спокойно замѣтилъ что практически важно одно, чтобы пропускались эшелоны Правительства, такъ какъ эшелоны къ большевикамъ, повидимому, не идутъ.

Конечно, было бы нарушеніемъ объективности, если бы еще теперь видѣть въ этомъ поведеніи Чернова признаки какого-либо коварства или измѣны. Онъ искренне и давно былъ противъ воинственной политики большинства, въ томъ числѣ и въ особенности — Керенскаго. Я помню его первое выступленіе въ Совѣтѣ въ качествѣ министра земледѣлія. Его рѣчь дышала неподдѣльнымъ восторгомъ передъ революціей, создавшей такія учрежденія, какъ Совѣтъ, состоявшій весь изъ «селянъ» и рабочихъ. Соціальныя побѣды, въ видѣ возможности провести земельную реформу, ему представлялись настолько значительными и «праздничными», что вопросы фронта и международнаго положенія отступали на задній планъ: на радостяхъ побѣды надъ помѣщикомъ, котораго Черновъ, вѣроятно, ненавидѣлъ почти физически, можно было простить и даже уступить нѣмцу. И, несомнѣнно, его настроенія ближе отражали настроенія массъ, чѣмъ идеологія оборонческаго большинства. Но они вели къ сепаратному миру, — слово, котораго тогда даже большевики не рѣшались произнести. И онъ не боролся противъ воинственнаго большинства но какъ-то интриговалъ противъ него. Теперь же онъ былъ въ правѣ думать, что линія «народной гордости», которую проводилъ Керенскій, была гибельной и оттолкнула массы отъ Правительства. Какъ Савинковъ былъ правъ, говоря, что за Правительствомъ не идутъ офицеры, такъ правъ былъ Черновъ, говоря, что

за Правительствомъ не идутъ — солдаты. И оба дѣлали не тотъ выводъ, что надо заставить солдатъ и офицеровъ поддерживать Правительство, но оба считали, что борьбу съ большевиками надо вести помимо Правительства, отгораживаясь отъ Керенскаго.

Я не знаю, чѣмъ закончился пріемъ депутаціи, такъ какъ Керенскій вызвалъ меня и сообщилъ, что получены крайне тревожныя свѣдѣнія съ фронта. Въ 5-ой арміи большевистскій комитетъ рѣшилъ послать цѣлую дивизію въ помощь большевикамъ, и отношенія между штабомъ и комитетомъ достигли такого напряженія, что каждую минуту можетъ послѣдовать взрывъ. Въ двѣнадцатой арміи уже начались вооруженныя столкновенія между расколовшимися частями комитета... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разобранъ желѣзнодорожный путь — единственная линія, питавшая армію. — Надеждъ на быстрое разрѣшеніе вооруженнаго конфликта въ Гатчинѣ нѣтъ, такъ какъ среди гарнизона и казаковъ броженіе. На притокъ новыхъ силъ надеждъ тоже нѣтъ, такъ какъ въ предѣлахъ 24-часового пути нѣтъ ни одного правительственнаго эшелона. Броневой дивизіонъ, уже было погруженный въ Рѣжицѣ, не двинулся и разгружается. Кромѣ того была получена телеграмма о томъ, что совѣщаніе партій въ Петроградѣ рѣшило прекратить гражданскую войну (телеграмма впослѣдствіи оказалась подложной).

Керенскій рѣшилъ созвать совѣщаніе, Красновъ, Савинковъ, начальникъ штаба отряда, предсѣдатель комитета казачьей дивизіи и еще кто-то. Линія спора опредѣлилась сразу. Савинковъ настаивалъ на борьбѣ во что бы то ни стало,

соглашаясь въ крайнемъ случаѣ на переговоры, лишь какъ на военную хитрость, для того, чтобы выиграть время. Онъ носился въ это время съ идеей призванія на помощь поляковъ, корпуса Довборъ-Мусницкаго. Я развивалъ противоположную точку зрѣнія, доказывая, что дальнѣйшее продолженіе борьбы повлечетъ за собой полный распадъ фронта; нужно найти органическое соглашеніе цѣною максимальныхъ возможныхъ уступокъ. Красновъ мало интересовался широкими политическими перспективами: ему нужно было перемиріе во что бы то ни стало, въ виду положенія его отряда. Въ томъ же духѣ рѣшительно высказались остальные военные. Керенскій подчинялся неизбѣжному, и, повидимому, соглашался со мной. Казачьи представители поддерживали Краснова. Такъ какъ вопросъ о необходимости перемирія — все равно, какъ военной хитрости или какъ начала для переговоровъ, былъ безспоренъ, то рѣшено было немедленно сдѣлать соотвѣтственное предложеніе большевикамъ. Начали формулировку соотвѣтствующихъ документовъ, которые отъ имени Краснова должны были быть отосланы въ «штабъ бунтовщиковъ», какъ Красновъ упорно именовалъ большевиковъ въ своихъ посланіяхъ. Я отказался ѣхать къ большевикамъ подъ бѣлымъ флагомъ, такъ какъ вмѣстѣ съ Керенскимъ считалъ, что немедленно вступить въ переговоры можетъ только военная власть. Что же касается самого Керенскаго, то онъ долженъ былъ заручиться согласіемъ политическихъ группъ. Поэтому было рѣшено, что я немедленно тайно поѣду въ Петроградъ вести соотвѣтственные переговоры. Кузьминъ же долженъ былъ выѣхать подъ бѣлымъ флагомъ къ большевикамъ.

Засѣданіе, формулировка бумагъ, пріисканіе

автомобиля — все это заняло время до вечера. Сперва я рѣшилъ ѣхать кружнымъ путемъ, но, убѣдившись, что дорога слишкомъ плохая, повернулъ назадъ и поѣхалъ напрямикъ на Царское Село, уже занятое большевиками. Путешествіе было, въ сущности, даже не рискованное, а безнадежное, такъ какъ изъ Гатчины въ Царское вела одна дорога, и наши послѣдніе патрули стояли у самаго входа въ Гатчину — дальше должны были находиться уже патрули или дозоры большевиковъ, которые не могли пропустить автомобиль изъ Гатчинскаго гаража... Однако къ нашему удивленію, Царское Село еще не охранялось. Первые патрули мы встрѣтили только за Царскимъ Селомъ, но тамъ уже не стоило большого труда убѣдить большевиковъ пропустить насъ, какъ запоздалыхъ путешественниковъ. Потомъ къ намъ подсѣло нѣсколько рабочихъ красногвардейцевъ, которые при всѣхъ остановкахъ кричали: «Наши, наши», и такъ мы въѣхали около полуночи въ Петроградъ. Я тотчасъ отправился искать политическіе центры. Но въ Городской Думѣ — никого, на Фонтанкѣ въ Правовѣдѣніи — никого. Отъ случайно встрѣченной секретарши Комитета Спасенія узналъ, что меньшевики засѣдаютъ у Крохмаля. Поѣхалъ къ нему, но уже никого не засталъ. Между тѣмъ, на улицахъ стало мертвенно-пустынно. Изрѣдка только раздавались выстрѣлы. Въ квартиру Крохмаля меня швейцаръ уже не хотѣлъ пустить, такъ какъ домовый комитетъ постановилъ никого не пускать послѣ 12 часовъ ночи... Ясно было, что всѣ усилія что-нибудь сдѣлать въ эту ночь были безплодны.

Но и слѣдующій день былъ не менѣе безплоденъ. Я сдѣлалъ докладъ въ Комитетѣ Спасенія — тамъ сказали, что важность затронутыхъ во-

просовъ заставляетъ передать вопросъ на обсужденіе отдѣльныхъ партій. Сдѣлалъ докладъ въ своей партіи, въ центральномъ комитетѣ эсеровъ, который съ трудомъ разыскалъ, въ Викжелѣ, наконецъ... Но вездѣ былъ отвѣтъ: обсудимъ... Къ четыремъ часамъ получилъ извѣстіе, что усилія мои напрасны, такъ какъ Гатчина пала, упраздняя всѣ поднятые мною вопросы.

Тогда, въ минуту дѣйствія, всѣ событія казались сплошною цѣпью мелкихъ, часто несчастныхъ случайностей. Казалось, скажи тотъ или иной дѣятель иначе, напиши иную резолюцію — и все пошло бы по-иному. Но теперь ясно, что вопросъ былъ значительно сложнѣе. Члены одной и той же партіи не могли столковаться между собой, потому что такой разбродъ мнѣній былъ повсюду, быть можетъ, въ душѣ каждаго человѣка. И не въ энергіи или вялости отдѣльныхъ лицъ причина неуспѣха борьбы съ большевиками. Почему Кишкинъ и Пальчинскій въ Петроградѣ, Керенскій и Красновъ въ Гатчинѣ, Войтинскій и Савицкій въ Псковѣ, Болдыревъ въ Двинскѣ, Парскій и Кучинъ въ 12-ой арміи, Духонинъ и Дидерихсъ въ Ставкѣ — почему всѣ вдругъ оказались такими безпомощными и неэнергичными и безрезультатными въ усиліяхъ? Неужели вездѣ случайность или ошибки?

Глава вторая.

ПАДЕНІЕ СТАВКИ.

Посовѣтовавшись съ друзьями, я рѣшилъ пробираться къ себѣ, въ Могилевъ, тѣмъ болѣе, что въ Петроградѣ было рѣшительно нечего дѣлать, а Комитетъ Спасенія Родины и Революціи рѣшилъ послать значительную политическую делегацію въ Ставку.

Настроеніе Ставки было вполнѣ опредѣленное: оставивъ мысль объ активной борьбѣ съ большевиками и посылкѣ эшелоновъ въ Петроградъ, пассивно бороться съ ними, отстаивая отъ нихъ распорядокъ въ арміи. Расчетъ былъ ясенъ: день Учредительнаго Собранія приближался, и необходимо было такъ или иначе дотянуть до этого дня, сохраняя въ цѣлости военную организацію. Это не былъ нейтралитетъ, это было просто умолчаніе о позиціи. Такъ какъ въ Петроградѣ техническое руководство военнымъ министерствомъ оставалось въ рукахъ ген. Маниковскаго съ которымъ Духонинъ постоянно сносился, то была полная надежда, что такая позиція Ставки обезпечитъ ей неприкосновенность.

Я не находилъ возраженій противъ такой позиціи. Я не возражалъ, когда ген. Духонинъ показалъ мнѣ письмо Савинкова съ просьбой посылать эшелоны къ Лугѣ въ распоряженіе чуть ли не самого Савинкова, отнесся къ этому, какъ къ авантюрѣ. Но при такомъ настроеніи

положеніе комиссара Временнаго Правительства было совершенно неопредѣленнымъ, если не сказать ложнымъ. Поэтому я заявилъ Духонину, что передаю свои полномочія предсѣдателю общеармейскаго комитета, Перекрестову, правому эсеру. Духонинъ слабо возражалъ, ген. Дидерихсъ скорѣе даже поддерживалъ такое рѣшеніе, считая что присутствіе меня, какъ представителя прежняго Правительства, дѣлало Ставку одіозной въ глазахъ большевиковъ. Но обстоятельства помѣшали мнѣ привести свое намѣреніе въ исполненіе. Прежде всего, Комитетъ вынесъ постановленіе о необходимости, чтобы я оставался на своемъ мѣстѣ. То же самое мнѣніе высказали представители Комитета Спасенія Родины и Революціи, которые начали съѣзжаться въ Могилевъ. Но рѣшительнымъ образомъ повліялъ на это разрывъ Ставки съ большевиками.

Разрывъ произошелъ изъ-за требованія большевиковъ, чтобы Ставка взяла на себя техническую сторону мирныхъ переговоровъ съ противникомъ, къ которымъ большевики намѣревались приступить немедленно. Духонинъ въ уклончивомъ отвѣтѣ, не отказываясь прямо, задалъ цѣлый рядъ вопросовъ объ отношеніи къ переговорамъ союзниковъ, объ условіяхъ мира и т. п. Но Ленинъ, ведущій переговоры по прямому проводу, прервалъ ихъ смѣщеніемъ Духонина и назначеніемъ Верховнымъ Главнокомандующимъ Крыленко.

Стало яснымъ, что большевики идутъ на срывъ всей военной организаціи и не остановятся ни передъ чѣмъ для того, чтобы разрушить Ставку, мѣшающую имъ начать переговоры и, вообще, принимать конкретныя мѣры къ приближенію мира. При этихъ условіяхъ мотивы моего ухода отпадали, и въ день разрыва я

заявилъ Духонину и Дидерихсу, что сохраняю свои полномочія за собой.

Послѣ разрыва съ большевиками стало ясно, что даже до Учредительнаго Собранія Ставкѣ не дадутъ дотянуть, если она не будетъ бороться за свое существованіе. Но какъ бороться? На кого опираться? Въ первую голову отпадали всякія попытки искать опоры въ правѣ, въ остаткахъ офицерскихъ организацій, уцѣлѣвшихъ послѣ дѣла Корнилова. Эти круги относились отрицательно къ теперешней Ставкѣ вообще и къ Духонину въ частности. Но и вообще въ этомъ направленіи нельзя было найти что-либо ощутимое и вѣсомое, что можно было бы противопоставить большевизму.

Опоры приходилось искать въ остаткахъ прежнихъ оборонческихъ организацій въ арміи. Но и тутъ положеніе было затруднительнымъ. Вокругъ Ставки, какъ чисто военно-техническаго аппарата, такія силы нельзя было сгруппировать. Онѣ могли группироваться только вокругъ политическаго центра. Такимъ образомъ, Ставка невольно втягивалась въ русло общей политической борьбы за власть и сама по себѣ являлась мотивомъ для того, чтобы эту борьбу начать немедленно, не ожидая Учредительнаго Собранія.

Вообще, съ момента разрыва съ большевиками, Ставка жила въ напряженной атмосферѣ перекрещивающихся политическихъ стремленій и идей. Болѣе всего осязательными и ощутимыми были для меня тѣ идеи, съ которыми пріѣхали политическіе представители — Черновъ, Гоцъ (въ военномъ платьѣ), Авксентьевъ (безъ бороды), Скобелевъ, Богдановъ, Знаменскій, Ракитниковъ. Засѣданія происходили попеременно: пленарныя въ общеармейскомъ комитетѣ, и въ болѣе узкомъ составѣ — у меня. Вопросъ все

время шелъ о формахъ борьбы и о политической платформѣ борьбы. Въ сумбурѣ преній и взаимно парализующихъ тенденцій, въ концѣ концовъ, выкристаллизовались слѣдующія конкретныя предложенія.

1. Созвать съѣздъ крестьянскихъ представителей въ Могилевѣ. На этомъ болѣе всего настаивали соціалисты-революціонеры. И, дѣйствительно, отъ имени предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Крестьянскихъ Депутатовъ Чернова, были разосланы соотвѣтствующія приглашенія во всѣ губернскіе комитеты. Но эта затѣя окончилась неудачей, такъ какъ были получены свѣдѣнія, что депутаты въ большинствѣ ѣдутъ все же въ Петроградъ, и Черновъ вынужденъ былъ дать распоряженіе о томъ, чтобы и его сторонники направлялись туда.

2. Гораздо бо̀льшія пренія вызвалъ вопросъ о попыткѣ образовать въ Ставкѣ правительство. Большинство общеармейскаго комитета, рядъ членовъ делегаціи и я настаивали на принятіи такого рѣшенія, такъ какъ оно создало бы дѣйствительный центръ для борьбы за власть. Объ этой идеѣ говорилось не только абстрактно, но назывались конкретныя имена. Комитетъ единодушно настаивалъ на кандидатурѣ Чернова въ качествѣ главы правительства. Сопоставляя свѣдѣнія о тѣхъ оваціяхъ, которыми Чернова встрѣчали на сѣверномъ фронтѣ, съ единодушнымъ вотумомъ комитета, составленнаго изъ представителей всѣхъ армій, я тоже высказался за него, хотя въ личномъ разговорѣ подчеркнулъ Чернову, что, въ общемъ, я являюсь не столько его сторонникомъ, сколько противникомъ. Но теперь мнѣ казалось его имя подходящимъ, такъ какъ оно, какъ я выражался, было «соціально окрашено». Такъ какъ самъ Черновъ, по формѣ

уклончиво, но, по существу, недвусмысленно высказался въ пользу этой идеи, то получилось большинство. Рѣзко, даже озлобленно-негодующе возражалъ противъ этого ближайшій товарищъ Чернова, Гоцъ. Онъ считалъ, что попытка обречена на неудачу и только скомпрометируетъ партію, которая должна была сыграть рѣшающую роль въ Учредительномъ Собраніи. На первыхъ порахъ было рѣшено позондировать почву, произвести подсчетъ голосовъ въ арміи, запросивъ армейскіе комитеты. Запросъ исходилъ отъ общеармейскаго комитета. Отвѣты, въ общемъ дали большинство въ пользу такого рѣшенія. Но обстановка измѣнилась вслѣдствіе неблагопріятнаго отношенія изъ Петрограда. Мы были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Петроградомъ, благодаря неутомимости и мужеству П. М. Толстого. который ухитрился въ большевистскомъ Петроградѣ сохранить въ неприкосновенности тайну одного аппарата Юза и каждую ночь (днемъ почему-то пользоваться аппаратомъ было невозможно) разговаривать съ нами. Черезъ него были получены свѣдѣнія объ отрицательномъ отношеніи къ нашимъ предположеніямъ въ Петроградскихъ кругахъ. Кромѣ того, въ меньшевистской газетѣ появилась статья, именующая всѣ политическія предположенія въ Ставкѣ авантюрой; послѣ этой статьи наши друзья-меньшевики рѣшительно высказались противъ всякихъ попытокъ организаціи власти изъ Ставки и уѣхали. Эсеры произвели давленіе на своего лидера, который тоже, не ожидая даже поступленія всѣхъ отвѣтовъ изъ арміи, собрался въ Петроградъ. Были также извѣстныя теченія и стремленія среди чисто-военныхъ круговъ Ставки. и, въ особенности, среди союзныхъ миссій. Но они не вылились не только въ кон-

кретное дѣйствіе, но даже въ конкретный планъ. При этомъ изъ союзническихъ миссій поступали самыя противорѣчивыя свѣдѣнія и предложенія. И даже въ послѣдній день Ставки наиболѣе сильный и рѣшающій психологическій ударъ ей былъ нанесенъ именно изъ союзническихъ миссій.

Неясность и неудачливость конкретныхъ плановъ борьбы съ большевиками усиливали пассивныя теченія, стремящіяся вернуться къ прежней политикѣ только пассивнаго сопротивленія или даже просто выжиданія. Мнѣ казалось, что даже нѣкоторые изъ высшихъ руководителей отдѣльныхъ управленій Ставки намеками и уклончивыми отвѣтами давали понять, что надо оставить мысль объ активной борьбѣ. Несомнѣнно, тутъ играло роль стремленіе найти способъ безболѣзненнаго перехода Ставки въ новыя руки, чтобы военно-техническій аппаратъ не оказался разрушеннымъ. Были тутъ и «резиньяціонныя» настроенія — противъ рожна не попрешь, а большевизмъ казался чрезвычайно серьезной міровой силой: какъ разъ въ это время происходило отступленіе итальянской арміи, и офиціальная характеристика итальянской арміи показала, что она очень и очень стала похожей на нашу. Кромѣ того, изъ союзническихъ миссій повторяли сообщенія, что въ нѣкоторыхъ французскихъ дивизіяхъ образовались комитеты, и вообще французскія войска уже раздѣляются на категорію стрѣляющихъ и отказывающихся стрѣлять... Были тутъ и соображенія личной карьеры. Не говоря о Бончъ-Бруевичѣ, который не скрывалъ своей переписки съ братомъ, мнѣ казалось, что и другіе высшіе чины думаютъ о томъ, чтобы найти линію поведенія, обезпечивающую охраненіе ихъ высокаго положенія.

Кругами, настроенными соглашательскій, была выдвинута мысль о назначеніи, вмѣсто Духонина, Бончъ-Бруевича. Послѣ паденія всѣхъ предположеній относительно активной борьбы съ большевиками, эту идею воспринялъ и общеармейскій комитетъ. Я возражалъ противъ замѣны, но соглашался, что извѣстное значеніе могло бы имѣть назначеніе Бончъ-Бруевича исполняющимъ должность начальника штаба, такъ какъ Духонинъ былъ фактически Верховнымъ Главнокомандующимъ. Духонинъ согласился на этотъ планъ. Я переговорилъ съ Бончъ-Бруевичемъ, но тотъ отказался, намекая, что, получая высшее назначеніе, онъ долженъ имѣть полную свободу дѣйствія. Но я тогда рѣзко прервалъ переговоры.

Были характерными также измѣненія въ настроеніи массы, которая окружала насъ въ видѣ техническаго персонала, чиновъ охраны, ординарцевъ, георгіевскаго батальона. Настроенія эти съ каждымъ днемъ становились хуже. На георгіевскихъ кавалеровъ уже давно нельзя было разсчитывать. Даже казаки и текинцы стали проявлять признаки броженія. Мы перестали быть увѣрены въ своихъ вѣстовыхъ, шофферахъ.. Боялись разговаривать по телефону, такъ какъ сообщалось о большевистской агентурѣ среди телефонистовъ. Все яснѣе стало проявляться вліяніе пріѣзжихъ агитаторовъ, отъ которыхъ Ставка не находила способа обезопасить себя... Вода всеобщаго потопа начинала проступать сквозь почву у насъ подъ ногами.

Изъ внѣшняго міра поступали все болѣе тревожныя свѣдѣнія. Перевыборы комитетовъ давали повсюду успѣхъ большевикамъ. Я разослалъ телеграммы всѣмъ губернскимъ комиссарамъ, но получилъ очень мало отвѣтовъ — очевидно, правительственная власть уже не находи-

лась въ ихъ рукахъ. — Но наиболѣе потрясающее впечатлѣніе на насъ произвели выборы въ Учредительное Собраніе въ Петроградѣ: около 40% голосовъ оказались поданнымъ за большевиковъ! Принимая во вниманіе, что лѣвые эсеры и интернаціоналисты должны были быть причислены къ партіямъ, поддерживающимъ большевиковъ, стало яснымъ, что путь демократизма, большинства голосовъ, формально выраженной воли націи лежитъ крайне близко около большевиковъ. Это уже не десятая часть, какъ было въ началѣ революціи, а самая многочисленная и вліятельная въ массахъ партія. Было явной нелѣпостью пытаться бороться съ нею вооруженнымъ путемъ. Тѣмъ болѣе, что слѣдующая по вліянію партія эсеровъ не проявляла большой склонности вооруженно бороться съ большевиками.

Параллельно съ нашей неувѣренности въ себѣ возрастала рѣшительность сторонниковъ большевиковъ внутри Могилева. Лѣвая часть общеармейскаго комитета сперва вела себя очень тихо. Теперь же, по мѣрѣ того, какъ новые армейскіе комитеты отзывали своихъ представителей изъ Ставки, лѣвое крыло начинало все болѣе рѣзко проявлять свое мнѣніе. Не выдвигая никакой опредѣленной идеи, оно отчаянно противилось всякой мѣрѣ, всякому рѣшенію большинства. Особенно упрямъ, нетерпимъ и непріятенъ былъ б. предсѣдатель комитета Полянскій. Дыханіе новыхъ психологическихъ сдвиговъ стало чувствоваться и въ другихъ демократическихъ организаціяхъ — въ крестьянскомъ совѣтѣ, въ совѣтѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ стали слышаться новыя рѣчи, рѣзкіе протесты. Однако до послѣдняго дня большинство этихъ совѣтовъ, отчасти благодаря лич-

ному вліянію могилевскаго губернскаго комиссара Певзнера было на сторонѣ Ставки и, какъ могло, старалось оградить ее отъ ярости большевизма.

Между тѣмъ, событія развивались своимъ чередомъ. Крыленко отправился на фронтъ 5-ой арміи начать переговоры съ военнымъ командованіемъ противника. Мы пытались оказать сопротивленіе Крыленко въ его поѣздкѣ. Въ Псковѣ комиссаромъ былъ Шубинъ, интернаціоналистъ, но стоявшій въ тотъ моментъ на нашей сторонѣ. Онъ запросилъ у меня инструкцій, что дѣлать. Я сказалъ, что необходимо сдѣлать все возможное, чтобы не пропустить Крыленко. Болдыревъ самъ сообщалъ, что окажетъ сопротивленіе большевикамъ. Но вотъ получаются извѣстія: бѣжавшій изъ Пскова Черемисовъ арестованъ, Шубинъ — арестованъ, Болдыревъ — арестованъ. Мы были увѣрены, что противникъ откажется вести переговоры съ узурпаторами власти. Однако, послѣ предварительныхъ переговоровъ большевики получили приглашеніе выслать своихъ парламентеровъ въ назначенный день, прекративъ въ этотъ день боевыя дѣйствія на фронтѣ. По этому поводу Крыленко увидалъ себя въ необходимости снестись со Ставкой. Духонинъ попросилъ меня переговорить съ нимъ. Крыленко потребовалъ, чтобы я передалъ Духонину приказъ прекратить въ назначенный день всякую перестрѣлку и военныя дѣйствія. Я отказался передавать, указавъ, что армія вообще еще не признала власти Крыленко. Я даже предлагалъ Духонину, разослать противоположный приказъ, чтобы въ назначенный день начать возможно болѣе оживленную ружейную и артиллерійскую перестрѣлку. Но Духонинъ отказался, такъ какъ считалъ, что такая

мѣра можетъ внести большое осложненіе въ жизнь арміи.

Вообще надо сказать, что смѣлый жестъ большевиковъ, ихъ способность перешагнуть черезъ колючія загражденія, четыре года отдѣлявшія насъ отъ сосѣднихъ народовъ, произвели сами по себѣ громадное впечатлѣніе. Мы все настаивали, что большевики не могутъ дать мира странѣ. И тутъ, когда они приступили къ дѣйствію, прервать ихъ — значило бы оставить весь народъ въ убѣжденіи, что большевикамъ мѣшали выполнить ихъ программу, дать немедленно справедливый миръ усталому народу. Не лучше ли дать имъ дойти до естественныхъ выводовъ и послѣдствій? Могли быть два исхода. Или нѣмцы не захотятъ говорить съ большевиками — тогда это будетъ прекраснымъ конституціоннымъ урокомъ для народа, который почувствуетъ себя вынужденнымъ итти по стезѣ мирнаго развитія демократическихъ учрежденій. Или же нѣмцы предложатъ такія условія мира, которыя окажутся явно непріемлемыми, явно-гибельными для Россіи — тогда народъ увидитъ необходимость вооруженной борьбы. — Конечно, было бы лучше, чтобы этотъ показательный урокъ продѣлали мы сами и использовали его въ нашихъ цѣляхъ. Поэтому я, съ согласія военныхъ круговъ Ставки и даже союзническихъ миссій сдѣлалъ предложеніе о томъ, чтобы Ставка созвала въ Могилевѣ представителей всѣхъ партій, въ томъ числѣ и большевиковъ, для всенароднаго, такъ сказать, разрѣшенія вопроса о мирѣ. Но изъ Петрограда было дано опять-таки отрицательное заключеніе, которое было мнѣ передано цитатой изъ заключенія Нератова, съ которымъ согласились и остатки Временнаго Правительства и Комитетъ Спасенія Ро-

дины и Революціи. Такимъ образомъ, не имѣя возможности ни бороться, ни проявлять активность въ какомъ-нибудь иномъ направленіи, мы вынуждены были пассивно выжидать событій.

Положеніе Ставки въ стратегическомъ смыслѣ казалось вполнѣ надежнымъ. Лежащій въ сторонѣ отъ большихъ путей къ фронту, спокойный Могилевъ представлялъ собой какъ бы островокъ среди взволнованнаго народнаго моря. Подобраться къ нему, казалось, затруднительнымъ. Около Витебска стоялъ 35-ый корпусъ, одинъ изъ самыхъ надежныхъ, съ которымъ кое-кто связывалъ самыя фантастическія надежды. Но если и можно было сомнѣваться въ способности корпуса къ активнымъ дѣйствіямъ противъ большевиковъ, то не было никакихъ сомнѣній не довѣрять намѣреніямъ корпуса не пропускать большевиковъ черезъ Витебскъ въ Ставку. Между Оршей и Могилевомъ стояла наиболѣе надежная во всей арміи первая финляндская дивизія. Въ самомъ Могилевѣ были казаки и текинцы. Потомъ присоединились еще двѣ роты ударниковъ. Казалось, что добраться было не легко. — Кромѣ того, казалось, что большевики, послѣ разъѣзда изъ Ставки политическихъ представителей и послѣ избранія Двинска базой мирныхъ переговоровъ, оставятъ Ставку въ сторонѣ.

Но вотъ въ управленіи военныхъ сообщеній изъ Петрограда были получены свѣдѣнія, что на Могилевъ выступилъ эшелонъ матросовъ. Медленно, съ длинными остановками для обѣдовъ, ужиновъ и ночевокъ, съ проявленіемъ нѣкоторой нерѣшительности, но все же постоянно эшелонъ продвигался впередъ. Миновалъ Дно. Подходитъ къ Витебску. Миновалъ Витебскъ —

спрашивается, что дѣлалъ 35-ый корпусъ?... Подходитъ къ Оршѣ...

Возникла мысль отодвинуть всю Ставку на югъ, на Украину. Я велъ соотвѣтствующіе переговоры съ Украинской Радой при посредствѣ Одинца и Зарубина. Но, несмотря на самыя отчаянныя усилія посредниковъ, Рада не согласилась пріютить Ставку въ Кіевѣ и предоставила ей найти себѣ пристанище гдѣ-нибудь на «Черниговщинѣ»... Ставка все-таки пробовала грузиться. Но немедленно передъ помѣщеніемъ Ставки появились возбужденныя толпы солдатъ, заявляющихъ, что онѣ Ставку не выпустятъ.

Вечеромъ въ тотъ же день — это было 17 ноября — распространилось, со ссылкой на итальянскую миссію, сообщеніе, что союзники официально рѣшили не возражать противъ сепаратныхъ переговоровъ Россіи съ нѣмцами при соблюденіи нѣкоторыхъ условій (непосылка военныхъ матеріаловъ въ Германію и пр.) и что даже назначили своего представителя, который для информаціонныхъ и контрольныхъ цѣлей будетъ присутствовать при переговорахъ. Сообщеніе было передано съ такими техническими подробностями, что сомнѣваться въ немъ не приходило никому въ голову. Естественно, что это было серьезнымъ психологическимъ ударомъ. На собраніи всѣхъ чиновъ Ставки, гдѣ настроеніе было за то, чтобы организовать борьбу, сообщеніе Духонинымъ этого извѣстія подѣйствовало ошеломляюще. Если не только противники, но и союзники готовы признать законными шаги большевиковъ, то какова же будетъ роль Ставки и ея защиты? И, вмѣсто боевыхъ тоновъ, въ рѣчахъ Духонина и представителей чиновъ Ставки зазвучали ноты прощанія при разставаніи.

Вопросъ о сопротивленіи какъ-то самъ собою былъ снятъ. Вечеромъ у Духонина собрались высшіе чины Ставки, которые пришли къ нему съ рѣшеніемъ, что ему необходимо покинуть Ставку, такъ какъ противъ него большевиками велась слишкомъ усиленная личная кампанія, и поэтому его присутствіе можетъ осложнить положеніе Ставки въ моментъ прихода большевиковъ. Такое же рѣшеніе вынесъ и общеармейскій комитетъ. Я придерживался того же мнѣнія, хотя по нѣсколько инымъ соображеніямъ. Независимо отъ цѣлости техническаго аппарата Ставки, мнѣ казалось чрезвычайно важнымъ сохранить въ неприкосновенности отъ большевиковъ идею высшаго командованія арміей, олицетвореніемъ которой былъ Духонинъ. Поэтому мнѣ казалось необходимымъ, чтобы онъ ѣхалъ на одинъ изъ южныхъ фронтовъ, еще не окончательно разложившихся. Духонинъ, однако, колебался. Считая, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ еще на другой день, я около 2 часовъ ночи отправился къ себѣ.

Около пяти часовъ утра меня разбудилъ телефонный звонокъ: Духонинъ просилъ меня прійти къ нему немедленно, такъ какъ имъ были получены весьма важныя извѣстія. Я былъ такъ утомленъ что пробовалъ было просить у Духонина разрѣшенія прійти часовъ въ 8 утра. Но Духонинъ настаивалъ, чтобы я пришелъ немедленно и захватилъ съ собой предсѣдателя общеармейскаго комитета Перекрестова. Я тотчасъ одѣлся, нашелъ Перекрестова, и мы оба пришли къ Духонину. Было еще совсѣмъ темно.

Духонинъ былъ измученный и блѣдный. На столѣ лежала кучка телеграммъ. Изъ 35-го корпуса сообщалось, что въ немъ разруха, и о какомъ-либо сопротивленіи большевикамъ не мо-

жетъ быть и рѣчи. Далѣе, было извѣстіе, что большевистскій эшелонъ стоитъ въ Оршѣ и утромъ предполагаетъ двинуться дальше на Могилевъ. Далѣе, была телеграмма отъ начальника 1-ой финляндской дивизіи о томъ, что дивизія «рѣшила» быть нейтральной и не препятствовать большевикамъ на пути. — Кромѣ того, Духонинъ сообщилъ, что ночью у него была депутація ударниковъ, которые поставили условіемъ ихъ дальнѣйшаго пребыванія въ Могилевѣ разоруженіе Георгіевцевъ, роспускъ или даже арестъ всѣхъ комитетовъ и еще что-то, явно не нужное и неисполнимое... Просто людямъ хотѣлось уйти... Духонинъ пробовалъ было ихъ уговорить остаться для охраны, чтобы при входѣ большевиковъ не разыгрались эксцессы. Но ударники заявили что для одного человѣка они не могутъ жертвовать головами сотенъ. — Я, въ свою очередь, могъ сообщить Духонину, что у меня наканунѣ былъ полковникъ, командиръ текинцевъ, и заявилъ, что такъ какъ текинцы имѣютъ уже очень дурную контръ-революціонную славу, то они просятъ на нихъ не разсчитывать при защитѣ теперешней Ставки — я былъ слишкомъ тогда озабоченъ, чтобы доискиваться смысла этого заявленія, т. е. было ли это отказомъ «справа» или «слѣва». Выводъ однако былъ ясенъ: ни одного солдата для защиты Ставки!

Оставался выборъ: или сдаться матросамъ, которые черезъ нѣсколько часовъ явятся въ Могилевъ, или уѣхать. Я, конечно, настаивалъ на второмъ. Но Духонинъ возразилъ, что уѣхать невозможно, уже просто потому, что въ его распоряженіи нѣтъ никакихъ средствъ передвиженія. Гаражъ со вчерашняго дня былъ подъ вліяніемъ большевиковъ, тайнаго военно-революціоннаго комитета въ Могилевѣ, который отдалъ

приказъ, чтобы ни одинъ автомобиль не выѣзжалъ за предѣлы Могилева. О поѣздѣ приходилось думать еще менѣе, такъ какъ если бы даже удалось выѣхать изъ Могилева, то поѣздъ былъ бы несомнѣнно задержанъ въ Жлобинѣ, гдѣ стояла дивизія большевиковъ.

Но я еще наканунѣ, въ предвидѣніи такого положенія дѣлъ, принялъ нѣкоторыя мѣры. При содѣйствіи комиссара Певзнера я обезпечилъ пріютъ Духонину въ самомъ Могилевѣ и, кромѣ того, выяснилъ, что въ Могилевѣ, помимо штабного, имѣлся еще гаражъ эвакуированнаго варшавскаго округа путей сообщенія. Поэтому, я предложилъ пойти впередъ и уладить всѣ эти вопросы: Духонинъ же долженъ былъ выйти черезъ четверть часа вслѣдъ за мной и въ моемъ управленіи встрѣтить провожатаго, который доведетъ или до автомобиля или до надежнаго помѣщенія. Духонинъ еще продолжалъ колебаться. Но времени нельзя было тратить, такъ какъ днемъ самый выходъ изъ Ставки могъ быть затруднителенъ — Духонинъ говорилъ, что его собственный деньщикъ слѣдилъ за нимъ... Поэтому, я оставилъ Дидерихса, Рателя и Перекрестова убѣждать Духонина, самъ же отправился въ гостиницу, гдѣ ночевалъ мой пріятель и сотрудникъ Гедройцъ. Я разбудилъ его и направилъ навстрѣчу Духонину, съ тѣмъ, чтобы тотъ привелъ его временно къ себѣ. Самъ же я пошелъ къ начальнику варшавскаго округа путей сообщенія доставать автомобиль. Съ трудомъ добудился. Но получилъ обѣщаніе, что къ 9 часамъ автомобиль будетъ поданъ — раньше было невозможно, такъ какъ болѣе ранніе сборы могли возбудить подозрѣніе. Совершенно случайно въ моемъ распоряженіи была печать большевистскаго петроградскаго военно-революціоннаго ко-

митета. Поэтому я на всякій случай заготовилъ пропускъ для автомобиля отъ имени этого комитета.

Около 8 часовъ я вернулся въ гостиницу къ Гедройцу и, къ моему великому удовлетворенію, засталъ тамъ Духонина, Дидерихса и Рателя. — Перекрестовъ уже раньше простился и отправился домой. Поѣздка была рѣшена. И если бы автомобиль былъ готовъ, я не сомнѣваюсь, Духонинъ сѣлъ бы въ него, и мы уѣхали бы. Но приходилось ждать. Духонинъ все время безпокоился, что на мосту большевики поставятъ стражу и будутъ караулить. Но я былъ совершенно спокоенъ и увѣрялъ, что мы имѣемъ передъ собой для выѣзда изъ Могилева не менѣе 12 часовъ, а можетъ быть, и цѣлыя сутки. Но неожиданно измѣнилъ свое мнѣніе Дидерихсъ. До сихъ поръ онъ такъ же убѣжденно доказывалъ необходимость отъѣзда Духонина, какъ и я. Тутъ же, въ этой полуконспиративной обстановкѣ, онъ почувствовалъ что-то противорѣчащее военной этикѣ. И онъ упорно и настойчиво сталъ разубѣждать Духонина. Мои возраженія, что рѣчь идетъ о дальнѣйшей борьбѣ, о сохраненіи идеи верховнаго командованія и пр., онъ парировалъ указаніями, что Духонинъ не политическій дѣятель, и внѣ своей Ставки онъ борьбы вести не можетъ. Несмотря на серьезныя колебанія Духонина, Дидерихсъ убѣдилъ его немедленно вернуться въ Ставку.

Я поставилъ имъ вопросъ, какъ они считаютъ, слѣдуетъ ли и мнѣ оставаться. Оба рѣшительно возразили. Было рѣшено, что Духонинъ немедленно послѣ возвращенія въ Ставку протелеграфируетъ ген. Щербачеву, что передаетъ ему Верховное Командованіе. Поэтому мнѣ слѣдовало ѣхать на румынскій фронтъ.

Мы сердечно простились. Духонинъ натянулъ непромокаемую накидку, прикрывавшую его генеральскіе погоны, и вернулся въ Ставку.

Черезъ нѣсколько часовъ, съ большимъ запозданіемъ былъ данъ автомобиль. Въ ту минуту, когда къ Могилеву подходилъ большевистскій эшелонъ, я переѣзжалъ черезъ днѣпровскій мостъ, на которомъ, какъ я и ожидалъ, не было не только большевистской, но вообще никакой стражи.

Глава третья.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ВОСТОЧНАГО ФРОНТА.

---

1. Брестскій миръ.

Въ первый же день по пріѣздѣ въ Кіевъ узналъ, что Духонинъ былъ убитъ матросами. Я снесся съ румынскимъ фронтомъ, но отъ начальника штаба получилъ отвѣтъ, что Щербачевъ возражаетъ противъ моего пріѣзда къ нему на фронтъ, такъ какъ это можетъ только осложнить и такъ уже не легкое положеніе. То же самое сообщилъ мнѣ Тизенгаузенъ, который уже дѣйствовалъ не какъ представитель Правительства, а какъ представитель фронтового комитета, «Румчерода»?...

Политическая обстановка въ Кіевѣ поразила меня своей сложностью: явно чувствовалось, что рѣчь идетъ уже не о двухъ фронтахъ — противъ нѣмцевъ и противъ большевиковъ, но по крайней мѣрѣ о трехъ, такъ какъ національный украинскій вопросъ сказывался очень сильно, даже заслонялъ другіе вопросы: Уже во время мимолетныхъ бесѣдъ съ Винниченко и Грушевскимъ я убѣдился, что «русская опасность» въ ихъ психологіи весьма реальный факторъ. Въ отвѣтъ на это въ средѣ представителей русскихъ партій болѣе всего говорилось о «коварствѣ» украинцевъ, о той опасности, которая грозитъ со стороны самостійниковъ явныхъ и тайныхъ.

Къ концу декабря я вернулся въ Петроградъ. Тамъ все было въ ожиданіи Учредительнаго Собранія, такъ какъ было извѣстно, что большинство не на сторонѣ большевиковъ. Казалось, Учредительное Собраніе давало надежную опору для борьбы съ большевизмомъ, и принимались всѣ усилія, чтобы на немъ сосредоточить вниманіе и активность народныхъ массъ. И, дѣйствительно, къ пятому января, въ день открытія Учредительнаго Собранія, по улицамъ потянулись невиданныя по количеству манифестаціи поддержки. — Нѣтъ сомнѣнія, что одна десятая людей, выйди она поддержать Правительство въ день возстанія большевиковъ, предотвратила бы возможность ихъ побѣды... Теперь же грубая и уже организованная энергія большевиковъ оказалась выше энтузіазма манифестантовъ, и торжественныя, воодушевленныя шествія были разогнаны ружейнымъ огнемъ съ крышъ и изъ оконъ.

Но впечатлѣніе «неправа», совершеннаго большевиками надъ Учредительнымъ Собраніемъ, было въ значительной степени смягчено недовольствомъ самимъ Учредительнымъ Собраніемъ; его, какъ говорили, «недостойнымъ поведеніемъ», трусливостью и податливостью предсѣдателя Чернова. Учредительное Собраніе бранили больше, чѣмъ большевиковъ, разогнавшихъ его. Тутъ проявилось опять раздвоеніе русской анти-большевистской общественности. До сихъ поръ она какъ-то забывала о тѣхъ спорахъ, которые недавно разъѣдали ее. Но теперь различіе цѣлей и причинъ недовольства большевиками выявилось наглядно. Средняя позиція не удовлетворяла никого. Или Ленинъ, или Калединъ. Но не Черновъ, не Керенскій, даже не Милюковъ или Родзянко. Вообще — не политическій дѣя-

тель нуженъ былъ значительнымъ и вліятельнымъ кругамъ русской общественности, а генералъ, и при томъ не армейскій, а казачій.

Процессъ раздѣленія Россіи на два воюющихъ лагеря ускорялся международнымъ вопросомъ. Процедура мирныхъ переговоровъ медленно продолжалась, но уже чувствовалось неравенство силъ лозунговъ и пулеметовъ... Наконецъ, большевики отказались подписать условія мира, предложенныя нѣмцами. Всѣ антибольшевистскія партіи почувствовали приливъ силъ не только потому, что странѣ грозила опасность, но потому, что предметный урокъ, на который надѣялись, оказался какъ разъ такимъ, какъ предполагали. Это давало увѣренность во внутренней правотѣ позиціи. Мира нѣтъ! Значитъ, война? — Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, отказъ большевиковъ подписать миръ на минуту поколебалъ настроеніе по отношенію къ большевикамъ, и создалось маленькое движеніе въ пользу сговора съ ними, если бы дѣло дошло до дѣйствительной борьбы.

Въ одномъ изъ эпизодовъ этого психологическаго сдвига пришлось сыграть роль и мнѣ. Когда стало извѣстно о наступленіи нѣмцевъ на фронтѣ и о приближеніи ихъ къ Пскову, въ Петроградѣ началось большое волненіе. Мнѣ, какъ военному и знающему о грандіозныхъ запасахъ военнаго имущества въ Псковѣ, представлялось яснымъ, что задача момента одна: оказывать сопротивленіе наступающему противнику. Поэтому на засѣданіи центральнаго комитета трудовой партіи я возражалъ противъ резолюціи, которая была одновременно направлена и противъ «внѣшняго» и противъ «внутренняго» врага. Я настаивалъ, что въ настоящую минуту надо

только думать о противникѣ, входящемъ въ наши предѣлы, и бороться съ нимъ въ системѣ той правительственной организаціи, которая имѣется налицо, забывая на моментъ о ея несовершенствахъ и совершенныхъ преступленіяхъ. Мое мнѣніе восторжествовало. Это вызвало частичный кризисъ въ партіи въ видѣ выхода изъ состава комитета нѣкоторыхъ членовъ его. Тогда было рѣшено для примиренія устроить новое засѣданіе. Но я не дожидался слѣдующаго засѣданія. Мысль, что тѣ окопы, которые я съ такимъ стараніемъ строилъ вокругъ Пскова, могутъ быть съ налета пройдены кавалерійскимъ разъѣздомъ противника, казалась мнѣ настолько чудовищной, что я отправился къ Крыленко и предложилъ ему услуги въ качествѣ рядового офицера.

Крыленко былъ страшно изумленъ, что я нахожусь въ Петроградѣ, упомянулъ, что они устраивали спеціальныя засады, чтобы изловить меня. Онъ пробовалъ въ связи съ этимъ говорить что-то о необходимости, чтобы я явился «одинъ, безъ охраны», въ революціонный трибуналъ, при чемъ обѣщалъ дать мнѣ свое «письмо»... Но я отвѣтилъ, что я пришелъ вовсе не для своей реабилитаціи, и если вопросъ ставить въ эту плоскость, то я склоненъ скорѣе привлекать его къ отвѣтственности, чѣмъ отвѣчать самъ. Я теперь просто и открыто прихожу въ качествѣ офицера, предлагая безъ всякихъ заднихъ мыслей помощь въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, тѣмъ болѣе, что я прекрасно знакомъ съ псковскимъ фронтомъ. Онъ спросилъ меня, готовъ ли я немедленно отправиться на позиціи. Я отвѣтилъ, что согласенъ. Онъ записалъ мой телефонъ и адресъ и сказалъ, что позвонитъ по телефону, когда надо будетъ ѣхать. Кромѣ того, онъ про-

силъ меня составить докладъ о защитѣ Пскова малыми силами.

Мой поступокъ вызвалъ такое возмущенiе въ партiи, что мнѣ пришлось заявить о своемъ уходѣ изъ комитета. Нѣсколько иначе отнеслись мои друзья военные, которые наперебой звонили ко мнѣ, предлагая свои услуги. Я сидѣлъ и писалъ докладъ. Крыленко, дѣйствительно, позвонилъ мнѣ и спросилъ, готовъ ли я отправиться на другой день рано утромъ. Я отвѣтилъ, что согласенъ. Черезъ полъ часа явились красноармейцы и предъявили ордеръ, подписанный женой Крыленко, о моемъ арестѣ. Послѣ весьма поверхностнаго обыска я былъ препровожденъ въ революцiонный трибуналъ во дворцѣ Сергiя Александровича.

Ночь на полу трибунала... Формальный допросъ о моей дѣятельности въ Ставкѣ... Мой отказъ давать показанiя... Кресты... Десятокъ довольно тревожныхъ дней, такъ какъ все время ходили слухи о томъ, что красноармейцы готовы насъ разстрѣлять въ случаѣ приближенiя нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознанiе о какой-то трагикомичности положенiя: изъ-за желанiя защищать Россiю отъ противника — почти исключенъ изъ своей партiи и посаженъ въ тюрьму «правительствомъ».

Если бы не недостатокъ пищи и не тревога изъ-за поведенiя вооруженной стражи — сидѣть въ Крестахъ было-бы недурно. Нравы Крестовъ, знакомые мнѣ раньше по двукратному сидѣнiю въ нихъ по политическимъ дѣламъ, — были весьма мягкими. Сторожа не обращались иначе, какъ со словами «товарищъ», вкладывая въ слово, дѣйствительно, душевное отношенiе. Двери камеръ оставались открытыми чуть ли не весь день, и если закрывались, то со словами: «Това-

рицъ, ничего, если я васъ прикрою немножко»... Но я обычно не только не возражалъ, но даже настаивалъ, чтобы меня «прикрыли», такъ какъ хотѣлось оставаться одному.

Какимъ-то образомъ, вѣроятно, не безъ участія моей жены, моей судьбой заинтересовались лѣвые эсеры, работавшіе тогда совмѣстно съ большевиками, и они добились моего освобожденія. Дальнѣйшихъ попытокъ сотрудничать съ большевиками я не могъ дѣлать, такъ какъ Псковъ оказался занятымъ нѣмцами, а большевики рѣшили подписать мирныя условія, «не читая ихъ».

Но это не былъ миръ, а только начало новой, еще болѣе страшной войны.

Трудно сказать, что было бы, если бы большевики рѣшили продолжать войну съ противникомъ. Еще труднѣе сказать, что было бы, если бы противникъ въ Брестѣ предложилъ иныя условія мира и не пытался свести Россію къ предѣламъ московскаго княжества. Я думаю, что въ послѣднемъ случаѣ Германія пріобрѣла бы спокойнаго сосѣда. Авторитетъ большевизма тогда поднялся бы, и часть лѣвыхъ общественныхъ группировокъ нашла бы для себя возможнымъ сотрудничать съ нимъ, и все развитіе политическихъ отношеній въ Россіи пошло бы совсѣмъ инымъ путемъ. Если бы Брестскій миръ былъ хоть немного болѣе приличнымъ, болѣе того, если бы просто можно было вѣрить, что якобы положенное въ его основу самоопредѣленіе народовъ было реальнымъ фактомъ, а не формой, прикрывающей господство Германіи на востокѣ Европы, тогда, быть можетъ, отъ большевиковъ началось бы мирное развитіе Россіи. Правда, экономическія потрясенія были бы неизбѣжны,

пока большевики не отказались бы отъ своего максимализма въ вопросахъ организаціи народнаго труда. Но эти потрясенія были бы какъ разъ легче въ моментъ разрухи, завѣщанной войной, чѣмъ въ моментъ мирно налаженной жизни. Экономическіе опыты большевиковъ были бы легче, потому что они были бы ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ, или, въ худшемъ случаѣ, попытками дальнѣйшаго развитія государственнаго соціализма, регулировки промышленности, созданной для войны. Поэтому стѣсненія частной предпріимчивости не нарушали бы слишкомъ грубо создавшагося строя взаимоотношеній. И нельзя пренебрегать психологической стороной дѣла. Какъ бы ни были ничтожны успѣхи большевиковъ при налаживаніи мирной работы — это все же было бы лучше, чѣмъ безумное самосжиганіе на войнѣ. Вѣдь даже остановленный заводъ, даже разрушенный до основанія — лучше, чѣмъ заводъ, изготавливающій снаряды и патроны. Но вѣдь заводы не остановились бы, они хоть плохо, а работали бы для мира, производя нужное и полезное для дальнѣйшей работы.

Конечно, масса частныхъ интересовъ была бы нарушена. Но имъ крайне трудно было бы найти идеологическое оправданіе. Конечно, были бы попытки возстаній, контръ-революціи. Но онѣ не привлекли бы массъ. Я сужу и по настроенію нашего весьма праваго партійнаго комитета: когда въ немъ обсуждалось письмо Савинкова съ приглашеніемъ пріѣхать въ Новочеркасскъ для образованія анти-большевистской власти, было рѣшено приглашеніе отклонить, такъ какъ никому изъ насъ не хотѣлось участвовать въ русской Вандеѣ.

Но это было до Брестскаго мира. Брестскій

же миръ показался общественному сознанію настолько чудовищнымъ, что выбора не могло быть: надо бороться противъ этого мира, борясь прежде всего съ сознательными или безсознательными предателями Россіи, съ большевиками.

Я, по своимъ мирнымъ настроеніямъ, готовъ былъ отнестись къ Брестскому миру съ возможно бо́льшей терпимостью. Но и то видѣлъ, что онъ создавалъ чудовищное преобладаніе нѣмцевъ на Востокѣ Европы. Особенно опаснымъ казалось мнѣ это даже не для самой Россіи, а для мелкихъ народовъ, входящихъ въ орбиту гегемоніи Германіи. Я припоминалъ соображенія Рорбаха и другихъ нѣмецкихъ имперіалистовъ относительно плановъ Германіи на востокѣ, и мнѣ чудилось, что осуществленіе принудительной колонизаціи, опирающейся на закованную въ желѣзо государственную власть, сгонитъ цѣлые народы съ ихъ земель. И даже послѣ четырехлѣтняго перерыва взялся за перо и написалъ книжку «Съ Германіей или съ Россіей», гдѣ разбиралъ грядущую судьбу мелкихъ народовъ... Я доказывалъ, что единственное ихъ спасеніе — въ Россіи, которая въ будущемъ окажется все же единственной силой, способной составить противовѣсъ владычеству Германіи.

Видя неминуемость борьбы въ будущемъ, я не оставлялъ военныхъ вопросовъ. Совмѣстно съ Гоцемъ, Потресовымъ, Розановымъ, Верховскимъ, Болдыревымъ, мы составили книжку: «Народъ и Армія», оцѣнивая опытъ прошлаго и ставя вопросы о будущей организаціи арміи. Я смотрѣлъ на это, именно, какъ на начало подготовки грядущей — быть можетъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ — войны съ Германіей. Но мои товарищи были нетерпѣливѣе. Они рѣшительно настаивали, чтобы новый выпускъ книги

былъ посвященъ злободневному вопросу о возстановленіи восточнаго фронта, что и было рѣшено при моей все ослабѣвающей оппозиціи. Но мы не успѣли издать второй выпускъ. Политическія и техническія условія, вслѣдствіе все разгорающейся борьбы и личнаго участія въ ней сотрудниковъ, уже снимали съ очереди такія мирныя затѣи, какъ книга о войнѣ.

Немедленное возстановленіе восточнаго фронта съ особой рѣшительностью, горячностью, вѣрой въ успѣхъ и настойчивостью проповѣдывали Чайковскій, Авксентьевъ, Гоцъ, Болдыревъ, Щепкинъ и Мякотинъ. Имъ казалось необходимымъ создать условія вооруженной борьбы съ большевиками, свергнуть ихъ власть и возобновить борьбу съ Германіей. Словомъ — цѣною войны внутри купить возобновленіе войны на фронтѣ.

Я лично въ началѣ былъ противникомъ этой идеи. Меня пугало внутреннее положеніе въ Россіи. Рузруха все усиливалась, дороговизна съ каждымъ днемъ становилась замѣтнѣе. Фабрики останавливались не только изъ-за новыхъ порядковъ, но и изъ-за недостатка топлива и сырья... Мнѣ припоминалось, что и въ мирное время въ Россіи бывали случаи, что цѣлыя области оказывались пораженными голодомъ, и люди умирали отъ недостатка хлѣба. Что же теперь, при полной разрухѣ транспорта, при недостаткѣ сѣмянъ... Между тѣмъ, внесеніе военныхъ дѣйствій внутрь самой Россіи грозило разрушеніемъ послѣднихъ остатковъ технической организаціи, уничтоженіемъ надежды накормить города и области, нуждающіяся въ хлѣбѣ. И, переводя эти абстрактныя разсужденія на языкъ цифръ, я доказывалъ своимъ друзьямъ, что такая борьба можетъ привести къ гибели многихъ мил-

ліоновъ жителей. — Въ оправданіе моей позиціи долженъ сказать, что тогда, въ апрѣлѣ-маѣ 1918 года, политическія условія были существенно отличными отъ условій, создавшихся черезъ три мѣсяца. Всѣ партіи, до кадетской включительно, имѣли свои органы печати. Комитеты всѣхъ партій функціонировали открыто. Преслѣдованія совершались только публичнымъ судомъ, при широкомъ допущеніи защиты (дѣло Брамсона, Болдырева, Пуришкевича)... Совѣтская конституція открывала возможность вести борьбу съ большевиками на основѣ хотя и несовершеннаго, но все же довольно широкаго избирательнаго права. Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ дѣловая работа направлялась прежними техническими силами.

Но мотивы международнаго характера и полная невозможность примириться съ Брестскимъ миромъ были такъ неотразимы, что лица, даже воспринимавшія пессимизмъ моихъ предсказаній, находили, что все же надо итти на всѣ жертвы для возстановленія международнаго положенія Россіи. Кромѣ того, разсчитывали на помощь союзниковъ, для которыхъ, казалось, возстановленіе восточнаго фронта должно было имѣть кардинальное значеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все жило еще убѣжденіе, что такъ какъ большевики только обманомъ и насиліемъ захватили власть въ странѣ, то народъ уже понялъ этотъ обманъ и стремится сбросить иго большевиковъ. Анархическія настроенія рабочихъ и крестьянъ, будирующихъ противъ всякой власти, принимались за доказательство «отрезвленія» массъ. Говорилось о пробужденіи религіознаго чувства массъ. Помню разсказы о «Чудѣ св. Николая» въ Москвѣ. Чудо состояло въ томъ, что 1-го мая большевики декорировали

Красную Площадь въ Москвѣ и завѣсили краснымъ кумачомъ образъ св. Николая на Никольскихъ воротахъ. Но поднявшійся вѣтеръ сталъ трепать кумачъ, который разорвался короной вѣнчика надъ иконой, и ликъ святого мало-помалу открылся весь. Говорили, что толпы людей, пораженныя чудомъ, все время собирались передъ воротами. — Возлагали надежды и на патріотически-эстетическія чувства народа. Развѣ народъ можетъ допустить, чтобы интернаціоналисты-большевики размѣстились въ сердцѣ Россіи въ Москвѣ. Я самъ какъ-то высказывалъ мнѣніе, что картина, которую представляли народные комиссары, засѣдавшіе въ Кремлѣ, должна возмущать привычныя эстетическія представленія массъ. Данъ какъ-то мнѣ отвѣтилъ, что если народъ терпѣлъ, что въ Кремлѣ сидѣлъ царь, то онъ стерпитъ и комиссаровъ. Мнѣ этотъ отвѣтъ въ ту пору показался очень плоскимъ. Теперь же я склоненъ иначе отнестись къ нему..

Значительно реальнѣе смотрѣлъ на вещи Болдыревъ. Онъ съ тревогой слѣдилъ за сообщеніями о вспышкахъ большевизма въ Сибири и говорилъ, что угаръ въ головахъ еще далеко не изжитъ... Но онъ зато очень крѣпко вѣрилъ въ помощь союзниковъ.

Въ концѣ концовъ, создавъ гражданскую войну идеологически, Брестскій миръ создалъ ее и стратегически. Необходимость бѣжать отъ угрожающей суровой военной репрессіи государственной власти, заставила чехо-словаковъ пуститься въ опасный путь переправы съ боемъ черезъ два континента. Оккупація Украины нѣмцами дала возможность пріютиться у Чернаго моря Краснову и Добровольческой Арміи.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ партіи уже принимали то-

ропливыя рѣшенія о посылкѣ на востокъ своихъ лидеровъ для образованія тамъ коалиціонной всенародной власти, организующей борьбу съ нѣмцами и большевиками. Къ сожалѣнію, техническія условія и трудности не позволили многимъ изъ нихъ добраться до назначенной цѣли: Пѣшехоновъ и Астровъ попали на югъ, Чайковскій на сѣверъ.

Начавшаяся борьба сама себя питала. Большевики словно только и поджидали возможности проявить себя въ подлинномъ видѣ. Раньше еще можно было при желаніи объяснять такіе случаи, какъ убійство братьевъ Генглезовъ, убійство Шингарева и Кокошкина, случайными проявленіями дикости массъ. Но тутъ дикость эта была воспринята, какъ принципъ государственнаго управленія. Созданы были чрезвычайки, во главѣ которыхъ стали дикіе и жестокіе, а подчасъ и ненормальные люди. Даже въ офиціальномъ органѣ этихъ застѣнковъ стали съ циничной откровенностью печататься статьи о необходимости пытокъ, отчеты о томъ, что цѣлыя группы лицъ по простому подозрѣнію были разстрѣляны по распоряженію не органовъ власти, а партійныхъ коммунистическихъ организацій. Яростный, скрежещущій зубами погромъ разразился надъ интеллигенціей во всѣхъ городахъ Россіи. — Не менѣе тяжкимъ оказался моральный и духовный гнетъ. Всѣ газеты, кромѣ коммунистическихъ, были закрыты. Всѣ партіи — загнаны въ подполье. Вся духовная жизнь была взята подъ подозрѣніе — въ университетахъ, не довѣряя профессурѣ, большевики заставляли играть руководящую роль швейцаровъ и студентовъ-коммунистовъ...

Суровость политическихъ репрессій заставляла прятаться всѣхъ, кто не былъ съ боль-

шевиками а, въ результатѣ, заставляла выбирать тотъ или иной фронтъ въ общей гражданской войнѣ.

Не малую роль стали играть и экономическія соображенія. Съ началомъ гражданской войны и кромсаніемъ страны на части внутренними фронтами экономическая жизнь стала складываться все хуже. На фабрикахъ стало все меньше сырья и топлива. Товарообмѣнъ прекратился, помимо всякихъ «націонализацій». Демобилизованнымъ солдатамъ и офицерамъ некуда было податься, чтобы найти примѣненіе своимъ силамъ. А тутъ фронты стали требовать все бо̀льшаго количества людей. Война стала единственнымъ ремесломъ, единственнымъ спасеніемъ отъ голода для многихъ десятковъ тысячъ людей. Только дальше разрушая страну и убивая своихъ согражданъ, можно было зарабатывать деньги. — Въ красную армію поступить было совсѣмъ просто. Но не особенно сложно было вначалѣ поступить и въ бѣлую армію: адреса вербовщиковъ, принимающихъ всѣхъ съ распростертыми объятіями и даже снабжающихъ деньгами на дорогу, были легко доступны, и поступить въ бѣлую армію или въ офицерскіе отряды разныхъ наименованій и назначеній въ Петроградѣ и въ Москвѣ было гораздо легче, чѣмъ поступить на фабрику или заводъ.

Конечно, это не было наймитствомъ. Идеологія защиты Родины отъ измѣнниковъ и враговъ, спасенія ея чести и существованія давали тотъ энтузіазмъ, который заставлялъ преодолѣть стремленіе къ мирной жизни послѣ войны и начать рискованную жизнь члена тайной военной организаціи или пробираться черезъ большевистскій фронтъ къ Каледину или чехословакамъ.

И, такимъ образомъ, война, завоевавшая людей, покорившая первый этапъ революціи, завоевывала второй этапъ ея.

2. Поѣздка въ Литву.

Я въ качествѣ бѣженца долженъ былъ ѣхать въ Литву. Правда, миръ былъ якобы заключенъ, и формально не было препятствій къ возвращенію жителей, изгнанныхъ войной, на свои пепелища. Но, по существу, сообщеніе было крайне затруднительно, такъ какъ, съ одной стороны, большевики ограничивали право выѣзда, съ другой — нѣмцы неохотно принимали гостей. То и дѣло сообщалось, что та или иная граница закрыта, или что пропускъ связанъ съ такими формальностями, что тысячи бѣженцевъ скапливаются въ томъ или иномъ пунктѣ. Къ этому присоединялись чрезвычайныя трудности и неудобства желѣзнодорожнаго сообщенія. — Всѣ эти трудности возрастали для меня, члена антибольшевистской организаціи, бывшаго сотрудника Керенскаго, незарегистрировавшагося у большевиковъ офицера. Но кое-какъ разрѣшеніе на выѣздъ получено.

Это было очень кстати, такъ какъ въ началѣ августа терроръ уже началъ свирѣпствовать вовсю: офицеровъ арестовывали сотнями и отправляли неизвѣстно куда. Приходилось ночевать по чужимъ квартирамъ, подвергая риску хозяевъ. Но вотъ документы въ карманѣ. Ѣду на вокзалъ. Поѣздъ отходитъ ночью на Торошино (Псковъ). Но дѣло осложняется: въ лужскомъ уѣздѣ возстаніе крестьянъ, и поѣзда не идутъ дальше Луги. Что дѣлать? возвращаться поздно, да и некуда. Рѣшаюсь ѣхать въ Лугу. За пять минутъ до отхода поѣзда на платформѣ по-

является отрядъ красноармейцевъ, и комиссаръ заявляетъ, что ѣхать могутъ только тѣ пассажиры, которые имѣютъ удостовѣреніе, что они лужскіе граждане, и меня съ вещами выпроваживаютъ изъ вагона. Но мнѣ удается убѣдить комиссара, что хотя мое удостовѣреніе — на Торошино, хотя билетъ — до Луги, тѣмъ не менѣе я ѣду только до станціи Преображенской. Меня пускаютъ обратно, и я ѣду до Луги.

Лужскій вокзалъ полонъ бѣженцевъ. Полная неизвѣстность, пойдутъ ли и когда пойдутъ поѣзда. Но около 4 часовъ даютъ товарный поѣздъ, который сразу наполняется свыше всякой мѣры. Съ трудомъ нахожу мѣсто для своихъ чемоданчиковъ. Трогаемъ. На промежуточной станціи — «Всѣмъ вылѣзать, провѣрка» .. Крикъ, суматоха... Но къ станціи приводятъ арестованныхъ бунтовщиковъ — нѣсколькихъ студентовъ и одного бывшаго офицера или юнкера. Комиссару не до поѣзда, и, не кончивъ провѣрки, насъ сажаютъ въ поѣздъ и везутъ дальше.

Но вотъ и Торошино. Первое впечатлѣніе — обиліе хлѣба. Торгуютъ открыто, по «дешевой» цѣнѣ — 5—6 р. за фунтъ. Уже поздно, получить разрѣшеніе на проходъ Торошинской границы нельзя, и приходится думать о ночевкѣ. Но станція переполнена, платформа тоже. Около станціи имѣлось нѣсколько соломенныхъ шалашей. Въ одномъ изъ нихъ нахожу свободное мѣсто. Утромъ, дрожа отъ холода, просыпаюсь. Ищу комиссію, становлюсь въ хвостѣ бѣженцевъ, подхожу, наконецъ, къ своей очереди и показываю документы.

— Вы не родственникъ комиссара при Ставкѣ?

Вопросъ неожиданный и не изъ пріятныхъ. Но спрашиваетъ барышня съ очень мирнымъ

лицомъ. Отвѣчаю, что я самъ былъ комиссаромъ. Въ одно мгновенiе всѣ документы были готовы, и даже даны самые благожелательные совѣты и указанiя относительно дальнѣйшаго пути.

На станцiи нанимаю подводу — желѣзнодорожнаго сообщенiя нѣтъ, и 20 верстъ до Пскова приходится перебираться на лошадяхъ или пѣшкомъ. Извозчикъ обѣщаетъ довезти «до самой рогатки» . . . Чего же больше? Послѣ нѣсколькихъ осмотровъ и ревизiй въ дорогѣ подъѣзжаемъ къ городу, такъ хорошо знакомому. Около версты отъ города дорога преграждена колючимъ заборомъ, который тянется вокругъ всего Пскова. Около воротъ нѣмецкiй караулъ. Возница проявляетъ нервную торопливость, немедленно требуетъ деньги, выгружаетъ вещи и уѣзжаетъ. Напрягая всѣ познанiя нѣмецкаго языка пытаюсь объяснить нѣмецкому караулу мои намѣренiя и убѣдить пропустить меня въ Псковъ. Узнаю, что это невозможно, такъ какъ черезъ эти ворота № 8 пропускаютъ только эстонцевъ, а для литовцевъ назначены иныя ворота — не то пятыя, не то четвертыя. Что дѣлать? Собираю свои вещи, которыя приспособлены къ пѣшему хожденiю, и двигаюсь въ путь. Итти приходится по полю, по тропинкамъ, такъ какъ ворота расположены на дорогахъ, ведущихъ въ Псковъ. Седьмая рогатка — только для латышей. Шестая — только для мѣстныхъ жителей. Пятая — только для поляковъ. Наконецъ подхожу къ четвертой — уже вижу ворота и стражу около нихъ. Но вдругъ передо мной открывается рѣка Пскова, весьма широкая и по виду глубокая. И ни признака ни моста ни перехода. Спрашиваю перваго попавшагося крестьянина, гдѣ мостъ. Говоритъ, что неда-

леко, сейчасъ за проволочнымъ заборомъ — два ряда колючей проволоки, саженной высоты, посерединѣ низкая изгородь съ надписями: «Не трогать, смертельно»; трупы нѣсколькихъ кошекъ и собакъ, очевидно неграмотныхъ, краснорѣчивѣе надписи. Объясняю, что мнѣ нуженъ мостъ для того, чтобы перейти черезъ изгородь, и что мостъ за изгородью мнѣ пока что безполезенъ. Оказывается, есть другой мостъ — верстахъ въ семи. Но за то есть бродъ и поблизости, но были дожди, и рѣка вспухла, но все-таки совѣтуетъ попробовать. Показываетъ мѣсто брода. Снявъ платье, беру вещи на голову и, ступая по горло въ водѣ, при помощи компетентныхъ совѣтовъ мальчишекъ съ того берега, благополучно переправляюсь черезъ рѣку. Наконецъ-то я у цѣли!... Около 8 часовъ, голодный, усталый, достигаю завѣтной рогатки.

— Для литовцевъ?

— Да, для литовцевъ.

Показываю съ торжествомъ свои документы.

— Все въ порядкѣ... приходите завтра утромъ въ 8 часовъ.

Какъ, завтра утромъ? Почему не сегодня? Гдѣ же мнѣ провести ночь? Неужели ночевать въ полѣ? — Но вѣдь все это совершенно не касается караула, который холоденъ и сухъ, но достаточно снисходителенъ, чтобы напомнить, что если я завтра опоздаю хоть на минуту, то придется ждать еще 24 часа. Постоялъ у воротъ, посмотрѣлъ на бытовыя сцены. Какая-то старуха изъ сосѣдней деревни съ возомъ старой рухляди упрашиваетъ «пана»« пропустить ее черезъ ворота, такъ какъ она только на короткое время пріѣхала въ городъ, и до ея деревни вѣдь рукой подать... Старается говорить жалобно и вразумительно и часто пересыпаетъ рѣчь сло-

вомъ «панъ» — единственное, которое нѣмецъ понимаетъ...

— Пропусти, панъ, ну что тебѣ, панъ, стоитъ, ну какъ же, панъ, ну куда же я дѣнусь, панъ...

Но «панъ» не виноватъ, правила нельзя нарушать. Впрочемъ, когда я отошелъ отъ воротъ, то вскорѣ увидѣлъ, что старуха какъ-то сумѣла убѣдить часового, и ея возъ торжественно прослѣдовалъ черезъ открытыя ворота.

Опять ночлегъ подъ открытымъ небомъ на землѣ. Сыро и холодно, но лучше, чѣмъ въ грязной избѣ, единственной поблизости, уже полной проѣзжаго люда, оттѣснившаго ея обитателей — женщину-работницу и двухъ дѣвочекъ... Одну помню ясно — имѣла какую-то кровавую сыпь вокругъ всего рта, такъ что производила впечатлѣніе маленькаго, давно не бритаго мужичка. Ея платье запачкано въ крови. Мать страдаетъ за нее, негодуетъ и бьетъ — вѣдь даже къ доктору сводить въ городъ нельзя. Дѣвочка плачетъ, но смѣло хватаетъ за хлѣбъ и отстаиваетъ свою порцію.

Весь продрогшій отъ росы и тумана просыпаюсь утромъ. Тороплюсь къ воротамъ. Въ восемь часовъ пропускаютъ. Выстраиваютъ по военному образцу и ведутъ черезъ городъ къ баракамъ около вокзала. Тамъ нужно продѣлать цѣлый рядъ формальныхъ процедуръ. Первая формальность — баня. Выпариваемся, выпариваемъ даже наше платье. Но сразу послѣ бани въ бараки, гдѣ вся грязь за одну ночь возвращается съ избыткомъ. На другой день записываемся у коменданта. Потомъ къ доктору: прививка отъ тифа, оспы, холеры. Потомъ томительные дни ожиданія эшелона — одиночнымъ порядкомъ бѣженцевъ не пускаютъ.

Въ Псковѣ засталъ семью знакомаго инженера, съ которымъ укрѣпляли позиціи: служитъ гдѣ-то переводчикомъ и работаетъ на огородѣ, который даетъ больше, чѣмъ служба. — Видѣлся съ поэтомъ А. Х., который тоже застрялъ тамъ. Пишетъ сутяжныя жалобы для крестьянъ, которые ищутъ у нѣмца управы другъ на друга.

Наконецъ, пришла и наша очередь. Въ дождливое раннее утро покинули мы лагерь и пошли съ вещами на ближайшую платформу, куда подаютъ нашъ вагонъ. Долгая задержка изъ-за какой-то описки въ спискѣ партіи, — «старшій» солдатъ, который долженъ насъ принять, бѣгаетъ къ коменданту, будитъ его, выясняетъ ошибку... Мы тѣмъ временемъ забавляемся, глядя, какъ старый еврей, ѣдущій со своей семьей, перетаскиваетъ какіе-то громадные грязные узлы, набитые, вѣроятно, самымъ непозволительнымъ тряпьемъ... Но вѣдь это все его имущество... Но вотъ ошибка найдена. Мы сажаемся въ вагонъ, опять потѣшаясь надъ усиліями старика и надъ его перебранкой съ женой и сыномъ. — Въ поѣздѣ узнаемъ съ негодованіемъ, что насъ везутъ въ новый лагерь — центральный литовскій лагерь для бѣженцевъ въ Уцянахъ... Къ чему?

Пересадка въ Двинскѣ на узкую колею. Пересадка въ Свѣнцянахъ на колею, еще болѣе узкую. Но вотъ мы и въ новомъ лагерѣ. Бѣгу къ завѣдывающему и показываю ему всѣ наши «шейны» о всѣхъ прививкахъ, о карантинѣ. Соглашается, что тутъ недоразумѣніе, и обѣщаетъ послѣ обѣда отпустить. Что за странное гостепріимство? Но дѣло не въ обѣдѣ, а въ обыскѣ: послѣ обѣда начинается обыскъ, подробнѣйшій осмотръ вещей. Первымъ обыскиваютъ меня, —

вѣроятно, мой видъ, полу-штатскаго, полу-военнаго, вызвалъ подозрѣніе. Придирчиво, мелочно шаритъ въ вещахъ щегольской унтеръ-офицеръ. Особенное вниманіе привлекаютъ газеты, даже купленныя въ Псковѣ, даже нѣмецкія. Но по-русски не читаетъ и поэтому на всякій случай забираетъ русскую псковскую газету. Обыскиваетъ послѣдній чемоданчикъ — но въ немъ только платье. Беретъ въ руки свертокъ въ бумагѣ — смѣюсь: вѣдь это только галстукъ. Да, но что написано на бумажкѣ? Гляжу — зрители утверждали потомъ, что я поблѣднѣлъ, какъ полотно — вижу проспектъ 2-го выпуска «Народъ и Армія», посвященнаго вопросу о возстановленіи восточнаго фронта... Въ проспектѣ даже обозначены статьи: Болдырева, Верховскаго, Гоца, Розанова, на темы о гибельности Брестскаго мира, о возможности возобновленія военныхъ операцій на востокѣ, о вѣроятной помощи союзниковъ... Между прочимъ, и мое скромное имя и тема:

«Вооруженныя силы Литвы, Бѣлоруссіи и др. оккупированныхъ нѣмцами областей.»

Очевидно, что, наспѣхъ собирая вещи, я сунулъ галстукъ въ лежавшій на столѣ экземпляръ проспекта, составленный и переписанный мною на машинкѣ во многихъ экземплярахъ. Осматривающій вертитъ бумажку въ рукахъ. Написалъ на ней мою фамилію — до прихода переводчика. Но когда пришла переводчица — у нея оказалось дѣла по горло: у какого-то наивнаго бѣженца нашли большевистскую брошюру и иллюстрированную книжонку: «Звѣрства нѣмцевъ надъ плѣнными»... Цѣлая исторія! Я не трачу времени, бѣгу въ контору лагеря, получаю документы и, наконецъ, на свободѣ...

После мѣсячнаго пребыванія въ Литвѣ —

надо возвращаться обратно, хотя бы потому, что въ Петроградѣ оставлена семья. Но не тутъ-то было: нужно разрѣшеніе, но его опредѣленно не даютъ. — «Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, теперь нельзя»... Никакія хлопоты, никакія протекціи не помогаютъ. Но кто-то надоумилъ обратиться къ мѣстнымъ дѣльцамъ-комиссіонерамъ. За смѣхотворную сумму на другой день готово и разрѣшеніе и даже безплатный билетъ для проѣзда... Правда, только до Бобруйска, но тамъ опять адресъ «дѣльца», который уже знаетъ, какъ переправить въ Россію.

И, дѣйствительно, изъ Бобруйска дали разрѣшеніе до Орши, а тамъ адресъ «дѣльца» въ Оршѣ... Но тамъ въ литовскомъ комитетѣ бѣженцевъ меня предупредили, что терроръ въ Совдепіи свирѣпствуетъ не менѣе, чѣмъ въ августѣ, и что нѣтъ надежды перебраться черезъ тѣснины Оршинской чрезвычайки. Уже съ разрѣшеніемъ на проходъ границы постоялъ передъ воротами границы и послѣ нѣкоторыхъ колебаній и размышленій рѣшилъ повернуть — ѣхать въ Кіевъ, гдѣ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, собралось нѣсколько изъ моихъ политическихъ друзей. Опять мытарства, опять разрѣшенія, опять тѣснота въ вагонахъ, опять безсонныя ночи, безчисленныя пересадки, осмотры, обыски, провѣрки...

Но вотъ и Кіевъ...

3. Въ Кіевѣ.

Судьба Кіева была совершенно исключительной. Правительства смѣняли другъ друга съ кинематографической быстротой. Сегодня Временное Правительство, потомъ Рада, далѣе большевики, потомъ нѣмцы и Рада, потомъ нѣмцы и

Скоропадскій. Теперь же правилъ одинъ Скоропадскій безъ нѣмцевъ, или, во всякомъ случаѣ, нѣмцы были за кулисами... — При такой кинематографической быстротѣ смѣны режимовъ въ жителяхъ не могло образоваться большой склонности къ дисциплинѣ, къ подчиненію вообще какому-либо правительству. И Кіевъ былъ городомъ оппозиціи. Эти настроенія отражались и на политическихъ кругахъ. Несомнѣнной аксіомой считалось: бороться съ большевиками и со Скоропадскимъ. Такъ какъ Скоропадскій былъ ближе, то главные удары критики направлялись противъ него. Ему ставилось въ вину прежде всего его «нѣмецкое происхожденіе», далѣе — реставраціонная внутренняя политика, далѣе — неясность его украинофильства и пр. Эта стихія оппозиціонности была такъ сильна, что даже веселящійся Кіевъ и тотъ былъ захваченъ ею. Толпами наѣхавшіе представители финансоваго, промышленнаго, художественнаго, артистическаго, адвокатскаго и другихъ міровъ, которыми клубился Крещатикъ и были наполнены всѣ рестораны и кофейни — и тѣ на что-то негодовали, браня Скоропадскаго и его совѣтниковъ.

И это не было только разговорами. Характерная черта — оппозиція уже не мыслилась иначе, какъ «вооруженная», и политическіе разговоры напоминали мнѣ штабныя совѣщанія въ минуту военныхъ дѣйствій... Число винтовокъ, солдатъ и патроновъ входили составной частью въ аргументацію за каждое политическое предложеніе.

Меня нѣсколько ошеломила эта воинственность политики. Мнѣ казалось, что, въ связи съ разгромомъ нѣмцевъ на западномъ фронтѣ и отпаденіемъ необходимости «возстановленія во-

сточнаго фронта», въ значительной степени смягчалась необходимость и внутренней вооруженной борьбы, и политика могла постепенно переходить на мирные тона. Но инерція вражды, ищущей разрѣшенія споровъ лишь въ оружіи, была такъ сильна и такъ всеобща и неподатлива ни на какіе доводы, что мои мирныя настроенія, навѣянныя одинокими мыслями и впечатлѣніями, быстро исчезли.

Германская революція и конецъ войны на западномъ фронтѣ были какъ-то не замѣчены въ этомъ угарѣ воинственныхъ идей. Когда были получены извѣстія о переворотѣ въ Германіи, мнѣ лично показалось, что раскрылась совершенно новая страница въ міровой исторіи, и человѣчество вступаетъ въ новую эру.

— Мы воткнули штыкъ въ землю, теперь втыкаютъ его въ землю наши противники...

Но мои друзья отнеслись къ этому гораздо холоднѣе. Въ германской революціи они видѣли только слѣдствіе пораженія на фронтѣ и отказывались признавать какое-либо значеніе заразительныхъ идей русской революціи. Въ бунтѣ германской арміи они видѣли только «безобразія» и «насилія надъ офицерами».

Во всякомъ случаѣ, на отношеніе къ большевизму и русской гражданской войнѣ конецъ міровой войны не оказалъ никакого вліянія. Правда, возстановленіе восточнаго фронта, для котораго была начата внутренняя война, было уже не нужно, но гражданская война приняла такой размахъ и накопила столько ненависти, въ особенности въ виду чрезвычайнаго террора большевизма, что теперь она уже стала самоцѣлью. Мысль была направлена лишь на пріисканіе новыхъ способовъ борьбы съ большевиками, и великимъ огорченіемъ было, что силы

Украины оставались неиспользованными для этого.

Поддаваясь общему настроенію, группа радикальнаго офицерства въ Кіевѣ, опираясь на политическую поддержку лѣвыхъ организацій, рѣшила устроить политическій переворотъ въ самомъ Кіевѣ. Цѣлью переворота было свержение Скоропадскаго и передача власти кругамъ, группирующимся около Союза Возрожденія Россіи, который долженъ былъ координировать свою дѣятельность съ Уфимской Директоріей и уже въ болѣе широкомъ масштабѣ вести борьбу съ большевизмомъ въ Россіи.

Я первый разъ работалъ въ такомъ заговорщическомъ гнѣздѣ, и мнѣ все тамъ не нравилось. Свѣдѣнія и матеріалы, которыми приходилось орудовать, были крайне неопредѣленны, такъ какъ о настроеніи десятковъ людей приходилось часто судить по показаніямъ одного человѣка. Во мракѣ подполья и заговора политическіе контуры настолько терялись, что иногда, послѣ долгаго разговора съ какимъ-либо делегатомъ съ мѣста о техническихъ вопросахъ, я вдругъ убѣждался, что передо мной стоитъ не мой единомышленникъ, а политическій противникъ, лѣвый эсеръ или даже большевикъ, съ которымъ меня лишь случайно соединила вражда къ существующей власти. Смущала и денежная сторона дѣла, такъ какъ значительныя суммы таяли внѣ какихъ-либо условій контроля. Смущали методы работъ — у насъ была организація саботажниковъ, которые ставили своей задачей всѣми способами затруднять желѣзнодорожное движеніе, внося въ него разстройство. Эта организація пользовалась большой славой, такъ какъ разруха на желѣзныхъ дорогахъ была, дѣйствительно, очень большая, хотя едва ли она

нуждалась въ питаніи отрядами саботажниковъ. — А вотъ изъ области подпольнаго права. Наша организація узнала, что въ Житомірѣ произошелъ провалъ изъ-за того, что одинъ изъ членовъ организаціи выдалъ ее власти. Вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе центра, и было рѣшено (противъ моего голоса и несмотря на мой протестъ) убить подозрѣваемаго доносителя. Исполнителемъ былъ намѣченъ, или, вѣрнѣе, самъ намѣтился или вызвался молодой, румяный, элегантный человѣкъ, съ чрезвычайно эластичной походкой и кошачьими движеніями, сильный, всегда насторожившійся — я ни разу не видѣлъ его улыбающимся. Мнѣ удалось потомъ задержать исполнителя, назначивъ ему отвѣтственную роль въ заговорѣ противъ Скоропадскаго.

Хотя я былъ въ руководящемъ кружкѣ, но я до сихъ поръ не могу сказать, было ли что-нибудь серьезное въ нашей попыткѣ или только авантюра. Доводы, что это было серьезнымъ: мы были въ контактѣ съ представителями высшаго военнаго командованія въ Кіевѣ; рядъ офицерскихъ дружинъ заявилъ свою готовность всецѣло содѣйствовать намъ; темные слухи о нашихъ намѣреніяхъ очень волновали и безпокоили Скоропадскаго, о чемъ намъ сообщали изъ ближайшихъ къ нему круговъ; субъективно мы были настолько увѣрены въ успѣхѣ, что былъ намѣченъ новый кабинетъ съ Одинцомъ во главѣ, назначенъ день выступленія и даже приготовлены прокламаціи для распространенія въ день переворота. Но провѣрить значеніе нашихъ силъ нельзя было: какъ разъ тѣ представители высшаго командованія, которые совѣщались съ нами, были въ «немилости» у Скоропадскаго, и мы не могли точно выяснить ихъ реальныя возможности; о настроеніи офицерскихъ отрядовъ

мы знали только по словамъ отдѣльныхъ офицеровъ, и провѣрить готовность отрядовъ выступить по сигналу было невозможно. Но въ назначенный для переворота день Скоропадскій самъ опубликовалъ, быть можетъ именно для предупрежденія переворота, свою новую очередную оріентацію, уже на Единую Россію... и тѣмъ внесъ разбродъ въ офицерскія дружины, такъ какъ часть офицеровъ признала, что болѣе ничего и не надо. Мы вынуждены были отмѣнить свое выступленіе. А тамъ надвинулись новыя событія, освѣщающія вопросъ о Кіевѣ и Украинѣ съ новой стороны.

Одновременно съ подготовкой заговора изъ Кіева, изъ тѣхъ же круговъ исходила другая, болѣе серьезная попытка использовать Украину, какъ базу для операцій противъ большевиковъ. Въ виду эвакуаціи Украины нѣмцами, было рѣшено призвать въ Украину союзниковъ и подъ ихъ прикрытіемъ организовать истинно-демократическую государственность и новую армію для похода на Совдепію. Поэтому было рѣшено отправить пословъ въ Яссы, гдѣ находились дипломатическіе представители союзниковъ. Мякотинымъ была составлена убѣдительная докладная записка о положеніи дѣлъ на Украинѣ, о необходимости на первое время послѣ ухода нѣмцевъ защитить Украину передъ организованными силами большевизма. Делегація, въ составѣ Титова, Бунакова и нѣкоторыхъ другихъ, отправилась изъ Кіева черезъ Одессу. Мы же выжидали результатовъ поѣздки съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что положеніе на Украинѣ стало рѣзко мѣняться къ худшему, и мы уже не знали даже, что дѣлать, — ниспровергать Скоропадскаго или защищать его.

Уже и раньше въ политической работѣ чув-

ствовалась, какая-то принципіальная незаконченность позиціи. Русскіе общественные круги, изгнанные въ большинствѣ случаевъ изъ своихъ родныхъ мѣстъ, и находящіеся въ центрѣ украинскаго общественнаго движенія, не могли не задавать вопроса объ отношеніи къ украинской проблемѣ. И общей точкой зрѣнія было оптимистическое убѣжденіе, что этотъ вопросъ уладится къ обоюдному согласію и удовольствію. Но когда приходилось ставить вопросъ о реальныхъ переговорахъ съ реальными представителями украинскихъ теченій, то неизмѣнно почти относительно всѣхъ давался тотъ же самый пессимистическій отвѣтъ: «Съ нимъ нельзя сговориться», или: «Съ нимъ не стоитъ сговариваться»... Сперва я недоумѣвалъ, считалъ это проявленіемъ какой-то узости со стороны представителей русскихъ партій. Но мнѣ пришлось самому побесѣдовать подробно со Славинскимъ. Я его давно уже зналъ, какъ секретаря «Вѣстника Европы». Я помнилъ его патріотическое горѣніе въ началѣ войны, когда онъ жалъ руку мнѣ, привѣтствуя мои «шовинистическія» статьи. Десятки и сотни разъ онъ произносилъ: «Мы, Россія...» И, къ моему изумленію, я нашелъ въ немъ не только украинофила, которымъ онъ былъ всегда, но яркаго самостійника, отстаивающаго самобытность не только націи, но и всѣхъ политическихъ условій Украины.

«Союзъ?.. Да, быть можетъ, когда Россія подымется... Но теперь лишь отдѣленіе, лишь возможно болѣе отчетливая и непроходимая граница, отгораживаніе отъ затопленія русскими бумажными деньгами, отъ русской культурной, экономической разрухи, отъ моральной и общественной анархіи...». И слышались уже отголоски его позднѣйшихъ утвержденій о томъ, что

Украина выполнила великую историческую роль, защитивъ Европу отъ Россіи...

Я, конечно, менѣе всего склоненъ давать этическую оцѣнку этому явленію, которое было массовымъ и тоже, вѣроятно, вызывалось непреодолимыми вліяніями среды. Но меня впервые остановила кинетическая сторона вопроса, сила центробѣжныхъ силъ въ Россіи.

Но какъ разъ наши заговорщическія и великороссійскія тенденціи привели къ тому, что пришлось увидѣть на дѣлѣ силу украинскихъ теченій и увидѣть украинскую аргументацію ружьями и пулеметами. Непосредственно послѣ новаго манифеста Скоропадскаго, заявившаго себя сторонникомъ единой Россіи, началось возстаніе украинцевъ. Несомнѣнно, что нельзя никоимъ образомъ объяснять успѣхъ украинцевъ, побѣду Винниченко и Петлюры силой и вліяніемъ украинскихъ національныхъ идей. Крестьянство приняло участіе въ возстаніи, побуждаемое соціальными мотивами, противъ помѣщика Скоропадскаго и противъ нѣмцевъ, на силу которыхъ опирался Скоропадскій, и которые стали ненавистны экзекуціями въ деревняхъ. Настроеніе крестьянства было внѣ плоскости украинской національной идеи. Но украинскія политическія теченія сумѣли со своимъ аппаратомъ вліянія подойти къ этому настроенію и использовать его, сумѣли своего героя, атамана Петлюру, связать съ идеей освобожденія отъ нѣмцевъ и отъ скоропадщины, хотя тотъ же Петлюра когда-то привелъ нѣмцевъ въ Кіевъ...

Возстаніе развивалось крайне быстро. Сразу весь край оказался потеряннымъ для Скоропадскаго, кромѣ Кіева, который держался при помощи офицерскихъ дружинъ. Пушки загремѣли

вокругъ Кіева... Для насъ, гостей изъ Россіи, положеніе было чрезвычайно сложнымъ и тягостнымъ. Кому помогать? Или соціальной реакціи, воплощаемой Скоропадскимъ и защищаемой нѣмцами, или демократическому движенію украинцевъ, идущихъ съ максимализмомъ не только соціальнымъ, но и національнымъ и открывающему дорогу максимализму настоящему, такъ какъ ни для кого не представляло сомнѣній, что вслѣдъ за украинцами въ Кіевъ войдутъ большевики.

Среди насъ былъ соціалъ-демократъ меньшевикъ, капитанъ Павловъ, офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ. Чрезвычайно искренній, съ лицомъ дѣтски улыбающимся, на которомъ, казалось, были написаны всѣ его мысли, онъ очень тягостно воспринималъ духовную разруху. И когда пушки загремѣли вокругъ Кіева, когда со всѣхъ сторонъ стали поступать извѣстія о томъ, что крестьянство массами двинулось, захваченное волной новой политической и соціальной революціи, которая сметала послѣдніе остатки дореформеннаго строя и порядка — Павловъ сталъ проявлять нѣсколько загадочное безпокойство. Но ему не хотѣлось ставить своихъ сомнѣній на обсужденіе — это была бы длинная и явно ни къ чему не приводящая канитель, — но въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ съ нѣсколькими друзьями, оставивъ письмо о томъ, что не можетъ быть внѣ народа, когда народная масса борется за свои права. Онъ занялъ довольно значительное мѣсто въ арміи Петлюры и отличился въ бояхъ. Но онъ не долго оставался въ рядахъ украинцевъ. Когда волны народнаго движенія отхлынули отъ Петлюры и гребнемъ своимъ подняли уже настоящихъ большевиковъ, онъ перешелъ туда, опять искренно,

но съ еще большей тоской. На этотъ разъ онъ даже не прощался съ нами...

Петлюра вошелъ торжественно. Странно было смотрѣть на его дисциплинированные по виду отряды, идущіе стройными колоннами по городу. Все это крестьяне, явившіеся на зовъ своего минутнаго народнаго героя. Въ сѣрыхъ шинеляхъ, молча, торопливо, но мѣрно шли отрядъ за отрядомъ. И мнѣ чудилось, глядя на нихъ, что война не умерла, но, наоборотъ, на много лѣтъ вошла въ привычку народа. Если намъ, городскимъ жителямъ, походъ кажется тяжкимъ и непріятнымъ дѣломъ, то для крестьянъ, привыкшихъ къ невзгодамъ и непогодамъ, такая безкровная и малоопасная война могла казаться лишь предрождественскимъ развлеченіемъ, своеобразной прогулкой въ городъ... погулять. Не слишкомъ ли раскачался въ войнахъ и дракахъ русскій народъ? Не явится ли онъ угрозой для мира всего міра, а прежде всего — угрозой для самого себя?

Глава четвертая.

ВЪ СОВДЕПІИ.

Декабрь мѣсяцъ для насъ въ Кіевѣ былъ мѣсяцемъ серьезнѣйшихъ разочарованій. Украина оказалась въ рукахъ ярыхъ противниковъ идеи возстановленія Россіи, при чемъ было уже несомнѣнно, что власть Винниченко и Петлюры недолговѣчна, и они обречены быть поглощенными большевизмомъ. Уфимская Директорія, съ которой связывалось столько надеждъ, пала при невыясненныхъ обстоятельствахъ. Надежды на приходъ союзниковъ съ каждымъ днемъ становились слабѣе. — Однако, примѣръ украинцевъ, которымъ удалось поднять крестьянъ и эффектнымъ возстаніемъ смести гетмана, ставилъ на очередь вопросъ о возможности такого возстанія и въ самой Совдепіи. Всѣ свѣдѣнія о настроеніи крестьянъ, которыя мы имѣли, свидѣтельствовали о гнѣвномъ недовольствѣ крестьянъ совѣтской политикой, доказательствомъ чему служили постоянно вспыхивающія возстанія. Это недовольство находило отраженіе и въ самой красной арміи, о бунтахъ которой въ разныхъ мѣстахъ мы имѣли достаточно полныя свѣдѣнія. Казалось нужна только широкая организація, которая дала бы возможность координировать крестьянское движеніе, чтобы начать въ самой Совдепіи борьбу съ большевизмомъ, съ извѣстными шансами на успѣхъ.

После обмѣна мнѣніями по этому вопросу мы условились, что Одинецъ поѣдетъ въ Одессу, для того, чтобы пріискивать средства для подобной организаціи. Я же отправился въ Москву и Петроградъ для подробной развѣдки.

Мое путешествіе началось не особенно успѣшно. Два дня просидѣлъ я въ Кіевѣ въ санитарномъ поѣздѣ, который каждую минуту долженъ былъ двинуться, но все не двигался. Потомъ сѣлъ въ обычный поѣздъ на Гомель, но въ Бахмачѣ выяснилось, что около Гомеля идутъ бои, и поѣзда не пропускаются. Поѣхалъ на Ворожбу. Отъ Ворожбы на лошадяхъ надо было перебираться черезъ границу къ ближайшей уже совѣтской станціи — Вольфино. Около Ворожбы на посту стояли еще германскіе солдаты. Меня пропустили даже не спрашивая документовъ. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ станціи, еще въ нейтральной полосѣ, у дороги сидѣли крестьяне и предлагали купить водку, расхваливая товаръ и крича, что въ Россіи такого товару не купить. Даже извозчикъ сталъ упрашивать купить. Но я отказался — по счастію, такъ какъ тутъ же, за поворотомъ дороги, стояли красноармейцы подъ предводительствомъ матроса, задержали меня и стали обыскивать, при чемъ матросъ все время кричалъ:

— Водку ищите, тутъ должна быть водка... И пусть только найдемъ — сейчасъ отправимъ въ чрезвычайку...

Но водки не нашли и отпустили во-свояси.

При въѣздѣ на станцію Вольфино опять стоялъ постъ, хотя менѣе многочисленный, но болѣе внимательный. Опять обыскали, ничего не нашли и стали уже закрывать чемоданы. Но старшій спросилъ меня, не везу ли я писемъ. Во избѣжаніе недоразумѣній я отвѣтилъ,

что везу нѣсколько писемъ, и показалъ ихъ. Пачка оказалась весьма объемистой, такъ какъ многіе знакомые хотѣли использовать мою поѣздку для того, чтобы дать вѣсть друзьямъ и знакомымъ. Старшій повертѣлъ пачку, подозрительно, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и заявилъ, что необходимо показать письма въ чрезвычайкѣ. Онъ далъ мнѣ провожатымъ солдата — это уже было нѣчто въ родѣ ареста. Въ чрезвычайкѣ отнеслись ко мнѣ сурово. Обыскали, отняли деньги, записки, документы. Потомъ стали читать письма. Тамъ среди самыхъ невинныхъ сообщеній попадались фразы, которыя имъ не понравились: напр., въ одномъ письмѣ сообщалось, что братъ поступилъ въ добровольческую армію. Однако, меня еще не арестовали, но «подъ охраной» отправили въ уѣздную чрезвычайку въ Коренево.

Въ первые моменты содержанія подъ «охраной» мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ весьма интересныхъ бытовыхъ сценъ. Въ томъ же товарномъ вагонѣ, куда отвели меня, сидѣло нѣсколько красноармейцевъ: одинъ изъ нихъ былъ даже помощникомъ командира полка. Но, конечно, никакого «чинопочитанія» не было, такъ какъ это была просто хорошая компанія удалыхъ людей. Между ними была изящная женщина, которая хотя и не была арестована, но изъ-за «дружбы» оставалась съ ними. Я внимательно прислушивался къ ихъ разговорамъ, буйнымъ взрывамъ смѣха при грубыхъ шуткахъ, упоминаніяхъ о совершенныхъ подвигахъ. Попробовалъ прикинуть къ нимъ наши штампованныя мѣрки, которыми мы оцѣнивали красную армію: ни понятіе «боеспособности», ни «идейнаго воодушевленія», ни «крестьянскаго недовольства» — не подходили къ этимъ арестован-

нымъ, но, что было ясно, вполнѣ типичнымъ представителямъ большевистскихъ войскъ. Старое казачество и современное хулиганство гармонично сочеталось здѣсь. Такая публика не уйдетъ изъ красной арміи; она можетъ учинить дебоши, безпорядки, она даже должна дѣлать ихъ, но она знаетъ, что только въ красной арміи ей обезпечено истинное приволье и вліяніе. — Тутъ же я былъ свидѣтелемъ «открытаго бунта», попытки друзей освободить арестованныхъ. Въ вагонъ вошла кучка вооруженныхъ людей, приставила револьверъ къ лицу часового... Арестованные спокойно собрали вещи и стали выходить на волю. Такъ какъ все это происходило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ чрезвычайки, то тотчасъ была поднята тревога, появились пулеметы, вызвана была къ ружью вся охрана. Начались переговоры, кончившіеся побѣдой чрезвычайки — арестованные вернулись. Впрочемъ, на другой день они были освобождены.

Въ уѣздной чрезвычайкѣ меня уже окончательно арестовали и отправили въ Курскъ. Туда мы попали какъ разъ наканунѣ сочельника... Чрезвычайка уже «не работала». Поэтому насъ отвели въ городской арестный домъ, гдѣ держали около 10 дней въ самыхъ непріятныхъ условіяхъ: въ маленькой комнатѣ насъ, арестованныхъ, набилось постепенно до 30 человѣкъ. На нарахъ не было мѣста, пришлось спать на сыромъ, грязномъ полу; на ѣду выдавали по четверть фунта хлѣба въ день и больше ничего, даже кипятокъ и тотъ мы сами варили въ печкѣ, ломая нары на растопку.

Мнѣ еще ни разу не приходилось быть такъ по-товарищески среди народной массы, такъ какъ арестованными были крестьяне, красноармейцы, одинъ матросъ и два комиссара

— одинъ по милицейскому, другой по продовольственному дѣлу. Изъ буржуазныхъ круговъ привели подъ конецъ одного бывшаго лавочника, нѣкогда человѣка состоятельнаго, но теперь лишеннаго всякаго имущества: на него по старой памяти наложили 200 тысячъ контрибуціи, но такъ какъ это были уже только потроха курицы, несшей золотыя яйца, то, конечно, пришлось ограничиться арестомъ...

Болѣе всего было крестьянъ — все пожилые, степенные мужики, сохраняющіе благоприличіе даже въ чрезвычайкѣ. Сидѣли все по «навѣтамъ» или «доносамъ». По разсказамъ было видно, какую глубокую внутреннюю разруху переживаетъ деревня, гдѣ большевизмъ былъ лишь фирмой, вывѣской для своихъ, крестьянскихъ споровъ. Лица, догадавшіяся пораньше записаться въ коммунисты и получившія власть, вымѣщали старыя обиды и непріятности, сводили семейные счеты, мстили своимъ врагамъ за стародавнія прегрѣшенія. А отомстить такъ легко: достаточно взять нѣсколькихъ красноармейцевъ и арестовать и отослать въ чрезвычайку съ самымъ вздорнымъ обвиненіемъ — и человѣкъ уже обреченъ на нѣсколько недѣль сидѣть подъ страхомъ кары, въ полной неизвѣстности, въ уныломъ сознаніи своей беззащитности.

Арестованные красноармейцы дѣлились на двѣ категоріи. Аристократію — разудалыхъ молодцовъ, для которыхъ арестъ лишь забавный эпизодъ, за которымъ неизбѣжно послѣдуетъ еще рядъ такихъ же забавныхъ и занимательныхъ; смѣлые, самоувѣренные, чувствующіе себя господами положенія, дѣлящіе время между развратомъ, кутежами и добываніемъ средствъ войной среди своихъ и чужихъ... Другая категорія — или, дѣйствительно, случайно арестован-

ные наивные мужички, или же тихія, подозрительныя личности, которыя даже о причинѣ ареста не любятъ говорить:

— Тамъ говорятъ, что будто бы ограбилъ кого-то ...

Одинъ изъ нихъ все время выдавалъ себя за вернувшагося изъ нѣмецкаго плѣна. Но вотъ привели арестованнаго, который, дѣйствительно, возвращался изъ плѣна, и онъ съ двухъ словъ обнаружилъ, что тотъ вралъ и никогда не былъ не только въ плѣну, но и на фронтѣ ... Вѣроятно, бѣжавшій уголовный.

Но они не особенно выдѣлялись на фонѣ всей среды, которая на нашъ взглядъ, поражала развращенностью. Одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и душевныхъ крестьянъ, еще молодой человѣкъ, но уже хозяинъ, разсказывалъ въ теченіе цѣлаго часа преуморительную исторію, какъ онъ своровалъ мѣшокъ сахара на сосѣднемъ заводѣ.. Кража ему была совсѣмъ не нужна, такъ какъ сахару всегда въ домѣ было вдоволь, и вообще онъ былъ зажиточный крестьянинъ, которому по тѣмъ временамъ одна, другая тысяча не составляла расчета. И укралъ онъ съ немалымъ рискомъ, и послѣ преслѣдованій съ трудомъ притащилъ домой. Разсказъ о всѣхъ перипетіяхъ приключенія продолжался долго, не менѣе часа. И вся наша голодная, изнуренная коммуна слушала съ затаеннымъ дыханіемъ, прерывая разсказъ въ драматическихъ мѣстахъ возгласами восхищенія и одобренія, словно дѣло шло объ удачной охотѣ въ кругу записныхъ охотниковъ.

И еще одна черта поражала меня: сквернословіе. Имъ страдаетъ вообще русскій человѣкъ. Но все же тутъ были геркулесовы столбы, и по непрерывности потока грязныхъ словъ, и по

сочности выраженій, гдѣ самое священное смѣшивалось въ какомъ-то стихійномъ кощунствѣ съ развратомъ и гадостью.

Странно, но этому какъ-то не противорѣчила и даже была гармонична извѣстная религіозность настроеній, или, точнѣе, миѳологичность. Очень часто мои сотоварищи по заключенію разсказывали другъ другу о различныхъ чудесахъ, даже такихъ, которыя направлены противъ большевиковъ. Напримѣръ, большевики пріѣхали обыскивать монастырь и даже залѣзли въ раку съ мощами святого, но святой чудеснымъ образомъ исчезъ, оставивъ, вмѣсто мощей, вату и кирпичи. Другое чудо разсказывали, помню, про священника, котораго большевики везли на разстрѣлъ на автомобилѣ. Только тронулись — лопнула шина. Починили, тронулись опять — лопнула другая. За ней — третья. И большевики рѣшили, что если лопнетъ четвертая, то они отпустятъ священника. Четвертая шина, дѣйствительно, лопнула, и такимъ образомъ Провидѣніе спасло священника. — Всѣ слушали эти разсказы очень внимательно, замолкая и даже не сквернословя. Даже бывшій съ нами матросъ подчеркивалъ свое согласіе съ возможностью такихъ чудесъ: вѣроятно, онъ самъ былъ бы радъ разсказать что-нибудь, но не зналъ. Какая-то вѣра таилась упорно, какъ залогъ чего-то существеннаго, какъ нѣчто, объединяющее всѣхъ, несмотря на кровавыя событія.

Всеобщее сочувствіе вызывалъ молоденькій и себѣ на умѣ помощникъ комиссара милиціи, попавшійся за то, что отпустилъ подводчика-спекулянта за фунтъ табаку. «Денегъ я не бралъ, это ужъ выдумываютъ, и этого ужъ не докажутъ никакъ»... У него было два горя. Первое — мѣсяцъ тому назадъ женился. Передъ свадьбой

онъ спрашивалъ не разъ невѣсту, почему она какъ-то прихрамываетъ... Она отвѣчала, что на ногѣ мозоль. Послѣ свадьбы оказалось — кривая. Но это горе было легко поправимое, и при насъ комиссаръ читалъ прошеніе о разводѣ, гдѣ изобличалъ всю подлость и лживость своей жены. Къ тому же къ нему уже ходила новая невѣста. Болѣе существеннымъ горемъ была потеря комиссарскаго мѣста и связанныхъ съ этимъ доходовъ. Вотъ онъ сидитъ за рѣшеткой, будутъ судить, а сюда же провѣдать его приходятъ его товарищи по службѣ и громко (разговоръ шелъ черезъ окно) похваляются, что сегодня заработокъ былъ болѣе тысячи, да и вчера недурно подработали...

Но всѣмъ арестованнымъ импонировалъ матросъ. «Нашъ матросъ», какъ его скоро съ гордостью стали всѣ называть. Его разсказы о привольной жизни, его перечисленіе добра, которое онъ уже скопилъ — дюжина золотыхъ портсигаровъ, множество колецъ, нѣсколько тысячъ деньгами... Его похвальбы, какъ онъ съ кучкой матросовъ разстрѣливалъ купцовъ въ Нижнемъ Новгородѣ... Наконецъ, его дѣло, по которому его арестовали: разбилъ бутылкой голову коменданту, который пріѣхалъ усмирять пьяную компанію — все это производило потрясающее впечатлѣніе, и матросъ былъ всеобщимъ кумиромъ. Даже степенные крестьяне относились къ нему съ отцовской снисходительностью, какъ къ удалому молодцу. Мой отказъ разговаривать съ матросомъ послѣ его разсказа о разстрѣлѣ купцовъ показался, вѣроятно, всѣмъ неумѣстнымъ, кромѣ, быть можетъ, самого матроса, который молча и какъ-то всегда смущенно замѣчалъ меня послѣ этого... Мое дѣло попало случайно въ руки земляка, который далъ ему бы-

стрый и благопріятный ходъ, и я вышелъ на свободу такъ же неожиданно, какъ попалъ въ чрезвычайку. Только денегъ своихъ я не могъ вернуть... За ними мнѣ пришлось опять ѣхать въ уѣздную чрезвычайку. Но тамъ прочли приказъ губернской чрезвычайки вернуть мнѣ деньги, поглядѣли на меня выразительно и сказали, что деньги уже отосланы въ казначейство, да и вообще неизвѣстно, согласится ли коллегія уѣздной чрезвычайки съ правильностью моего освобожденія, не только что возвращенія денегъ... Конечно, я былъ радъ скорѣе уйти. Къ счастью, въ рукавѣ были зашиты нѣсколько сотъ рублей керенками, не замѣченные при обыскѣ...

Москва и Петроградъ произвели неизгладимое впечатлѣніе. Въ особенности Москва. Петроградъ уже былъ мертвымъ, безнадежно мертвымъ городомъ. Занесенный снѣгомъ, но чистый и опрятный, онъ производилъ впечатлѣніе спокойнаго кладбища, гдѣ жители были лишь сторожами, недовольными своей должностью, но не пріискавшими еще новой службы. Москва же была еще только искаженіемъ прежней Москвы. Слѣды прежней бойкой, смышленой, энергичной жизни и предпріимчивости, дѣла и работы виднѣлись еще на каждомъ шагу. Но все это было уже побѣждено, валялось, какъ трупы на неубранномъ полѣ сраженія. А надъ всѣмъ этимъ уже высились надгробныя надписи:

«Совѣтская Лавка № такой-то»,

а въ лавкѣ сидѣлецъ-чиновникъ, стойко выносящій морозъ нетопленнаго и почти пустого, безъ товаровъ, помѣщенія.

Были, конечно, слѣды и положительнаго новаго. Нѣсколько разъ видѣлъ манифестаціи по

какимъ-то поводамъ: рабочіе и служащіе и красноармейцы шли сравнительно бодрой и веселой толпой, неся тяжелыя и пышныя красныя знамена. Рѣзали глаза своей пестротой футуристически-раскрашенные заборы — не то искры застывшаго взрыва, не то окаменѣвшій ужасъ, не то видѣніе потустороннягo, уже надвигающагося міра.

Но внѣшне тихо и прилично. Порядокъ полный и безопасность, быть можетъ, не меньшая, чѣмъ при старомъ строѣ. Но и она не радуетъ. И все кажется, что тихо только потому, что населеніе слишкомъ изголодалось, чтобы бунтовать, и воры слишкомъ отощали, чтобы заниматься своимъ ремесломъ.

Если на улицахъ тишина и порядокъ, то въ домахъ царитъ нужда. Страшная, которую издали нельзя понять. Ее, въ сущности, могутъ знать только тѣ, кто ее переживалъ, и лишь въ тотъ моментъ, когда переживалъ — потомъ самъ себѣ не вѣришь. Разсказывали и даже писали въ газетахъ, что мужъ убилъ жену, которая съѣла его «порцію» хлѣба... Но зачѣмъ такія кровавыя трагедіи? Въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ, за каждымъ «обѣдомъ» и «ужиномъ» происходили трагедіи величайшаго паденія человѣчности, когда близкіе люди ревниво слѣдили за каждымъ кускомъ, за каждой крошкой чернаго, наполовину съ овсомъ и отрубями хлѣба. Семейныя несогласія получали богатую и урожливѣйшую поддержку въ этой нищетѣ, гдѣ мысль была безсильна бороться съ паденіемъ души, заглушаемая властнымъ, все превозмогающимъ голосомъ животной неудовлетворенности. Даже въ сравнительно зажиточныхъ семьяхъ, среди представителей высшаго по тому времени чиновнаго міра мнѣ приходилось видѣть то же убожество

и нищету. Къ голоду присоединялся тогда еще холодъ — 8 градусовъ считалось уже очень хорошей температурой, но въ большинствѣ случаевъ она была 6 и даже 4. Чтобы судить о тѣхъ модификацiяхъ психики, къ которымъ приводилъ голодъ, достаточно указать, что въ городахъ дѣторожденiе прiостановилось совсѣмъ, такъ какъ половое безсилiе стало повседневнымъ явленiемъ.

Подъ гнетомъ такой нужды, конечно, вся духовная жизнь замерла, остановилась. Мысль все время поглощена вопросами добыванiя пищи и денегъ. Все остальное заслонено, подавлено этимъ, не вызываетъ ни особаго энтузiазма, ни радости. О призванiи, профессiи никто не думаетъ... Лишь бы прожить. Да и что дѣлать инженеру, если работаетъ десятокъ фабрикъ? Что дѣлать писателю, если нѣтъ ни прессы, ни возможности издать книгу? Или ученому, если нѣтъ ни нужныхъ препаратовъ, ни слушателей, ни всей атмосферы, создающей науку? Важно лишь заработать на двухъ или трехъ службахъ, по возможности такихъ, гдѣ выдаютъ не только деньгами, но и продуктами. Все неестественно, но все примирено съ неестественностью, какъ въ эвакуированномъ городѣ.

Вполнѣ возможно, что власть стремится къ самымъ хорошимъ цѣлямъ... Но въ ея рукахъ все превращается въ противоположность намѣченному.

Власть старается быть послѣдовательной и принципiальной. Но хлѣбъ исчезаетъ или низводится до такихъ микроскопическихъ порцiй, что становится сомнительнымъ его значенiе для питанiя.. Нацiанализированныя фабрики не работаютъ изъ-за отсутствiя сырья и матерiала, котораго едва хватаетъ даже для производства

«на военныя цѣли», или убогое, обнищавшее население должно покупать какіе-то подозрительные товары изъ-подъ полы по десятикратной стоимости... Національизированныя лавки превращаются въ неудобныя, никому ненужныя канцеляріи, гдѣ ничѣмъ не торгуютъ, а только пишутъ одинъ или нѣсколько чиновниковъ-бюрократовъ, замѣнившихъ толковаго хозяина и приказчика.

Видя, что жизнь не укладывается въ принципіальныя рамки, власть идетъ на уступки жизни и, въ отступленіе отъ основъ продовольственной политики, разрѣшаетъ отдѣльнымъ учрежденіямъ посылать своихъ представителей за продуктами въ деревню. Но это создаетъ лишь цѣлыя категоріи блуждающихъ и странствующихъ делегатовъ, которые, послѣ долгихъ поѣздокъ и траты массы денегъ, привозятъ такое незначительное количество продуктовъ, что выходитъ дороже, чѣмъ у спекулянтовъ.

Для того, чтобы спасти отъ голода дѣтей, рѣшаютъ отправить ихъ на югъ, въ Украину. Составляются широчайшіе планы о перевозкѣ не менѣе 200 тысячъ ребятъ — цѣлое переселеніе народовъ... Но комиссары разъѣзжаютъ взадъ и впередъ, «организуя» это дѣло до тѣхъ поръ, пока на самой Украинѣ, въ мѣстахъ избранныхъ для колоній, хлѣбъ пропадаетъ, или пока не становится яснымъ, что для перевозки нѣтъ достаточнаго подвижного состава.

Съ чрезвычайнымъ размахомъ рѣшаются на продолженіе начатыхъ прежнимъ правительствомъ работъ по орошенію Голодной Степи... и отпускаютъ на это дѣло на десять лѣтъ 30 милліардовъ, а на предварительныя изысканія 80 милліоновъ. Собирается даже партія инженеровъ и техниковъ и выѣзжаетъ на изслѣдованія. Но

въ Саратовѣ чрезвычайка заподазриваетъ, что это бѣлогвардейцы пробираются къ Колчаку — инженеровъ и техниковъ забираютъ и на мѣсяцъ засаживаютъ подъ арестъ. Съ трудомъ Москвѣ удается освободить своихъ сотрудниковъ. Но партія вынуждена вернуться обратно.

Серьезно принимаются за сооруженіе сѣвернаго пути. Но потомъ иниціаторы заподазриваются въ томъ, что производятъ какія-то недозволенныя дѣянія съ валютой или что-то въ родѣ этого, и дѣло кончается опять-таки арестами.

Иногда приходилось слышать, какъ участникъ той или иной совѣтской затѣи или начинанія говоритъ о своемъ дѣлѣ. Но начнешь внимательнѣе разспрашивать — и сразу видно, что этотъ энтузіазмъ напускной, не искренній, бюрократическій — вѣдь непріятно сознавать, что даромъ ѣшь хлѣбъ или числишься въ полублаготворительномъ архивномъ управленіи... Но при искреннемъ разговорѣ самъ энтузіастъ и подчасъ иниціаторъ соглашается: ничего не выйдетъ, только бумага, только изводъ денегъ.

Въ бумагу, если не въ кровь, превращается все въ рукахъ большевиковъ. И партія, войной внутри захотѣвшая добиться мира на фронтѣ, достигла лишь того, что война проникла во всѣ поры народной жизни, нищета, разореніе, разрушеніе и непроизводительный трудъ, бывшіе ранѣе только въ ограниченной области, на театрѣ военныхъ дѣйствій, охватили всю страну.

Общественныя настроенія — соотвѣтствующія обстановкѣ. О какой-либо рѣшительной и дѣйственной оппозиціи нечего было и говорить. Всѣ слишкомъ изголодались, исхудали. Казалось, населеніе могло массами умирать. Но оно не могло бунтовать, ни даже лишать себя жизни

добровольно: для этого уже не хватало ни силъ, ни темперамента. Всякія рѣчи о самодѣятельности — отскакивали, какъ горохъ о стѣну. О какой-либо серьезной анти-большевистской акціи говорить не приходилось и по техническимъ причинамъ: никакая организація не была мыслима. Почтовыя сообщенія были ненадежны, если даже и функціонировали. Поѣздки превратились въ такую пытку, что на нихъ можно было рѣшаться только въ случаѣ крайней и безысходной нужды. Печать была абсолютно недоступнымъ дѣломъ, такъ какъ, не говоря о полицейскихъ препятствіяхъ, не было бумаги, которая отпускалась только по карточкамъ на строго опредѣленныя надобности.

Но зато, какъ всегда у слабыхъ людей, разгуливалась фантазія. Всякое извѣстіе, поступавшее черезъ совѣтскую печать или по слухамъ, которые въ изумительномъ количествѣ и замѣчательномъ разнообразіи распространялись всюду, комментировалось самымъ тщательнымъ и всегда безсовѣстно-оптимистическимъ образомъ. Завтра англичане возьмутъ Петроградъ, завтра союзники придутъ съ сѣвера и прогонятъ большевиковъ изъ Москвы... Колчакъ готовъ къ наступленію, Деникинъ уже идетъ... И все на фонѣ безсильной, фанатической ненависти къ большевикамъ.

Въ болѣе лѣвыхъ кругахъ не было даже этой опредѣленности настроенія. Ни съ большевиками, ни противъ большевиковъ... Ни съ Антантой, ни противъ ея... Ни съ Деникинымъ, ни противъ Деникина. Ни участвовать въ гражданской войнѣ, ни возражать противъ нея. Противъ всякаго рѣшенія и предложенія туча давно извѣстныхъ, въѣвшихся соображеній, которыя неуклонно и всегда приводили къ неизмѣнному:

«Нѣтъ»... Полная пассивность, даже безъ выжиданія, безъ надежды; психологія безысходно заблудившагося человѣка, которому всѣ тропинки знакомы, такъ какъ всѣ приводятъ неизмѣнно въ глубь той же самой безысходной чащи.

Но наибольшее впечатлѣніе произвели настроенія не лѣвыя и не правыя, а женскія. Они были особенныя, отчетливо иныя. Прежде всего — максимумъ энергіи и мужества. Вотъ жена товарища, умершаго отъ испанки во время вынужденныхъ скитаній и подпольной жизни въ борьбѣ съ большевизмомъ. Трое ребятъ, и приходится одной справляться со всѣмъ. Тащитъ молоко, которое откуда-то достаетъ для дѣтей, а однажды принесла на своихъ плечахъ цѣлый мѣшокъ картофеля. По ночамъ пишетъ книгу — заказъ какого-то комиссаріата. И все смотритъ на себя подозрительно: нѣтъ ли признаковъ отчаянія, нѣтъ ли упадка духа, достаточно ли духовной силы проявляетъ въ жизни... Вотъ другая, одно имя которой заставляетъ руководителей чрезвычаекъ оскаливать зубы отъ ярости.. Но она отказывается покинуть Россію, и съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ которымъ встрѣтила захватывающее счастье въ жизни, теперь встрѣчаетъ ея удары, вынужденная служить въ какомъ-то учрежденіи, работать на ребятъ и подрабатывать набивкой папиросъ. — А чѣмъ хуже та, которая въ началѣ не понимала войны? Ея мужъ, офицеръ-доброволецъ, пошедшій на войну противъ ея воли, вынужденъ былъ бѣжать, оставивъ ее безъ средствъ съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ и двумя больными и беспомощными старушками на рукахъ. Но она поглощена утренней и вечерней службой, бодро учитываетъ крошки хлѣба. И не принявшая, не простившая

людямъ войну, даже не произноситъ такое заслуженное и всѣми событіями подтвержденное: «Я вѣдь говорила»... И хотя красноармейцы съ регулярностью явленій природы приходятъ съ обысками, ищутъ мужа, уволакивая при этомъ небольшіе остатки такъ насущно необходимаго добра — нѣтъ ни мысли о новой, внутренней войнѣ. Быть можетъ потому, что опять не вѣритъ, и не понимаетъ. — И въ ихъ настроеніи, я улавливалъ, проскальзывала жажда мира. Не мира-уступки, не мира-признанія безсилія. Но мира какъ прощенія, какъ встрѣчи какого-то давно ожидаемаго праздника любви.

И мнѣ показалось, что то же слышалось въ словахъ одного изъ крупнѣйшихъ, отважнѣйшихъ и широко воспринимающихъ всю стихію русской жизни политическихъ дѣятелей — женщины. Послѣ образнаго, яркаго и пламеннаго изображенія всѣхъ недочетовъ большевизма, вдругъ въ заключеніе послышались нотки материнской тоски о мирѣ земли русской и готовности для этого мира переносить еще большее. «Быть можетъ, еще послѣднія пять минутъ истекаютъ, когда возможна работа отъ большевиковъ, безъ вооруженной борьбы съ ними. Но будутъ ли использованы эти пять минутъ?»

Это не было ни опредѣленнымъ желаніемъ, ни тенденціей: вся политическая линія была въ иномъ направленіи. Но это была какая-то завѣтная мысль русской жизни, мятущейся и клубящейся въ безысходномъ недугѣ. Да и болѣе другихъ она понимала, что было бы чудомъ такое явленіе мира. Слишкомъ много ненависти накопилось, чтобы миръ наступилъ, пока имѣется хоть одна заряженная винтовка, хоть одинъ не взорванный снарядъ.

Но я, кажется, былъ достаточно тактичнымъ.

И о планахъ внутренняго возстанія съ ней я уже не говорилъ.

И странныя мысли были во мнѣ, когда я изъ Москвы ѣхалъ въ Петроградъ. Кто виноватъ во всемъ этомъ?

Большевики?

Это вѣрно, что большевики теперь разрушаютъ... Но вѣдь начали разрушеніе, или, во всякомъ случаѣ, пріяли его прежде мы сами. Если фабрики и заводы теперь стоятъ, то это, быть можетъ, лучше, чѣмъ если бы они продолжали попрежнему работать «на оборону», превращая въ снаряды, пушки и снаряженіе человѣческій трудъ и богатство.

Большевики убиваютъ? Ну, а мы развѣ не убивали? Вѣдь сколько восторгались мы передъ казакомъ Крючковымъ, заколовшимъ лихо нѣсколькихъ австрійцевъ. Что же удивляться, что теперь «казаки Крючковы» скачутъ по всей странѣ, убивая налѣво и направо. Развѣ не мы произносили 4 долгихъ года слова ненависти, разрушенія и смерти?... Что же удивляться, что народъ научился и ненавидѣть, и разрушать, и убивать....

«Выбора не дано: смертная казнь тому, кто не хочетъ сражаться за землю и волю» — такъ, кажется, говорили мы?... И гнали людей убивать, и даже заставляли ихъ при томъ улыбаться. Вотъ они и сражаются теперь по-своему за землю и волю съ тѣмъ противникомъ, который болѣе понятенъ и ненавистенъ и близокъ имъ. Иногда даже не за землю и волю, а просто за золотой портсигаръ... Но развѣ тутъ большая разница?...

«Мы защищались»... Но и нашъ противникъ защищался тоже, и исторически оказалось, что ему угрожала бо́льшая опасность... Но вѣдь

и большевики тоже защищаются. И террор и массовыя казни появились лишь послѣ того, как мы им объявили войну.

Большевики разогнали Учредительное Собраніе. Но старое правительство разогнало первую Думу, и мы все же не пошли на вооруженную борьбу с ним. А Учредительное Собраніе мы сами «доразогнали», если не физически, то морально.

Большевики «предали» націю в Брестѣ... Но не оправдает ли их исторія? Выяснено ли уже с достовѣрностью, кто больше разбил нѣмцев, танки западных союзников или впечатлѣніе большевизма на солдатских массах противника? Я, вѣдь, видѣл в Литвѣ этих солдат до пораженія на фронтѣ и знал уже, что они не могут побѣдить.

Культура, нація, право... Но тут, в ярких словах и лозунгах, мы должны дать дорогу большевикам: тут за ними нам завѣдомо не угнаться... Первыя слова всегда останутся за ними.

Все это были, конечно, мимолетныя мысли, не имѣющія практическаго значенія. Слабость, усталость и больше ничего.

Глава пятая.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЪ РОССІИ.

Когда я вернулся въ Кіевъ, тамъ уже были большевики. Съ каждымъ днемъ становилось меньше хлѣба и больше войны. Недавно поражавшее изобиліе всѣхъ благъ земныхъ — исчезло, какъ по злому волшебству. Дороговизна — невѣроятная.

Пробовалъ пойти по мирной дорогѣ кормленія населенія и сталъ служить въ продовольственной управѣ. Но оказалось, что и продовольственное дѣло сводится къ военному. Большевики уже раньше совѣтовали рабочимъ, которые жаловались на дороговизну хлѣба, — взять винтовку и итти въ деревню за хлѣбомъ. Но и сама администрація была построена на военный ладъ, и вводимые комитеты бѣдноты въ деревнѣ и классовый паекъ въ городѣ означалъ не что иное, какъ войну при добываніи хлѣба и войну при распредѣленіи его. А иногда война и непосредственно врывалась въ наши канцеляріи... Какъ-то разъ отрядъ коммунистовъ, усмирявшихъ сосѣднихъ крестьянъ, угрожая разстрѣломъ, требовалъ отъ насъ снабдить ихъ немедленно всѣми продуктами, такъ какъ они торопятся на дѣло, и имъ некогда ждать...

Литературная дѣятельность? Но газетъ

нѣтъ... Пробовалъ издавать рукописный листокъ... Но получались только военные антибольшевистскіе бюллетени, такъ какъ иныхъ свѣдѣній не было, да никто ничѣмъ инымъ и не интересовался, какъ только возстаніями крестьянъ, безпорядками рабочихъ, бунтами солдатъ, продвиженіемъ Колчака и положеніемъ фронта Деникина. Стоило ли закаливать нервы, печатая на гектографѣ эти свѣдѣнія по сосѣдству съ чрезвычайкой, подъ аккомпаниментъ ночныхъ короткихъ залповъ, подвергая риску семью и знакомыхъ... Вѣдь обыскъ былъ уже въ квартирѣ наверху и въ квартирѣ внизу...

Политическія бесѣды? Страстныя, ожесточенныя — вѣдь дѣло шло всегда о войнѣ, о дѣйствіи оружіемъ. Вѣдь даже формулу привѣтствія мы, озлобленные и негодующіе, выбрали соотвѣтственную: одинъ говорилъ — «Въ морду», а другой отвѣчалъ — «Собственными руками»...

Кое-кто сталъ поговаривать о необходимости опять «взяться за шашку» и пойти на одинъ изъ фронтовъ. Но на какой? Ихъ такъ, вѣдь, много — около пятидесяти на Руси. Такъ много, что, въ концѣ концовъ, можно выйти на Крещатикъ и просто стрѣлять въ толпу съ увѣренностью, что къ какому бы фронту вы сами не принадлежали — вы попадете въ противника, въ сторонника другого фронта — или въ украинца, или въ большевика, или въ сторонника крайней реакціи...

И главное — всѣ фронты составляютъ лишь осколки прежняго цѣлаго, обломки единой политической правды. На каждомъ изъ нихъ имѣются лично знакомые люди, которымъ я вѣрю не менѣе, чѣмъ самому себѣ, и которые теперь

искренне и честно думаютъ, что благо народа и даже человѣчества зависитъ именно отъ побѣды ихъ линіи поведенія. Куда же мнѣ пойти? Къ Деникину, представителю военно-національной идеи, съ которымъ шла работа въ теченіе всей войны, и вмѣстѣ съ большинствомъ моихъ друзей бороться съ большевиками за то, что они исказили идеи революціи? Или къ литовцамъ, такъ какъ я по происхожденію литовецъ, и вмѣстѣ съ друзьями дѣтства отстаивать независимость Литвы? Или пойти къ украинцамъ, на чьей гостепріимной территоріи я находился, и которые тоже бились съ большевиками? Или къ донцамъ, по знакомству съ Красновымъ, который приметъ прежняго комиссара гостепріимнѣе, чѣмъ непреклонный Деникинъ? Или къ грузинамъ, которые отстаиваютъ близкія мнѣ идеи самоопредѣленія народовъ, и гдѣ работаютъ бывшіе соратники — Церетелли и Войтинскій? Или къ Колчаку и Дидерихсу, торжественно продвигающимся къ Волгѣ? Или къ ихъ противникамъ въ Сибири, которые не могутъ простить ему разгонъ Директоріи, изгнаніе изъ Россіи моихъ друзей? Или къ полякамъ — вѣдь мой родной языкъ польскій. Или въ Одессу, гдѣ были французы, передъ военнымъ геніемъ которыхъ я всегда восхищался? Или въ Архангельскъ къ англичанамъ, первенство культуры которыхъ я всегда признавалъ и гегемонію въ мірѣ давно предчувствовалъ и ожидалъ? Или къ нѣмцамъ — вѣдь я въ началѣ войны собирался защищать ихъ, если война закончится разгромомъ не ихъ милитаристическаго правительства, а самого народа? Или, наконецъ, къ большевикамъ — вѣдь они остатки русской свободы и революціи, у нихъ мнѣ былъ бы предоставленъ наибольшій просторъ, и даже въ военной средѣ

тамъ я нашелъ бы людей, къ которымъ отношусь съ полнымъ уваженіемъ.

И что собственно значатъ эти безстрастныя, иронизирующія сомнѣнія? Распадъ старой правды? Или отзвуки новой? Или просто усталость? Или я человѣкъ «безъ тѣни»?

Я получилъ возможность уѣхать изъ Россіи. Но война шла по пятамъ.

Въ Варшавѣ встрѣтилъ поляка, о которомъ вспоминалъ въ началѣ и который когда-то съ такой пламенной вѣрой говорилъ о Россіи. Теперь же онъ о Россіи отзывается съ ироніей и даже безъ горечи. Но съ пламенной вѣрой, юношескимъ воодушевленіемъ говоритъ о побѣдоносной польской арміи.

Встрѣтилъ знакомую, такъ тонко и ясно воспринимавшую раньше Божій міръ... Теперь она въ страшной нуждѣ: война разорила всю семью и разметала по всѣмъ концамъ земли. Мужъ — выбитый изъ колеи студентъ. Но духъ бодръ, и рѣчи тѣ же: о доблести польской арміи и о врагахъ, окружающихъ Польщу — Литвѣ, Россіи, Украинѣ, Чехіи, Германіи... Въ послѣднее время къ врагамъ Польши явно начинаютъ присоединяться Англія и Америка... Но польскіе легіоны — удивительны. Кромѣ того, они — средство отъ безработицы.

Въ Германіи — ненависть къ побѣдителямъ и фантастическіе планы и способы подготовки «реванша»: съ Россіей — блокъ побѣжденныхъ противъ побѣдителей; съ Франціей — противъ коварной Англіи; съ Англіей — противъ человѣконенавистнической Франціи.

Во Франціи — недовольство тѣмъ, что не добили нѣмцевъ, и что «съ каждымъ днемъ становится жить труднѣе»...

Въ Англіи — ростъ цѣнъ, жизнь все тяжелѣе, а въ газетахъ разсужденія, что война прошла и кажется совсѣмъ не страшной.

Ну а во мнѣ самомъ? Видѣлъ въ Варшавѣ демонстрацію безработныхъ съ нѣкогда дорогимъ краснымъ флагомъ... Видѣлъ пулеметы, выставленные противъ демонстрантовъ, видѣлъ солдатъ, перегораживающихъ дорогу. И думалъ: почему пулеметы не дѣйствуютъ и ружья не стрѣляютъ? Вѣдь пора! Развѣ не довольно опытовъ «слабой власти»?...

Нѣтъ, отъ войны не уйти, пока она остается въ душѣ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло ровно пять лѣтъ съ того момента, какъ государство, въ которомъ я жилъ, своимъ психологическимъ аппаратомъ, который не менѣе властенъ, чѣмъ аппаратъ физическаго принужденія, втянуло меня въ войну. Пять лѣтъ прошли въ напряженной разнообразной работѣ, при чемъ я добросовѣстно отдавалъ всѣ свои силы государству. И теперь, выбравшись изъ-подъ развалинъ этого государства, вспоминая свою дѣятельность, я спрашиваю себя: что было сдѣлано мною за это время дѣйствительно полезнаго? И, къ моему изумленію, несмотря на искреннее стараніе, я не припоминаю ничего...: Говорятъ, правда, что крестьяне деревни Верегья устроили баню въ одномъ изъ убѣжищъ, построенномъ мною на склонахъ горы. Но вѣдь я знаю, что изъ того же матеріала и тѣми же силами можно было построить нѣсколько бань, и при томъ болѣе удобныхъ. Между тѣмъ, больше ничего припомнить не могу. Остальные дни и мѣсяцы напряженной работы, энергія моихъ мозговыхъ клѣтокъ, средства и силы, бывшія въ моемъ распоряженіи, превратились въ уродливые, уже, конечно, развалившіеся окопы, въ разрытыя и испорченныя поля, въ безполезно зарытый лѣсъ... Потомъ — въ груды бумаги, воззваній, въ проповѣдь вражды и убійства на фронтѣ, давшую такіе богатые плоды въ гражданской войнѣ, которая до сихъ

поръ опустошаетъ и сжигаетъ въ странѣ то, чего не успѣла выжечь и разорить война.

Быть можетъ, я чего-нибудь не додѣлалъ? Быть можетъ, мнѣ во время войны надо было самому итти въ пѣхоту и самому стрѣлять въ противника? Но я теперь живу въ странѣ противника... И у меня нѣтъ раскаянія, когда я вижу живого, неискалѣченнаго нѣмца или веселую, такъ наивно другъ съ другомъ любезничающую пару. Я радъ, что я самъ не произвелъ ни одного физическаго выстрѣла въ сторону противника: вѣдь выстрѣлъ могъ попасть въ этого человѣка... И впредь стрѣлять не буду!

Быть можетъ, вина моя въ томъ, что во время революціи я былъ недостаточно суровъ, какъ представитель власти? Если правые круги обвиняютъ Керенскаго въ томъ, что онъ не разстрѣлялъ Ленина, а лѣвые — что не разстрѣлялъ Корнилова, то вѣдь свою долю этой вины несу и я. Но я упоренъ въ винѣ, радъ ей и даже горжусь.

Но я не знаю не только моей вины, но даже того, чего именно я не достигъ. Государственной власти для себя или моихъ друзей, основываясь на маккіавелевской неразборчивости, или «кровью и желѣзомъ», какъ говорятъ теперь? Но я былъ и остаюсь врагомъ такой власти и, во всякомъ случаѣ, считаю ее ненужной: новое человѣчество нуждается въ иныхъ формахъ взаимоотношеній, чѣмъ слѣпое повиновеніе изъ страха передъ смертью или тюрьмой.

Или, быть можетъ, нужно было достичь того, чтобы Россія могла имѣть мѣсто за Версальскимъ столомъ побѣдителей? Но вотъ мнѣ теперь кажется, что какъ ни ужасенъ и безобразенъ русскій конецъ войны, онъ все же лучше мира, за-

ключеннаго союзниками. Онъ современнѣе. 10 милліоновъ людей, воткнувшихъ штыки въ землю и повернувшихся спиной къ вооруженному до зубовъ противнику, — это современнѣе, чѣмъ американскіе танки. Это, конечно, нелѣпо, но это соотвѣтствуетъ нелѣпости веденія войны въ эпоху, когда люди могутъ сооружать такія могущественныя и чудесныя машины, какъ танки и аэропланы. Болѣе того, я иногда думаю, что русскій нелѣпый и безобразный миръ даже выгоднѣе, чѣмъ Версальскій... И, припоминая толпы нашихъ пьяныхъ дезертировъ, я, все же думаю, что эти толпы безсознательно шли по исторически правильному пути, ибо они, дѣйствительно, хотѣли закончить войну. И если они не сдѣлаютъ этого, то только потому, что мы, интеллигенція, не хотимъ или не умѣемъ помочь имъ...

Берлинъ, 10-го января 1920 года.

